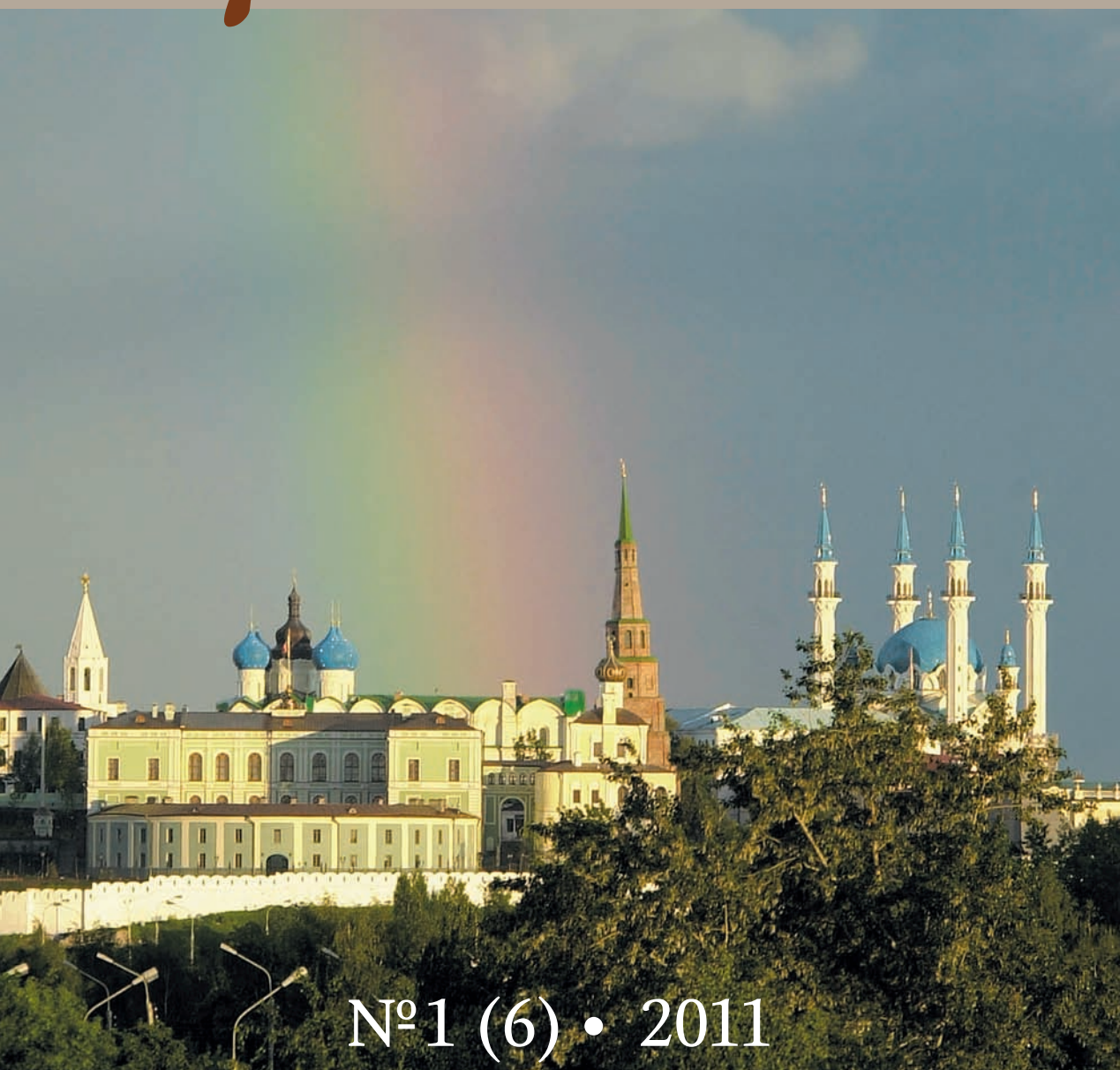

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№1 (6) • 2011

*Памятник Марине Ивановне Цветаевой
в городе Елабуге (Республика Татарстан).
Скульпторы: А. Головачёв, В. Демченко*

*Памятник Сергею Тимофеевичу Аксакову
в селе Надеждине (Белебеевский район,
Республика Башкортостан)
Скульптор: И. Миско*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 1(6) • 2011

***...народ и его язык находятся в такой органической связи,
что один без другого не может существовать.***

Николай Дорожкин

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
правления Союза российских писателей;

Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Муратов Марат Яшарович — руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Переверзин Иван Иванович — председатель правления
Международного сообщества писательских союзов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)

Николай Беляев (*Владимирская область*)

Наталья Вердеревская (*Елабуга*)

Александр Воронин (*Казань*)

Лилия Газизова (*Казань*)

Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)

Владимир Ермаков (*Орёл*)

Диана Кан (*Новокуйбышевск*)

Сергей Кузнецихин (*Красноярск*)

Михаил Кураев (*Санкт-Петербург*)

Рамиль Сарчин (*Казань*)

Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Михаил Чванов (*Уфа*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Учредитель

ОАО «ТАТМЕДИА»

Издатели Татарстанское отделение
Союза российских писателей
и Союз писателей Республики Татарстан

Главный редактор Николай Алешков

Заместители главного редактора Ольга Кузьмичёва-Дробышевская,
Вера Хамидуллина

Редактор-корректор Алла Орехова

Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов

Художник Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке Михаил Медведев

Об «Аргамак» и не только...

Главному редактору альманаха
«Аргамак. Татарстан»
Николаю Алешкову

Глубокоуважаемый коллега!

Дорогой тёзка!

Огромное спасибо за «Аргамак». С удовольствием прочитал № 2(4) за этот год. Невысказанное слово в человеке есть «раб». И чтобы не тяготиться его заточением, хочу высказать некоторые свои впечатления от прочитанного.

Николай! У руля каждого серьёзного литературного издания должны находиться талантливые и равнодушные к литературе люди. Тому несть числа примеров. Из недалёкого прошлого взять хотя бы А. Т. Твардовского.

Вы взяли ту же планку, только на другом срезе времени, другом мироустройстве и порядке в российском государстве. А это — не менее сложная задача и ко многому обязывающая. И, судя по последним номерам, вы с этой тяжёлой ношей успешно справляетесь. Не считите сказанное за панегирик — сам работал многие годы в издательстве и журналах, кое-что знаю о нашем рискованном ремесле, не всегда благодарном. К тому же сужу об этом по ряду московских и питерских журналов-толстячков, которые с изначальной соровской подсказки публикуют только своих, а чужих — ни-ни... Они постепенно разделились как бы на многочисленные секты и секточки. И что тому виной: нынешнее экономическое бремя или новая кастовая принадлежность? — неизвестно... А по-моему, просто и ясно — извечная человеческая зависть: не пущать всё талантливое!

В вашем же издании — всё наоборот. Страницы альманаха широко и гостеприимно открыты любому свежему слову. И география пишущих многонациональной России велика. Так что Набережные Челны со временем вполне могут называться литературной столицей нашей Родины, ни в чём не уступающей ни Москве, ни Санкт-Петербургу. В этом я твёрдо убеждён.

Ведь в альманахе «Аргамак» объёмно и достойно представлены различные школы и направления в прозе и поэзии, яркая и бескомпромиссная публицистика, переводы собратьев по перу, новые работы художников, обзор книжных новинок и, конечно, талантливый литературный подрост. А как же без него завтрашней литературе?

В каждом номере читатель непременно может найти для себя «эксклюзивный» материал...

Лично для меня явились настоящим открытием стихи Николая Перовского. Пронзительный лирик, со своим неповторимым рисунком души. Жаль, что наши литературные пути не пересекались при его жизни. А вполне могли бы...

Я ещё мог бы отметить многих прозаиков и поэтов — Наиля Ишмухаметова, Геннадия Александрова, Михаила Чванова, Евгения Семичева, Сергея Кузнечихина, полный глубоких раздумий и боли очерк Юрия Корнева «Записки «пожилого» учителя» о реформировании сегодняшней школы.

Очень хорошо, что «Аргамак» вспомнил Арво Метса — не оценённого по достоинству современниками. Чудесный поэт и человек! Все эти материалы по-настоящему задели сердечные струны.

Отдельно хотелось бы сказать о прекрасном оформлении альманаха, не забытых сплошным текстом полосах, высоком полиграфическом исполнении.

Удачи Вам, Николай!

В личном творчестве и во благо российской словесности.

Дружески

***Ваш тёзка — Николай Красильников,
Москва***

* * *

Николай, спасибо за журнал — за то, что он есть и что он такой! Такой классический по структуре (что в наш расхристанный век особенно дорого), такой уравновешенный в жанровом отношении, такой широкий по тематическому спектру, такой заботливый к провинциальным (но отнюдь не периферийным!) авторам и внимательный к новым именам. Просто удивительно, насколько чётко и полно с первых номеров сложился формат литературного журнала с общественным значением! Знаменательна обложка: органичное соединение в кадре христианской, исламской и светской архитектуры в ансамбле Казанского кремля — вот естественное наглядное обоснование того, что всероссийский журнал базируется именно в Татарстане.

Спасибо за честь сопричастности; я не знаю, насколько смогу быть полезным Вам в редакционной коллегии, но право сотрудничества с Вами мне дорого и ценно в человеческом и профессиональном плане.

Надеюсь, что судьба издания сложится счастливо, и жду следующих номеров. Этот номер я получил от Лидии Ивановны Перовской, которая очень дорожит памятью о Вашей дружбе с Николаем Михайловичем и ещё раз свидетельствует Вам через меня свою признательность.

С уважением — Владимир Ермаков

* * *

Дорогой Николай Петрович, здравствуй!

Альманах получил. Спасибо за публикацию и за поздравления с юбилеем. Переслал тебе по электронной почте статью «После неистового Виссариона». В следующем году — 200 лет В. Белинскому. Пусть она не покажется тебе резкой. Эти акценты уже давно должны быть расставлены. Надо ведь как-то выходить из нашего литературного безвременья. В связи с этим обрати, к примеру, внимание на выступление в «Литературной газете» Ларисы Васильевой (№ 27, 2010). Без устранения тех несправедливостей, которые всё ещё делятся из XIX и XX веков, тут никак не обойтись. Время для этого пришло.

Теперь о твоём альманахе. Он обладает у тебя очень интересной особенностью: читая материалы, хочется их обсуждать с авторами, порой даже спорить. А это значит, что в них затрагиваются некие очень важные аспекты нашего бытия. Поддерживай этот дух обсуждения, так как самое печальное для литературного издания — это равнодушие...

«Аргмак», видимо, одно из немногих изданий, вспомнивший о 210-летию первого издания «Слова о полку Игореве». Имею в виду поэтическое переложение его Петром Прихожаном. Мне было интересно прочитать этот перевод, так как давно «болею» «Словом», ну и как автор книжки «В поисках града Тмутаракани» о древнерусской поэме. И тут же хочется вступить с переводчиком в обсуждение, оспорить его тезис о том, что «текст «Слова» явно пропитан язычеством». Серьёзные исследователи давно уже пришли к выводу, что это глубоко христианская поэма. Вот доводы: всякий раз, когда автор называет языческих богов, он добавляет слово внуце (внуки). К примеру, «Стрибоже внуце», т. е. говорит о них не прямо, а опосредованно. Да и весь текст поэмы построен как молитва, даже заканчивается словом «Аминь». Да и в тексте цель похода — «побарая за христианы...»

С интересом прочитал статью Владимира Ермакова об интеллигенции. И опять-таки хочется и пообсуждать эту, столь важную для России проблему, и с чем-то поспорить. Тут никак не обойти тот факт, что интеллигенция в России «традиционно» — не образованная часть общества, а наиболее идеологически озабоченная его часть. Об этом писал философ Георгий Федотов ещё в 30-х годах минувшего века. Это часть общества с революционным, а не традиционным сознанием. И поставившая себя с народом в отношения борьбы, о чём писал А. Блок: «Интеллигенция»...опять-таки особую рода соединение, однако, существующее в действительности и, волею истории, вступило в весьма знаменательные отношения с «народом», со «стихией», именно — отношения борьбы». Наши выдающиеся писатели не были «интеллигентами», не носили «интеллигентского мундира», их туда и не допускали — ни Ф. Достоевского, ни Л. Толстого. «Интеллигентов» — революционеров нисколько не смущало то, что лучшие люди — не с ними...

А. Блоку не подавали руки «интеллигенты», бросившие народ и убежавшие за рубеж, не за то, что он призывал слушать музыку революции, а за то, что в статье «Интеллигенция и революция» он беспощадно и точно обличал интеллигенцию, звавшую народ к топору, словно не понимая, чем это обернётся. А когда всё произошло, испугались и не считали себя к этому причастными: «Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастием ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругами и кричать: «Ах, ах, сгорим!» (А. Блок).

После краха 1917 года, как и после великой революции, произошла смена элит, о чём тоже убедительно писал Г. Федотов. И в советский период истории сформировалась трудовая народная интеллигенция, которая была по сути подавлена, даже частью уничтожена после «демократической» революции нашего времени... Не русская идея исчерпала себя и не конец нашей истории наступает, а произошла смена «интеллигенции», — таков уж закон всякой революции... А потому о нынешней «интеллигенции» можно сказать разве что стихами замечательного поэта Николая Зиновьева:

*Пусть не всегда была ты стойкой,
И горькую пила украдкой,
Но всё же ты была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.*

Поразительный факт, подтверждающий это положение: в прошлом году исполнилось 100 лет знаменитому сборнику об интеллигенции «Вехи» (М., 1909), предсказавшему революции. Дискуссии в нашем обществе к этому юбилею не получилось. И тогда я решил выступить составителем нового сборника «Новая смена вех», а не «Новые вехи» (это — принципиально). Обратился к лучшим умам России. И вдруг с ужасом обнаружил, что сборник такой не получается, какая-то анемия и остановка и мысли, и жизни...

И тогда мне пришлось выпускать свой авторский сборник «Когда же произойдёт смена вех? Новая смена вех»). Высылаю этот сборник. Может быть, покажешь его своему автору Владимиру Ермакову.

Выпускаю также седьмой выпуск своего альманаха «Солёная подкова».

Твой Пётр Ткаченко, Москва

* * *

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

Получили уже в четвёртый раз Ваш прекрасный «Аргамак». Все выпуски читали от корки до корки, что называется, не отрываясь.

Очень радует многоплановость содержания, прекрасное оформление.

Мы считаем, что это одно из лучших изданий России. Особенно радует исключительно бережное отношение к чистоте русского языка.

Желаем «Аргмаку» и далее бодро резвиться (ведь аргмак же!) на просторах России нам всем на радость.

Сердечно приветствуем!

Ваши кемеровчане

* * *

Уважаемый Николай Петрович! Огромное спасибо за публикацию моего рассказа в «Аргмаке» и за посылку. Два экземпляра я подарил в центральную библиотеку Железногорска, один — в краеведческий музей. Железногорские соратники по перу из литобъединения «Автограф», коим я руковожу, взялись читать. Я попросил их выделить, что понравилось особенно, и вышлю Вам отзывы. Сейчас собираем 5-й выпуск своего альманаха. Он, правда, выглядит победнее «Аргмака», так как издаём мы его за свой счёт, а иногда на пожертвования. Скоро вышлю Вам пару номеров. Если найдёте, что в нём не позорно печататься, приглашаем к сотрудничеству Вас и Ваших авторов. Если будете в наших краях, прошу в гости! Всегда буду рад!

***Геннадий Александров,
Железногорск, Курская область***

* *
* *

Николай! Ваше дело по изданию «Аргмака» — правое. Если не вы, то кто? А вы уже доказали, что можете. На вас вся Россия с надеждой смотрит по этому поводу. Так что отступать вам некуда. Кстати, мне очень понравились стихи Евгения Семичева. Настоящий русский поэт. Юмор замечательный. Тимура Алдошина стихи мне давно нравятся, но, насколько я знаю, он больше увлечён кино, поэтому до поэзии руки у него по настоящему не доходят. Фраза Евгения Пospelова «Любовь моя верней любой собаки» меня очаровала. В жизни второй раз вижу столь яркое определение любви. Первый раз — «Любовь точна, как Чингачгук», — автора сейчас и не вспомню. А жаль. До свидания!

Ольга Журавлёва, г. Киров

* *
* *

Дорогой Николай Петрович!

Примите мои соболезнования в связи со смертью моего однополчанина по иркутской «Бригаде» Петра Прихожана. Очень, очень сожалею!!! У меня в душе была надежда, что мы с ним сможем перекинуться письмами, что-то рассказать друг другу о минувшем и настоящем. Ведь с тех пор, как он уехал из Сибири, прошло около сорока лет. И вот, к сожалению, исполниться этим желаниям не довелось. Низкий, земной поклон Петру Борисовичу! И да пусть земля будет ему пухом!

Николай Петрович, я благодарен вам за Ваши добрые слова о моих стихах. Конечно же, прежде всего печатайте стихи, а не «Слово о полку Игореве». Вопросов нет. И ещё просьба — сообщите мне Ваш домашний адрес. Я пришлю Вам свою новую книгу «Русский крест», которая вышла недавно в Москве в молодогвардейской серии «Золотой Жираф».

Читаю с удовольствием Ваш журнал, встречаю много знакомых и дорогих мне имён. Например, Николая Рачкова, с которым мы давно дружим и переписываемся. Он бывал у нас в Иркутске по приглашению Валентина Григорьевича Распутина на наших знаменитых праздниках «Сияние России». И вообще, он один из лучших русских поэтов. Читаю много других замечательных стихов, открываю новые имена, которых до этого не знал. Дай Бог Вашему журналу мудрого, вдумчивого читателя, понимания властей, от которых теперь многое зависит, и, прежде всего, финансовая поддержка. Никуда не денешься. Такова жизнь во всей матушке России. И особенно она трудна у писателей.

Дай Бог Вам здоровья и мужества!

Искренне Ваш Владимир Скиф, Иркутск

* *
* *

Здравствуй, Николай!

Принёс с почты новый «Аргмак», а в нём — наш с Чешегоровым сибирский татарин + доброе слово о «Складчине». Спасибо! Мне кажется, уважаемый коллега, надо для следующих номеров усилить раздел художественной прозы. Это вообще никогда и никому не помешает, т. к., на мой взгляд, в литературном издании именно этот раздел — самый главный. В нашем же случае (т. е., в случае «Аргмака») художественная проза пока далеко не главенствует. Впрочем, может, я излишне придиричусь.

Жму руку.

Александр Лейфер, Омск

Ответ:

Здравствуйте, уважаемый Александр!

Совершенно с Вами согласен по поводу необходимости «усилить раздел художественной прозы» — впрочем, не только «Аргамак», но, думаю, и «Складчине». Это — дважды два! Что поделаешь! Высокохудожественная проза пока и из Омска не пришла. Впрочем, мне не стыдно за рассказы Ивана Юлаева и Ольги Журавлёвой в № 1(3) и за рассказ Геннадия Александрова в № 2(4). А повесть Михаила Чванова (хоть она и документальная) вообще считаю большой удачей. Другое дело, что всё это может оказаться не в Ваших личных предпочтениях, но тут уж всем, извините, не угодишь.

Вместе с тем я благодарен Вам за сотрудничество.

Всего Вам доброго!

Николай Алешков

* * *

Согласен с Вами, Николай, — на вкус и цвет товарищей нет. Помню, по поводу номера № 1(3) я поспорил с Олей Кузьмичёвой — тоже о помещённой в нём художественной прозе. Я говорил ей, что никаких претензий к каждому из рассказов этого номера у меня, как у читателя, нет — к каждому в отдельности. В том числе и к рассказам Юлаева и Журавлёвой. Но все рассказы этого выпуска «зашукшиненные», когда прочитаешь их подряд, один за другим, то создаётся впечатление, будто мы опять доказываем городу и миру, что умом Россию не понять, что все мы — чудики. И именно этим сильны. Тут уже не только о литературе идёт речь. А о том, что, может, хватит гордиться своей дуростью?

Помню, в крутые перестроечные времена где-то в Москве какие-то полухулиганы начали выпускать газетку с матюгами. Я её не видал, но из прессы про этот скандал усёк, что эпиграф у них был (помещённый там, где раньше помещали «Пролетарии всех стран...»: «Пора, пора, ядрёна мать УМОМ Россию понимать!» Газетку эту тут же закрыли (не за идеи, конечно, — за матерщину), редактора на какое-то время в тюрьму посадили, но... Вот об этом-то «но» я и пытаюсь вести речь. Тут не в «Аргамак», не в «Складчине» дело.

Жму руку.

Александр Лейфер

Ответ:

Александр!

Во-первых, я не считаю рассказы Юлаева и Журавлёвой «зашукшиненными». Они абсолютно самостоятельны. А рассказ Юрия Манусова «Гибельный пожар» вообще из другой «оперы», из другой традиции. И слава Богу, что так.

А самое главное, что я хочу Вам сказать, — никакие мы не чудики! Чудиков придумал не Шукшин, а столичные шукшиноведы.

По-Вашему получается, что и Василий Макарович гордился русской дуростью, и мы вслед за ним? Если так, значит Вы ничего не поняли в Шукшине. Как и новомодный Захар Прилепин, пытающийся в одной из статей в «ЛГ» поднять Проханова выше Шукшина.

Я (пока жив) стою за продолжение традиций (нравственных прежде всего) русской классики, в том числе и советского периода (не только Распутин, Астафьев, Шукшин, но и Юрий Казаков, Виктор Лихоносов, которых очень люблю). Либеральная тусовка пытается эту нить разорвать. Я, например, восхищался Аксёновым

(особенно рассказами) в 60-е и 70-е годы. Но я не могу принять позднего Аксёнова, потому что люблю Шукшина (и раннего, и позднего, он цельный). Я не могу принять современную тусовочную псевдопоэзию, потому что люблю Рубцова.

Видимо, у нас с Вами разные понятия: где дурость, а где боль.

Всего доброго!

Николай Алешков

* * *

Вы, Николай Петрович, имеете дело с человеком, который мало в чём уверен на все 100 процентов. Вполне возможно, что Шукшина я и в самом деле не понимаю. Но уже много лет прошло с его смерти, а меня всё не покидает ощущение, что главного в литературе он сделать не успел. Кино не дало, отняло его у литературы. Оно же обусловило и большую посмертную популярность его книг.

Аксёнова во второй половине его работы я тоже не принял, разве что книгу про «поиски грустного бэби». Недавно с трудом достал у знакомых его последнюю книгу (про шестидесятников), дочитал до середины и отдал обратно. Как и Вы, когда-то зачитывался его рассказами.

С Рубцовым у меня был такой случай. В середине 70-х я сильно дружил с актрисой Омской филармонии Галей Куприяновой (это фамилия её мужа, а девичья — Давидзон, она, как и я, — полукровка). И вот зажёг я её Рубцовым, она подготовила программу и несколько лет выступала с ней на разных сценах, даже в каком-то конкурсе приз с ней взяла. Таким образом, два «полуфранцуза» «пропагандировали» Рубцова — знамя наших доморощенных славянофилов. Все омские литераторы сходили тогда на эту программу. А сейчас Галя слиняла в страну обетованную. Там ей, думаю, не до Рубцова.

Что же касается новейшей поэзии, то постмодерняга мне тоже претит, хотя среди них немало талантливых людей. Так что как редактор нашего скромного альманаха я по возможности придерживаюсь конфуцианского тезиса — пусть цветут все цветы...

А. Л.

Ответ:

Извините меня, Александр Эрахмиезович за то, что поздно отвечаю на это письмо. Несколько обескуражен тем, что Рубцов, на Ваш взгляд, — «знамя наших доморощенных славянофилов». Настолько хлестко, что едва ли не перечёркивает с определённых позиций поэзию Николая Михайловича. И кто такие — «наши доморощенные славянофилы»? Хотелось бы уточнить. В конце сентября я имел честь участвовать в XX Международном Аксаковском празднике, проходившем в Уфе и во всей Башкирии, где к памяти автора «Аленького цветочка» и «Семейной хроники» относятся благоговейно. А ведь Сергей Тимофеевич, глава замечательного семейства, воспитавший вместе со своей супругой достойнейших сыновей и дочерей России, был, как известно, одним из основателей славянофильства как течения в русской мысли. Его Вы, надеюсь, не относите к «доморощенным»?

Вообще, что такое — «доморощенный»? Выросший дома, выращенный дома? Как человек крестьянского происхождения я отношу себя скорее к почвенникам, чем к космополитам при всей условности нынешнего понимания того и другого термина. И вот с этих позиций я заинтересовался происхождением определения «доморощенный»: почему оно несёт в себе негатив? Заглянул в словарь Даля — а там этого слова вообще нет. Зато у Ожегова есть: в прямом смысле — доморощенный табак, в переносном смысле — доморощенный поэт (заурядный, примитивный). Вот так в

двадцатом веке кто-то осуществил перенос безобидного прилагательного в довольно обидное. Интересно — кто и зачем?

А за то, что Вы в своё время «пропагандировали» Рубцова, спасибо! Сейчас, правда, времена другие...

Н. А.

* * *

Здравствуйте, Николай!

Палец в рот Вам не клади: стоило мне употребить неточное слово, как Вы тут же на это среагировали. Впрочем, неспроста, т.к. слово это («доморощенные» — «наши ДОМОРОЩЕННЫЕ славянофилы») — в том контексте — узловое. Конечно, не «доморощенные» мне нужно было бы написать, а «нынешние». Тогда было бы намного точнее. Те, изначальные, славянофилы — люди аксаковского круга — были образованнейшими и интеллигентнейшими людьми. В них не было ни грана нынешнего пещерного национализма. Который ни к чему, кроме как к крови, привести не может... Впрочем, это уже другая тема — гораздо более болезненная, чем мои «филологические» домыслы...

Жму руку.

А. Л.

Ответ:

Здравствуйте, Александр!

С одной стороны, Ваши оплеухи по поводу «нынешнего пещерного национализма» и «доморощенных славянофилов» рассекают только воздух, но, с другой стороны, вы затрагиваете дорогие не только для меня имена Василия Шукшина и Николая Рубцова, ставшие, по Вашему мнению, чьими-то знамёнами. Чьими? Давайте поставим точки над і — тема-то действительно болезненная, и затронул её не я, а Вы...

Н. А.

* * *

Здравствуйте, Николай! Сразу отвечаю на Ваш главный вопрос. Номера 3 и 4 получил. По экземпляру оставил в писательской организации. Остальные раздал знакомым. Спасибо. Второй номер просматривал в Интернете.

В конце августа у меня должна выйти книжка избранных стихов «Пуля замуж выходила...» С удовольствием пришлю на Ваш адрес.

Удачи Вам.

Дмитрий Казарин, Астрахань

* * *

Книги Ваши всё никак не прочту. Налегке читать стихи не умею, а времени почитать спокойно пока не выдалось. Неделю назад вернулись мы с Семичевым из Иркутска, сейчас разгребаю накопившиеся дела. Почта завалена письмами, бытовуха тоже не отпускает. В Иркутской области были мы больше недели на литературных днях русской духовности «Сияние Сибири». Летели туда самолётом, иркутянам встали мы в копеечку, на одни только авиабилеты почти 60 тысяч рублей. Летели мы почему-то не из Самары, где есть аэропорт, а через Москву — и туда, и оттуда. Это гораздо дороже. Но, видимо, из Самарского аэропорта в Иркутск

самолёты просто не летают (зато в Турцию и Израиль — пожалуйста!). Состав гостей «Сияния России» утверждает сам Валентин Распутин, так что поездка очень статусна. И гости были, как говорится, на подбор. Из Москвы прозаик, обозреватель «Литературки» Андрей Воронцов, автор замечательного романа о Шолохове, заместитель главного редактора «Нашего современника» Владимир Данилович Попов — блистательный политолог и публицист, московский писатель-историк Игорь Шумейко. Вот уж умные мужики есть у нас в России, отчего же не они делают погоду в стране, оттеснённые от госуправления какими-то простейшими, просто господами! Был из Казахстана замечательный поэт, главред журнала «Простор» (Алма-Ата) Валерий Михайлов — это такой уникум, сочетающий в себе лирика и сатирика (редчайшее сочетание), энциклопедически образованный человек, знающий несколько иностранных языков. Но в первую очередь, конечно, замечательный русский поэт. Был из Омска талантливый поэт, такой немногословный по-сибирски, с колоритнейшим языком в стихах, главред газеты «Омское время», где печатают лучших писателей России, — Юра Перминов.

Самые два главных впечатления тем не менее для меня — Байкал и Распутин. Чем-то неуловимо похожи, сверху сумрачные, внутри — свет. Байкал был осенний, Распутин тоже не очень весел, впрочем, он никогда особой весёлостью, этот наш классик, не отличался... Но когда ездил на родину Распутина в Усть-Уду, и он с нами, он повеселел, даже на вечере стал вспоминать, как по молодости они с Василием Ивановичем Беловым во время какой-то заграникомандировки случайно забрели в парижский квартал «красных фонарей». Я изумилась — как можно красиво, чисто и вовсе не пошло рассказать о мужских приключениях. А ведь нынешние либеро-прозаики начнут писать вроде о высоком, о любви, а на поверку такая пошлость прёт, просто даже на уровне слов — энергетики. Я даже сподобилась, последовав примеру москвичей-писателей, искупаться в Байкале — вода леденящая, 3 октября, но ничего, не простыла. Зато когда выходишь из воды — ощущение незабываемое, как заново родился!

О Вашей книге напишу по прочтении спокойном, несуетном. Удачи Вам.

Диана Кан, Новокуйбышевск Самарской области

Редакция литературного альманаха «Аргмак. Татарстан» поздравляет своего автора Елену Колядину с присуждением ей 2 декабря 2010 года литературной премии «Русский Букер» за роман «Цветочный крест», ранее называвшийся «Весёлая галиматья». Отрывок из этого романа был впервые опубликован в № 1(3) нашего альманаха.

СОБЫТИЕ МИНУВШЕГО ГОДА

ЧЕРЕЗ ЛЕТЕЙСКИ ВОДЫ...

V Международные Цветаевские чтения

Итог земной жизни человека подводит СМЕРТЬ, а время засыпает память о большинстве из ушедших песками забвения. Но есть люди, чью СМЕРТЬ можно сравнить с брошенным в воду камнем, от которого с годами расходятся всё более и более широкие круги, – и время бессильно погасить эти волны.

Миновали десятилетия замалчивания творчества Марины Ивановны Цветаевой и годы, когда вокруг этого имени царил достаточно поверхностный ажиотаж. Наступила пора для глубоких исследований и детального изучения цветаевского наследия, что без сомнения поможет всем нам лучше понять и оценить многозначный и многомерный мир её творчества. В особенности поэзии, где поздняя Цветаева была и во многом продолжает оставаться новатором, создавшим необычную форму стихосложения – напряжённую, динамичную, балансирующую на грани эмоционального взрыва и буквально пронзающую пространство и время.

Одним из немногих городов, где хранят особую память о Марине Цветаевой, является Елабуга. Здесь в августе 1941 года оборвалась её жизнь и здесь же, по мнению цветаевоведов, как нигде в другом месте, ощущается присутствие духа поэта. Неисповедимы пути Господни, и нам не узнать, почему был уготован столь ранний трагический конец Пушкину, Лермонтову, Цветаевой... Но одно остаётся несомненным – взгляд на их творчество через призму драматической судьбы обостряет и углубляет наше восприятие поэзии, прозы и эпистолярного наследия великих поэтов.

Елабуга издавна была местом паломничества для цветаевоведов и почитателей таланта Марины Ивановны. Но с того времени, как в городе начали проводиться Цветаевские чтения (организаторами которых стали музей-заповедник и педагогический университет), все, кого притягивают сюда судьба и творчество поэта, обрели замечательную возможность встречаться в тесном кругу единомышленников: делиться собственными мыслями и открытиями, обогащаться находками и опытом исследований других. Так было и на V Международных Цветаевских чтениях, которые прошли в Елабуге в августе прошлого года. Их отличительной особенностью стал приезд большого числа зарубежных исследователей, переводчиков поэзии и прозы из Испании, Италии, Мексики, Чехии, Финляндии, Германии и Англии. Многие из зарубежных гостей впервые ступили на елабужскую землю, первый раз побывали у могилы поэта на Петропавловском кладбище, посетили Мемориальный комплекс имени Марины Цветаевой, включающий в себя дом, где прошли последние дни её земной жизни, Литературный музей, Библиотеку Серебряного века и другое.

Нынешние чтения были примечательны ещё и тем, что проходили в знаменательный год 100-летия со дня выхода в свет первого поэтического сборника юной Цветаевой под названием «Вечерний альбом». И, кроме того, впервые во время чтений состоялась торжественная церемония вручения Литературной премии имени Марины Цветаевой (постоянным меценатом которой является ОАО «Таттелеком» г. Казани). Все предыдущие премии вручались не на чтениях: первые лауреаты были награждены в 2007 году в дни празднования 1000-летия Елабуги, а следующие – в 2008 году в Москве.

Лауреатами третьей Литературной премии имени Марины Цветаевой, удостоенными медалей и денежных вознаграждений в размере 50 тысяч рублей, стали испанская переводчица Ансира Сельма, директор московского Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» Эсфирь Красовская и елабужский поэт Евгений Поспелов, автор книги «Крылатый ковчег». Кроме того, учитывая большое количество достойных претендентов в номинации «Поэтический сборник», также впервые за время существования Литературной премии были определены два дипломанта – Елена Крюкова (Нижний Новгород, за книгу «Зимний собор») и Михаил Зайцев (Волгоград, за сборник «Дорогие сердцу лица»). Им были вручены премии в сумме 10 тысяч рублей. А общим подарком для всех участников чтений стал поэтический час, во время которого Народная артистка России Антонина Кузнецова блистательно и вдохновенно читала стихи и прозу Марины Цветаевой.

В 1918 году, когда рушился старый мир, а Россия обагрилась кровью Гражданской войны, Цветаева, в полной мере осознавшая собственное призвание, написала, обращаясь к источнику своего великого дара:

*Я – страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я – хранитель твоему добру.
Возращу и возвращу сторицей.*

*Я – деревня, чёрная земля.
Ты мне – луг и дождевая влага.
Ты – Господь и Господин, а я –
Чернозём – и белая бумага!*

Именно вера в своё высокое предназначение помогала ей переносить бесконечные тяготы жизни – лишения, личные драмы, непонимание, осуждение – и продолжать работать, создавая всё новые и новые стихотворения, поэмы, пьесы, произведения мемуарной прозы. Давний исследователь творчества М. Цветаевой, лауреат первой Литературной премии Лев Мнухин сделал на чтениях доклад о неизвестном до сей поры письме Марины Ивановны 1937 года, адресованном учёному, филологу и библиографу Борису Унбегауну, в котором она, в частности, писала:

«Мне в жизни не повезло, я живу среди людей общественной совести, под вечным – то тайным, то явным упреком в равнодушии к событиям, слепости, глухости, тупости и бессовестности.

И никто не хочет понять, что это не слепость, не глухость, не тупость и не бессовестность, а: глаз на другое, ухо – на другое, сердце – на другое, совесть – на другое: на человеческую душу и на свою работу. И больше ни на что.

Я не могу с утра думать про Шанхай и про Испанию, потому что я привыкла любить делом: служить, а здесь сделать ничего не могу, н<отому> ч<то> тут нужны сёстры милосердия – и солдаты.

Мне говорят: и поэты.

Да, при условии воспевать всё большое, в каждом лагере – или то, что над лагерями.

А это сейчас хуже чумы.

Вот я и молчу и молча делаю своё дело: дом и тетрадь, отдыхая на одной работе от другой».

Читая эти строки, нельзя не поразиться силе духа Марины Цветаевой, позволившей ей не утратить свободу творчества и мысли вопреки всему.

На Цветаевские чтения в Елабуге съехались литературоведы, учёные, переводчики и музейщики разных поколений. Некоторые из них впервые прочитали стихи Марины Ивановны в рукописных или самиздатовских вариантах. Такое время застала Д. М. Магомедова, доктор филологических наук, профессор РГГУ. А её нынешний коллега по университету профессор Н. Д. Тамарченко познакомился с творчеством Цветаевой в Елабуге, где он работал в конце 60-х – начале 70-х годов на кафедре русской и зарубежной литературы тогда ещё педагогического института. Произошло это благодаря другому преподавателю – М. Я. Левянт, которая уже в то время была большим знатоком жизни и творчества Марины Цветаевой. И вот спустя более чем 35 лет имена бывших коллег прозвучали на V Международных Цветаевских чтениях. Докладом Н. Д. Тамарченко «Жанр поэмы в творчестве М. Цветаевой» открылось первое пленарное заседание. А на основе книги «Венок Цветаевой», составителем и автором предисловия которой является М. Я. Левянт (живущая сейчас в США), очень интересное сообщение сделала старший преподаватель ЕГПУ Р. А. Нутфуллина.

В целом научный тон чтениям был задан московскими профессорами из РГГУ и МГУ, а также учёными из Елабужского педагогического университета. Причём большая часть докладов была посвящена литературоведческому и лингвистическому анализу таких крупных жанров цветаевского наследия, как поэмы, поэтические циклы, пьесы и повесть. Были также затронуты темы: развития лейтмотивов и ключевых образов творчества М. И. Цветаевой в современной русской поэзии; ближайшего окружения поэта в России и за рубежом; отражение имени Марины Цветаевой в российской прессе. Последнее, заинтересовавшие многих исследование провела студентка филиала КГУ в Набережных Челнах Вероника Вяткина. Она изучила посвящённые поэту материалы, опубликованные в известных российских изданиях с 1982 по 2010 годы, сгруппировав их по 16-ти различным темам. В итоге, студентка выяснила, что основная часть публикаций посвящена общему обзору жизни и творчества М. Цве-

таевой (29%), далее следуют сообщения о выставках, конференциях и т.п. (15%), и, наконец, ещё одну большую группу составляют публикации о последних днях жизни поэта (12%). Всплеск интереса к Цветаевой со стороны СМИ наблюдался по её мнению в 1980—1990 гг. В настоящее время он заметно снизился, и материалы публикуются в основном к памятным дням.

Что же, Цветаева, как и следовало ожидать, заняла своё место в ряду классиков русской поэзии. А то, что её имя перестало быть актуальной новостью на страницах современных СМИ, говорит только о том, что пришла пора для спокойного чтения и серьёзного осмысления её столь значимого для русской поэзии творческого наследия. Как сказал Иосиф Бродский в своём эссе «Поэт и проза»: «Поэзия это не «лучшие слова в лучшем порядке», это – высшая форма существования языка».

Постигать и зримо проявлять эту форму приходится не только поэтам, но и переводчикам их стихов. Лирику Цветаевой переводят на многие языки мира. Только на чтениях в Елабуге её стихотворения звучали на чешском, итальянском, испанском, финском, армянском, башкирском и татарском языках. Автором последних была елабужская поэтесса Гульзада Ахтямова. Открытие Цветаевских чтений стало для неё двойным праздником. Именно в этот день по заказу Елабужского государственного музея-заповедника вышла в свет книга её переводов М. Цветаевой «Хөкәм итмә син ашыгын...» («Суда поспешно не чини...»). Это двуязычное издание, в котором переводы расположены рядом с оригиналами. В книге представлено 35 стихотворений, первое из которых помечено сентябрем 1909 г., а последнее – февралем 1941 г. Среди обширного поэтического наследия Марины Ивановны Г. Ахтямова отдала предпочтение произведениям о любви, о предназначении поэта и хрестоматийным стихам, которые у многих на слуху.

М. Цветаева сама была великолепным переводчиком с французского, немецкого, английского, грузинского, болгарского, польского и других языков. И в этом смысле она может служить образцом для подражания тем, кто в наши дни занимается переводами её стихов. Как же ей удавалось, имея нередко только один подстрочник, создавать настоящие шедевры? Пожалуй, наиболее точно и ёмко сказал об этом в своём докладе переводчик из Испании Хоакин Фернандес-Вальдес: «Как Цветаева понимает перевод? Можно считать, что существуют две группы переводчиков: одни при переводе предпочитают сохранить цельность текста, другие переводят «душу» произведения. И М. Цветаева, безусловно, принадлежит к этой второй группе. Высокая цель переводчика, считала Цветаева, – проникнуться духом текста оригинала, постараться сохранить его в своём переводе и, максимально используя свой поэтический талант, передать читателю красоту поэтической формы того или иного шедевра.

«Я перевожу по слуху – и по духу (вещи). Это больше, чем «смысл», – вот кредо Цветаевой-переводчика.

В качестве иллюстрации Хоакин Фернандес-Вальдес выбрал два известных стихотворения Федерико Гарсия Лорки в переводе Марины Цветаевой. Вот одно из них:

*Начинается
Плач гитары.
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от неё
Молчанья,*

*Не проси у неё
Молчанья!
Неустанно
Гитара плачет,
Как вода по каналам – плачет,
Как ветра над снегами – плачет,
Не моли её
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскалённый плачет
О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!*

Марину Цветаеву знают и помнят в разных странах мира. Помнят во Франции, где в этом году сразу в четырех городах – Париже, Медоне, Ванве и Кламаре – будут установлены мемориальные доски на домах, в которых она жила. Помнят в Америке, где существует Вашингтонский музей русской поэзии и музыки. Его создателем и руководителем является наш бывший соотечественник Ю. М. Зыслин. В последний раз он побывал в Елабуге осенью прошлого года, когда в Библиотеке Серебряного века проходила презентация изданных музеем-заповедником к 115-летию со дня рождения Анастасии Цветаевой двух её книг: поэзии – «Мой единственный сборник» и прозы – «Апог».

На V Цветаевские чтения Ю. М. Зыслин прислал обширный доклад «Цветаевские находки Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». В нём, в частности, идёт речь о рисунках поэта, в которых по отзывам профессионалов явственно виден незаурядный художественный дар, и о музыкальных произведениях, созданных на стихи Марины Цветаевой. К её творчеству обращались как известные профессиональные композиторы (Д. Шостакович, С. Слонимский, М. Тариведиев, Ф. Гартман), так и музыканты-любители. На фестивалях авторской песни, организованных Ю. М. Зыслиным в Москве (1993-1994 гг.) и в Америке (2003–2004 гг.) на стихотворения Марины Ивановны было исполнено 135 различных песен. Кстати, песни на стихи Цветаевой звучали и в последний вечер международных чтений во время камерного концерта известных певиц – Елены Фроловой, Эльмиры Галеевой и Юлии Зиганшиной.

О том, что творчество Марины Цветаевой – достояние не только российской, но и мировой культуры, свидетельствует новый масштабный международный проект «Поезд, которым еду в Бессмертье...». Его соавторы, цветаеведы Галина Ванечкова (Прага) и Татьяна Новосёлова (Ливерпуль), разработали концепцию, в которой Марина Ивановна будет представлена путешественницей как по странам, так и по дорогам земной жизни. Если их замысел осуществится, то по городам Европы и России отправится поезд со специальным вагоном, в котором будет размещена выставка, посвящённая Марине Цветаевой. В этом вагоне предполагается разместить специальный зал информации с сенсорными компьютерами, которые позволят посетителям получать самую различную информацию: от любимых Цветаевой книг, музыкальных произведений, избранной переписки – до дневников, которые Марина Ивановна писала повсюду, включая поезда, до путеводителей по городам, игравшим в жизни поэта

ЧЕРЕЗ ЛЕТЕЙСКИ ВОДЫ...
V Международные Цветаевские чтения в Елабуге

АКСАКОВСКАЯ ОСЕНЬ

XX Международный Аксаковский праздник в Республике Башкортостан

наиболее значимую роль, и т.д. Не исключено также, что свой путь поезд завершит в Елабуге – последнем городе на карте земной жизни М. Цветаевой.

Все, кто хоть как-то лично её знал, постарались оставить свои воспоминания и впечатления о Марине Ивановне и её творчестве. Наиболее полно это сделали самые близкие люди – сестра Анастасия Ивановна и дочь Ариадна Сергеевна. В последние годы жизни А. И. Цветаева была очень дружна с литературоведом, почётным профессором ИГУМО Д. А. Донской. Именно её докладом завершились Цветаевские чтения в Елабуге и, вероятно, это символическое совпадение произошло не случайно. Доброслава Анатольевна зачитала письмо А. С. Эфрон (датированное декабрем 1970 г.), которое адресовано минскому художнику, архитектору Г. М. Шарому. В нём Ариадна Сергеевна, в частности, пишет:

«Милый Гена! Ну, конечно же, Вы – тот самый «Тебе – через сто лет». И не мне Вас разубеждать в этом. Единственное, что не по мне – и не по ней! в Вашем письме, это – слово, да и само понятие «красота», применительно к её творчеству, к её сути, к ней самой. Красота мне кажется понятием статичным, неким гармоническим результатом многих слагаемых, а дело в том, что в Цветаевой – никакой статики, да, пожалуй, гармонии: всё это Ахматова, а не Цветаева. Тут (в М. Ц.) не красота – тут сила, движение, «мускул крыла», динамика сплошная, и всё – вглубь: чем старше будете, тем больше будете открывать в сто раз перечитанном, как это до сих пор происходит со мной. Это – вселенная. На все восприятия и все возрасты души: от детской звезды Вифлеема до осознания космической бесконечности мира светил...»

Это письмо, подаренное ей Геннадием Михайловичем, Д. А. Донская передала в дар Елабуге со словами: «Да будет благословенна земля елабужская, принявшая прах великого поэта – Марины Ивановны Цветаевой. Да будут благословенны все те, кто так достойно несёт по жизни память о ней».

Заключительным аккордом Цветаевских чтений стал замечательный поэтический час в беседке Библиотеки Серебряного века. Здесь можно было услышать стихи не только Марины Цветаевой, но и современных поэтов, звучавшие в авторском исполнении.

Поэтический диалог – через времена и пространства – продолжается. И о себе, и о тех, кто идёт за ней следом, Марина Цветаева написала когда-то:

*В чёрном небе – слова начертаны,
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.*

*В поте – пишуций, в поте – пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Лёгкий огонь, над кудрями пляшущий, –
Дуновение – вдохновения!*

Людмила Пахомова

АКСАКОВСКАЯ ОСЕНЬ

XX Международный Аксаковский праздник

Нам не нужно искать какую-то новую национальную идею, нам необходимо сохранить единство всех народов и этносов, живущих в России. Разве не символично, что именно в национальных республиках ежегодно проходят торжества, посвящённые памяти великих мастеров объединяющего русского слова: в Татарстане — Гавриила Романовича Державина, в Башкирии — Сергея Тимофеевича Аксакова. Конечно, и в том, и в другом писателе текла, как известно, и тюркская кровь, но понятие русскости издавна определялось не кровью, а отношением к державе, к Отечеству. Особенно ярко это проявилось во время Великой Отечественной войны — русскими называли всех советских солдат-освободителей, и в этом была великая цементирующая сила. «Русский тот, кто любит Россию» — так ёмко и афористично выражает эту мысль уфимский писатель и общественный деятель Михаил Андреевич Чванов, благодаря подвижническим усилиям которого минувшей осенью в Башкирии уже в двадцатый раз прошёл Международный Аксаковский праздник.

Хроника

Праздничные мероприятия в Уфе начались **24 сентября** с самого утра. Первыми к торжествам приступили жители деревни Касимово (микрорайон Шакша) — бывшего имения деда С. Т. Аксакова. Там прошёл детский праздник в честь семьи Аксаковых, организованный силами творческих коллективов города. Были возложены цветы к вновь установленному памяtnому знаку С. Т. Аксакову.

Следующим пунктом в насыщенной праздничной программе стала Аксаковская школа-гимназия № 11. По традиции там прошёл Аксаковский урок, который вели приглашённые гости. Среди них — поэт Константин Скворцов, президент Международного фонда славянской письменности и культуры Александр Крутов, заместитель директора Эрмитажа, потомок рода Аксаковых Владимир Матвеев, президент ассоциации «Глаголь» в поддержку русской культуры во Франции Владимир Сергеев, президент Самарского общественного фонда содействия развитию культуры и нравственности Павел Коровин, главный редактор литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков и его челнинский земляк, автор-исполнитель, член Союза российских писателей Александр Тарасов.

«В гостях у ключницы Пелагеи» — так назывался праздник, устроенный в городском саду имени С. Т. Аксакова — одном из любимых мест отдыха уфимцев. Пелагеей, как известно, звали няню писателя, которая и привила ему любовь к народному творчеству. Примечательно, что в этот сад после ЗАГСа постоянно заезжают молодожёны, чтобы возложить цветы к барельефу великого писателя-земляка. Так было и на этот раз. После возложения цветов гости и уфимцы приняли участие в театрализованном представлении возле живописного озера, по которому кавалеры катали на лодочках дам, а с ними заигрывали выбравшиеся на берег русалки.

В этот же день в Кировском районе, в центральном офисе Альфа-Банка прошла выставка восстановленных цветных фотографий 1910 года «Родина Аксакова» (автор выставки С. М. Прокудин-Горский). А в мемориальном доме-музее писателя открылась ещё одна выставка «Уфа времён Аксаковых». Завершился первый день междunarодного праздника едва ли не самым запоминающимся событием — Аксаковским балом в Башкирском Государственном театре оперы и балета. Именно здесь произошло вручение Президентом Республики Башкортостан Рустэмом Хамитовым Всероссийской литературной премии имени С. Т. Аксакова, которую на этот раз получил русский поэт Константин Скворцов. Президентом была вручена также правительственная награда — орден Почёта — вдохновителю и организатору Международных Аксаковских праздников, писателю Михаилу Чванову.

Завершился Аксаковский бал великолепным концертом, на котором башкирские мастера искусств исполняли арии из опер и сцены из балетных постановок на музыку великих русских композиторов Глинки, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова. С восторгом было воспринято слушателями и зрителями вокальное мастерство гости из Москвы, постоянной участницы Аксаковских праздников, заслуженной артистки России Татьяны Петровой.

25 сентября праздник переместился из Уфы в Белебеевский район. На границе двух районов республики гостей хлебом-солью и кумысом встречали персонажи аксаковской сказки «Аленький цветочек» отец-купец и его любимая младшая дочь, а также девушки в национальных костюмах всех народов, проживающих в Башкирии. Затем в Аксаковском историко-культурном центре «Надеждино» прошёл фольклорный праздник «Земля благословенная». Гости приняли участие в заупокойной службе по ушедшим представителям рода Аксаковых в Дмитриевском Храме, посетили музей семьи Аксаковых и Дом ремёсел, примечательный тем, что в нём ведётся воспитание подрастающего поколения путём обучения его народным промыслам.

Кульминацией праздника под величальным перезвон колоколов стало в этот день открытие памятника великому земляку. Башкирские красавицы сняли белое покрывало, и перед собравшимися предстал сам хозяин поместья. Одетый в бронзу писатель, откинувшись в кресле, с любовью оглядывал родные места, а у его ног сидел преданный охотничий пёс. Это творение народного художника Беларуси, лауреата

Государственной премии СССР, скульптора Ивана Миско, воодушевляло своим величием, о чём торжественно объявил глава администрации Белебеевского района Юрий Мурмилов, открывший церемонию. А гости из Татарстана почувствовали гордость, когда услышали, что памятник был отлит в Казани, на экспериментально-производственном заводе Волжско-Камского НИИ водного лесотранспорта.

Во второй половине дня состоялись творческие встречи с жителями Белебеевского района в Доме культуры в посёлке Приютово, в Максим-Горьковском сельском Доме культуры и в Доме культуры села Слакбаш. Завершился день творческим вечером «Колокола надежды» в Центральном Доме культуры Белебея, где блеснули своими талантами и хозяева, и гости: народный хор «Русские звоны», ансамбль танца «Идель», лауреат международных конкурсов, гусярша Любовь Басурманова, фольклорный ансамбль Аксаковского фонда «Таусень», народный артист Башкортостана Вахит Хызыров, автор-исполнитель из Набережных Челнов Александр Тарасов с песней «Журавли» и, конечно же заслуженная артистка России Татьяна Петрова, закончившая программу вечера исполнением своеобразного гимна всего Аксаковского праздника «В Надежде звонят колокола» на стихи Константина Скворцова.

Не обошлось и без награждений. Первый заместитель министра культуры Республики Башкортостан Ольга Ижбульдина вручила Почётную грамоту автору памятника С. Т. Аксакову Ивану Миско, благодарственные письма министерства за активную творческую деятельность в деле возрождения русской культуры и международного Аксаковского движения президенту Международного фонда славянской письменности и культуры Александру Крутову, поэту, драматургу, сопредседателю Союза писателей России, лауреату литературной премии имени С. Т. Аксакова Константину Скворцову, директору фабрики художественного литья Сергею Маруденко (г. Казань), лётчику-космонавту СССР, дважды Герою Советского Союза, члену Попечительского совета Аксаковского фонда Виктору Савиных. В свою очередь Александр Крутов за создание Дома ремёсел и развитие историко-культурного центра «Надеждино» вручил главе администрации Белебеевского района Юрию Мурмилову медаль святого преподобного Серафима Саровского, учреждённую Русской православной церковью.

26 сентября праздник переместился из Белебеевского района в Zubovo, где некогда находилось имение Александра Николаевича Зубова, деда Сергея Аксакова по материнской линии. Традиционные народные гуляния здесь начались со встречи гостей. Организаторы обыграли этот ритуал театрализованной композицией «Наследие Сергея Аксакова». Декорациями послужила целая улица. Она возникла из дворишков, оформленных в национальном колорите: русском, башкирском, татарском, чувашском, украинском. Хозяева дворишков встречали гостей фольклорными песнями, танцами и щедрыми угощениями. Не обошлось и без «привала» и без рыбалки (Сергей Тимофеевич был страстным охотником и рыбаком). Гости смогли принять участие в импровизированной охоте, поудить рыбу в искусственном водоёме, посидеть у костра, отведать сваренную на нём уху. Далее было возложение цветов к памятному знаку С. Т. Аксакова, посещение выставки декоративно-прикладного творчества детей и народных умельцев Уфимского района. А в концерте коллективов художественной самодельности приняли участие и уважаемые гости. Незабываемым было, например, исполнение самарцем Павлом Коровиным песни, написанной им на сюжет знаменитого «Аленького цветочка» (впечатление усиливал казачий костюм исполнителя).

По традиции в заключительный день Аксаковских празднеств гостей встречали также жители деревни Старые Киенки Кармаскалинского района. Это одно из многих мест на башкирской земле, увековеченных Сергеем Тимофеевичем в своих

знаменитых произведениях «Детские годы Багрова-внука» и «Записки охотника Оренбургской губернии».

Полностью торжества завершились вечером 26 сентября в Мемориальном доме-музее Аксакова в Уфе, где снова для всех собравшихся пела Татьяна Петрова.

Комментарии участников XX Международного Аксаковского праздника

Александр КРУТОВ, президент Международного фонда славянской письменности и культуры:

— Аксаковский праздник на башкирской земле — это духовный костёр, который согревает твою душу, согревает твою память, согревает тебя. Здесь ощущаешь родство с народами, со всей Россией, здесь отчётливо начинаешь понимать: материальное можно сделать, духовное надо возвращать.

Народный артист Республики Башкортостан **Вахит ХЫЗЫРОВ**:

— Сергей Тимофеевич Аксаков гордился тем, что в его жилах течёт не только русская, но и древняя тюркская кровь. Должно быть, поэтому Аксаковские дни, приуроченные ко дню рождения «певца семьи и Отечества» проходят всегда как праздник единения и братства народов, населяющих наш благословенный край.

Иван МИСКО, народный художник Беларуси, лауреат Государственной премии СССР, скульптор:

— Свой путь в этом году Сергей Тимофеевич начал в Минске. В мягком материале проехал всю Беларусь, пол-России, полюбовался её красотами и богатствами, доехал и до Казани, отлился в бронзу и приземлился на вечном пьедестале в Надеждино. Мой долг выполнен. Спасибо за доверие!

Сергей МАРУДЕНКО, генеральный директор фабрики художественного литья — скульптурного комбината (г. Казань):

— Сам я родом из Белоруссии, живу в Татарстане. За время изготовления памятника С. Т. Аксакову не раз приезжал в Башкирию. Уверен, цепочка: Минск–Казань–Уфа–Белебей протянется в моей жизни на долгие годы.

Константин СКВОРЦОВ, поэт, драматург, лауреат литературной премии имени С. Т. Аксакова 2010 года:

— Многие мысли, высказанные в произведениях великого русского писателя, оказались пророческими. Более полутора веков назад он предупреждал о том, к каким горьким плодам может привести варварское отношение к природе: на наших глазах гибнут леса, мелеют родники и реки. Высыхает душа народа — русский язык. Сегодня в России можно по пальцам пересчитать писателей, поэтов, которые бережно обращаются с русским языком, его богатством, музыкальностью, неповторимым колоритом.

Немало полезных уроков может вынести молодёжь после прочтения «Семейной хроники». В эпоху бурной научно-технической революции особенно важно приывать детей необходимости почитать старших, любить и ценить своих родителей, близких. Без крепкой семьи не может быть ни сильной экономики, ни сильного государства.

Вера ЗЕЛЕЗНЁВА, директор Дома мастеров (г. Пермь):

— За двадцать лет деятельности Аксаковского фонда, совпавшие с трудным, переломным периодом в истории России, писателю Михаилу Чванову удалось создать духовное пространство, которое помогает объединять, сплачивать истинных ценителей русской культуры в нашей стране, по всему миру.

Я приехала сюда ещё и за опытом, поэтому внимательно изучала выставки народных умельцев. Много интересных, оригинальных работ увидела в Доме ремёсел в селе Надеждине, на выставке детских изделий «Аксаковская осень» во Дворце культуры Белебея. Чего стоят прекрасные лебеди, изготовленные из листиков обыкновенной школьной тетрадки! Кажется, вот они оживут, взмахнут крыльями и устремятся ввысь. А какие народные таланты мы увидели на сцене! Спасибо всем за подаренное богатство, которое способна воспринять и оценить лишь человеческая душа.

Владимир МАТВЕЕВ, заместитель директора Эрмитажа по выставкам и развитию, член Попечительского Совета Аксаковского фонда (Санкт-Петербург):

— На праздник приезжаю во второй раз да три раза приезжал по музейным делам. Я потомок Анны Тимофеевны, сестры Сергея Тимофеевича. Стараюсь приезжать с родными. В этот раз со мной приехала внучка Екатерина.

Особенный трепет я испытываю в Надеждине, ступая по земле, которую воспел в своих произведениях мой предок. Выражаю огромную благодарность людям, бережно хранящим память о семье Аксаковых.

Владимир СЕРГЕЕВ, президент Ассоциации в поддержку русской культуры во Франции «Глаголь» (Париж):

— В этот приезд я увидел новое — Дом ремёсел, Медовый домик и великолепный памятник. Это греет мою душу. Служба в храме меня очень тронула. На праздник собрались люди, которые любят культуру, свой край. Истинные ценности хранятся в провинции, в мегаполисах они исчезают. Сегодняшний праздник — это большая вежа. Маховик, запущенный двадцать лет назад, уже не повернуть, он обретает устойчивость. Верю, что русская душа вернётся к своим истокам.

Николай АЛЕШКОВ, поэт, главный редактор литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» (Набережные Челны):

— Я воочию убедился, что в Башкирии аксаковское воспитание начинается со школы. Ведь Сергей Тимофеевич был не только великим писателем, но и великим семьянином, воспитавшим вместе с супругой Ольгой Семёновной своих детей, ставших достойными гражданами России. Сохранение семейных ценностей — это первый шаг на пути воспитания любви к Родине.

Обозреватель

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ**В НАДЕЖДИНЕ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА***Михаилу Чванову*

Скажи мне, друг мой, где берёшь ты силы
Поставить двор, где не было кола?..
В воскресшем храме в глубине России
Твоим трудом звонят колокола.
Ты шёл один с эпохой не в ногу
На страх и риск — была иль не была!..
Что видел ты, известно только Богу.
Но ты пришёл — звонят колокола!..

В Надеждине звонят колокола
И благовест разносится, как прежде.
В Надеждине звонят колокола
Любви великой, веры и надежды!

Врагов учтивость и друзей бездушье —
Вот лик Руси, написанный тобой.
Но был с тобою, все преграды руша,
Тот, кто послал тебя в священный бой.
Где б ни был ты, о помощи не чая,
На этом свете грешном иль на том,
От тысячи собратьев отличая,
Ты будешь слышать их печальный звон.

В Надеждине звонят колокола
И благовест разносится, как прежде.
В Надеждине звонят колокола
Любви великой, веры и надежды!

Поставил храм, а всё душа — в разрухе.
Твоей души так мал его приют...
Но вещие согбенные старухи
Тебя с любовью батюшкой зовут.
Ты нёс свой крест, креста не замечая.
И потому из глуби вековой,
От тысячи собратьев отличая,
Россия будет слышать голос твой.

В Надеждине звонят колокола
И благовест разносится, как прежде.
В Надеждине звонят колокола
Любви великой, веры и надежды!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ ПРОРОКА МАГОМЕТА

(да благословит его Аллах и приветствует!)

Обращение русских поэтов к мотивам Востока и органически связанной с ними теме Ислама является для нашей поэзии давней традицией и имеет определённо положительное значение для её развития. О пользе приобщения российских стихотворцев к восточным мотивам говорили ещё в начале XIX века активные члены переводческого кружка С. Е. Раича Д. П. Ознобишин, М. П. Погодин, М. А. Дмитриев, В. Ф. Одоевский, В. И. Оболенский и Ф. И. Тютчев, активно занимавшиеся переводами из западных и восточных литератур и их пропагандой. Так, например, в ноябре 1825 года Раич в письме к Ознобишину прямым текстом поощрял его к переводческой деятельности, будучи уверен, что восточные темы и образы довершат поэтизацию русского языка. «Чтобы дополнить это опоздание нашего языка, надобно перенести к нам поэзию Востока», – писал он ему, а в другом письме добавлял: «Что ваш Восток? Дышите, дышите им – он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова...»

Значение Ислама и необходимость его осмысления признавали многие представители российской интеллектуальной элиты — учёные, философы, писатели. В. С. Соловьёв писал, что «значение Мухаммада и основанной им религии в общих судьбах человечества так важно, что писатель, занимающийся религиозною философией и философией истории, не нуждается в особом оправдании, если он, не будучи ориенталистом, имеет собственное суждение о лице и о деле арабского пророка».

П. Я. Чаадаев характеризовал Ислам как «одно из наиболее замечательных проявлений Закона», важнейшая роль которого состоит в искоренении многобожия. По его мнению, пророк Мухаммад — это великий человек, который «несравненно более заслуживает уважения со стороны людей, чем вся эта толпа бесполезных мудрецов, которые не сумели ни одного из своих размышлений облечь в плоть и кровь и ни в одно человеческое сердце вселить твёрдое убеждение; которые лишь внесли разделение в человеческое существо вместо того, чтобы постараться объединить разрозненные элементы его природы». Он считал Мухаммада (по-русски — Магомета) одним из тех, «кто более всего способствовал осуществлению плана Божественной мудрости для спасения рода человеческого».

О сущности Ислама и его влиянии на мир неоднократно размышлял и известный славянофил А. С. Хомяков, рассматривавший пророка как поэта-героя, который не только поверил в своё призвание свыше и воспринял идеи Иудаизма и Христианства, но и согласовал своё учение с образом жизни арабов.

Исламской темы касались в своих трудах К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой и другие писатели и мыслители.

Русские переводы «восточного» материала, наполненного отзвуками Ислама, начали появляться в России уже в XVIII веке, когда были обнародованы первые поэтические переложения стихов Саади. Тогда же начали публиковаться восточные анекдоты и «мысли восточных мудрецов», наставляющие в вопросах нравственного характера.

В 1810 году публикуются первые переводы од Джами и Хафиза, экзотическая поэзия начинает «обрастать» конкретными именами, и интерес публики к географическому Востоку пополняется стремлением познакомиться ближе с реальностью Востока поэтического. В это время заметно активизируется деятельность учёных-востоковедов и переводчиков с восточных языков.

Увлечение многих интеллектуалов, в их числе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, мусульманским миром стало возможным благодаря О. И. Сенковскому — знаменитому писателю и востоковеду, побывавшему на арабском Востоке и свободно владевшему разговорными арабскими диалектами. В 1824 году в альманахе «Полярная звезда» была опубликована его «арабская касыда» «Витязь буланого коня», кроме того, в печати вышли его путевые заметки о путешествиях по Сирии, лекции о поэзии арабов и другие произведения.

В это же время в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки», «Русский вестник» и «Библиотека для чтения» были опубликованы очерки другого знаменитого востоковеда — Н. Н. Березина — о трёхлетнем путешествии по арабскому Востоку, а также его статьи об Исламе.

Ещё один виток интереса к поэтике Востока происходит на рубеже XIX–XX веков в поэзии Серебряного века и творчестве советских ориенталистов. Самыми заметными здесь представляются коранические мотивы в творчестве И. А. Бунина и элементы суфийской поэтики Н. С. Гумилёва, восходящие к средневековой персидской литературе. В частности, Буниним написаны в это время такие стихи, как «Авраам», «Ковсерь», «Ночь Аль-Кафра», «Тэмджид», «Тайна», «За измену» и «Птица», сюжеты которых почерпнуты им из Корана и мусульманской традиции. Невозможно также переоценить роль мусульманского Востока в творчестве Гумилёва, где можно выделить множество компонентов, связанных с мусульманским мистицизмом.

Ну и, конечно же, тема Ислама не может оставаться безразличной для русских поэтов сегодня, когда на планете столь контрастно обозначилось противостояние между мусульманским и христианским мирами, вылившееся в затяжные войны на Кавказе, в Афганистане и Ираке, а также шокировавшие всё человечество теракты в США 11 сентября 2001 года. Кому-то учение пророка Мухаммада представляется агрессивным и жестоким, кому-то — экзотическим и поэтичным, кому-то — чужим и непонятым, а кому-то оно кажется даже более привлекательным, чем учение Иисуса Христа и другие религии (так, например, по сообщениям ряда СМИ, поэт Илья Кормильцев, писавший тексты песен для знаменитой рок-группы «Наутилус», умирая в Англии от неизлечимой болезни, принял перед смертью Ислам).

Как бы то ни было, сегодня предельно ясно одно — для того, чтобы понимать суть Ислама и психологию тех, кто его исповедует, необходимо знать это учение или хотя бы быть знакомым с его основными положениями. В мире ведь давно известно, что *незнание друг друга разделяет людей сильнее, чем кажущиеся противоречия между ними*. Ликвидировать этот опасный пробел и призван всероссийский конкурс «Пророк Мухаммад — милость для миров», в четвёртый раз проходивший в 2010 году по инициативе

Департамента социально-благотворительной и духовно-просветительской деятельности Совета муфтиев России при содействии культурно-образовательного фонда «Надежда» и благотворительного Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования.

Я узнал об этом конкурсе по возвращении из Турции, где мы с женой отдыхали в новогодние праздники в прекрасном пятизвёздочном отеле «Rixos Hotel Premium» неподалёку от города Белека, и в один из дней, оторвавшись от купания в бассейне и других развлечений, съездили на экскурсию в городок Демре, известный ранее под именем Ликийской столицы Миры, где в третьем веке нашей эры нёс архиепископское служение и прославил себя чудесами знаменитый Божий Угодник и Чудотворец — святой Николай Мирликийский. Посетив Миру, я был приятно поражён бережным отношением турок-мусульман к памяти этого великого христианского святого. В городке сохранены и поддерживаются исторические стены храма святого Николая, где два раза в год проводятся богослужения, посвящённые его памяти; на улицах Миры установлено несколько памятников святителю; на центральной площади работают иконные лавки с его образами и книгами о его житии*. И мне стало неудобно от того, что турки, будучи мусульманами, чтут моего небесного покровителя как великого *межконфессионального* святого, а я про их пророка почти ничего не знаю. И, возвратившись в Москву, я первым делом открыл Интернет и набрал в поисковике имя «Магомет». И наряду с различными материалами о жизни и учении великого мусульманского святого получил информацию о проводящемся в честь него литературном конкурсе.

Так у меня родилась эта небольшая поэма о прощальной проповеди пророка Мухаммада, произнесённая им в 632 году н. э., незадолго до своей смерти, на Арафате, в наиболее благословляемый день года в присутствии 14 тысяч мусульман, сопровождавших пророка в его последнем паломничестве. По сути дела, это даже не поэма в том смысле, как их обычно пишут поэты, насыщая текст художественными образами и многочисленными лирическими или философскими отступлениями, а, скорее, просто законспектированный мною в поэтической форме эпизод из жизни великого мусульманского пророка и некоторые из основных положений его учения. Я был рад, что познакомился с этим материалом, и что он, в общем-то, не противоречит тем духовным заповедям, которые оставил православным людям Иисус Христос. Ну и, конечно же, я был рад оказаться победителем конкурса и получить премию из рук Председателя Совета муфтиев России. Хотя, должен признаться, и испытал при этом чувство некоторой досады оттого, что подобные конкурсы не организуются руководством Русской Православной Церкви. Под эгидой Патриархии проводится конкурс научных работ памяти митрополита Московского и Коломенского Макария, но он огорожен такими условностями, что участвовать в нём могут только уже состоявшиеся учёные-богословы или известные общественные деятели. Шутка ли — выдвинуть работу на соискание премии могут только Учёные и Научные советы институтов РАН, академики и члены-корреспонденты РАН; Учёные советы научно-исследовательских и высших учебных заведений; Учёные советы музеев, архивов и библиотек; Правительство Москвы в лице Премьера и его заместителей, а также руководителей Департаментов и комитетов; Учебный комитет Московской Патриархии; Научно-церковный центр «Православная энциклопедия»; по благословению и рекомендации правящих архиереев РПЦ и других Православных Церквей; а также лауреаты Макариевской премии прежних лет по своей номинации. Понятно, что подобные премии ориентированы исключительно

* Правда, в купленном мною в одной из лавок житии святого Николая я прочитал о том, что, ещё будучи младенцем, будущий Угодник Божий так ревностно соблюдал посты, что «пил молоко из материнской груди *только в среду и в пятницу*», тогда как именно эти дни для христиан считаются постными, и маленький Николай как раз *не брал* материнскую грудь ни в среду, ни в пятницу. Но это, я думаю, ошибка турецких издателей, переведивших книгу на русский язык и по незнанию особенностей православной веры допустивших данную оплошность. Которая — тоже говорит о необходимости более тщательного изучения нами верований и религиозных традиций друг друга.

на узкий спектр уже состоявшихся учёных, тогда как сегодня необходимо думать о том, как охватить максимально широкий круг просто пишущих и думающих людей, ищущих путей к истине, подтолкнуть поэтов и писателей к знакомству с основами православной веры, заинтересовать творческих людей (а через произведения каждого из них — и их многочисленных читателей) в изучении Священного Писания и житий православных святых. Конкурсов такого рода должно быть много, они должны проводиться постоянно и быть максимально открытыми, доступными для всех желающих в них участвовать. Чтобы так же, как я недавно победил в конкурсе произведений о пророке Мухаммаде (мир ему!), какой-нибудь мусульманский поэт мог однажды победить в конкурсе стихотворений о Христе. А если не победить, то хотя бы просто принять в нём участие и глубже понять основную религию нашего народа. Потому что понимание — это самый эффективный и самый испытанный путь к межнациональной и межконфессиональной дружбе и стабильности. Не говоря уже о том, что погружение в культуру братских народов заметно обогащает литературу (и, особенно, поэзию) каждого из них.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Там, где камень Каабы к себе призывает сквозь даль
мусульман со всего безграничного белого света,
есть долина одна, что лежит под горою Джабаль –
и она стала местом прощальных речей Магомета

(пусть Аллах его благословит и за веру воздаст!)
В этом месте однажды, собрав всех явившихся в Мекку,
объявил им Пророк (мир ему!), что он здесь передаст
свод заветов, который Аллах завещал человеку.

Посмотрев пред собой на четырнадцать тысяч голов,
что покрыли долину, вдали уменьшаясь до точек,
понял он, что никто не услышит в толпе его слов,
и, мужей голосистых призвав, их расставил средь прочих.

Чтобы каждый из них, лишь слова различит его слух,
перебрасывал их, словно луч от оконца к оконцу.
(Так, встречая рассвет, из подворья в подворье петух
посылает соседу свой крик, сообщая о солнце.)

И стал гулким, как храм, в этот миг небосвод голубой –
не услышать ни трепета листьев, ни птичьего взмаха.
И слова Магомета неслись над притихшей толпой
и входили в сердца мусульман, как посланцы Аллаха...

2. ПОСЛАНИЕ

Взойдя на камень, как на царский трон,
воздав хвалу Аллаху, начал он:

«Аллах – защита нам на каждый час
от зла, что нас встречает за порогом,

и – от того, что зреет в недрах нас,
жизнь приводя к безрадостным итогам.

Никто не в силах вынудить свернуть
с Пути того, кто призван в Путь Аллахом.
Но и никто не выведет на Путь
того, чей взор Аллах завесил страхом.

Велик Аллах! Нет выше – никого!
А я – Посланник и слуга его.
Я говорю вам: вы – его рабы.
Быть в его Воле – слаще нет судьбы.

Внимайте ныне все моим словам,
поскольку я – вас больше не увижу.
Богатство, жизнь – весь мир даётся вам,
пока вы вдруг не призовётесь свыше –
и с вас ответ потребует Господь
за всё, чем жили и душа, и плоть.

Я ль утаил от вас посланье это?
Аллах свидетель – я его донёс!
Я так хочу, чтоб на земле пророс
всемирный сад исламского завета.

Я вас прошу призвать к себе терпенье,
чтобы понять ученье до конца.
Виновен – сотворивший преступленье,
а сын не отвечает за отца,
как и отец – за сына-подлеца.

Все мусульмане образуют братство,
где друг для друга каждый – точно брат:
один другому будь безмерно рад
и не позарься на его богатство.

Я ль утаил от вас посланье это?
Аллах свидетель – я его донёс!
Ислам – незыблем, как морской утёс,
язычество же – ветхая монета.

Для вас настал решительный момент –
забудьте с этих пор о кровной мести.
И не давайте денег под процент –
не оскверняйте веры тем и чести.

Вслед за Аллахом говорю я вам:
любите женщин, взятых по закону,

давайте волю ласковым словам,
дарите им цепочки и кулоны.

Дано вам право нежить их в ночах,
за это днём кормя и одевая.
Они ж должны поддерживать очаг
и ублажать вас, лаской овевая.

Когда жена верна и незлобива –
дари ей кольца, чтоб была красива.
А коль глупа, болтлива, как сорока –
то накажи её... Но – не жестоко.

Порой бывает, даже чёрный раб
способен стать владыкой одним махом,
когда поставлен будет он Аллахом
царём людей, хоть немощен и слаб.

Враг сатана смутил соблазном многих
и завладел их робкою душой.
Не отступай от правил жизни строгих,
ведь грех – есть грех, что малый, что большой.

Я вам диктую заповедь Аллаха,
чтоб был над каждым ясный небосвод.
Омойте руки от греха и праха –
и вас никто с дороги не собьёт.

Что скажете, когда Всевышний в славе
вас обо мне вдруг спросит – как я жил?..»

.....

«...Мы скажем: ты донёс до нас посланье,
и миссию Пророка – совершил».

3. ЗАВЕТ НЕБЕС

И вновь на следующий день собрал людей Пророк
(благослови его, Аллах!) и дал второй урок:

«Цените, люди, календарь – недели, дни, года.
Двенадцать месяцев в году – пусть будет так всегда.

Священный день пусть в каждый дом приходит в нужный срок.
Не нарушайте жизни ход – и вас минует рок.

Коль есть у вас рабы, то их – кормите, как себя.
Не вы хозяин им – Аллах, он помнит всех, любя.

Любите Господа. Пять раз молитесь ему в день.
Пост соблюдайте в Рамадан, не поощряйте лень.

В Каабе чёрный камень есть – к нему любой из вас
хадж должен в жизни совершить хотя бы один раз.

У всех у нас отец – Адам, мы все его сыны.
Будь ты араб, будь не араб – пред Небом все равны.

Пусть белый ты, пусть чёрный он – для всех один закон.
Лишь чистота – твой эталон, лишь верой ты силен.

Крепите суть моих словес в молитвах и делах.
Я вам донёс завет Небес, как мне велел Аллах».

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И, завершая речь свою, Пророк
(благослови, Аллах, его навеки!),
сказал, что все мы к Богу на порог
придём однажды, будто к устью реки.

«...И все ответят Богу за дела,
за мысли и за сказанное слово.
И чтоб судьба была твоя бела –
не отклоняйся от Пути прямого.

Я вас покину скоро, и туман
на бранный след мой покрывалом ляжет.
Но я дарю вам Сунну и Коран –
они вам Путь спасительный укажут.

Пусть вам поможет личный мой пример –
как надо жить и восхвалять Аллаха.
После меня не будет новых вер,
но будет много и греха, и страха.

Кто меня слышал – пусть несёт слова
тем, кто здесь не был и меня не слышал,
чтоб разносила по земле молва
ислам, что послан всем народам свыше...»

...И, доведя посланье до конца,
он замолчал, и все вокруг – молчали.
И лишь в груди у слушавших – сердца
на целый мир взволнованно стучали.

О ГЛАВНОМ

ВЛАДИМИР ГОФМАН

Вечная сказка

1

Он шёл быстро, почти бежал, прижимая к груди хрупкое тельце дочери. До больницы оставалось совсем близко, когда она пришла в себя.

— Па, куда мы идём?

— Мы идём в больницу.

— Зачем?

— Ты поранила пальчик.

— А почему я не помню?

— Потому что ты потом уснула.

Больничное здание светилось огнями во всех окнах.

— Почему же мне не больно?

— Так ведь это хорошо, что не больно, правда?

— Правда.

«Скоро ты почувствуешь боль», — подумал он. Говорить было неудобно: он прижимал щекой её руку на своём плече, чтобы девочка не видела крови, которая стекала ему на рубашку и на дорогу позади них.

— А теперь мне больно, — сказала она.

— Но ведь ты потерпишь?

— Потерплю.

Оставалось пройти всего несколько шагов до подъезда. Он ещё крепче прижал девочку к себе и почувствовал, как бьётся маленькое сердце.

- Потерпи, Светлячок. Потерпи ещё немного. А я расскажу тебе сказку.
- Какую? — голосок дрогнул.
- Это старая сказка.
- Ладно. — Она всхлипнула. — А потом ещё одну, новую?
- Конечно. Я расскажу тебе все сказки.
- Все-все?
- Все-все. Какие только есть на свете.

2

Они стояли друг против друга в полутёмной прихожей, и он в очередной раз заметил, что дочь стала выше его ростом. Особенно в этих дурацких туфлях на неуклюжей платформе.

- Где ты была?
- У нас был вечер.
- Какой ещё вечер? — он едва сдерживался.
- Вечер отдыха, — ответила она с усмешкой.

В квартире пахло валерьянкой. Где-то у соседей за стеной раздавались звуки одной из надоевших популярных песенок.

- Вечер отдыха? — переспросил он. — И этот вечер длился сутки?
- А что?
- Ничего. Ты могла хотя бы позвонить.
- Там не было телефона.

«На всё у них готовый ответ», — подумал он. Дочь попыталась пройти мимо него в свою комнату.

- Подожди, — он взял её за руку. — Тебе восемнадцать лет, и я...
- Уже восемнадцать!
- Нет, всего восемнадцать!

Лицо её, в косметике, казалось непроницаемым. В последнее время оно было таким всегда, и только особенным показался ему блеск глаз. И тогда он, догадавшись, резко приподнял лёгкий рукав её платья: на локтевом сгибе покраснели две маленькие отметины, похожие на подсохшие укусы комаров.

Он вдруг остро почувствовал тыльной стороной ладони гладкость кожи на кисти её левой руки, на том месте, где был когда-то мизинец.

... Огни больницы мчались на него, слепя и пугая. А он всё прижимал к груди беспомощное тельце дочери, как будто хотел её защитить от всего мира...

У него перехватило горло.

Что он мог сказать ей? Какие слова? Таких слов не было у него в запасе. Теперь не расскажешь сказку. Она не услышит её. Ни одной из тех, что есть на свете.

3

Он знал, что умирает. Об этом знали все.

Дочь присела возле него на краешек кровати.

- Тебе что-нибудь нужно, па? — спросила она.
- Ему нужно было многое. И прежде всего — она.
- Нет, — ответил он и закрыл глаза.
- Как ты?

Он не ответил, неопределённо приподняв брови. Что ответишь на такой вопрос. Немного помолчав, спросил:

— Где дети?

— Они сейчас придут.

— Это хорошо.

На улице за окном неожиданно громко запела птица. Он открыл глаза и посмотрел на дочь: тонкие серебряные ниточки седины на её висках стали заметнее.

— Открой, пожалуйста, форточку.

Она встала, открыла форточку и снова присела к нему на кровать.

Он взял её руку и провёл пальцами по ладони. Кожа на месте, где не было мизинца, оставалась такой же гладкой и тонкой, как в детстве.

— Слушай, — сказал он тихо и замолчал.

...Её сердечко колотилось так близко, что, казалось, оно бьётся в его груди, и он ещё крепче прижал дочку к себе. Огни больничных окон сверкали впереди, расплываясь в большое яркое пятно...

— Слушай, Светлячок, я расскажу тебе сказку.

Она заплакала.

— Какую сказку?

Этих слов он не произносил уже много лет, он даже боялся, сможет ли сказать их вслух.

— Старую сказку, — ещё тише сказал он, а сам всё не выпускал её руку из своей. — Старую-старую сказку.

— А потом ещё одну, новую? — сквозь слёзы спросила она.

Вспомнила! Она вспомнила! Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Разноцветные огни летели навстречу ему с невероятной скоростью. И он прошептал едва слышно:

— Все-все... Какие только есть на свете.

Р. С. Редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» поздравляет члена нашей редколлегии Владимира Николаевича Гофмана с присуждением Пушкинской литературной премии (Болдино, 2010 год).

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ДУША ОТКЛИКНУЛАСЬ ДУШЕ

Из Габдуллы Тукая

Я СЛЁГ В ДЕРЕВНЕ

Я в деревне. Я болею. А вокруг меня снега.
Отдохни, Ахмет, со мною — летом ты метал стога.

Буду я работать ложкой, засучивши рукава, —
прогоню болезнь из тела, солнце выглянет едва!

Мысли зимние, как вьюга, обжигают — холодны,
но с картошкой и хлебом доживу я до весны.

Ах, картошка с постным маслом, вот роскошная еда!
Всех: и бедных, и богатых выручала ты всегда.

Долго к тёмному народу из Америки самой
добиралась ты, картошка, чтоб согреть меня зимой...

* * *

Из Хасана Туфана

ТЕБЕ

Опять весна уходит, подарив
на память людям скромные цветы.
Мне не забыть, пока я буду жив,
как, уходя, со мной прощалась ты.

Мне довелось гореть в таком огне,
что память обрывалась, словно нить.
Но сквозь огонь ты улыбалась мне —
душа смогла твой образ сохранить.

Я тыщи вёрст потом исколесил,
ту ниточку печально теребя,
и об одном сильнее всего грустил,
что до сих пор я не нашёл тебя.

Ах, если бы какой-нибудь вокзал
случайно свёл с тобой в тени берёз,
я столько бы глазам твоим сказал,
я столько бы в глазах своих унёс!

Совсем немного — капельку тепла
от губ твоих — я у судьбы прошу.
Живём лишь раз. И пусть весна ушла!
Я буду ждать, пока я дышу.

* * *

Из Ильдара Юзеева

*В Клячкинской больнице города Казани,
в которой в 1913 году умер Тукай,
сегодня размещён родильный дом.*

А в Клячкинской теперь родильный дом.
Печаль пронзила сердце отчего?
Кричат младенцы. Думаю о нём,
как будто слышу детский крик его.
Бессмертным песням век не устареть!
Но песней новой кто прославит край?
Судьба Тукая — в доме умереть,
где, может быть, родится вновь Тукай.
Я думаю, услышав детский плач,
что песня тоже в муках рождена.
Кто выразит — и молод, и горяч —
всю скорбь твою, родная сторона?
Сквозь боль утрат Поэта разглядим!
Его услышат поле и трава,
Тукай в больнице умер молодым,
душа Тукая в будущем жива...
А в Клячкинской теперь родильный дом.
Скажите, в сердце радость отчего?
Кричат младенцы. Думаю о нём.
Кричат младенцы голосом его.

Из Махмуда Хусаина

ВИЖУ МОЛОДОСТЬ СВОЮ

Я с дочерью своей приехал в Крым.
Будь ласков с ней, Босфор, —
краса морей!
Она порхает солнышком живым
от радости по комнате моей.

Когда она садилась за рояль,
то море затихало за окном.
А я грустил, мне всё чего-то жаль,
я был пленён каким-то давним сном...

Меня куда-то музыка звала
и душу бередила — вспомни, дед, —
как море, бурной молодость была.
Но где она? Давно потерян след.

Она, как предрассветная роса,
на лепестках прекрасных крымских роз
растаяла. Ответьте, небеса,
куда она исчезла? Вот вопрос...

Играет дочь. Летит её душа
к тебе на крыльях музыки, любовь.
Замри, Махмуд, и слушай, не дыша,
и молодость свою ты встретишь вновь.

Её в глазах у дочки вижу я...
Крута тропа на древний Карадаг,
но, если рядом молодость моя, —
упруг и лёгок мой весёлый шаг.

Мы на скале. Под нами мир земной.
Жизнь, как зелёный луг, открыта мне.
И молодость сверкнула предо мной,
как молния в бездонной вышине.

Из Разиля Валеева

ВРЕМЯ

Как устал я сегодня!
Хочу одного —
чтоб часы всей планеты
перестали отсчитывать время.

— Эй, Земля, — я кричу, —
не пытай меня больше!
Я один, спотыкаясь, бреду.
— Эй, Земля, — я кричу, —
повернись-ка назад хоть на градус,
ведь любимая где-то отстала...

Но дорога, петляя, ложится под ноги,
и секундная стрелка несётся по кругу,
и планета не слышит меня.

* * *

яБЛОКО

Кто это яблоко спелое бросил
девушке прямо в ладонь?
Кто чёрные кудри взлохматил у плеч?
Кто росинки, как бусы,
нанизал на ресницы?

— Ты это, милый, ты?..

Но нет никого.
Только ветер...
И медленно падает яблоко
на землю из рук.

Из Ахмета Адила

* * *

* * *

Из деревни в деревню ходил этот парень
 в распахнутой настежь шинели.
 На груди у него жестяные «медали»
 от ветра чуть слышно звенели...
 Провожала гармонь на армейскую службу
 ребят,
 огласив первопутюк.
 Забракован врачом, от тоски и стыда
 потерял этот парень рассудок.
 С той поры так наивно и грустно
 ровесникам вслед из далёкого
 детства
 он глядит и глядит. Обернусь.
 Никуда мне от этого взгляда не деться.

МИНАРЕТЫ

Потух полумесяц на старой мечети,
 к земле наклонился её минарет.
 Двадцатого века беспутные дети,
 куда мы уходим — и жнец, и поэт?

Ведь это история древняя наша!
 Без прошлого, друг, и грядущего нет.
 Ты видишь — узором карниз разукрашен?
 На совесть работали прадед и дед.

Неужто забудем загадку преданий,
 легко разорвём эту кровную связь?
 Ценою великих народных страданий
 в веках высекалась арабская вязь...

Уходим к мартенам. Родному порогу
 уже не клянёмся в сыновней любви.
 Когда минарет упадёт на дорогу,
 забытая боль отзовется в крови.

Ужель и её переплавим в ракеты?
 Та боль, словно сталь, закаляется в нас.
 Остры, как в аулах родных минареты,
 ракеты взлетят на Венеру и Марс.

Детство.
 ночная степь,
 светлый костёр.
 Ветер в гривах коней.

Юность:
 солдатская форма,
 дальний поход,
 сапоги.

Зрелость:
 построен дом,
 женщина рядом спит,
 сад за окном шумит,
 дети растут.

На плечах и на сердце груз,
 тяжесть которого
 знаешь сам.

ДРУЗЬЯМ

Земля мою речь поймёт.
 Река мой напев споёт.

Вон место моё на высокой горе,
 туда отнесите меня на заре.

**ПОЖИЛОМУ, НО ВЛЮБЧИВОМУ
ЧЕЛОВЕКУ**

Хмельной любви уж выпито вино.
 Бурдюк твой опустел давным-давно.
 Куда ещё протягиваешь руки?
 Пора, бабай, — садись за домино.

*Из Клары Булатовой***К ТЕБЕ ВОЗВРАЩАЮСЬ**

Седина по вискам, по судьбе —
словно снег по осенним полям.
Я могла бы вернуться к тебе,
если жизнь разделить пополам.
Я попробую. Я разделю.
Остановится времени бег.
Мне семнадцать. Впервые люблю.
Сердцем чувствую — это навек.
Платье синее, как небеса,
я кроила и шила сама.
За плечами тугая коса
кавалеров сводила с ума...
Я накину на плечи платок,
ленту синюю в косу вплету,
чтобы ты отвернуться не смог,
чтобы видел меня за версту.
Вот иду к тебе — вся в голубом.
Этот цвет мне к лицу, говорят.
Помогите — хоть дьявол, хоть бог —
на полжизни вернуться назад...
Я в наряде своём — хоть куда —
молодой и красивой была.
Мне бы модные туфли тогда,
я бы сразу на танцы пошла.
Только в тапочках, сшитых отцом,
я стеснялась заглядывать в клуб.
Лишь вечерней звезде над крыльцом
я шептала, как мил ты и люб...
От колодца, бывало, иду, —
ты стоишь, улыбаешься, ждёшь.
С коромысла — у всех на виду —
снимешь вёдра, частушку споёшь.
Нёс ты вёдра до самых ворот.
Капли падали в тёплую пыль.
— Будет свадьба, — смеялся народ.
Словно сказка теперь эта боль...

Трижды в клуб ты меня приглашал.
Трижды я промолчала в ответ.
Счастью, милый, пустяк помешал —
модных туфель у девушки нет.
А когда появились они,
радость вспыхнула в карих глазах:
поскорей, мой желанный, взгляни —
на высоких иду каблуках.
Только ты оглянуться не мог —
шла другая с тобой по тропе...
Не поможет ни дьявол, ни бог
на полжизни вернуться к тебе...

Много туфель и платьев теперь
в одинокой квартире моей.
Знаю — в молодость заперта дверь.
Только нету на свете родней
той земли, где в колодце вода
остаётся навеки живой...
Я люблю возвращаться туда,
где когда-то была молодой.
Здесь туманы за тёмный бугор,
как парное текут молоко...
Говорят, что и ты до сих пор
одинок и живёшь далеко.
Знаешь, милый, я туфли вчера
подарила, чтоб стать веселей.
В них соседка моя до утра
танцевала на свадьбе своей.
Захотелось и мне танцевать
даже в тапочках, сшитых отцом,
и любимым тебя называть
под звездой, что горит над крыльцом.
Я бы рядом с тобой по тропе
шла к прохладным вечерним полям...
Я могла бы вернуться к тебе,
Да не делится жизнь пополам.

*Из Газиза Кашапова***ОЖИДАНИЕ**

Улетают годы без возврата,
но стремится в прошлое душа.
Я пацан. Дождусь отца-солдата,
выбегу, от счастья чуть дыша.
Вёсны приходили, уходили.
Помню — каждой новой весной
в доме ждали, в доме стёкла мыли,
навсегда разделившись с войной.

Спать ложился, думал — утром встану:
— Здравствуй, сын, — услышу,
— покажись!

Мы ворот не запирали на ночь.
Долго ждали. Но не дождались...

Вырос я. Иду по белу свету.
Ночь укажет путь, зажжёт звезду.
Я рванусь на запад, как по следу,
и могилу братскую найду.

Я вернусь домой. Вьют гнёзда птицы.
Мать стоит седая у крыльца...
Навсегда бы в детство возвратиться,
я б дождался всё-таки отца.

*Из Ханифа Хуснуллина***СТАРИКИ ПОДМЕТАЮТ
КЛАДБИЩЕ**

Старики на кладбище пришли.
Старики одеты аккуратно.
Места нет священной той земли,
где друзья-товарищи легли,
где и сами лягут безвозвратно —
из могил никто не встал обратно.

Новая у каждого метла.
Черенки сверкают белизною.
Их сюда забота привела,
чтоб сирень-черёмуха цвела
на могилах каждую весною.
А глаза полны тоской земною.

В сеточке морщинок каждый лик.
Высушила руки им работа.
Прежде чем прийти сюда, старик
долго в бане париться привык.
Подстрижёт бородку для чего-то,
а потом уж выйдет за ворота.

Старикам важнее дела нет.
Подметут. На запад смотрят долго —

Солнцу заходящему вослед.
Сколько зим осталось, сколько лет?
Жизнь текла, как медленная Волга.
Всё прошло. Осталось чувство долга.

Дай им волю — эти старики
с метлами прошли бы пол-Европы.
Там лежат друзья-фронтовики,
там лежат погодки-земляки.
К ним давно пора расчистить тропы
через все завалы и сугробы.

Слишком много что-то на Земле
нечисти военной накопилось.
Каждому бы в руки по метле,
чтоб вовеки в атомной золе
матушка-земля не очутилась!
Как спасти её, скажи на милость?..

Чисто-чисто тропки подметут
и тихонько выйдут за ограду.
И увидят: дети там и тут
за ручьями вешними бегут.
В мир несут надежду и отраду
по земле родимой, как по саду.

ПЕСНЯ МАМЫ

Осенний ветер завывает.
И, будто ноту подхватив,
на кухне мама затевает
чуть слышно простенький мотив.

Зачем она к старинной песне
свои придумала слова?
О чём на кухне нашей тесной
вдыхает печь, трещат дрова?

И кто мотив соединяет
с лучами, бьющими в окно?
Об этом мама знать не знает.
Она поёт. Ей — всё равно...

О чём поёт? Как юность птиц
кружила около неё,
как самой раннею зарницей
колола ноги о жнивьё.

Поёт, как будто окликает
всех разлетевшихся детей.
Вода — известно — точит камень,
разлука — сердце матерей.

И ничего слышнее нету,
чем слов бесхитростных полёт.
Все лучшие певцы планеты
молчат, когда она поёт...

Из Габдельнура Салимова

ПРИ СВЕТЕ ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРИ. ПО КОЛЕНУ В ВОДЕ. НА ПЛЕЧАХ БРЁВНА.

Вновь угасает вечер.
Лодка привязана цепью.
К лодке прижался последний
солнечный зайчик дня.

Грустно мне. Одиноко.
Я б улетел отсюда.
Я б улетел отсюда.
далеко-далеко...

Лошадь в воде. Лошадка...
Дотрагивается губами
до лоскутка зари,
не зная,
что это последний
солнечный зайчик дня.

Грустно мне. Одиноко.
Я б улетел отсюда.
Я б улетел отсюда
далеко-далеко...

Пей на здоровье, лошадь!
Пей на здоровье последний
солнечный зайчик дня.

Вновь угасает вечер.
Я б улетел отсюда.
Я б улетел отсюда
далеко-далеко...

Мчись по высоким травам!

Вновь угасает вечер.
Грустно мне почему-то...

Пусть прилипают к копытам
ромашки, дарящие силу!

Грустно мне почему-то.
Я б улетел отсюда.
Я б улетел отсюда
далеко-далеко...

САПОГИ

Нашли через речку брод.
Вода холодна, как лёд.
У всех на ногах изящная обувь.
Один в сапогах идёт.

Да здравствуют сапоги,
болотные сапоги,
переносившие поодиночке
всех на тот берег реки!

Да здравствует доброта!
Наверное, неспроста,
как радость великая, объединила
нас переправа та.

Хозяин сапог — наш друг —
печально взглянув вокруг
и пот подступивший со лба вытирая,
сказал на прощанье вдруг:

— У каждого жизнь своя,
И вас позабуду я,
и вы меня тоже, но не забывайте
мои сапоги, друзья!..

ПОЛОВИК

ночью
я превращаюсь
в молитвенный
коврик луны
днём
целую
подошвы
сотни
различных
подошв
хочу
чтоб молитву луны
они разнесли
по свету.

СЮЖЕТ

Пока он был жив — дразнили.
Молчал. Из кармана вытаскивал
залатанный старый кисет.

Он в семьдесят лет скончался.
На правой щеке бедняги
змеился неровный шрам.

Его обмывали трое.
Один из них — самый скорбный —
покойнику был врагом.

Давно это было. Бежали
зимою вдвоём из плена.
От холода спас стог сена.
От ссоры не спас никто.
Один, потеряв рассудок,
ударил ножом другого.
А ныне — смотрел со страхом
на синий неровный шрам.

ТАКАЯ ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

Мальчик плетёт корзину.
Через реку тропинкой
солнечный свет струится,
за ягодами зовёт.

Парень корзину дарит
девушке: «Видишь, солнце
нас приглашает вместе
ягоды собирать?»

Стоя в воде по колено,
мостик мужчина строит
на ягодный светлый берег,
не зная, что там полынь.

Старик переходит речку
по мостику еле-еле
к берегу, где когда-то
в детстве корзину плёл.

А мальчик сидит на камне,
а мальчик плетёт корзину,
и солнечный свет тропинкой
зовёт его через реку.

ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ

Покрашен мой «отель» почти наполовину.
Вращаю вокруг пальца тяжёлые ключи.
Кем был, кем стал — скажи? Всё ждёшь, сгибая спину:
хозяин говорит — ты слушай и молчи...

Вращаются ключи, блестят и суетятся,
как маленькие люди вокруг больших людей.
Кем был, кем стал — скажи? Смешно! Но рассмеяться
уже не в силах ты. И смотришь всё лютей...

С меня довольно! Пусть своё покажут страсти!
Рассыплю на паркет всю связку по ключу...
— Эй, где вы, маляры? Все стены перекрасьте!
Да, заново, конечно. И так, как я хочу!

Вода из большого ключа

Маме

1

По обитым латунию ступеням трапа, что-то напевая, поднимался матрос с цинковой бадьёй в одной руке и пеньковой шваброй в другой.

Евдокия Ивановна стояла внизу, в прохладном полумраке нижней палубы, дышала парами смолы и машинного масла и глядела вслед матросу, видела его подкованные каблуки, слышала их стальной звон о латунь. Потом матроса не стало, открылось голубое бездонное квадратное окно в небо, и Евдокия Ивановна тяжело, по-старушечьи, налегая на круглые полированные перила левой рукой и опираясь правой о сухое, потерявшее силу бёдро, поднялась на верхнюю палубу.

«Господи, Господи, — сокрушённо думала она, — а как раньше-то, бывало, бегалось! По три пуда ржи за две версты таскала...»

Матрос уже тянул из реки на тонкой верёвке бадью. Загорелая короткая шея у него напряглась, и под чёрными полосами тельняшки на спине перекатывались твёрдые бугры.

— Эх, жисть, мамаша! — подмигнул матрос Ивановне, поставил ведро и сунул в него швабру. Вода фыркнула, плюхнулась из бадьи радужно сверкнувшим на солнце цветком и расплескалась по палубе весёлыми искрами.

– Не балуй, Костин! – строго сказал с капитанского мостика пожилой человек в белой фуражке.

– Есть! – весело гаркнул парень и широко махнул по палубе сочной шваброй.

Шаркая жёлтыми сандалиями, Ивановна прошла в дальний конец палубы, к корме, села на белый, сбитый из брусков, диван.

Было утро, самый хороший час, когда воздух уже набрал солнечное тепло, но сохранил свежесть и запахи ночи. Река, спокойная, ещё не стряхнувшая дремоту, была подёрнута лёгким, как дыхание, паром и воду чуть рябило, точно по её тонкой голубой коже пробегала дрожь. Правый берег, крутой, с красноватыми глинистыми срезами, рассечённый тенистыми оврагами с кудрявым кустарником по склонам, проплывал совсем рядом. Видна была каменистая дорога с наезженными колеями и как гладкие овальные волны, плавно разбегаясь от тупой кормы парохода с задранной в небо спасательной шлюпкой, смывают с берега грудки мелкого мусора и опять бросают его на мокрую землю. А левый берег, был далёк, низок, прикрыт тальником, росшим из воды. За тальником, под тонким пологом утренней дымки, угадывались заливные луга, сочная их трава, мягкие кочки. Наступишь на кочку – под ступнёй жулькнет, рассыпется брызгами вода.

Эх, и любила же Ивановна луга, пьяный их запах, звон литовок, когда по ним, как смычок, гулял песчаный брусок, и как потом с шуршанием и хищным взвизгом ходило шучье блёсткое лезвие в траве, клало её ровными рядами. И по оврагам любила она шастать, собирать разную ягоду – влажную, хрусткую на зубах черёмуху, липкую и беспомощную землянику, а осенью, в первый листопад – налитой оранжевый боярышник. Отходили, знать, отбегали ноженьки, ночами сводит их жестокая судорога. А жизнь всё сладка, дорога. И не хочется думать о её крае.

«Благодать-то какая!» – шурясь от солнца, от блеска спокойной речной воды, подумала Ивановна.

Пароход был маленький, вятский, шёл он по старинке не шибко и, если глядеть на дальний левый берег, как будто совсем не двигался. А колёсами, широкими их деревянными лопатками, молотил воду усердно и походил этим на мальчика, недавно научившегося плавать.

Но Евдокия Ивановна не спешила. Нигде она так не отдыхала, как в дороге – на пароходе или на поезде. И ездить любила. Чуть потеплеет, соберёт свой фибровый чемоданчик и – навещать детей. Проведает, как живут, подомовничает, если им вышел отпуск и надо ехать на отдых. А спросят её, где живёт, улыбнётся смущённо и скажет: «У детей живу. Кому помочь надо, там и живу...» А своего дома у неё уже лет тридцать, как не стало.

– Куда, старая, путь держим? – услышала Ивановна. Отвернулась от реки и увидела старика. Он стоял, гордо запрокинув голову, в руке держал батог, а под мышкой газету. Пиджак на нём был расстёгнут, и выпущенную серую косоворотку на округлом животе перехватывал узенький лакированный ремешок. Рядом со стариком, заглядывая на него снизу вверх, переминалась чистенькая старушка в белом платочке в крапинку. Потом она посмотрела на Ивановну и, улынувшись ласковыми серыми глазами, поклонилась. Легко так поклонилась, приветливо. И Ивановна, отвыкшая от этого обычая, торопливо привстала и тоже склонила голову.

Старик сел рядом с Ивановной. Тут голова его упала на грудь, как неживая. Но он резко откинулся на спинку дивана, и тогда голова, большая, в венце серебряных упруго торчащих волос, приняла прежней своё гордое положение.

– Ты что стоишь, Ксюша? – глядя в небо, строго спросил старик. – Садись.

И маленькая старушка в синем штапельном платье до пят и плюшевой жакетке, прохромав до скамейки, примостилась с краешка по правую руку от мужа.

«Прямо как птичка-синичка», – подумала Ивановна.

– Так куда плывём по морю-окияну? – спросил старик крепким и уверенным голосом.

– В Мамадыш собралась, маме надо на могилу крест поставить, – сказала Ивановна, разглаживая шерстяную юбку на коленях. – Кабы не упал тот – старый. А я из её детей живу последняя. А умру – кто её вспомнит?

Старик, держа голову на весу, повернулся к Ивановне всем своим крупным туловищем, посмотрел на неё сверху из-под опущенных век, внимательно и будто издали.

– И то верно, – сказал он, – тогда некому будет. Вот как мы, старики, родителей почитаем... Будут ли дети наши нас так помнить и почитать?

«Важный старик, с характером», – подумала Ивановна, немножко робея.

– А как же? Будут, – сказала она негромко. – Я чем счастливая, так это детьми. У меня их четверо было, один на фронте погиб в сорок третьем... и ни об одном плохо не скажу. Все учёные, с высшим образованием, и все мне рады. Счастливая я детьми своими.

Сама Евдокия Ивановна окончила всего-навсего один класс сельско-приходской школы. Зимой одежды на всех детей не напасли, школа находилась на другом конце деревни, за мостом, и родители порешили: хватит Дуньке и одного класса – читать-писать мал-мал научилась, пусть с младшими братом и сестрой поводитися.

– А старик-то жив?

– Нет, давно помер. Двадцати пяти лет одна с ребятишками осталась. Он меня на тридцать лет старше был. Когда венчались, мне едва девятнадцать исполнилось, а ему уже сорок девять было. И два сына – оба старше меня, а все-таки «мамой» звали... Характер у мужа крутой был – я его сильно боялась, хоть он меня ни разу не обидел.

Ивановна с улыбкой смотрела попеременно то на старика, то на старушку. В её синих, потерявших изначальный блеск глазах было весёлое торжество: у знакомых и незнакомых людей её история замужества вызывала удивление. И это было, пожалуй, единственное в её жизни, чем могла она людей подивить.

– А что же ты за него пошла? – помедлив, спросил старик. – Аль из-за богатства?

– Какое богатство! Он из беженцев был. В пятнадцатом году из Белоруссии много ихних семей в нашу деревню приехало. Посватался он ко мне. Мама говорит: выходи, девка! Мужик он самостоятельный, грамотный. И пьёт не как наши мужики – свою меру знает. Тятя у нас в те поры умер, с хозяйством одним бабам не справиться. Парни все на войне. Вот и вышла. Поселился он в наш дом со всем семейством – сам да трое детей – два сына и дочь. Жену его и двух младшеньких германцы, как в ихнюю деревню пришли, живыми в избе сожгли. Никита мой, бывало, когда выпьет бражки али кумышки, плачет – жалел и жену, и детей.

– Ну а с ним жили как? – последовал вопрос.

– Ничего жили. Мужик здоровый был, работающий. За задок, бывало, телегу на ходу на спор возьмёт – и лошадь встанет, как вкопанная. И с места сдвинуть воз не сможет. На вилах полкопны сена поднимал. А умер скоро. Как третьего, девчонку, принесла, он через восемь месяцев преставился. Камень почек приключился. Умру, сказал, а операцию делать не стану! И всё наказывал перед смертью: как трудно ни будет, ребятишек учи... Всех вот и выучила. Потом ещё одного принесла, последыша... Да сестра младшая года за три до войны от туберкулёза умерла, её девчонку с восьми лет воспитывала. А теперь внуки. С седьмой вот нянчусь... Так всю жизнь детям и отдала, для себя, можно сказать, не жила. Правда, и не жалею. Мне уже семьдесят скоро, а я им всем нужна – и счастливая этим. Только теперь, кажется, и жизнь пришла, будто свет заново увидела. И поесть можно досыта, и отдохнуть, и посмотреть что. У меня дети начнут жаловаться: того нет, другого. А я им говорю: вспомните, как заварихе из аржаной муки на одной воде радовались, сочням, как уроки при лучине готовили. А теперь вы каждый день белый хлеб едите. Засмеются и скажут: мудрец ты у нас, мама!

Ивановна улыбнулась тонкими своими, морщинистыми губами и опять стала разглаживать шершавыми ладонями юбку на коленях. Рада она была поговорить с хорошими людьми, раскрыть перед ними нехитрую свою душу, пройти памятью по пережитому – тяжёлому, когда жилось, и приятно полегчавшему издали. Это прошлое лежало где-то далеко, уже не в ней и как будто не принадлежало ей; прошлое прошло сквозь неё, и она прошла сквозь прошлое, и многое забылось. А с нею было настоящее, большое и радостное, как этот день, как эта тихая, светящаяся голубыми бликами река и глубокое солнечное небо. А это чем-то походило на радостное ощущение молодости или внезапно осуществившегося желания. И когда она рассказывала, казалась себе сильной, дальновидной, и дети были немного другими, чем в жизни – добрей и внимательней.

А была Евдокия Ивановна на самом деле характером мягкой, слишком мягкой. Мягкие очертания имел её тупой расплывчатый нос, провалившийся из-за недостатка зубов подбородок, но ещё мягче была душа Ивановны. И если добивалась она в жизни чего, так это терпением и верой в Бога. А что нужней на веку – сила или терпение,

сказать трудно. Случается, силен человек, а нетерпелив: задумает враз гору свернуть – и насадится... А терпеливый эту гору ломом да лопатой взрыхлит и шапкой, куда надо, перенесёт. Ивановна свою гору одолела неистощимым терпением.

– Да, – сказал старик, – иная молодежь глядит на нас и думает: сидят старики на лавочке, греются, копят небо. А мы своё отработали сполна. Про себя тоже размышляю: две войны прошёл, повидал сколь. Детей вот с Ксюшей семерых вырастили. Двое с войны не вернулись... И по России нас таких сколь – не сосчитать. На нас стоит земля, на плечах наших, на руках, на костях.

Старушка, похожая на птичку-синичку, погладила мужа по плечу, сказала с прищёптыванием:

– Ты уж скажешь, Иван Иванович.

И, выглянув из-за старика, сказала Ивановне:

– Он всегда вот так говорит. Как по писаному. Мы две газеты получаем да журнал, и он всё прочитывает. И руки золотые – за что ни возьмется – все у него выходит по-научному... Только голова у него ровно не держится, в войну шею прострелило. А мне вот нога покоя не даёт, туберкулёз кость точит. Войну всю в лаптях проходила, застудила, видать.

И пошёл стариковский разговор о болезнях, о детях, о разных деревенских случаях, об урожаях и недородах, о погоде – как она нынче совсем другой стала, о молодежи: что ей теперь в радости-то не жить?.. Не то, что мы в колхозе маялись беспаспортными, как крепостные, – не убежишь! А ребята теперь об одном думают: как в город поскорей шмыгнуть?..

– Мы с Ксюшей детей порядочно народили, а остались одни, – пожаловался Иван Иванович. – Разлетелись кто куда!

– У меня тоже все свои гнезда свили, – сказала Ивановна. – Дочери обе – учительницы. Одна здесь, на Вятке, в Вятских Полянах работает. Муж у неё главным энергетиком на заводе секретном работает. Другая дочка в селе – и она, и муж учителя. И племянница тоже учительницей в деревне. А сын – он у меня последний – главным инженером в Красноярске. И я с ним вот четыре года живу, с внучкой вожусь. На лето сюда приезжаю. Ничего, везде живут люди.

– Живут, – согласился старик. – А кому мы хозяйство оставим? Кто на земле крестьянствовать будет? Мы вон с Ксюшей сад на полсотни яблонь вырастили. Малины, смородины, крыжовника, черёмухи, вишни на всю деревню хватает. Омшаник держу, ульи. Кому все это оставлю? Была бы земля своя – продал бы хорошему хозяину, пусть моё дело продолжает. А так пропадёт всё пропадом!.. Объягорили нас большевики в семнадцатом, а потом всё крестьянство под корень порешили.

– Ой, уймись ты, ради Бога, Иван Иванович! Все само собой наладится, нашёл из-за чего душу свою мытарить, – легко махнула ручкой птичка-синичка. – Колхоз быстро всё к рукам приберёт...

– На это у нас мастеров хоть отбавляй – отобрать и поделить. И тут же загубить – пропить, промотать!.. Пенсия-то у тебя, чай, хорошая? – обратился старик к Евдокии Ивановне. – Нам вот с Ксюшей колхоз аж по тридцать целковых отвалил! По рублёвке за каждый год работы. Хошь смотри на них, хошь – плачь.

– А у меня пенсия и того меньше – всего двадцать шесть рублей за убитого в войну сына. Сперва долго только пятнадцать платили. Потом зять – он в те поры первым секретарём в райкоме сельском работал – помог справку выправить, что я у сына на иждивении была, так одиннадцать рублей добавили. Колхозный стаж мне не засчитали, а на фабрике я только в войну работала. Там и сердце на стройке надорвала. А инвалидность не дают. Если бы не дети – не знаю, как бы и жила.

– Да, не жалуется нашего брата советская власть. Я на неё никогда не надеялся и сам не плошал: бондарил, столярничал, пчёл держал, – подытожил старик и, улыбаясь в пышные седые усы, пронизанные солнцем, резко поменял тему разговора. – У нас с Ксюшей, коли доживём, в сентябре золотая свадьба состоится. Мёд распродам, деньжата будут, соберу всех ребятишек своих, внуков-правнуков – и погуляем на славу!.. Там и совет семейный проведу – что нам со старухой с хозяйством делать...

2

Здесь, у домика бакенщика с мазутно-чёрными цифрами ниже конька, над слуховым окошком, и полосатой мачтой с колпаком на макушке, надутым ветерком, Вятка делала поворот вправо. Ивановна видела, как по берегу ходит мужик в засученных до колен штанах, копну сена у домика, чёрную лодку под песчаным обрывом и думала о размеренной речной жизни, о свежей рыбе, которую каждый день едят бакенщики. А рыба, особенно её голова в ухе, – лучше еды не надо.

Потом она перевела взгляд по ходу парохода и увидела знакомую гору и белый, будто из облака сделанный, обелиск на её плоской вершине. Обелиск был светел и мал, острым лучом глядел он в голубое жаркое небо. Но Евдокия Ивановна знала, что вблизи он гораздо выше, и неизвестно, подштукатурили ли его теперь снизу, где прежде виднелись трещиноватые кирпичи. По углам площадки, на которой стоял памятник, были вкопаны каменные столбики, и между ними тяжело провисала воронёная цепь. А с чугунной чёрной плиты, приросшей к белому телу памятника, глядели на людей выпуклые буквы: «Здесь спят вечным сном красные бойцы, павшие в бою с белочехами весной 1919 г. Вечная память героям!»

Сколько раз Ивановна приходила к этому обелиску и по складам читала надпись на нём, и всё ей думалось, что под серой плитой, придавленной к земле острым обелиском, лежит её брат Борис. Погиб он в то же время и близко от дома, а бои с белочехами, как говорят старожилы, гремели в этих местах. Ходили, однако, и пугающие её партийную дочь слухи, будто Борис угодил в белогвардейцы, и убили его красные.

Брат был кудрявый, невысокий и озорной. Сестрёнку Дуньку лупил часто и с удовольствием, зато и заступался за девчонку, если кто-то другой осмеливался поднять на неё руку. Лет восемнадцати он, лежа на полотах, пристрастился читать Библию, и старухи предсказывали, что он шибко умный и долго не проживёт. Борис и вправду погиб на двадцать четвёртом году, но и многие сверстники его, не читавшие Библию, тоже не вернулись домой.

Из бронзового свистка на трубе парохода узкой седой струёй вырвался пар, и густой яростный рёв раскатился по реке, по текучей её глади, и возвратился от берегов ровным глуховатым эхом.

Ивановна вздрогнула, смахнула слезу. Левый берег уходил, и за кормой парохода вздувался пышный бурун, и уже видна была одноэтажная пристань и деревянные домики Мамадыша, и высокая труба спиртзавода, и длинные серые склады заготзерна. Зелёным полукругом охватывали городок приземистые горы с зарослями леса в распадках. Ивановна вцепилась руками в перила и, не отрываясь, смотрела на приближающийся берег. И хоть никто не ждал её в этом городке, – об этом не думалось. А был дорог ей каждый дом, каждое деревце кричало ей – «здравствуй!»

Очнулась Ивановна, когда пароход, редко и шумно дыша, подбирался к пристани. Она, стараясь унять волнение, засеменила к трапу, спустилась на нижнюю палубу, а потом ещё ниже – в третий класс. С солнца здесь было сумрачно, из открытых иллюминаторов несло сквознячком, пахло свежими огурцами, помидорами и смоляными

канатами. На потолке, на широких полках переливались тени, разбавленные солнечными бликами.

Суетясь и волнуясь, разыскала Ивана Ивановича и Ксюшу, попрощалась с ними за руку. Плыли они дальше – до устья Вятки, до самых Соколов. А от Соколов им ещё автобусом ехать часа два.

– Не свидимся, чай, боле, – ласково улыбнувшись, сказал Ксюша.

– Всяко бывает. Может, и сведёт ещё Господь Бог, – как-то не веря, что это и конец их знакомства, возразила Евдокия Ивановна.

С берега пароход не было видно – его скрывал дебаркадер, – и только пароходный флаг вяло полоскался на белой мачте поверх крыши пристани.

«А где же лабаз?» – оглянувшись вокруг Ивановна. Огромного дощатого лабаза, который стоял когда-то напротив пристани, как будто и не было никогда. Во время войны, после того, как у неё начали пухнуть лицо и ноги от голода и большого сердца, Евдокию Ивановну перевели из бригадиров со строительства эвакуированной ткацкой фабрики сюда, на берег, сторожить фабричные лабазы с оборудованием и штабеля брёвен, наловленные из Вятки в весеннее половодье. Сидела в хорошую погоду на дощатом настиле у ворот всегда закрытого лабаза и пряла шерсть по заказам жён начальства – прирабатывала, чтобы прокормить сынишку и племянницу. Вечером десятилетний сын Шурка и племянница Веруська пригоняли на берег козу Маньку с грязно-белой шерстью, склеенной репьями. Евдокия Ивановна доила её в зелёную эмалированную кастрюлю, потом доставала из-за пазухи чёрный и липкий, как земля, полученный по карточкам хлеб. Пользуясь суровой ниткой, делила его на три одинаковых ломтя, разрезала, и они съедали хлеб, запивая пенистым густым молоком.

Осенью ночи становились холодными. Коза оставалась с Евдокией Ивановной. Они вместе прятались от дождя и ветра под лабазом, – он стоял на бревенчатых сваях, – там было сухо и пыльно. Коза засыпала, уложив рогатую голову на колени хозяйки, хрустела во сне воображаемой жвачкой. А Евдокия Ивановна глядела в ночь, спрятав стылые ладони в козьей шерсти, слушала плеск речных волн о берег, думала о войне, о кровавой её силе, о сыне Кирилле, воевавшем где-то против немцев. Где он теперь, жив ли? И о ребятишках, Шурке и Веруське, – как они там, дома, одни, без присмотра? И чем их, бедных, накормить утром?..

Днём на берег иногда сбегались стайки детдомовцев в сатиновых ватных пиджаках и будённовских шлемах, собирали щепки, разжигали бледные костры, угощали тётю Дусю печёной картошкой...

Всё было прежним и другим. Прежней была приземистая зелёная пристань, городская бревенчатая баня над крутым берегом, спокойная Вятка. Но было и что-то новое во всём этом...

Приседая на старческих своих ногах, с фибровым чемоданом в руке, набитым всякой всячиной и поэтому тяжёлым, преодолела Ивановна мощёный круглым булыжником подъём и вышла на улицу.

Дом Пугасовых находился за речкой Ошмой. Евдокия Ивановна долго шла по пыльному городку. В общем-то, он мало изменился за двадцать лет. Прежней осталась и длинная пустынная дамба, и деревянный зыбкий мост через мутную речку. От усталости, жары и непреходящего волнения у Евдокии Ивановны еле передвигались ноги. Иногда она останавливалась в тени забора или палисадника, ставила чемодан

на лужайку и осторожно, чтобы не растрескалась хрупкая фибра, присаживалась на него, прислушиваясь к стуку сердца и растирая пальцами виски.

«Как ещё примут? – думала она. – Да и живы ли?..»

Знакомый дробный стук парового локомотива на лесопилке сладко и радостно отозвался в груди Ивановны. Потом она увидела и саму лесопилку – низкое деревянное строение с длинной, надломленной посередине, трубой, из которой бело и прозрачно расплывался дымок, а в торце здания – груды брёвен, в штабелях и наваленных как попало, и Вятку, жёлто сверкавшую под солнцем. А пахло хорошо и знакомо – тёплыми древесными опилками и стружкой.

Дальнозоркие глаза её скоро заметили мужчину, сидящего на скамейке у ворот старого пятистенного дома Пугасовых. Ивановна, сдерживая сердцебиение, подошла ближе. Тощий старик с маленькой головой на жилистой, будто скрученной из красных прутьев, шее поглядел на неё пустыми слезящимися глазами.

– Здравствуй, Александра Лукич! – сказала Евдокия Ивановна, улыбаясь растерянной улыбкой. – Аль не узнал?

Пугасов, которого все с незапамятных времен звали одним именем – Пугас, застегнул верхнюю пуговицу на белой рубашке, не отрывая пустого взгляда от лица Ивановны. Длинный щетиный подбородок его шевелился в немом вопросе.

– Погодь-ка, погодь-ка, – пробормотал он, будто пытаясь нагнать кого-то. – Никак ты, Дуня? И верно – ты!

– Я, Александра Лукич.

Пугасов медленно, с хрустом в коленях, поднялся и протянул Ивановне обе свои длинные, как плети, руки.

– Жива, значит, – сказал Пугасов прежним своим сорванным простудой и водкой голосом. – Жива, ёлки-моталки. Пойдём-ка к Наташке, вот рада будет! Не забыла, как ворота у нас отворять?

– Как же, помню!

Во дворе сушилось белье, и ходили пёстрые куры. В прохладных сумрачных сенях у керогаза, спиной к двери, хлопотала полная женщина в порванном на плече ситцевом платье, с непомерно раздутыми в икрах ногами. Остро пахло отработанным керосином и жареной рыбой.

– Наташка, – сказал Пугасов, – глянь-ка, кто объявился!

Женщина повернулась, неуклюже переставляя ноги, и Ивановна увидела, какое у неё дряблое и старое лицо, и на миг вспомнила о своих морщинах.

– Здравствуй, Наташа, – проговорила Евдокия Ивановна. А сердце так и трепыхалось, билось о рёбра, и слёзы катились из глаз.

Ложка, выпавшая из рук старухи, задрезжалась на полу.

– Господи, Дуня!

И они обнялись, и плакали, не выпуская друг друга из объятий. Подруги далёких военных лет.

– Вот дурёхи! – сам вытирая слёзы, пробормотал старый Пугас.

Потом сидели в полупустой задней комнате с двумя окнами во двор, столом, накрытым голубой клеёной, скользкими скамейками вдоль стен, оклеенных обтрёпанными обоями в пунцовых цветках. Засиженные мухами ходики со знакомыми тремя богатырями, изображёнными на циферблате, и гирькой на цепочке в виде чёрной еловой шишки мерно щёлкали у огромной русской печи. А из угла с тёмной доски

печально глядел Христос с поднятыми к плечу перстами. На столе тоненько свистел медный, смятый у ручек, самовар в медалях, с пузатым чайником на конфорке.

Наталья поставила на стол чёрную сковороду с жареной стерлядью. На плечи она накинула шерстяной синий платок, подаренный Евдокией Ивановной.

– Повезло тебе, Дуня, – сказала Наталья, поправляя сковороду обгорелым сковородником. – Любила ты рыбку. Старый свое дело не забыл – ловит потихоньку с лодки.

– И сейчас лучше рыбы на столе – мне ничего не надо, – отозвалась Ивановна. – Детям говорю: вином меня не поминайте, поминайте рыбой.

В тени, у хлева рос одинокий подсолнух, Ивановна смотрела в открытое окно на его светящуюся золотом шапку на тонком стебле.

– Помнишь, чай, Авдотья, – сказал Пугас, – как нас чуть вши не съели?

– Тыфу ты, пентюх лысый! – выругалась Наталья. – Аль за столом обо вшах говорят?

– А что она? Такая же насекомая. Чуть похуже мухи.

– Где забыть? – вздохнула Ивановна. – Этого не забудешь. Чуть жива осталась.

– И мне не слаще было, – сказал Пугас. – Язва, треклятая, мучила. Вырезали-таки после войны почитай весь желудок.

– А есть стал по десять раз в день! – засмеялась Наталья, и щёки её дрябло затряслись, и в разошедшихся губах заблестели три стальных зуба.

– На окопах изголодался, с тех пор напиться не могу! – сказал Пугас, тыкая вилкой в рыбу. Она лежала на сковороде прямо и кругло, с блестящими удивлёнными глазами, устремлёнными в небытие.

«На окопы» с осени сорок первого до марта сорок второго их, Пугаса и Евдокию Ивановну, заслали вместе с другими мужиками и бабами. Много тогда согнали народа на правый берег Волги, недалеко от Казани, строить глубоко эшелонированную линию обороны на случай, если немец овладеет Москвой и двинет на Урал. И в лютые морозы, и в пургу под руководством сапёров рыли взрывчаткой, ломami, кирками и лопатами оторванные от дома, от детей истощённые люди траншеи, противотанковые рвы, блиндажи, дзоты, позиции под огневые точки.

Зима была невероятно холодной. А земля мёрзлой, твёрдой, как камень. Страна готовились встретить немцев и здесь, на Волге, нерушимой стеной, обороной стальной... Было там холодно, вшиво, а больше всего – голодно. Подселили их, Евдокию Ивановну и Пугаса, в какой-то ближайшей бедной деревне в избу к татарской семье. Она ему постирает, подштопает, а потом вместе поедят заварихи из ржаной муки (прихватил Пугас из дома мешок пуда на два) или каши перловой или просяной – у него, кроме муки, и запас крупы был... Много на тех окопах татар и русских от голода, мороза и тифа полегло. А они выжили, хотя и вернулись в Мамадыш полумёртвыми. И чуть было в первую ночь после появления домой Евдокия Ивановна, без меры наевшись горохового супа, не умерла ночью на печке от заворота кишок...

Не дошёл немец до тех окопов, повернул на юг. А там сдержали его у Сталинграда. И заросли политые потом и кровью укрепления под Казанью бурьяном, запахали их плугами... Да, всё прошло, и всё кажется не таким тяжёлым и страшным за прозрачно толстыми слоями лет.

А Пугас совсем изменился. Матерщинник был, пил, случалось, до бесчувствия, драться пьяным лез. Хорошо, Наталье Бог силу небабью дал, хватала мужа в охапку, кидала его на кровать, скручивала одеялом. И вот не пьёт Пугас, не ругается, не покрикивает на Наташу. Укатали сивку крутые горки. Работник-то он сызмальства

славный был, многое умел своими длинными жилистыми руками: рыбачил, плёл сети, плотничал, столярил.

И Наташу, прежде весёлую, бойкую, подменило время. Даже голос стал другим – тише и глуше, и смеётся без прежнего раскатистого «ха-ха-ха», а негромко – в ладошку.

Вместе ждали сыновей с войны, плакали от радости над их короткими мятыми письмами, свёрнутыми в треугольник. Вместе летом сорок второго бегали за пять вёрст работать в совхозе, рыбачили вместе, вечерами сидели на крыльце, говорили о разном.

И вот оба они, старики, жалуются на бывшего фронтовика сына: из шоферов выгнали, работает грузчиком на промкомбинате, пьёт, ссорится с женой, с ними грубо обходится. Деньги на опохмелку чуть ли не с ножом к горлу вымогает. Глядя на него, и невестка распустилась. Не нужны им стали старики; внуков уже выходили, а самим впору из своего дома бежать. Видишь, где тебя принимаем, – в задней комнате. В переднюю теперь не ступи – гонят из собственного дома, как крепостных.

– Ох-хо-хо! – громко вздохнула Наталья. – И за что судьба казнит? Видно, как сами свой век грешили, так вот и сыну своему долю передали... Добро хоть ты, Дуня, счастливая за детей, отдыхаешь на старости лет.

– Насчёт креста на материну могилу – не сумлевайся, – сказал Пугас. – Срублю первый сорт – из дуба. Материалу пока нет, правда, но дней через пять один знакомец обещал. А пока у нас погостишь. Куда тебе торопиться?

– И правда, Дуня, – обрадованно сказала Наталья и обняла Евдокию Ивановну за плечи своей тяжёлой пухлой рукой. – Соскучилась я по тебе, подружка дорогая!

– Спасибо, спасибо, – растроганно откликаясь на доброту, сказала Ивановна. – Только неделю я не смогу, внучка в Красноярске ждет, Танюшка... Схожу завтра на мамину могилу, а потом в деревню свою съезжу денька на два. Как обратно приеду – у вас денек погощу... Болит у меня сердце: умру и родины своей не увижу.

– Ну, гляди, Дуня, сама, – сказала Наталья. – Я вот век свой, как клушка, на одном месте просидела. Раз только на два дня в Казань ездила, и то о Мамадыше своём истосковалась... Приляг с дороги, отдохни, а вечером бутылочку разопьём, как быва-лыча, потом на Вятку сходим. Нет на свете лучше реки.

– Вяцкой – мужик хвацкой! – не совсем к месту вставил Пугас и засмеялся розовыми дёснами. – Помнишь, Дуня, как соседа моего, Павла Липатова, на окопах комком земли убило? Под блиндаж яму взрывали, а он подвернулся.

– Помню, Александра Лукич.

– То-то. А говорили – глубокий тыл.

– Не поминай войну-то, леший! – рассерженно одёрнула его Наталья.

– А что делать, если она в нас, как червяк, залезла? – горько вздохнула Ивановна.

И все замолчали, и стало тихо, будто из сеней вошёл Кирилл, погибший в сорок третьем сын Ивановны.

А старые ходики с тремя богатырями на циферблате стучали, как двадцать лет назад, без боли ломая время.

«Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей Екатерины», – шепчут морщинистые губы Евдокии Ивановны, а короткие пальцы с покоробленными ногтями перебирают сухие комочки земли на могиле матери.

Крест с давно стёршейся надписью, сделанной химическим карандашом, простоявший почти тридцать лет, и вправду покосился, почернел от земли на четверть; извилистые, как жилы, трещины рассекли серое дерево, и васильковый венчик на нём глядится особенно молодым и весёлым. Любила мама этот нехитрый полевой цветок, и когда, бывало, пололи рожь, складывала васильки отдельно от осота, молочая, повилики, лебеды, козловника и другой сорной травы. Потом, в самую жару, обедали у ключа в овраге молоком, картошкой, зелёным луком и хлебом, а васильки лежали корнями в ключе и на глазах оживали, наливались синевой, забранной у неба.

«В сорняк василёк случайно попал, – говорила мама. – Мало ли, и хороший человек среди плохих живёт...»

И с поля вся семья шла с васильковыми венками на голове и на шее.

Мама, дорогая моя мама! Неужто ты лежишь под этим холмиком, прикрытым плотным изумрудным дёрном, под этой старой липой? Одна, в вечной тьме... Была ты весёлой и стройной до самой старости, озорные кудряшки золотились на лбу и ушей. По утрам любила я глядеть, как ты расчёсываешь волосы. Были они густы, волнисты и длинны, ниже пояса. Тятя тоже смотрел и говорил обыкновенно: «Что твои, Катюшка, волосы, что моя борода, – самые густые и длинные в наших Букенях»...

А борода у тяти была изо всей деревни: гребень брал её с тугим треском, а когда отец выпивал, – случалось это часто, – ребятишки, раздвоив, завязывали бороду за его спиной. От бороды пахло табаком и коноплёй, из которой он вил верёвки.

И не думали они, мама и тятя, что будут лежать врозь на разных погостах. Отец умер рано, пятидесяти лет, в своей деревне. Пришёл вечером из кабака не сильно пьяным, лёг на лавку под божницей, задрал к потолку свою трёхшёрстную – русо-рыже-сивую – бороду и сказал в обычной своей шутиливой манере: «Всё, мать, умирать буду!» Никто, ясно дело, ему не поверил, а утром он всерьёз не проснулся – так и застыл с бородой, уставленной в потолок. Мама пережила его на двадцать четыре года. За пару лет до смерти переехала в Мамадыш к младшей дочери Лукерье, Луше, работавшей кем-то в районной газете. Там водилась с её дочкой Веруськой, рождённой от какого-то заезжего начальника из Казани...

Бывала ты со мной и суровой, мама. Помню, оставила я годовалую Лушку в саду, а сама убежала к ребятишкам нашей родни – к Костровым, по-уличному, Лёвиным. А ты пришла к ним с таловым прутом, и я после этого с неделю не могла сесть. Потом мы через несколько лет вместе смеялись, вспоминая, как я высоко подпрыгивала, когда меня опоясывал жиденький пруттик.

От тебя, мам, переняла я крестьянскую науку: как прясть, ткать на станке, баюкать ребятишек, садить и сеять, полоть и жать, вязать, доить, стирать... Всеми ты научила меня – и спасибо тебе за это...

Тихо на кладбище, ничто не мешает думать и плакать. Густые тёплые тени от лип прикрыли кресты и памятники. Заросла здесь земля сочной травой, и никто ещё не косил её. Краснеет в траве рубиновая земляника. У порушенной местами кирпичной ограды разрослись пахучие кусты смородины и малины, и нетронутой опадает спелая ягода. От закрытой церкви, от ржавых её куполов иногда доносится невнятный голубиный лепет. И неизвестно, что оталось от её богатого убранства за этими ржавыми двойными дверями, закрытыми на покрытый рыжей окалиной амбарный замок. На потрескавшейся, усыпанной прошлогодними пожухлыми листьями паперти валяется несколько позеленевших осколков от разбитого бронзового колокола, сброшенного, видать, вон в то окошко с колокольни нехорошими людьми. В этой церкви маму ещё успели отпеть, а вскоре власти батюшку объявили врагом народа, и храм закрыли.

«И вечные муки избавить, ученику причастнику полезное сотвори. И сотвори ему, господи, вечную память!» – подняв голову к церковным крестам, крестится и беззвучно перебирает сердцем и губами Ивановна слова молитвы.

6

От Мамадыша до Керминей Евдокия Ивановна ехала на автобусе, глядела на поля ржи, пшеницы, овса, желтеющего гороха и низкорослой кукурузы. Век не сеяли здесь кукурузу, не удавалась она и теперь, хотя по радио и жужжали, что это явление временное и благодаря кукурузе мы Америку догоним и перегоним.

Ночью и утром часов до семи прошёл тёплый дождь, даль легко и прозрачно дымилась на солнце, и дышалось вольготно, и дорога не утомляла. Автобус шёл плавно, будто плыл, рассекая грудью нивы, и хотелось Ивановне плыть и плыть по родным местам, по пути этому, ухоженному когда-то её ногами.

Вспомнилось, как в начале осени сорокового года почти бегом пробежала она двадцать пять километров из своей деревни до Мамадыша, чтобы успеть на сборный пункт и ещё разок взглянуть на сына. Не успела, однако: пароход с новобранцами отчалил в Казань за какой-нибудь час до её появления на пристани... В деревню она, умытая слезами, ушла в тот же день. Не хотела, чтобы председатель и бригадир мытарили её за прогул. Вспомнилось, как одиноко и жутко было ей в тёмном поле под равнодушно холодным небом в колко мерцающих звёздах, и как громко стучали собственные шаги, будто кто-то шёл за спиной, протягивая к ней цепкие руки...

Потом, выйдя из автобуса, Ивановна с час сидела на своём чемодане, – осторож-

но, чтобы не раздавить хрупкую фибру, – за околицей Керминей у ржаного поля, ждала попутной машины. Волглая рожь томно раскачивалась, когда от дальнего леса набегал свежий ветерок, и в бело-жёлтых расчёсах ржи синё мелькали наивные глаза васильков.

«Эх, выйти бы в поле хоть раз с серпом да пожать!» – вздохнула Ивановна, оглянулась и сорвала крупный влажный колос, растёрла его в ладонях, пересчитала желтоватые зёрна. И вкус у зёрен был хороший, сладковатый и свежий. Евдокия Ивановна наклонилась и привычно, будто не было долгого перерыва, ухватила рукой поближе к корням пучок ржи, представила, как серп с лёгким хрустом срезает стройные стебли. И тоска по знакомому крестьянскому труду холодом пробежала по спине!..

Внезапно вспомнилось, как в конце ноября сорокового года она и её семилетний Шурка переезжали из Букеней в Мамадыш к старшей дочери Наташе, в двадцать два года ставшей директором семилетней школы и ухитрившейся выправить ей паспорт, – без него из деревни можно попасть было

только на кладбище или в тюрьму. Председатель после долгих слёзных просьб дал ей самую никудышную уросливую лошадь – трёхлетку Серку. Евдокия Ивановна с помощью соседей погрузила и кое-как закрепила на телеге свой скудный скарб – деревянную кровать, стол, табуретки, лавки, кухонный шкафчик, связанную в узлы постель и одежку, сверху села сама и посадила рядом закутанного в толстую бабушкину шаль Шурку. С этой высоты вожжей едва хватало, чтобы править норовистой кобылой. Она это быстро почуяла и где-то вот здесь, у Керминей, на спуске, сорвалась в бешеный галоп. И хоть была она взнуздана, и Евдокия Ивановна, дергая то за одну, то другую вожжу, в кровь растёрла ей губы, Серка неслась, готовая погубить и себя, и своих надоевших седоков. Барахло с сухим дребезгом летело на мерзлую землю. Вместе с ним мог оказаться под копытами и колёсами телеги перепуганный Шурка. Этим летом он уже попадал своей задницей в привод конной молотилки – хо-

рошо, вовремя заорал, и коней остановили. Евдокия Ивановна, руководствуясь не разумом, а инстинктом или подсказкой свыше, сбросила сынишку с воза и сумела развернуть подводу на схваченную первыми морозами припорошенную изморозью пашню. Телега загрохотала по гребням борозд, и лошадь замерла на месте, когда от неё пошел горячий, пахучий пар. А Шурке хоть бы хны! Даже не заплакал. Бежал к ней с протянутыми ручонками и радостно смеялся...

Шофёр грязного, нагруженного кулями грузовика попался молодой и надутый. Он беспокойно мусолил папироску в зубах и, не отрываясь, глядел выпуклыми бараньими глазами на набегающую проселочную дорогу, зажатую волнами ржаного поля, расprostёртого слева к зелёным холмам, а справа – к тёмной гребёнке леса. Иногда он скусывал мундштук и плевался прямо перед собой в растресканное ветровое стекло, хотя стёкла на дверках кабины были опущены и тёплый сквозняк овеивал лицо и душу знакомым запахом созревающих хлебов.

– Вот в Букени еду, двадцать лет почти не была, – испытывая неловкость, ласково и немного заискивающе улыбаясь, сказала Ивановна. – Вы не оттуда будете?

– Нет, – отозвался шофёр. – Мне дальше.

– Родных-то у меня здесь не осталось.

– А к кому тогда?

– Так, поглядеть. Бог даст, знакомых старых встречу, подружек.

– Ну-ну! Отворотись, не наглядись.

– Всё же родина.

Шофёр скосил на Ивановну бараний глаз:

– А ты идейная, однако! От вашей деревни одни рожки да ножки остались. Скоро совсем снесут – бают, неперспективная, на слом только годится.

– Так к тому времени и я умру. На слом пойду.

– Вот-вот! Одно у нас на всё утешение: авось, на том свете коммунизм будет, всё задарма. А пока здесь задарма ишачить приходится...

«Видать, с утра с бабой полаялся», – поставила свой диагноз Евдокия Ивановна, и разговор больше не заводила.

На горе, при съезде в Букени, попросила остановиться.

– Дальше пешочком прогуляюсь. Сколько вам? – спросила она.

Шофёр пожал плечом, наклонился в сторону старухи, прижав её к спинке сидения, и открыл дверцу. Ивановна положила ему в широкую мазутную ладонь полтинник.

– Скуповаты вы, старухи! – бросил шофёр.

– Тут всего шесть километров, а я вам по-старому пятёрку отдала.

– Ты на керенки переведи – не меньше миллиона выйдет.

Ивановна поджала губы, попрощалась и пошла, неся чемодан, на пригорок по короткой, объединенной скотом траве.

Вся деревня открылась ей отсюда, с горы.

– Букени! – сглатывая слёзы, произнесла Ивановна.

И с этим словом как будто вся деревня вошла в неё, со всеми её «концами» – Омарским, Дегитлинским, Якинским – и «микрорайонами» – Арбузовкой и Зарекой, Забегаловкой и Дрягаловкой. И стояла Ивановна, прижав руки к старой груди, забыв дышать, не в силах сделать шаг. А затуманенные глаза бродили по крышам домов, и мысль отстукивала: «Это дом Балмасовых, а это Парамоновых, Тарасовых, Костровых, Ефремовых, Шишкиных, Абрамычевых, Павловых»...

И многих домов не было, как зубов в её рту. Голо было и на месте их дома, будто ушёл он, убогий и обиженный, не дождавшись хозяев. А за ним ушёл и сад, оставив случайно на позье несколько кустов вишни и развесистую черёмуху.

Станным показалось Ивановне, что все эти долгие годы, пока она была на стороне, жила своей жизнью и её деревня. Текли илистые речки Дегитлинка и Якинка, ещё гуще заросшие тальником, ольхой и ивой, жили в домах знакомые и те, кого она ни разу не видела, люди со своими заботами и радостями. И шли, наплывали из тёмных глубин памяти, из неведомых её уголков лица людей, с которыми виделась каждый божий день, работала с ними бок о бок, знала о них всё.

Вот и конюшни нет, где работала конюхом, как в двадцать девятом колхоз образовался. Вошло в колхоз спервоначалу восемь семей, сдали на конный двор – конюшню, отобранную у сосланного кулака Андрианова, – своих пять лошадей. Евдокия Ивановна была безлошадной и записалась в колхоз чуть ли не первой, поверив, что ей будет легче прокормить троих своих ребятишек. А всё получилось наопок: работала с темна до темна, а хлеб весь шёл государству, и колхоз был в постоянном долгу перед ним, часто оставаясь с пустыми амбарами под семена. На трудодни доставались одни несъедобные тальниковые палочки с палец длиной, связанные в пучки, – по десять в каждом. В лучшие годы выдавали на это мудрое изобретение нового строя пуда по два ржи – хошь ешь, хошь смотри... Коровёнку, и ту пришлось продать из-за бескормицы. Колхоз даже соломы не давал, не то что сена. И покосы отводил в самых никудышных и отдалённых местах, где литовкой косить было невозможно: раз махнёшь и тут же угодишь в кочку, старый пенёк или куст. Часто косили при луне, а сено вывозили на тележках или таскали на своём горбу...

Назвали букенский колхоз «Рассветом», а уполномоченный из волости, проводивший учредительное собрание, сказал: «Ну, держитесь! А то как бы не стал ваш колхоз «Закатом»... Потом в колхоз все из страха записались, когда сплошное раскулачивание пошло и начались высылки семей в Сибирь и на Крайний Север. Только Митрий Павлухин, выбившийся после Гражданской из бедняков, мужик упёртый, трёхжильный, не жалевший в работе ни себя, ни жену с детьми, не сдавался лет семь – оставался единоличником, пока его налогами не забили. После того, как стали грозить тюрьмой или ссылкой, заколотил он окна и двери горбылем и скрылся с семьёй невесть куда...

А когда проходила мимо крытого соломой и вросшего в землю полусгнившего дома Парамоновых, вспомнила восемнадцатилетнюю Дашу, первую деревенскую красавицу из этой избы, и перекрестилась. Через год после образования колхоза в Букени из Мамадыша прислали молодого уполномоченного в красноармейской форме, с наганом на боку. Увидел он русокосую голубоглазую и стройную Дашутку и проходу ей не давал. Напьётся реквизированной кумышки – так в Букенях именовался самогон, который варился по ночам в некоторых банях, – и ломится к Парамоновым в избу: пусть Дашка именем революции выходит подобру, а то дом подожгу и всех на распыл пушу!.. Дашутка ему не уступала. А как уборочной к концу подходить, пропадала, как в воду канула. Нашли её в лесу дней через десять, привязанной к клёну и посаженной на муравьиную кучу. Сарафан на Дашке был задран и завязан узлом поверх головы... Вся деревня знала, чьих это рук дело, но кому было жаловаться, если уполномоченный, баяли, из самой чеки был...

Двухэтажная школа, – нет больше в деревне двухэтажных домов, – цела. Жил там когда-то самый богатый и работающий в Букенях мужик Андрианов, владел магазином, кабаком и мельницей. Андрианова раскулачили и увезли ночью с семьёй неизвестно в какие края – ни слуху, ни духу... Работала Ивановна в школе много лет подряд уборщицей. Везде успевала – и в колхозе, и в школе. Невелики деньги платили за уборку и топку печей, но на то да на огород свой и жила с тремя, а потом и с четырьмя ребятишками. А бывало, и святым духом питались... Однажды весной, когда в ларю и подполье не осталось ни пылинки и из избы даже мыши исчезли, взяла на душу грех. Сортировала с бабами зерно в колхозном амбаре и унесла за пазухой, на голой груди, несколько горстей непротравленной, холодной, как лёд, пшеницы, чтобы шестилетнего Шурку кашей с козьим молоком покормить. Сама потом до лета кашляла до потемнения в глазах – Бог, видно, наказал её за это единственное в жизни воровство...

Взгляд Евдокии Ивановны надолго задерживается на белых длинных зданиях – не то коровниках, не то свинарниках, стоявших в два ряда на гумне, сразу за тем местом, где у них был огород. И близко от фермы рядом выстроились три трактора и три комбайна. Ничего этого прежде не было в Букенях, и что-то похожее на ревность испытывает Ивановна. В её время на конном дворе ни одной путной лошадки не оставалось.

Много, много пережито в Букенях, лучшие годы её впитала эта суглинистая, не щедрая на дары земля. Сейчас она живыми зелёными глазами глядела на вернувшуюся к ней дочь. И старое изношенное сердце дочери глухо и не больно ширилось под этим добрым и мудрым всепрощающим взглядом.

Евланья Карпина, подруга Евдокии Ивановны с детских лет, жила со своей дочерью и внучкой в доме на самом краю деревни, за рекой. Выглядела Еня древней

старухой, но ещё сама ходила по воду на Большой ключ. Приезду Ивановны подруга не удивилась – она уже ничему не удивлялась. Мало ли что вздумается человеку? На родину всякого тянет. И было что-то отрешённое во всём облике Ени. В желтоватом её лице с ввалившимися щеками и вялыми висками. В тусклом затуманенном взгляде. В тихом, будто ветер шелестит, разговоре.

Бредут они по обочине дороги, по мягкой лужайке, говорят о разном, и немного печально это шествие двух старух. Как длинный шлейф, тянется за ними прошлое.

Пусто в этот утренний час в деревне, все в поле – и люди, и скотина. Длинные и как бы влажные тени от домов, плетней и деревьев плотно лежат на лужайке и дороге с чётким рисунком автомобильных шин на толстом слое пыли, связанной пока ночной росой.

Евдокия Ивановна больше смотрит по сторонам. И удивление, что всё осталось вроде по-прежнему, не покидает её. Этот большой серый камень у плетня, появившийся неведь откуда, лежит на старом месте. Берёзы – их четыре – стоят рядком вдоль улицы, свесив тонкие косы. На её памяти они были всё время такими. Наверное, и весенний сок у них прежний – душистый, чуть горьковатый, с розоватой взрожающей пеной. На плетнях буйно вьётся хмель с белыми пушистыми цветами. Его никто не собирает, и он растёт так же вольно, как тальник по берегам Якинки и Дегитлинки, вишня, сирень, черёмуха, картошка и капуста в огородах, полого спускающихся от дворов к реке. Знакомый запах, лучше какого нет на земле, витает невидимым медовым облаком над деревней. Он невесом и вязок, и им никогда не надышишься.

– Не вижу я, Духарка, вовсе, – шелестит Еня, называя Ивановну уже забытым ею именем. – Выплакала глаза все, со слезами свет и вытек. Вся жизнь в слезах прошла, вот как... Васенька семнадцати годков умер, до сих пор о нём плачу. Мужик всё в бегах был, хорошей жизни искал. Покажется, как ясный месяц, и опять скроется на год али на два. Алексея, последыша, на войне убило, опять слёзы. И вот Танька без мужика родила – чего хорошего? В сорок лет забрюхатеть придумала. И от кого? Хоть бы от путного мужика! Ведь Ваське-то Симанову в те поры почитай шестьдесят было. Он-то умер скоро от осушения горла, хоть всю жизнь вино глотал без прордыху. А она с девчонкой восьмой год нянчится. Да ещё и радуется, дурёха!

Евдокия Ивановна глядит на Еню с грустным испугом: неужто это она, её бойкая подружка, озорная и редко унывавшая на людях?.. Всем бабам гадала то на картах, то на бобах. Стара, совсем плоха, и значит, и она, Ивановна, тоже старая... А больше всего её неприятно удивило совпадение: от того же белобрысого балагура и выпивохи Васьки Симанова родился и её Шурка. Злые языки – бабы, ясно дело, – обзывали его подкрапивником и выблядком, и он приставал к ней, за что его так обижают...

Но сердце её не могло жить без любви, и она тихо продолжала любить. А чтобы злые бабы разговоры как-то умерить, подала на суд, и Васька стал платить алименты. Маленькие деньги поступали по почте из Шатуры. Туда после рождения Шурки он уехал со своей толстой Евланьей. Она была лет на десять старше Васьки и держала его чем-то крепко. Говорили, что женился он на ней из-за богатства: после смерти её первого мужа ей достался хороший дом, лошадь и много другой живности.

В колхоз они вступать отказались, хозяйство распродали и уехали в Шатуру – там советская власть электростанцию на торфе строила. Васька, конечно, на стройку не пошёл – устроился продавцом. И потом раз в два-три года со своей Евланьей и приёмышкой веснушчатой дочкой иногда летом наезжал в Букени и устраивал шумную гулянку в доме его матери на Дегитлинском конце, вызывая зависть у всей деревни. Ни отец, ни бабка Шурку за родню не признавали.

Как-то ребяташки его заманили поглядеть, как пирует городской отец. Он встал на завалинку, приподнялся на цыпочки, чтобы увидеть в окошко, что там, в избе, творится, а конопатая девчонка ткнула ему из-за горшка с геранью в лицо веретенном – чуть глаз не выколола...

Да и самой Евдокии Ивановне много пришлось вынести из-за её короткой грешной любви к белоглазому Симану – чаще Ваську так называли деревенские. Но недаром бают: любовь зла – полюбишь и козла. И повзрослевшего сына она, когда он бросал пренебрежительные колкости в адрес своего случайного родителя, мягко, но настойчиво просила всегда уважительно отзываться о своем отце...

– А здесь вот, Еня, мы с тятей верёвки вили, – сказала Евдокия Ивановна. – Помнишь?

– Помню, помню, – шелестит Еня. – Плохо, Духарка, когда свету нет. Будто плотно белое глаза застилает.

Да, да, верёвки вили здесь, прямо на улице. «Ну, раковица, крути колесо!» – говорил тятя, бросал на лужайку перед их избой сигарку, топтал её лаптем, и работа начиналась.

Дуня крутила большое деревянное колесо, а отец расправлял кудель, и она как будто сама скручивалась в нити, а нити сплетались в верёвку, туго извивавшуюся в воздухе. Костра маленьким облачком дымилась на солнце, и маленькая Дуня была счастлива, что помогает своему тятю и что ночью он принесёт своей «раковице» из кабака ландринку – так в Букенях называли леденец – и положит его в кармашек её льняного сарафана.

Со всей округи, из своей деревни и окрестных, несли Ивану Федотычу пеньку, и он вил из неё верёвки, намного пережившие его. Добротность верёвки он проверял так: отмерял сажень и ставил отмерянный конец вертикально, и он стоял прочно и прямо, как палка. Отец довольно разглаживал свою «трёхшёрстную», – беловатую у рта, рыжеватую до середины и чёрную по краям, – бороду и говорил: «А нут-ка, раковица, сбегай в лавку к Андрианычу, купи шкалик да сахару фунт!...»

Золотые руки были у тяти, всё могли. Делал он гребни, гнул дуги, мастерил санки. И даже скрипку сделал, которую сын деревенской учительницы Анны Ивановны хотел купить у него за сто рублей. Не продал Иван Федотыч скрипку, хоть и умел на ней выводить смычком, смешно и протяжно, один протяжный стон: «вы-ы-ыпить»... После его смерти на подлавке – по-городскому «чердаке» – остались отполированные деревянные детали диковинной машины «перпетуум-мобиле»; её отец мастерил несколько лет долгими зимами, да так и не успел собрать...

– Жить-то ничего стали, хорошо, – продолжает шелестеть Еня. – Лебеду не едим, как в те поры. Слава Богу, с голоду не пухнем.

– Вижу сама, Еня, другой стала жизнь. Как в праздник живём.

Редко приходилось бывать здесь сытой. Весной её качало, то белые, то чёрные круги плавали перед глазами; один воздух, настоящий на солнце и парах вспаханной земли, питал её, поддерживал силы.

– А дней-то, Духарка, мало осталось. Ушли дни, как сквозь сито.

И Духаркой называли Евдокию Ивановну давным-давно только здесь, в родной деревне. Не нравилось ей это раньше, а сейчас словно ветерком легким и молодым в душу пахнуло.

– Поживём ещё, Еня. По радиву бают, коммунизм не за горами.

– Оно верно, давно об нём бают, как о втором пришествии Иисуса нашего Христа... Вот только, Духарка, без свету мне плохо, не увижу его, хоть и придёт... Уши-то

слышат, а видишь всё, как в дыму али в тумане. Крутишь головой, как сова на сухой осине... Помнишь, Алёшка мой сову поймал?

– Помню.

– Чудится мне эта сова, Духарка. Будто не она это, а я сама в сову оборотилась.

– Что ты? Перекрестись.

– Всё делала. А вот чудится – и всё тут!

– Пройдёт, – подавляя в себе жуть, сказала Ивановна. – Мне сроду ничего не виделось, во сне разве. Вот Кирилл часто вижу – и всё, как живого...

А Ене и прежде всё чудилось. То на своей бане чёрта увидит, то во сне ей покойник явится, то ещё при ней Матрёна Завьялова в свинью оборачивалась и ночью по деревне бегала. И так она ловко всё обсказывала, что верили Ене, и кое-кто перестал даже в их баню ходить. С чёртом кому связываться охота?..

– Позьмо-то наше совсем заросло, – сказала Евдокия Ивановна с глубоким вздохом.

– Как не зарости? Крапива да полынь такую землю любят.

Они остановились перед тем местом, где раньше стоял дом Федотовых, – островком репейника, крапивы, полыни и конопляника. Неужто здесь родились её отец, а потом семь его детей и четверо её ребятишек? Дом, построенный ещё дедом Федотом, от которого и пошла их фамилия, был тесный, в одну комнату, с полатами и русской печкой – за ней с вечера начинал хрустеть сверчок.

За домом зеленел сад, маленький сад с двадцатью яблонями, кустами малины, крыжовника. Мало осталось от сада, в войну он замёрз, яблони – сухие их тела, пошли в печку, и некому было взрастить на их месте новые. Да и невыгодно было сады разводить: с каждой яблони советская власть установила налог, а когда его отменили, в деревне, почитай, ни одной яблоньки не осталось.

Тихо побрела, утирая слёзы, Евдокия Ивановна по бывшему двору, обошла сад, путаясь в густой траве, попробовала твёрдый ещё крыжовник, и в её памяти воскресали, шли рядом с ней, выходили навстречу те, кого уже не было, кто сделал своё на земле и ушёл в неё.

А Еня Карпина сидела на пне спиленной яблони и, склонив на грудь голову, дремала.

Прибитая, в трещинках, тропа вела под гору к Большому ключу. Лёгкие редкие облака бросали на землю прозрачные тени.

Приседая на ослабевших ногах, спустилась Ивановна к ключу и подставила ладонь под тяжёлую, ртутно-сверкавшую струю. Руку сразу обожгло до плеча глубоким родниковым холодом. Кругло и ровно текла вода из стальной ржавой и потной сверху трубы, забитой в тело холма.

Прежде не было здесь этой трубы. Стоял засыпанный землёй сруб, и вода вытекала из него по деревянному замшелому жёлобу. Сгнил, видно, сруб, зато вода была той же, чистой и студёной, почти не дававшей накипи на самоварах. И вечен был этот источник, омывавший белые округлые камни, вросшие в песчаную землю. Равномерен и свободен был влажный звон дробящейся при падении струи, тонким прозрачным слоем уходила вода в бархатное покрывало травы и мяты, и, омывая их сочные стебли и корни, стекала в речку Дегитлинку, в густые заросли шершавой осоки, в тенистую неторопливую воду. А смешавшись с ней, текла куда-то дальше

– в Якинку, впадавшую в большую реку Каму всего в двенадцати верстах отсюда, рядом с Вандовкой – там незадолго до призыва в армию в заготзерно работал её Кирилл...

Сколько людей выросло на живой влаге Большого ключа и вырастет ещё, а он не иссяк. Спокойной гулкой струей изливался ключ из глубин старой земли, и не было у него начала и не будет конца.

Не мигая, глядела Ивановна на бегучую воду, и с каким-то забытым детским удовольствием ощущала, как холодные колкие искры орошают её ноги. Потом подставила под струю пригоршню и хлебнула из неё так, как будто пила живую воду, и второй пригоршней омыла лицо.

– Бабушка, мне бы воды нацедить, – осторожно и виновато прозвенел детский голос.

Ивановна открыла глаза, быстро оглянулась и отступила в сторону. Какое-то мгновение старуха и девочка, – ей было лет двенадцать, – глядели в глаза друг другу.

– Наливай, наливай, пожалуйста, – сказала Евдокия Ивановна, отступая по мокрым каменным плитам немного в сторону.

Девочка подставила ведро под струю, и оно, вздрагивая от радостного озноба, зазвенело дробным цинковым голосом. Ивановна с любопытством рассматривала девочку, нескладное её тело в голубом платье, широкое большое лицо.

– Ты чья будешь? – ласково спросила она.

– Шишкиных. А что?

– Это Степаниды? Похожи вы, как две капли воды.

– Ну да! Она бабка моя.

– А отец, выходит, Николай?

– Ну да! А что?

– Вот как! А я прежде здесь, в Букенях, жила. Мой сын твоему отцу товарищем был. Кириллом звали. Может, тебе кто сказывал? Пасли они телят и свиней вместе. Про Федотовых не слыхала, мы с вами, почитай, соседями были.

– Это где сад вырублен?

– Ага, там.

– Мы теперь в другом доме живём. У Павловых, как они уезжали, купили.

– Мне уж Карпины говорили. Вечерком к вам зайду.

– Приходите хоть и днём. Бабушка всё время дома. У нас ещё двое ребятишек, есть меньше меня.

– А как зовут тебя?

– Лена.

Они ещё побаяли немного. Потом Лена подцепила ведра на глад-

кое коромысло и, ступая на носки босых загорелых ног, пошла в гору. За спиной её качались длинные соломенные косы.

«И у сыночка моего, у Кирилла, могла быть такая», – глядя ей вслед, подумала Ивановна.

Сын её, Кирилл, и отец этой девочки, Николай, были в детстве подпасками. Кирюшка пас телят, а Колька – свиней. Отец Кольки, Михаил, работал конюхом. Из троих живёт один Николай. Сейчас он конюх, как его отец. А Кирилла и Михаила Шишкина поглотила ненасытная война.

Девочка поднялась на пригорок, обернулась, придерживая вытянутыми руками качнувшиеся вёдра, и улыбнулась широким ртом.

– Приходите, бабушка, обязательно! – крикнула она.

– А как же? Раз сказала – приду.

Ивановна вытерла о подол мокрую руку и обвела взглядом, чтобы запомнить и унести в себе, дома родной деревни, чёрные бани на задах, Долгий овраг за деревней, заросший орешником, давно заброшенный колхозный сад, правей этого оврага.

Бездонно небо, лёгок и золотист солнечный свет, и будто не из горы, а из собственной груди льётся светлая струя Большого ключа, и от чистой его воды, от глуховатого его звона, от запаха мяты – от всего, чем полна земля, веет жизнью.

И горькое сожаление, что судьба оторвала её от дорогой сердцу стороны и что завтра снова пускаться в путь, обволакивает душу старой женщины.

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

КОГДА ЗА ОКНАМИ СВЕТАЕТ...

Отрадно сознавать, что в современной поэзии есть имя — Геннадий Морозов. Языковое многоцветье его стихов отмечено особой текучестью пластики и гармонии, как старинного, так и современного русского поэтического слова. Его творчеству присущ размах былинной образности, как в лирических стихах, так и в поэмах.

Следует отметить неповторимую индивидуальность в самой сути его художественного письма, на котором лежит глубокий отпечаток Личности поэта. Редкая по качеству духовная суть нашего автора, является как бы нравственной крепью этой лирики, тесно сопряченной в своей первооснове с традициями русской классической поэзии серебряного века.

**Александр Михайлов,
доктор филологических наук, Санкт-Петербург**

* * *

Душа обязана трудиться...
Н. Заболоцкий

Когда за окнами светает,
Когда вот-вот начнётся день —
Душа, как бабочка, порхает,
Сквозит сквозь воздух, аки тень.
А ведь она должна трудиться,
Как написал о ней поэт.
Он был не прав! Душа — ты птица,
Ты — мотылёк, узревший свет.

Мелькаешь, мечешься, мерцаешь...
И в летней сельской тишине
Так невесомо воспаряешь!
Летишь — и воздух осветляешь...

И — забываешь обо мне.

* * *

Блистаньем рос дивит нас лето,
Сквозным пространством — синева.
Ну а тоску — зелёным цветом
Целит заречная трава.
Весь луг — в ромашковом уборе,
А по-над ним — небесный свет
На распахнувшемся просторе,
Нас окружавшем столько лет!
Там, где осока и болотцы —
Толклись комарики-сиротцы.
Цветные бабочки, порхая,
Вились над лугом точно пух.
И розоватость иван-чая
Вбирал в себя мой дремный дух.
А по ночам, в лучах Венеры,
Неясные сияли сферы,
Мерца, как твоё лицо...
И Гласы Православной Веры
Мне слал Господь... как письмецо.

* * *

Станиславу Куняеву

Денёк подрост почти что на вершок,
А зимушка снежком всё побелила.
И удлинился даже мой стишок
В себя впитавший синие чернила.
Тускнеет день... И скоро на столбе
Зажжётся свет, сверкнёт в моём окошке.
И станут шастать вновь по городьбе
Гуляющие восторженные кошки.
На ветках иней и на проводах
Засеребрится... Нет ясней погодки!
И зачернеют на припайных льдах
Рыбачьи оттаявшие лодки.
И отразит, мерцая, полынья
Течение звёзд, их жизни свет небесный...
Оцепенеет всё! Оцепенею я!
Тоска, как гирька, упадёт отвесно...
И падая — заполнит пустоту

Моей души, что нынче онемела...
Но вспыхнет Слово, точно уголь во рту!
И мелкую земную суету
Возвысит до смертельного предела.

* * *

Зазеленели озими,
А день сухой, как лён.
Дыханьем ранней осени
Орешник опалён.
Давно трава покошена,
Поблёлкла синева.
Простые и хорошие
Поют во мне слова.
Поют они и радуют
Сверкающий денёк...
Берёзовая радуга
Разлита между строк.
Цветистая, незримая,
Рассей печаль-тоску...
А ты, моя любимая,
Скорей вбегай в строку!
Мне почему-то верится —
Вбежишь ты босичком.
И волосы растреплются,
А сисечки — торчком!
Во мне — сплошное крошево...
А ты? Ты вся — дивьё!
Ты добрая, хорошая,
Ты просто — ё-моё!!!
Скажи, какими чарами
Пленила душу, ум?
Что стал я — странным «чайником»...
В башке шурум-бурум.
В стихах поблёлкли образы,
Их прозаичен вид,
Как пьяницы тверёзые,
Хоть всклень стакан налит.
А в нём такое зелие!
Какое? Не пойму:
Печаль, тоска, веселие,
Любовное томление?
И всё в дыму... в дыму.

* * *

Тане Молодкиной

Когда она со мною рядом —
Душа смиренна и тиха...
Так иногда в день листопада
Приходит таинство стиха.
И верится, что не устанет
Моя душа любить её.
И мне без Тани, мне без Тани
Увы, не в радость бытие.
А с ней я вижу, как бы вновь
Весь этот мир! Он — на слуху...
И первородный Зов любви
Ещё не склонен ко греху.
Но этот зов ты чуешь тонко!
О, как меняется твой лик!
Лихой сабуровской* девчонкой
Ты кажешься мне в этот миг.
Из карих глаз лучится радость...
Ну так чего же мне ещё?!
... Люблю крутого лба покатошь
И детскую припухлость щёк,
И даже... мелкую морщинку...
Но по-особенному люб —
Смятенный взор, когда смешинку
Припрятываешь между губ.
И я в твоём смятенном взоре
Как бы улавливаю вдруг —
Не то чтоб давний голос горя,
Но боль невысказанных мук.

ПОЛЯ — ПУСТЫРИ

Как передать мне посредством стиха
Хищную поступь прогресса?
... Ветер мятётся и туч вороха
Чешет гребёнкою леса.
Тихо войду в тихий сумрак его,
Встану у летней берёзы...
Снова почувствую, как глубоко
Прячет душа моя слёзы.
Там у меня запеклось всё внутри —
И не выходит наружу:
Боль за родные поля-пустыри,
Где даже ворон не кружит.
Здесь я и сам, как последний изгой!
Мысли и чувства — унылы.

* Село Сабурово находится неподалёку от города Касимова

Поле — что кладбище... Вечный покой...
Стали холмы... как могилы.
Боже! взываю: втолкуй, научи,
Стопы свои к нам направи.
В души нам, Боже, всё громче стучи!
Родину нашу — восслави!
Нет, не такою, какая была
Лет девяносто с лишочком...
Зря, что ли, бухала в колокола,
Синим махала платочком?
Нынче в Отчизне — упадок, разор,
Смерк её взгляд голубиный.
Правда, есть малой надежды зазор —
Дух оживить в ней былинный.
Я не безбожник! Я церковь твою
Редко, но посещаю.
Сирым и нищим я там подаю.
Падшим — сердечно прощаю.
Родина! Видя полей твоих вид,
Грешен, в унынье впадаю...
Может, меня тоже кто-то простит?
Кто же он... «кто-то»? — Не знаю.
Знаю одно: есть надежды зазор —
Выход из кризиса, то есть...
Чтобы не скорбь просветляла мой взор,
А уязвлённая совесть.

* * *

Памяти Юрия Кузнецова

Я помню Юру Кузнецова
Задумчивым и молодым.
Его живительное слово
Мерцало облаком над ним.

Самих себя мы забывали...
И, зов поэзии вкусив,
Его метафоры — взмывали!
Клубясь, слоился древний миф.

Струились образы... как реки.
Являли облик мудреца
Его припухнувшие веки
И нервность бледного лица.

А в Цедээловском* бедламе
Табачный дым свивался в жгут...

* Речь идёт о московском Центральном Доме литераторов (ЦДЛ)

И кузнецовскими словами
Объят был воздух тех минут.

В них вспыхивала светосила,
Побег из мрачной пустоты
Туда, куда душа просила,
Узрев смертельные черты

Иного мира, запределья,
Где подсознание знать даёт
О том, что кончен век безверья,
Что жаждет веровать народ.

Он знал, он знал, творец суровый,
Что счастье — ветер, слава — дым...
И поэтическое слово
Мерцало облаком над ним.

РОЖДЕСТВЕНО

Владимиру Набокову

Как лихоманно ездить мы любили!
Я верю — Бог в дороге нас берёт.
Однажды мы в Рождествено катили,
Слепил глаза нам солнечный денёк.
Кустилась бузина, цвела калина,
Брунжали пролетающие шмели...
Мы на шоссе оставили машину
И вверх по шаткой лестнице пошли.
Казалось нам, что всё здесь так знакомо!
Клубился вал багровых облаков,
Как зеркала, блестели окна дома,
Запятнанные тенями дубов.
Толпились деревянные колонны,
Темнел сосновый стёршийся порог.
И Оредеж был виден с крутосклона
Сквозь пики зеленеющих осок.
Ржавая, висли трубы водосточков,
Здесь многое пустили на распыл...
А в этот Дом, резвясь, вбегал Набоков
И Музу точно бабочку ловил.
По комнатам бродил, слегка рассеян...
О, Дом в Рождествено, поэта оживи!
... Да выветрят казённый дух музея
Распахнутые форточки твои!

СИРЕНЬ

Когда ветвей ночные тени
Отликовали, улеглись —
О белой вспомнил я сирени...
Сирень, пахучая, приснись!
Как я хочу, чтоб ночью этой
Ты мне увиделась во сне,
Как сноп таинственного света,
Что так горел в моём окне!
Свет полуночный, серебристый...
Как я любил его лучи,
Что источал тот куст росистый,
Мерцающий в сырой ночи.
Как это близко! Как далёко!
Да разве скажешь: «Всё в былом!,,»
Вон пруд горит лиловым оком,
Идёт весна за перелом.
И отблеск молнии ветвится,
Искрится воздух грозовой...
И куст сиреневый клубится
Над молодеющей водой.

* * *

Нет, не даёт весна отсрочку
Зиме, чья стужа, как ожог.
В мою лирическую строчку
Влетает мартовский снежок.
Упав с небес — в ладонях тает,
Как таял много, много раз.
И ничего снежок не знает
О молодом сиянье глаз.
Я ничего не знаю тоже,
Но удивляюсь тем глазам,
Что в душу мне глядят всё строже,
А я... гляжу по сторонам.
«Глаза, глаза! — бубню я глухо. —
Снежок порхает легче пуха.
При нём сиять вам какво?
Что вас томит: смятенье духа
Иль жаркой плоти торжество?!»

* * *

Люблю в лютовейную стужу
Взобраться на снежный откос.
Засвищет метелица в уши,
Полезет под шапку мороз.
И весело скрипнут полозья
Саней и охотничьих лыж.
Сосулек гремящие гроздья
Обвалью обрушатся с крыш.
И заяц трусцою проскачет.
И станет охотник трубить.
Лиса будет зайца дурачить —
Под ельником хитро ходить.
И все эти шорохи, шумы
В душе изумлённой замрут...
И сгинут угрюмые думы,
И светлые думы придут.

Товарищ Че и боженька

Маленькая повесть

1

...И вроде имели мы кое-что за спиной, отчего всякая похвальба давно ушла в область глубоких преданий. А на Ярославском вокзале пошли взять перед поездом по пивку, и Железяка вдруг сказал:

— Если у кого что-то было, значит, у того что-то есть!

— Так точно, товарищ капитан! — сообразил я, в какую степь он потянул.

— Потому, ухарьё, прошу, чтобы не приказывать, и особенно тебя, товарищ Че! Всё, что есть, — на грудь и не снимать до самого дома! — сказал Железяка.

Товарищ Че — это я, Сурков Алексей Петрович, прозванный так за то, что больше всех по лесам и горам бегал, как Эрнесто Че Гевара. Начал я бегать ещё в восемьдесят седьмом в Кандагарском батальоне и добегался до сегодняшнего дня, когда выхожу из лесов и гор вчистую, на жизнь мне абсолютно неизвестную, непонятную, именуемую гражданкой. Выбегал я за все это время три войны, одну победу на соревнованиях — ну очень высокого уровня, да контузию, которую мне не записали, вероятно, чтобы

к старости бесплатные лекарства не тратить. И ещё выбегал я полную выслугу, сертификат на бунгало, то есть квартиру, которую ни в жизнь на этот сертификат не приобрести по несоответствию его нынешним ценам. Что ещё? А, воинское звание я выбегал самое высокое и почётное, но только в армии Ржечи Посполитой – было такое государство, мечтающее за счёт России раскинуться от моря и до моря. Звучит моё звание «прапорщик» и переводится с ржече-посполитского языка как «знаменосец». В нашей родной, непобедимой и легендарной это звание ничего к несению знамени не имеет, и зависло между офицером и не офицером, прямо по поговорке: курица не птица, прапор не офицер.

Своим бойцам я, можно сказать, отец родной, потому что их жалею и деру, как сидоровых коз.

Железяка – это наш ротный командир, капитан Михайлов Александр Михайлович, прозванный мной лично Железным канцлером за исключительную невозмутимость и выносливость. Обожающий его личный состав роты, для благозвучия во время связи или боестолкновения, переделал Железного канцлера в Железяку. И сей Железяка сейчас сказал о моих двух орденах Мужества и медали «За отвагу», полученную ещё за Кандагар. И его «прошу» относилось более всего ко мне потому, что я должен был ехать не со всеми вместе, а отдельно, ибо досталось мне место в другом вагоне, и Железяка Александр Михайлович имел подозрение, что всё, о чём он «прошу», я снимаю тотчас же, лишь войду в вагон и останусь с первозданно чистой грудью, как мелкий новобранец перед присягой.

Я бы так и сделал. Нечего таскать свои заслуги напоказ, тем более что не особо кому они нужны. Не с Великой Отечественной мы возвращались, а из Чечни, или, как волхвуют наши родненькие правозащитнички, с войны против своего народа.

Ребята проводили меня до моего вагона. А Добрендох, часто называемый Дубером, Дуброй и Дубралеем, мой замок, то есть заместитель, и старый друг сержант Дубравин Алёша, потащился за мной до купе, мол, надо же узнать, где, как и с кем будет коротать одиночество их незабвенный товарищ Че.

И уж как он расписывал ребятам предстоящее мне одиночество, когда вышел из вагона, я не знаю. Но досталось мне оно, моё одиночество, в купе на двоих в соседстве с самого прелестного вида молодой особой, при которой имел место быть таращенький ясноглазый крепышок лет этак трёх.

Такого одиночества я сильно застенялся, быстро-быстро вытолкал из вагона Дубру и сел на своё место, отчего-то ещё спросив, моё ли оно.

– Ваше, надо полагать! – нехотя ответила женщина.

– Спасибо, — сказал я.

Крепышок потянулся к её уху.

– Что? – хмуро спросила она.

– Мама, а дядя боженька? – вслух спросил он.

– Дядя солдат, — строго сказала она.

Я понял, что отчего-то я ей сильно не понравился, но вдруг подмигнул крепышку:

– Здравствуй, братишка. Я солдат. А ты тоже солдат?

– Я не шолдат. Мама не пушкает! – сказал крепышок.

– Куда не пускает? – спросил я.

– Ну, чтобы шолдат, мама не пушкает, — объяснил он.

– А как же звать тебя? – спросил я.

– Иван Шельгеевич! – ответил крепышок.

– А меня звать Алексей Петрович! – назвал я себя.

– Нет. Ты шолдат Алексией Петлович! – поправил крепышок.

— Ваня, не приставай к дяде! – легонько, но недовольно дёрнула крепышка за рукав особа, и он смолк, но ненадолго и снова потянулся к её уху.

— Что? – снова спросила она.

— Мама, а вот это же боженька! – показал крепышок пальчиком на ордена.

Молодая особа машинально поглядела на меня. Ничего располагающего в её взгляде я не нашёл.

— Это всего лишь медали, Ваня. И пальцем показывать некрасиво. Я же тебя учила! – нагнала она строгости.

Я за один миг обозлился на неё.

— Красиво, Иван Сергеевич! – сказал я. – Некрасиво ордена с медалями путать. Ну да ведь твоя мама не солдат. Она не знает! А ты хочешь их потрогать?

Крепышок сжался и затрепетал одновременно. Его голубые глаза просто плеснулись на меня.

— Да! – выдохнул он.

— Сиди смирно и не приставай к дяде! – снова дернула особа его за рукав.

— А вот возьми, потрогай! – отцепил я один орден.

— Молодой человек, я не знаю, кто вы там в ваших званиях. Но ведите себя прилично! – не столько вскричала, сколько прошипела особа.

Крепышок, потянувшийся было ко мне, снова сжался, будто от удара или от стыда за маму, если такой стыд присущ трёхлетним детям. Да и я не ожидал такого поворота.

— Есть вести себя прилично! – зло и с кривой усмешкой посмотрел я на особу.

Она демонстративно отвернулась к окну. А я снял остальные награды, потом вышел в коридор посмотреть, не ушли ли ребята.

— Чёрт знает, чего она... гюрза какая-то... что я ей...и парнишку мордует. А хорош парнишка, крепышок, шолдат Иван Шельгеевич!.. – бормотнул я себе под нос.

И неожиданная моя злобень выросла так, что не входил я в купе, наверно, часа два – все два часа стоял у окна. Здесь же я отдал проводнице билет, здесь ответил ей, что чая мне не надо, и потом ещё ответил, что стою и не захожу в купе просто так, люблю-де постоять. Крепышок в купе щебетал и, наверно, порывался выйти ко мне. Молодая особа заставляла его сидеть смирно и глядеть в окно, пробовала читать ему, потом принялась кормить.

— Гюрза, гюрза, – всякий раз после её окрика повторял я.

А потом вдруг вспомнил жену. Наверно, она сейчас так же покрикивала и так же заставляла своего крепышка есть ложку какой-нибудь молочной смеси или йогурта за маму, за бабушку, за дедушку, за папу, потом за всех остальных зайчиков, лисичек, гномиков и бабаек. Или наоборот. Сначала она просила есть ложку за папу, а потом за всех остальных. Она очень его любила, папу, и вернее всего, просила съесть сначала за него. И ещё, наверно, говорила, что вот-де скоро папа приедет с работы и покатает его на бибике. Хотя, наверно, нынешние дети уже обходятся без этого переходного слова и напрямую требуют катать их на мерсе, на мицубиси, пежо, лендровере. Если же вдруг узнают, что у их отцов наскребено по офисам только на какую-нибудь дэу-нексию или ладу, то ревмя, до родимчика и посинения ревут, считая свою судьбу пропащей.

Моя жена была вполне хорошей женщиной, не чета этой гюрзе. Просто кто же вынесет прапора, вечно торчащего в гарнизоне, вечно мотающегося с группой по лесам, вечно бегущего на войну и не имеющего за это ни квартиры, ни машины, ни ребёнка, ни котёнка. И жена нашла себе не прапора, не рейдера, не вояку чокнутого, а вполне нормального человека.

— Неисповедимы твои помыслы, Господи! – ёрнически снова забубнил я себе. – Одним ты отвалил только протирать по офисам, кабакам и казино дорогие штаны и обза-

водиться дорогими машинами, квартирами, дачами и яхтами. Другим, как мы... — хотел я дальше поплакаться по поводу того, что именно он нам отвалил, однако спохватился. — А что мы... А этой гюрзе, может быть, наши кресты и медали встали кое-чего поперёк, — подумал я и дальше подумал, что муженёк этой особы и этого крепышка папик, небось, так от армии откосил и сейчас весь в трудах праведных наотмашь рубит зелень. А эта особа была в своё время училкой, преподавала в школе какую-нибудь литературу, через Петю Ростова и княжну Марью прививала прекрасное и предупреждала о непременном наказании за преступления. Сейчас же прекрасное прививается через упомянутую зелень и больших её любителей, каких-нибудь чубайсов-абрамовичей и её мужа, а непременность наказаний стала весьма избирательной. Она стала бить всё больше по нам, солдатам, а чубайсов-абрамовичей и её мужа она стала обходить самой дальней стороной. Потому в этой особе-училке выиграло ретивое. «Хам! — стала думать она про меня. — Мой муж сутками в трудах праведных из офиса, кабака и казино не выходит, а на груди его болтается только толстый золотой нательный крест и больше ничего. А этот бурбон куда-то сбежал, где-то нагадил, в кого-то пострелял, мирное население понасиловал — и крестами, какие моему бедному никогда не добыть, весь обвешался, да ещё и смеет поучать: «Некрасиво ордена медалями называть!» Хам!.. Нет в мире справедливости!» — вот как она сказала себе. То-то и шипит. И то-то я, парнишка-крепышок и весь белый свет у неё виноваты!

Я понимал, что горожу явную хрень, что всё совершенно не так. Но городить хрень мне было приятно, будто я этой особе мстил.

И ещё при своих словах о рубке зелени, трудах офисных и праведных я вспомнил, как мы выручали братьев-десантников и как зацепило Фугу, пулемётчика Игорька Ефремова, любящего музыку Чюрлениса и за это соответственно прозванного. Его зацепило — и надо было вытаскивать, а чехонь из недалеких непроницаемых зелёных кустов секла так, что не только ползти, а вообще выглянуть из канавы было нельзя. Но Добрендох кувырками прорвался к заваленному «Уралу», вытащил из-под тента АГС, то есть автоматический гранатомёт станковый, за секунду раскорячился с ним около «Урала» и к растакой матери очередями в упор срубил всю эту зелень, все эти непроницаемые зелёные кусты, так что там всё затихло и, полагаю, затихло навечно.

Я достоял у окна до того, что гюрза соизволила снизойти, так сказать, до мэнэ с вопросом, который скрытым раздражением более походил на претензию.

— Вы не собираетесь заходить в купе? — спросила она.

Я и ухом не повёл что-либо ей ответить.

А тут в вагон цепочкой повалило моё ухарьё, уже переодетое в спортивные костюмы и тапки, и уже, кажется, позволившее себе после буфетного пива кое-чего ещё.

— Командир, товарищ Че! — в восторге завозгудали они. — Смотрите, один! Это он, как и положено товарищу Че, бдит в засаде! Настоящий бандерлог!

— Да нет, пацанва, что вы понимаете! Это у них уже размолвка! Он теперь ночь стоять будет, а в купе не зайдёт! — перебил всех Добрендох.

Я только в сердцах плюнул и отвернулся. Что бы понимали, остряки. Кроме как по лесам бегать и по скалам лазать, ни черта в жизни не понимают, а туда же.

Но — странное дело. Гюрза их приняла довольно сносно, этак напружинилась, блеснула глазками, вздёрнула бровками. И так-то была хороша — в плане прелестей, а тут изыскала резерв похорошесть ещё, будто мне назло. Она встала всем навстречу, пригласила в купе, мол, проходите, я догадываюсь, вы друзья нашего с Ванечкой попутчика. «Ванечка, скажи дядям солдатам «Здравствуйте!» Куда только гюрза в ней подевалась. На смену ей пришла этакая лесная горlinkа. Да только ведь нам,

бандерлогам, то есть лесным горным и пустынным обезьянам, известно, что гюрза с виду куды как баска, а снугре она, язви её, гюрза и есть. Хуже кобры. Хотя хрен редьки не слаще.

А моё ухарьё расплылось перед ней, как майский жук перед сиропом, умильное такое стало, галантное: ах-ах, мадам, ах не извольте беспокоиться, вы столь любезны, мы и здесь постоим, мы пришли на минутку проведать нашего командира, героя Абдал-Забазуля и других вершин Кавказа, а также Афгана, пришли узнать, как тут ему одному скучается, да пригласить его к нам на рюмочку чая; а тут с ним этакие два прелестных создания, ах-ах, не согласитесь ли и вы с нами разделить нашу скромную компанию возвращающихся домой вояк...

От такого их нашествия бедный крепышок полез в угол за спину матери и отказался здороваться. Он словно бы онемел. И сколько ухарьё ни пыталось с ним заигрывать, он не вылезал из своего угла и не подавал голоса. Ухарья он явно испугался. Тарашенькие его ясные глаза едва не брызнули слезами. Я снова сплюнул и погнал вояк восвояси да и сам подался с ними.

2

— Вот везуха нашему командиру! – ахали и охали мои ухарики весь путь до их вагона.

А как вломились восьмером в одно купе, в котором сторожем сидел капитан Железяка, то распоясались вовсе.

— Хотя нынче в русской армии в отличие от советской стало принято, чтобы командир грудью закрывал бойца, но я готов нарушить эту традицию и заменить командира на его отдалённом и одиночном боевом посту! – заюродствовал с поднятой кружкой Фуга. Знал, стервец, себе цену. Знал, что он в случае чего со своим пулемётом – первый прикрывальщик. А потому позволял себе подобные фути Чюрлениса.

— И я готов! А я ещё готовее! – завопили остальные.

Железяка выдержал их вопль и будто серьёзно спросил:

— Товарищ прапорщик, вас можно поздравить?

— С чем? – снова зазlobел я.

— Ну вы теперь не только герой и покоритель Абдал-Забазуля и всего прочего, но и покоритель, по описанию очевидцев, едва ли не шемаханской царицы? – в том же будто серьёзном тоне спросил Железяка.

Воодушевлённое его словами ухарьё собралось было зубоскалить дальше. Но Добря, хоть и начал подковыривать первым, понял, что хватит.

— И ша, пацанва! Скомандуйте, товарищ капитан, чтобы от Чеки отстали! – сказал он.

По моей харе Железяка тоже понял, что лучше сменить тему.

— Прошу, чтобы не приказывать! – сказал он.

— Да ты что, командир, да мы за тебя любого порвём! Да мы за тобой, как за каменной стеной, да чтобы при этом тебя обижать... да ты что, командир! – застыдились мои ухарики.

— Раскудахтались, волю почуяли! А небось на задаче помалкивали, как неизвестно кто, да с моей руки глаз не спустили! – всё ещё в злобе сказал я, но уже почувствовал, что оттякаю, и попытался держать характер из последних сил.

Глаз не спустили – это в том смысле, что на задаче в тылу у противника всё исполняется знаками да условными сигналами, шлепком, взмахом, в крайнем случае, условленным птичьим и прочим лесным голосом.

— Да-а, ухарики, – вспомнил Железяка, – я как-то с группой на задаче был девятнадцать суток. Связь – только в случае двухсотого или трёхсотого. Когда вышли, так

я забыл, как звучит мой голос, говорю, а сам всё оглядываюсь: кто это рядом со мной говорит!

— А первый выход на войну помните, на Абдал поднимались, помните? Вот же дурьё мы были! – вставился снайпер Данта, Макс Зубарев, кстати, один из лучших снайперов по всей нашей российской армии.

— Да, мы тогда десантуру проводили! – прибавил Фуга.

— На них нагрузили всё, чем их Родина обеспечила, на бедных. Караван ослов получился, а не десантура! – продолжил Макс. – Ты помнишь, командир, они из-за этого нам задачу срывать начали, отставать!

— Да ты бы сам столько-то в гору попёр! – вступился за десант Шурик Шугаев по прозвищу Шуруп.

— Да, а эти двое были у них из химбригады. Ё-моё! Мы их за десантуру принимали. Смотрели на них, мол, ну и наберут в десант сморчков да окурков. «Давай-давай, поспевай!» – покрикивали. А они ещё «Шмели» тащили на себе, но за нами тянулись. Потом ещё командир, – вспоминая этот эпизод Фуга мельком посмотрел на меня, – их спрашивает: а для чего вы, солдатики, ещё и бронежилеты с собой тащите? Вы как бы на смотр собрались? – А они говорят: а нам бронежилеты жизнь спасают! – Командир так и сел: как жизнь спасают? Что-то мы не знали, чтобы броники кому-то жизнь спасали! – Помнишь, командир? – А они: а на них спать тепло и удобно! – Вот логика! Командир спрашивает: и что, у вас в десанте все такие, на броники стукнутые? – А мы, – говорят, – не из десанта, мы из химбригады, десанту на задачу приданные! – Тут наш товарищ Че сел во второй раз: мать-перемать, да вам же, ребята, памятник ставить надо! Да такого, чтоб химики за бандерлогами попевали, отродясь с сотворения наших войск не бывало! – Так, командир?

Я уже отмяк, но решил продолжить держать характер и смолчал.

— Ну, командир, ну, товарищ командир, ну прости ты нас, детей твоих неразумных! – картинно упал на колени Добрендох. – Пацаны, проси о прощении хором! Три-четыре!..

— Прости нас! – взвыли мои ухарики.

Я не успел вздёрнуть брови, выпятить брюхо и сказать какую-нибудь сентенцию, изображая милостивого отца, как из соседних купе застучали и прибежала проводница:

— Ребята, да вы чо, вы же военные люди! Сейчас же сюда бригадира и милицию пассажиры вызовут!

— Сестрёнка, молчим! – позажимали ладонями свои лужёные глотки мои ухарики.

И несколько минут потом говорили шёпотом или, вернее, сильно шипели, так как за стуком колес шёпота не было слышно. А потом снова все и едва не враз заговорили вслух.

— Дурьё-то были! – вернулся Фуга к первому выходу на Абдал-Забазуль. – Вышли мы на вершину. Солнышко уже припекает. Мы разделись. Сидим. Дышим. Кто рядом-то сидел? Командир, ты, Добря, я, а ещё кто, не ты, Данта? А, вспомнил, химик-лейтенант сел с нами. Сидим вчетвером, ждем десант, видом любимся. А внизу аул, помните? И Добря говорит: а вон и духи! – А внизу в ауле действительно духи, чехонь, расстояние – километра полтора. Они на нас показывают. Мы на них. Я им показал это: фак ю! мол, мы уже на горе!.. И вдруг ветки с куста на нас посыпались. Мы друг на друга уставились. Потом наверх посмотрели. А там веером: фью-фью-фью-фью! Пули! Свист от них. Пули ветки над нами срезали, а звук уж потом пришёл. Что, откуда? Стали смотреть. А ветки – снова на нас. И снова: фью-фью-фью-фью... Мы рассыпались. Смотрим, а на окраине аула дзот. И оттуда вспыхивает – и опять над нами: фью-фью-фью-фью. Посмотрели мы на срезанные кусты и прикинули по расстоянию: на миллиметр он мушку выше взял. Взял бы пониже на миллиметр – и всё, четыре трупам получай мотопехотный батальон.

— Почему мотопехотный? — спросил недавно к нам пришедший бурят Номгонов, которому сначала была кличка по его национальности, а потом вдруг стала меняться на кличку Лиходей. Причиной такой клички стал он сам. Он как-то рассказал, что он в семье старший сын, и его по обычаю называют почётным именем типа Ахаадий или Ахадей. Тотчас почёт его был поставлен с ног на голову. Его это ничуть не задело. Он вместе со всеми поржал над собой и теперь охотно откликался на обе клички.

Мотопехотным же наш батальон было приказано считать из секретных соображений начальства. Но все вокруг: и даги, то есть местные жители дагестанцы, и чехонь, то есть нохчи, то есть духи, очень быстро догадались, что никакая мы не мотопехота. Нашему батяне, комбату, нохчи даже написали письмо, мол, слюший, комбат, мы знаем, кто вы, потому давай договоримся — вы с нами не воюете. Мы с вами не воюем. Батяня выстроил нас, продрал, как цуциков: у кого язык длинный, кто продал?.. А что продавать, если даже даги папахы с голов роняли, головы на кручи задираючи, где то и дело наши прытки мелькали. А у нохчей, между прочим, тоже были глаза, и порой поострей наших.

— Да, а дурьё под пулями прыгало! — продолжал вспоминать тот же бой Добря.

И действительно было — бегали дитятки мои под огнём. Сначала бегали и прыгали под пулемётом, который из дзота по ним сажил. Дитятко моё пробежит по гребню, а очередь за ним простелется. Следующий проскочит поперёк гребня. И опять очередь только гребень вспорет. «Командир, — кричат. — Мы теперь обстрелянные! Мы теперь настоящие рейдеры!» Я им приказываю лежать, не слушают. Потом объявился снайпер. Они с ним стали играть. Проскочит дитятко через гребень. Снайпер тоже запоздает. Другой в другом месте прыгает. Снайпер опять всадит в белый свет, как в копеечку. Ему бы, дураку, притихнуть и дожждаться, когда они угомонятся, и подкараулить. А у него, видно, злобень глазыньки залила, не лучше же ухариков моих в детство впал. Данта не стерпел. «Пойду, — говорит, — маленько его погоняю». С ним Шурупчик пошёл. Слышим: бах-бах. Возвращаются наши: «Ну его кое-куда. Он нас чуть не убил. У него же всё пристреляно. А мы его даже определить не смогли».

— Ну так и нечего, скотиняки такие, бегать! Ложись и лежи! — приказал я.

Кое-как я успокоил группу. Наше ведь дело — терпеть. Я ещё по Афгану знаю. Обстреляли — не ввязывайся. Затаись. Молчи. И если они не идиоты, то быстро сообразят, что лучше смотаться. А тут для всех первый бой был. Всех просто захлестнуло. Я свой первый выход почти не помню. Командир приказал ни на сантиметр от него не отлучаться — вот и вся моя задача была. Как кошка котёнка, натаскивали меня. И химики со своими «Шмелями» нам тогда очень пригодились. Когда нас стали доставать миномётом, лейтенант высчитал траекторию выстрела из «Шмеля». Дальность его стрельбы всего на пятьсот метров. А тут до духов — полтора километра. Но ведь высчитал, учёл высоту, бабахнул. В ста метрах от миномета снаряд лёг. На целый час духи примолкли.

— А вот ещё было! — вспомнил что-то тихий Шурупчик, но его перебили.

Меня же вдруг ни с того ни с сего захлестнуло:

— Как же там мой крепышок, как там мой Иван Сергеевич!

Меня даже вдруг взял озноб: как это — мой, какой такой мой. А он уже предстал перед моими глазами, тарашенький и ясноглазый шолдат, которого мама в шолдаты не пушает.

— Ладно, вы тут не того, — сказал я. — А я пойду к себе. Разрешите, товарищ капитан?

— Как это? — под общее молчание спросил Добря.

Железяка посмотрел на меня проницательно, как на компас, вместо севера показывающий юг, и молча пальчиками дал отмашку, мол, двигай. Дитятки мои хором заныли:

— Да товарищ командир, да мы, да нам... — и ни у кого ни капельки в глазах прежнего насмешливого выражения, а только тоска и обида.

— Отставить ныть! — сказал я.

И без их нытья я понимал, что вместе мы сегодня последний вечер, что завтра расстанемся, и я без них истоскуюсь, изреву, искажню себя за то, что не остался, не побыл с ними. Но потащило меня к крепышку. Я молча отмахнул всем и ушёл.

3

Купе оказалось закрытым. Стучать я не стал, а позвал проводницу. Она с тем же ерничаньем, что и мои ухарики, укорила:

— Что же вы, товарищ военный, соседку одну оставили. Ей и пришлось закрыться. Никто ведь не защитит.

Я промолчал. Она открыла дверь. Соседка, молодая особа, гюрза, крепышков мамик — уж и не знаю, как назвать её, прикрывшись простынкой, спала. По печальному лицу её я понял, что она очень устала. «Мне-то какое дело», — подумал я с неприязнью. А крепышок тотчас поднял голову. Я приставил палец к губам, мол, не шуми, мама спит.

— Мама шпит! — сообщил он мне.

Я кивнул, мол, слышу, переоделся, прибрал форму, сходил умылся и тоже лёг.

— И ты спи! — сказал я крепышку.

— Дядя шолдат, — позвал он.

Я поднял голову.

— Дядя шолдат, можно я боженьку потлогаю? — попросил он.

«Узнает — обоих со свету сживёт!» — подумал я. Но встал и протянул крепышку руки. Он ловко перелез ко мне, уселся рядышком. Я достал из сумки орден. Он со счастливым и сияющим лицом пальчиками взял его за колодку, посмотрел на меня, втянул голову в плечики и заулыбался:

— Боженька!

— Почему боженька? — спросил я.

— Мама шкажала — боженька. Мы ходили в челковь — там такой же боженька! — сияя, сказал крепышок.

Я приобнял его и почувствовал тёплую детскую сладость, а вместе с ней какую-то тёплую силу. Я посадил его на колени. Он прижался головой мне к груди. Потом оторвался, поглядел на меня и ткнул пальчиком против моего сердца:

— Там кто штучит?

— Дятел, — сказал я.

— Нет, — сказал он. — Там шелче штучит. У меня тоже шелче штучит. И у мамы штучит... А кто тебе дал боженьку?.. А как тебя жвать?

— Меня звать прапорщик Сурков, — сказал я.

— Нет. Тебя жвать шолдат Алексей Петлович! — исправил он.

— Ох, забыл, виноват! — сказал я.

— Ты не жабывай, а то потеляишся, — сказал он.

— А ты не потеляишся? — спросил я.

— Нет. Я ш мамой еду, — сказал он.

— И где ты живёшь? — спросил я.

— В голоде Мулавленко, — сказал он.

— Где? — не понял я.

— В голоде Мулавленко, — невозмутимо повторил он.

Я снова не понял и спросил ещё раз.

— Ну в голоде Мулавленко же! — сказал он с нажимом.

— Да ведь нет такого города, — сказал я.

— Да ешть такой голод, — сказал он.

— И где же? — спросил я.

— Дома, — сказал он.

— Ну и логика у тебя. Всё наоборот. Ты, небось, и кроссовки обуваешь наоборот, — подверг я его критике.

Он на критику не обратил внимания.

— Это что? — показал он на форму и довольно фамильярно потребовал: — Покажи!

— Э, брат, да ты быстро на шею садись, — продолжил я свою критику.

— Покажи, я тоже буду шолдат! — потребовал он и подошёл к форме, взялся за полу куртки, оглянулся на меня: — Как? — то есть, надо полагать, спрашивал, как снять её с плечиков.

Мне это не понравилось.

— Никак, — сказал я.

— Как? — будто не услышав меня, спросил он.

— Никак. Иди ко мне, — сказал я.

— Как? — он требовательно дёрнул куртку.

— Иди ко мне, — тоже, будто не слыша его, позвал я.

Он довольно, я бы сказал, не капризно, а нагло вато посмотрел на меня и, не сводя с меня глаз, швырнул орден на пол.

— Подними и дай мне, — как можно спокойней сказал я.

Он закусил губу. Таращенькие и ясные его глаза просто налились наглостью. Я понял — ему закозлило. Вообще наша работа требует чрезвычайной выдержки. Но выдержка — это не бездействие. Я взял крепышка поперёк тулова и пару раз ткнул носом в валявшийся на полу орден.

— Подними, — сказал я.

Конечно, он не поднял. Он не испугался. Он не заупрямился. Он просто не понял, что с ним произошло, что требуют от него таким непривычным для него образом. Педагогика моя не сработала. Но я отчего-то чувствовал, что поступил правильно. Как когда-то говорил товарищ Ленин, подбадривая своих соратников, нельзя отчаиваться даже и в том случае, если посев отделяют от жатвы целые поколения.

Я поставил крепышка на пол. Он ловко и споро забрался к себе на полку, прополз за спину матери и оттуда уставился на меня. Таращенькие его глаза смотрели на меня и не могли понять, для чего я всё это сделал, всё самым непонятным образом испортил. Но в то же время таращенькие его глазёночки показывали какую-то большую внутреннюю работу, будто он осмысливал то, что с ним произошло. «Ага, — сказал я, — посевная кампания, кажется, прошла удачно».

А самому мне вдруг стало стыдно и до щеколки больно. «Одиноконький на всей земле маленький человек, во всем мире одиноконький, только с мамой. Папы-то ведь у тебя явно нет!» — навылет прошило меня.

А он смотрел на меня и ещё ничего не понимал ни во мне, ни во всём мире. Он ещё не знал своего одиночества. Он смотрел на меня. Орден валялся на полу. И я не знал, что делать.

— Есть город Муравленко? — спросил я.

Он продолжал смотреть на меня.

— А ещё есть гора Абдал-Забазуль. Большая-большая гора. И на неё взобрались злые духи и хотели всех людей захватить. А когда пришли солдаты, то они хотели всех солдат убить, — сказал я.

— Где? — спросил он. Глаза его, наконец, дрогнули. — Где Балда-Дабажуль?

— В далёких горах Дагестана, — речитативом, под сказочника начал я.

А тут проснулась мамик. Она сначала, конечно, как подобает женщинам, ощупала простынку, не сбилась ли, не свалилась ли в сторону и не обнажила ли, в общем-то, предназначенные для мужского взора, но лукаво и тщательно скрываемые женские прелести. Потом она подняла голову, посмотрела на меня своим то ли со сна, то ли именно мне предназначенным отсутствующим взором. Лучше бы вообще не смотрела в мою сторону. Но она скользнула по мне, как по пустой стене, и повернулась к крепышку, снова поправила простынку, прикрыла не широконый, но и не узкий таз, пошедшие от него вниз, как склоны Абдал-Забазуля, талию и бедро.

— Ты почему не спишь? — строго спросила она крепышка.

— Мама, ешь Балда-Дабажуй? — спросил крепышок.

— Нет, — сказала она, подвинула крепышка к себе, увернулась вокруг него калачом кормящим и валом крепостным, горным хребтом. Защитила — надо полагать, от меня.

4

Я никогда на сон не жаловался, хотя обычно спал в полглаза и вполуха. Это не было моей приобретённой особенностью. Это у меня от природы. И это для нашей работы было хорошо. Говорят, к старости это обернётся бессонницей. Но до старости не все доживают. С учётом специфики нашей работы — это существенно. Так что *gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*, то есть будем веселиться, пока Бог послал, как распевали средневековые студенты. Сам я студентом не был, университетов не кончал, но очень люблю историю и языки. Ту же латынь я выучил самостоятельно и даже читал в подлиннике некоторых латинских авторов.

По определению психологов, я принадлежу к пассивно-агрессивному типу. Звучит жутковато и как-то подозрительно, дескать, ни то, ни сё, что значит пассивно-агрессивный? или уж пассивный, или уж агрессивный! Но считается такой тип самым подходящим для нашей работы. А я думаю — если он пригоден для нашей работы, то дай Бог его каждому. Этот тип при достаточном интеллекте позволяет идти на разумный риск и быстро перестраиваться в зависимости от ситуации. Этак я не себя хвалю, а говорю то, что говорят психологи, и то, что говорят служебные характеристики.

Одним словом, по определению психологов и по служебным характеристикам, я вот такой, кстати, как и все мои ухарики. И я думал, отчего же сия особа, мамик моего крепышка, на меня окрысилась, простите, не попыталась скрыть своего отнюдь не пассивно-агрессивного характера хотя бы из этикета, из вежливости. Сумела же при моих ухариках изобразить, как сказал Железяка, шемаханскую царицу. Или на них, пришлых, она не посчитала нужным тратиться и просто дежурно искривилась в любезностях. А мне, соседу, сразу решила показать моё место. Мол, а этот прапорочек с побрякушками принадлежит к пассивно-агрессивному типу характера, что и видно из наличия на его груди побрякушек, с которыми он выпендрился. А раз выпендрился — получай.

Я так думал, но я и понимал, что всё это не правильно, всё не так. У меня были случаи, когда меня невзлюбивали ни за что, просто так.

Я, конечно, и сам никогда не был подарочком. И того же крепышка носом в пол потыкал. Виноват. Но как же без строгости, как же без требовательности? Здесь, конечно, надо различать жёсткую требовательность и вот такую нелюбовь. Без жёсткой требовательности в нашу работу лучше не лезть. В нашей работе каждодневное сдирание трёх шкур с бойцов — это залог того, что с войны боец принесёт домой ту единственную шкуру, без которой только — к Аллаху. Это любовь. А нелюбовь — это снисхождение к бойцу. Я сейчас говорю, в общем, без раскладки на детали, на индивидуальный подход, учёт особенностей каждого бойца и прочее.

Однако бывали случаи, когда меня просто невзлюбивали, и всё.

— Товарищ прапорщик, такие, как вы, в Вооруженных Силах, а уж тем более в наших войсках не нужны! – заявил, например, мне прежний батяня, комбат.

Это после Чечни-первой было. За что? Про что? Десять лет нужен был. «За мужество» и «За отвагу» – на груди. А «в Вооружённых Силах и тем более в наших войсках» не нужен стал. Так и спросил:

— Объясните, товарищ майор!

А что он объяснит. Ему и вопрос мой – колом в одно место, так что он нарасшарагу ходит.

— Я всё сделаю, чтобы такие, как вы, в нашей бригаде не служили! – вот и всё его объяснение.

Да делай ты, чмо казарменное, думаю. Я и без тебя уйду. Меня хоть аксайцы. хоть чучкари, хоть... — да везде меня возьмут, вплоть до морпехов. Хоть мичманом буду называться, — сгоряча стал я думать. А потом опомнился. Да пошёл он, комбат. Ну будет гнобить. Ну будет придирааться. Будет сплошняком двойки и служебное несоответствие ставить. А мне-то что. Мне в карьере не расти. Мне, пока сила есть, по лесам побегать. А на войну и так пошлют, с несоответствием. Сам же и пошлёт. И таких комбатов в любом месте без базарного дня рупь за кучку найдётся.

Остался я в бригаде. И ведь, паразит, гнобил, а в другой отряд не переводил. Я тоже при случае поиздевался над ним. Даром, что ли, характер у меня пассивно-агрессивного типа, то есть приносивший к любым обстоятельствам.

— Товарищ майор, — при случае подковыривал его. — Меня в батальон, — называю фамилию комбата, — сватают. Отпустите!

— Я те отпущу! – едва не матерился. — Я тебя с позором из армии уволю!

— За что, товарищ майор? – делал я наивную рожу.

— За всё хорошее! – рычал на меня он. А однажды проговорился. — А за то, — сказал, — что тебе Бог много дал, потому я много с тебя и спрашиваю!

Я даже заржал:

— Вы не путаете, товарищ майор, себя кое с кем? И не путаете «спрашивать» и «завидовать»?

Завидовал батяня сынку своему. Вот так было.

И как-то на показательных перед начальником разведки округа мы очень солидно отработали. Мы даже высадку группы с «Урала» на асфальт при скорости шестьдесят километров показали. Правда, подмётки у сапог поотрывали, и Добрендох от усердия и переживания за меня – он первым пошёл с «Урала» – башкой об асфальт грохнулся. Но мы показали и заслужили благодарность. Комбриг по окончании показательных устроил дастархан, то есть застолье. Народ с женами пришёл. И только смолкли все, потому что комбриг поднялся слово сказать, комбат, будто невзначай, соседа спросил:

— А что, правда, что ли, прапорщик Сурков говорит, что наш комбриг жене изменяет?

Это же надо, как можно от ненависти контроль над собой потерять. Это же надо, как можно зарваться и пойти на такой риск. Хотя, получается, истинным работником нашего ведомства выходил комбат. Ведь как считается? Человек нашего ведомства должен быть дерзким и не тривиально мыслящим, смело идущим на разумный риск. Батяня и доказал.

Правда, его риск не оправдался. Ни в какую измену комбрига никто не поверил по одной простой причине – в это невозможно было поверить, такой был наш комбриг.

Риск батяни не оправдался, но кое-какой эффект от риска всё-таки был. Комбриг на меня косяка давил сильно. Скажу, убивающее это чувство – быть оболганным и под подозрением. Мне все говорили пойти и объясниться с комбригом. А мне закозлило:

с какой стати я пойду объясняться. А батяня своё гнёт: у тебя, прапорщик тут не так, там не так, тут недочёт, тут упущение, а ты ещё и сплетнями занимаешься! – явно провоцировал на драку, после которой мне бы тюрьма грозила. Порой доходило – терял я самообладание и уже видел, как возвращаюсь, например, со стрельбищ или с тропы разведчика, да просто из леса, передаю группу Добре, захожу к батяне и кладу ему под зад гранаточку без чеки и вылетаю вместе со взрывом в дверь. Пусть потом ищут, отчего вдруг бате взбрело на гранату сесть.

А прекратилось всё неожиданно. Каким-то образом дошло до комбрига, что я ни ухом, ни рылом касательства к сплетне не имею, и никто вообще, кроме самого батяни, не имеет. Батяню бы за это из бригады с позором выпереть. Но. Но с одной стороны, позор и на бригаду ляжет, имя её честное трепать начнут. И в первую очередь сам же батяня начнёт. А с другой стороны, за что его выпирать – он передовой офицер, его отряд, во многом как раз благодаря моей группе, в передовых ходит. И нашёл комбриг нетривиальное решение. Он отправил батяню в академию. И той пользы от этого стало, что подросли по службе младшие офицеры. Тот же Железяка, капитан Михайлов Александр Михайлович, пошёл командиром роты, а теперь и вовсе отработал заместителем командира батальона. Едет сейчас с замены, как и все мы.

Вот так было. И вот так получилось сегодня.

Примерно с этим я уснул. И слышал, как крепышок во сне то всплакивал, то бормотал что-то не совсем ясное. Какие-то переживания его уже одолевали. И мать просыпалась, гладила его и успокаивала. Слыша всё это, я совершенно забыл про гюрзу и про всё прочее. Мне было хорошо.

5

И с этим «хорошо» я проснулся. Только-только рассвело. Крепышок с мамиком спали. Простынка на мамике скомкалась. А крепышок её вообще спинал. Мне захотелось простынку поправить. Однако я побоялся даже посмотреть в их сторону. Я прибрал свою постель, взял несесер и пошёл в умывальник. На грех подошли к крупной станции. Проводница умывальник закрыла. Я вышел на перрон. Уже по-сентябрьски было холодно, но не морозно.

– Что, вояка, не спится? Солдат спит, служба идет! – сказала проводница.

Я неопределённо махнул рукой, а потом неожиданно спросил:

– А эти мои соседи куда едут, не помните?

– Занюбила? – усмехнулась проводница и в свою очередь спросила: – Сам-то без семьи? Да вижу, что без семьи. Куда едут, не помню. Потом зайдёшь, скажу.

Я поблагодарил. Потом с обидой спросил:

– А почему это видно, что без семьи?

– Да по всему видно, – сказала проводница. – Уж я народу повидала. Семейный всё равно какой-то не такой. Семейный какой-то успокоенный. Или наоборот, едет домой и вытерпеть не может, к жене, к детям. Или какая-нибудь рюшечка у него, маечки, носочки-платочки, тапочки.

– Да какие же платочки – из командировки едем! – возразил я.

– А чёрт их знает, какие. Какие-то всё равно есть. Словом, не семейный ты, вояка! – сказала проводница.

– Профессионально определили, – сказал я.

– А то, – улыбнулась она.

– А вы семейная, – сказал я.

– По чему видно? – снова улыбнулась она.

— Да вот узнали, что я разведенец, но не стрельнули глазами! — сказал я.

Проводница покраснела.

— Я уж отстрелялась, — сказала.

— В смысле? — не понял я.

— Кабы не двое на горбу, которых растить надо, может быть, и стрельнула бы! — сказала она.

— Понятно, — сказал я и прибавил: — А вы вполне очень даже!

— Да ладно обманывать-то. В свои тридцать я и баба, и мужик! — сказала она.

— Всё наладится, — ободрил я.

— Не отказалась бы, — вздохнула она и спросила: — Убивать приходилось?

— Да мы всё в тылу, — отговорился я.

— Знаем таких тыловигов. В тылу в пыли, — усмехнулась она.

Я простоял на перроне до отправления, приятно пропитался холодом. Потом постоял ещё в коридоре около окна и потом умывался, брился. Всё это я делал медленно. Возвращаться в купе, где спала мамик крепышка, было как-то не по себе, стыдно, что ли, будто присутствием своим я мог её скомпрометировать.

Я умылся и побрился, снова встал у окна в коридоре.

— А, — увидела меня проводница. — Сейчас! — и через минуту вышла с билетом. — Вот, Ноябрьск Свердловской железной дороги. Это где-то на севере.

— Иван Сергеевич про какой-то город Муравленко говорил, — сказал я.

— Не слыхала. На Украине, что ли? — спросила проводница и сама себе возразила.

— Нет. Билет единый: Ноябрьск — Москва, Москва — Ноябрьск. Куплен сразу. Сейчас едут до Тюмени. Да ты не дрейфь, поухаживай да и вызнай. А то смотри, — она озорно и одновременно с чувством какой-то безысходности блеснула глазами. — А то ведь не посмотрю, что на горбу двое, и на твои ордена не посмотрю, возьму в плен!

— Вот вы сказали, что вам тридцать. Вы ведь и вправду хороша. Только вот разговор, интонация у вас какие-то не нынешние, а как будто постарше! — осмелился я сказать, еще вчера отмеченную особенность ее разговора.

Она усмехнулась.

— Какой внимательный! — сказала она. — Когда муж чужую машину разбил и сам погиб, а я с двумя в двадцать шесть лет осталась, да мне присудили платить за машину — я, кажется, дважды по тридцать прожила. Господи, и когда я только выплачу за эту проклятую... Каждый месяц уже четыре года вычитают, а конца не видать. Каждый месяц я на год старше становлюсь! — и вдруг вернулась к крепышковому мамику. — Ладно. Я что-нибудь придумаю, посмотрю ее паспорт.

— Да не надо, что вы! — возмутился я и только потом понял, сколько уже успела хлебнуть эта женщина.

Не глядя в сторону крепышка и его мамика, я положил несессер в сумку и пошел к ребятам. Двери открыл Шурик-Шуруп, тоже бессонный человек. В купе отдавало перегаром. Но стол, как я всегда требовал, был тщательно прибран.

— Эх, зря ты ушел вчера, Алеша. Мы так хорошо повспоминали! — сказал он.

— Небось, до милиции дело дошло от ваших воспоминаний, — забурчал я.

— Да нет. Ржачка, конечно, стояла. Но в целом всё обошлось нормально, — успокоил Шурик.

Мы посидели. Пока все проснулись, Шурик рассказал, о чём вспоминали. Вчера под водочку это было смешно. Сейчас — нет. В августе девяносто девятого перед Чечней второй мы не получали зарплату уже несколько месяцев. Лично я Ельцину до сих пор благодарен — научил нас отец родной выживать. Вернее, не нас, а наши семьи. Мы-то, как древние схимники, сушёными кузнечиками да святым духом питались. Семьям до-

сталось хуже. Моя ушла в это время. Я не верил. В день отправки комбриг вышиб из начфина по тысяче на отъезжающего. Где взял их начфин, не знаю. Комбриг вышиб и, в нарушение приказа никого из расположения бригады не выпускать, отпустил нас до трёх ночи по домам. Я оставил свою тысячу жене. А, нет. Я оставил ей девятьсот пятьдесят. Потому что накануне захотели мы с Добрей пива выпить, и я занял у соседа пятьдесят рублей. Но у киоска я вдруг сказал:

— Добря, давай хоть по-человечески наедемся. Давай купим корейской лапши.

Купили и наелись. И вот пятьдесят я отдал соседу, а жене оставил девятьсот пятьдесят. Добря матери оставил столько же. А пятьдесят рублей мы пропили, чтобы уж по всем законам — на войну под хмельком.

Смешные воспоминания? Очень. Как у Петросяна байки.

Ребята один за другим сходили в умывальник. Я сидел и не мог сказать простой фразы: «Ребята, скинемся, кто сколько может...» Это я, пока сюда шел, задумал собрать для проводницы, вернее, для её двух ребятишек. И я мечтал, что ухарики мои кинут, ну, хоть по пятисотке. За четыре месяца мы заработали небольшие боевые. Но сейчас ехали, можно сказать, натошак. На водку, пиво и закуску, конечно, было, но не более. Я и мечтал о пятистах рублях с каждого. Но вдруг забоялся сказать. Я стал думать — а вдруг скажут, мол, ты чё, товарищ Че, ты чё, командир, небо не обогреешь, всех сирот в России не прокормишь. Вот так скажут — и я на всю жизнь останусь с занозой.

— Ладно, я пошел, — сказал я.

— Что-то с тобой, товарищ Че, не то! — сказал Добря.

— Да ничего, — попытался я сказать беспечно.

— Скажи, что! — пристал Добря. — Пацаны! Командиру плохо!

— Пивка? — засуетились мои ухарики. — Пацаны, пивко осталось?

— Кто же оставил! — тоскливо отозвался Фуга.

— Я оставил! — простенько сказал в дверях купе с высоты своего роста Железяка.

— Нет, я пойду, — сказал я.

Мне, правда, захотелось уйти.

— Товарищ капитан, что он нас уже второй день обижает? Разрешите взять его заложником! — возмутились ребята.

— Будут неоправданные жертвы как среди личного состава, так и среди мирного населения, — сказал Железяка.

Я схватился за слово «жертвы». Оно понесло меня, как хороший сильный светлый поток. У меня так бывало всегда при поиске нужного решения, при отдаче команды, в которой какое-то время я сомневался. И когда удавалось пересилить сомнение, то всегда получалось ступить в подобный сильный и светлый поток. И он легко нёс меня.

— А что, господа бандерлоги, слабо пожертвовать кое-какую сумму на одно благородное дело? — спросил я.

— А запросто! — сказали мои господа бандерлоги, явно полагая, что я имею в виду скинуться на бутылёк. Во всяком случае, я так понял их и счел необходимым предупредить.

— Надо помочь одной хорошей бабе, — конкретизировал я задачу.

— Твоей? — изумились мои господа бандерлоги. — Уже?

Намек был вызывающе толст. Однако я не обратил на него никакого внимания.

— Ребята, у проводницы муж на чужой машине разбился. Остались двое детей. И за машину присудили платить. А мы же один чёрт пропьём, — сказал я.

— Во, товарищ Че с утра уже себе заботу надыбал! — сказал Фуга.

— Вторую заботу, заметьте! — с той же толщины намеком на мамика крепышка сказал Бурят-Лиходей.

— По сколько? – спросил Шурик.

— Не было денег – и это не деньги! – положил пятисотку Добря.

— А меньше кинуть – жаба задавит! – сказал Бурят.

— Задавит-задавит, тебя, Лиходей, точно задавит, если не научишься правильно говорить! – сказали ребята, а Фуга тотчас выдал мне совет: — Ты жениться на ней не вздумай, как кто-то из революционеров женился на проститутке из публичного дома, думал, перевоспитает ее!

— Не кто-то, а лейтенант Шмидт! – сверх денег Фуги положил свою пятисотку Железяка.

— А, у них еще много детей лейтенанта Шмидта было! – сказал Бурят.

— Очень интеллектуально развитый человек вы, боец Номгонов! – вздохнул Железяка.

— Вот, товарищ капитан. Поступок старшего есть пример для младшего. Был лейтенант Шмидт, стал прапорщик Сурков! – сказал Фуга.

— Умнеее! – не стерпел я.

— Сами учили, — сказал Фуга.

Я взял деньги и пошел к себе.

— С тебя бутылка. Денег у нас больше нет! – крикнули ухарики вдогонку.

А проводница, когда до нее дошла моя затея, едва не съездила, как нынче говорят, мне по фейсу. Я другого не ждал. Русская баба не покупается. Она сама, кого захочешь, купит. И не деньгой. Но я уже был в потоке.

— На новый компьютер твоим ребятам не хватит. Но купишь с рук, — не слушая её возмущения, сказал я. — Мы, сама понимаешь, откуда возвращаемся. Не возьмёшь – в следующий раз кто-то не вернётся.

Я не циник и не атеист. Ни с приметами, ни с Богом я не борюсь. Я в них не верю. Но когда верят другие, я не мешаю верить. Ребята знают, что я не верю, и тоже не мешают мне не верить. Группа у меня складывалась трудно. К созданию этих трудностей я был причастен самым непосредственным образом. Я был первым контрактником в бригаде. И я добился от комбрига формирования группы чисто из контрактников и с тем условием, что набирать буду я сам. Группа складывалась медленно. Я браковал людей беспощадно. Приходили ребята, отслужившие в боевых пловцах, в морской пехоте, в нашем же ведомстве. Как приходили, так и уходили. И разница была только в том, что приходили с приветливой улыбкой, а уходили с отборным матом. Чего-то мне в них не хватало. Какой-то безоговорочной веры в мои требования, что ли, мне в них не хватало. Они шли, в моём представлении, служить. А мне надо было, чтобы они шли жить. И через неделю-другую я им говорил:

— Ребята, вы настоящие рейдеры! Я против вас чмо драповое. Уж простите, но я добился перевода вас в другую роту.

Это было сродни тому, как меня в своё время невзлюбил комбат. Но я так делал. А однажды во время моего отпуска комбриг принял сразу четверых пиджаков, четверых ухариков только за то, что они пришли и сказали: мы желаем служить у вас! Я вернулся из отпуска. Они встречают меня. Я посмотрел в их личные дела – ну сплошь мазутей, стройляндия и пе – простите – хохота, то есть автобат, стройбат и пехбат. Все они о нашем ведомстве знали только из кино да книг, на обложках которых одна рожа гнуснее другой нарисованы. Такими же, как эти рожи, захотели мои пиджаки стать.

— Ну-ну, — сказал я. — Пришли. Хорошо. Но буду о вас ещё лучшего мнения, если вы смоетесь из группы не завтра, а хотя бы послезавтра!

— Есть смыться не завтра, товарищ Че! – сказали они.

— Грамотные, — усмехнулся я на их знания о великом революционере Эрнесте Геваре де ла Серна, то есть Че Геваре, а потом добавил: — Грамотные и с юморком. А если грамотные да с юморком, то и устроим вам проверочку с ветерком!

С полной боевой выкладкой, в брониках пробежали мы десять километров. Посмотрел я на время — и свою рожу скривил. Для первого раза время было вполне терпимым. Посмотрел на них — еще больше рожу скривил. Хотя и язык у каждого около колен болтался, и уж, вопреки Некрасову, вода с языка давно не бежала, а вся высохла, шары, как у бешеного рака, выпучились и бельмастой пеленой затянулись, а никто не отстал. Я и скривил рожу — не по-моему получается, не желают ребятки добровольно завтра удариться из бригады в бега.

— Ладно, неплохо, — говорю. — А вот светофор на железной дороге пробегали. Каким светом он горел?.. Никто не заметил? Сбежать и выяснить!

Они же знали, что им после десяти километров сразу — на рукоход и все прочие снаряды в спортгородке, а потом ещё и рукопашный бой, который, в принципе, обернётся простым избиванием младенцев царём Иродом, то есть мной. И они вытянули десятку последними своими жилами. А тут их послали бежать ещё три километра до какого-то светофора на какой-то железной дороге, которую они в упор не заметили, вместе с её светофором. Но вздохнули они обречённо, прибрали языки, разули глазыньки и почесали смотреть светофор. Возвратились вообще никакие — кто на трёх, кто на четырех мослах, истинные обезьяне. А я им ручкой делаю, мол, пожалте, господа бандерлоги, к рукоходу да к прочим снарядам. А у самого рожа еще кривее стала: слушают и исполняют — и куда мне с ними?

А туда и пришлось мне с ними, что падали, издыхали, ползком, на брюхе, на карачках, но — только вперёд. Кое у кого судороги начались. Ну, думаю, слава тебе, Господи, можно снимать с проверки. Она, конечно, проверка, но ведь главное — не сломать человека. Подошёл, говорю: отставить упражнение. Какое — рано радовался! Ткни, говорят, командир иголкой в мышцы. Посмотрел я на них. Пиджаки пиджаками: мазутеи, стройлянды, пе — извините — хохота. А сдаваться не желают. Ткнул. Нам не жалко. К нам в Печорской школе еще свирепее относились. Но дело не в свирепости. Дело в том, что пиджаки, а не сдаются и на рукопашный выходят, то есть практически уже выползают. Но, получается, выходят.

Отметелил я каждого, правда, не по полной программе, но по пяти минут метелил. Потом приказал привести себя в порядок и устроил проверку грамотности и интеллекта. Думал — тут точно сядут, и я хоть кривую свою рожу выправлю, возликую, мол, а что я говорил! Но... *Nec Caesar supra grammaticos*, как говаривали в Риме, что означает: не долго музыка играла — или, в данном случае: против грамматики и Цезарь не попрёт. Справились мои ухарики с тестами. И осталось мне сказать себе в утешение, что это только начало. И гонял я их, и драл я с них трижды по три шкуры ежедневно. А они от моей свирепости только крепили и помышляли только, как бы лучше мои прихоти исполнить, как бы ндрав мой уважить. То есть вышло, что вот эти-то пришли сюда не служить, а жить, чем и переломили меня.

А однажды, глядя на нас, пришли ко мне парнишоночки-срочники из соседней роты и говорят:

— Товарищ прапорщик, не могли бы вы с нами позаниматься, как со своими?

И ведь правильно пришли, потому что жить хотели.

Вот такое наше ведомство. В нём чем тошнее, тем лучше. И не показатель, конечно, — но потерь у меня... а, скажу на латыни, чтобы не сглазить, потерь у меня *nullus*, то есть можно догадаться, сколько.

И при моих словах, что кто-то может из-за неё не вернуться, руки у проводницы затряслись, слёзы побежали. Села она в кубрике в угол, отвернулась в окно, поплакала. Потом взяла деньги.

— Век не забуду, — сказала. — Не со мной бы случилось, не поверила бы. А ты бы знал, как с компьютером угадал. И чем же я отплачу тебе?

— Ничем, — хмыкнул я и вдруг тоже засентиментальничал: — Хоть немного ребятишек осчастливишь, тем и отплатишь!

А что ещё женщине сказать?

6

В купе мамик крепышка читала. А сам крепышок тыкал игрушечным автомобильчиком в пол и приговаривал, подражая мне:

— Подними, подними!

— Да черт бы вас всех побрал! — едва не вскричал я. А вырвалось вскричать так, чтобы не разреветься, как та же проводница.

Крепышок меня не видел. Мамик же скосила глаза — надо еще раз отметить, довольно-таки красивые глаза — и снизошла до вопроса:

— Он вам вчера надоедал?

Я не нашёл, что сказать. Крепышок обернулся.

— Дядя шолдат! — обрадовался он и снова ткнул автомобильчик в пол: — Так, да?

Я опять не успел ничего сказать.

— Я прошу вас ничему его не учить. А если будет надоедать, отшлепайте его и посадите на место! — строго сказала мамик.

— Не будешь шлепать, нет? — спросил крепышок.

Я отрицательно помотал головой. Крепышок принял это за индульгенцию.

— Подними! Подними! — специально для меня отрывисто и, как ему должно было казаться, грозно закричал он, а потом вообще закривлялся, закуражился, не удержал равновесия, шарахнулся и ударился в полку, хотел, кажется, захныкать, но поглядел на меня и смолк.

Я снова подумал, что за всё время он ни разу не вспомнил об отце. И за всё время мамик тоже ни разу ему об отце не напомнила, не пригрозила отцовским наказанием, как это обычно делают матери. И выходил крепышок, как дети проводницы, безотцовщиной.

Я подмигнул крепышку. Он немного подумал и тоже попытался подмигнуть. Но у него зажмурились оба глаза. И сколько он ни пытался мигнуть одним глазом, у него обязательно закрывался другой. Все попытки прекратила мамик. Она одёрнула крепышка и посадила рядом с собой. Я принялся читать газеты, но наблюдения за крепышком не оставил. Он совсем немного посидел около мамика, тихонько слез на пол и тихонько придвинулся ко мне. Она заметила, но смолчала. Я украдкой пощекотал его. Он одним махом залез мне на колени.

— Почитай! — сказал он.

— Ванька! А ну слезай! Быстро иди сюда! — возмутилась мамик.

— Да пусть посидит! — довольно хило попытался я возразить.

— Слезай и быстро иди сюда! — с нажимом повторила мамик.

— Нет! — набычился крепышок.

Вчера его упрямство вывело меня из себя. А сейчас я этим упрямством остался доволен.

— Жили-были дед да баба. И была у них курочка Ряба! — быстро, чтобы спасти крепышка, стал я, так сказать, читать газету.

— Где написано? — спросил крепышок.

— Вот, в газете! — сказал я.

— Нет. Кулочка Ляба у мамы в книжке написана! — разоблачил меня крепышок.

— Аа-а! — будто спохватился я. — Ну тогда вот. Читаю. Далеко-далеко есть страна Дагестан. В той стране Дагестан стоит высокая гора. Называется она Абдал-Забазуль.

— Где написано? — снова спросил крепышок.

— Вот, в газете, — сказал я.

— Да, — согласился крепышок.

Я незаметно поглядел на мамика. Она поджала губы и делала вид, что читает книжку, но было видно, что слушает нас и подавляет улыбку. И было видно — любую минуту она готова с возмущением вмешаться в наше, так сказать, чтение.

— Вокруг этой красивой и большой горы Абдаль-Забазуль были красивые деревни Ансалта, Шодрода, Годобери, Зеберхали, — продолжил я свое, так сказать, чтение. — И жили в них красивые и хорошие люди даги. А рядом была другая страна. В ней тоже были красивые горы и жили красивые хорошие люди. Но пришли к этим людям совсем плохие люди ваххабиты Хаттаб, Шамиль Басаев, Аслан Масхадов во главе с главным плохим человеком Джохаром Дудаевым. Обманули они этих хороших людей и завоевали их. И напали они на хороших людей дагов и захватили красивую гору Абдал-Забазуль. И вообще захотели они везде установить свою плохую власть, чтобы всех хороших людей угнетать, то есть бить, морить голодом, заставлять много работать, маленьким детям не давать игрушек, закрывать их в темный чулан и не пускать к маме с папой.

Крепышок от моего, так сказать, чтения заерзал, уселся поплотнее и прижался ко мне.

— Долго воевали хорошие люди даги против плохих людей ваххабитов. А потом позвали на помощь русских солдат. А у русских солдат служил очень сильный солдат Иван Сергеевич... — крепышок, видно, не понял, что речь пошла о нём, и никак не отреагировал. Я повторил с нажимом: — Очень сильный солдат Ванечка. Иван Сергеевич служил в то время у русских. «Солдат Ванечка, солдат Иван Сергеевич, помогите нам победить ваххабитов!» — позвали на помощь даги.

— Меня? — с трепетом и восхищением спросил крепышок.

— Конечно, тебя, — подтвердил я. — Позвали они: «Хороший солдат Ванечка, Иван Сергеевич, помогите нам победить ваххабитов!» — «Да! Помогу!» — сказал солдат Ванечка, Иван Сергеевич, взял своё оружие...

— Нет. Он взял автомат! — поправил крепышок.

— Взял он оружие-автомат, сел в самолёт и полетел воевать с ваххабитами! — сказал я.

— Да! — возликовал крепышок. — Я плохих людей ахабитов всех убил! Вот так!.. — заизображал он у меня на коленях страшный, но победоносный бой.

— Не так это просто, Иван Сергеевич! — урезонил я крепышка.

Но, как говорится в солдатском стихотворении про Суворова, который неосмотрительно дал команду оправиться около забора, а потом спохватился и дал команду отставить, но было поздно. Крепышок слетел с моих колен, схватил свой автомобильчик, превратил его в автомат Калашникова и с криком: «Вот вам, ахабиты! Вот вам, ахабиты! Д-д-д-д!» вылетел в коридор.

Мы с мамиком враз бросились его ловить, столкнулись, оба отпрянули друг от друга так, что раскисли по полкам, и пока выправлялись, со страхом глядя друг на друга, крепышок в своем милитаристском угаре всё с тем же кличем священной мести ваххабитам

влетел в соседнее купе и, не лучше самих ваххабитов, открыл стрельбу по совершенно мирным его обитателям.

— Ой-ой-ой! Ой, пожалей нас! — полетели оттуда мольбы о пощаде.

Мамик первой, а я следом полетели туда, вихрем, как на показательных выступлениях по захвату террористов, скрутили новоявленного ваххабита, бормотнули нечто извинительное и вихрем же вернулись в свое купе, так что забрыкался наш ваххабит с большим запозданием. Естественно, мамик выдала ему солидную порцию того, что рекомендовала мне на случай, если он превзойдет все границы дозволенного этикетом. Он справедливо оскорбился и громко заревел.

Я не сдержался и полез защищать крепышка.

— А вам не кажется, что вы всё время лезете не в своё дело? Тем более что именно из-за вас он получил? — прошипела мамик.

— А вам не кажется!.. — начал было я о том, что она крепышка просто затуркала, но меня перебил пожилой мужчина из соседнего, только что, так сказать, подвергшегося нападению купе.

— Извините! Я слышу, вы уже его наказали. А не стоило наказывать. Он хороший у вас, молодец, такой политически подкованный. Ваххабитов знает... — и крепышку: — Не плачь, солдат! Ты хороший солдат, молодец!

Но крепышок горько плакал и с надеждой смотрел на мать. Мне ничего не осталось сделать, как выйти в коридор. У окна я простоял долго, нехотя сходил к ребятам, через силу поржал с ними ни о чём.

Проводница сунула мне бумажку с адресом крепышка и мамика. Я благодарно кивнул, но не обрадовался. Я говорил себе, что у такого крепышка мать не может быть гурзой, что ее просто в жизни обманул мужчина, что и я сам такой же, как тот, так же думаю о ней всякие гадости. Я говорил, что ничего не произошло, что детей и без того наказывают в дело и не в дело, и что они, по счастью, долго этого не помнят. И крепышок, конечно, повеселел быстро. А мне всё равно было безразлично.

7

Я продержался два месяца. Потом я собрал сумку, оделся по полной форме в камуфляжку — ведь я же шолдат — и поехал. В Ноябрьске бомбила-частник довёз меня до развилки на Муравленко. Восемьдесят километров я посчитал не расстоянием и отправился в Муравленко пешком. За час ходьбы мне никто не встретился и никто не догнал.

Навстречу понесло снегом, но дорога оставалась чистой. «В крайнем случае, заночую на какой-нибудь кочке, мне не впервой», — решил я.

К исходу второго часа я почувствовал сзади буравивший метель свет автомобильных фар. Оглянулся и ничего не увидел. Но обмануться я не мог. Ещё вполне были натренированы мышцы и чувства — в том числе и это, уж не знаю, шестое или седьмое, но звериное. И вскоре фары мелькнули. Меня обогнал внедорожник и остановился. Передняя дверца открылась.

— Ты куда, земля? — услышал я удивленный вопрос и краем глаза выхватил довольно грузную фигуру в длинном пальто.

— Да так, по делам, — сказал я.

— Ну, садись, деловарь. Кажись, по пути! — пригласил грузный человек.

В машине было двое. Моё появление их взбодрило. Они с интересом меня осмотрели, снова спросили, куда. Я сказал. Потом сказал, что из Екатеринбурга.

— О, Екатеринбург! А мы оттуда едем. По делам там были. Оба, выходит, деловые. Я Василий, — протянул руку грузный мужчина.

Водитель тем временем вышел и растёр лицо снегом.

— Сделайте вот так, быстро взбодритесь! — показал я нехитрый дыхательный приёмчик, которым часто пользовался при перегрузках.

— Делай, делай! Служивый худому не научит! — заставил Василий водителя повторить приёмчик, а потом спросил, где я служил.

— Мотопехотный батальон, — сказал я установкой времен Абдал-Забазула блюсти секретность.

— Пехоту вижу, а мото нет! — сказал Василий.

— А мы такая пехота, у которой мото от слов «мотать мотнёй» происходит! — сказал я.

— Больше вопросов нет, — сказал Василий, но тут же спросил, сколько я отслужил, что заслужил и к кому еду в Муравленко.

Про службу я сказал, как было, а про то, к кому еду, сказал уклончиво.

— В библиотеку книжечки кое-какие почитать. Есть у вас библиотека? — сказал я, постеснявшись сказать мнившееся мне место работы мамика крепышка в школе.

— Да никак наша муравляночка зацепила! — неожиданно бойко для его комплекции повернулся ко мне Василий.

«Вернее, муравлёночек», — подумал я, но смолчал.

— Молодец! Женщины у нас, можно сказать, национальное достояние наравне с тундрой-кормилицей! Ты не бывал в наших краях? — синие даже в полумгле машины глаза Василия полыхнули едва не электросваркой. — Мы с Максом, — он кивнул в сторону водителя, — едем из вашего Екатеринбурга, были на «круглом столе» в институте экономики академии наук как раз по нашей проблеме. Ты что-нибудь по проекту «Урал промышленный – Урал полярный» слышал?.. Услышишь. На «круглом столе» один из докладов так и назывался: «Обь-Иртышский бассейн – национальное достояние России». А я говорю: «Женщины Муравленко – национальное достояние России!»

Я с иронией улыбнулся. Вроде бы незаметно улыбнулся. Но Василий увидел.

— Улыбайся, улыбайся! — хмыкнул он. — Северяночки, как и сам север, к себе тянут. Вот приедешь, а она тебя отошьёт. Что тогда делать будешь?.. — и вдруг спохватился. — А ты, кстати, не врешь? Про мотопехоту, ордена, бабу — не врешь? Такое обычно на зоне сочиняют! Может, тебя отвезти к нашему Леонидычу в отдел? Пусть разберется, что за герой к нам приблудился.

Вот что здесь сказать? Какая половина моего пассивно-агрессивного характера сработала? Чтобы не терять времени на отгадку, скажу сам, что сработали обе половины враз. Пассивная половина не дала агрессивной развернуться во всю свою ширь. А агрессивная не дала пассивной промолчать.

— Да. Очень плакал бы сейчас твой Леонидыч, и плакал бы всем отделом, и именно по тебе, Василий! — сказал я.

— Рисковый! — сказал Василий.

— Ты тоже рисковый! — не стерпел я, но тут же решил примириться и спросил о «круглом столе» — что за стол.

— Да простенький такой стол. Даже коньяк не поставили, одной минералочкой обошлись, — начал ёрничать Василий, но тоже сменил тон. — Нормальный был стол. Тема глобальная: будущее России. Возвращаться надо на Север. Только он, отец родной, нас прокормит. Другого не дано. Вот послушай и покрути шурупиками. Есть данные, что каждый, кто у нас в нефти и газе работает, стране зарабатывает два миллиона зелёных, то есть долларов. Это каждый. Но не только самому Северу, а и России-матушке от этих двух миллионов мало что достается. Почему? А потому, что денежка уходит за границу. Гайдар в свое время сказал, что не хрен нам в Север денежку вкладывать. Пусть, говорит, живут в балках. Дешевле обойдется. А тот же Рома Абрамович, скупивший по

дешёвке самые богатые промыслы, вместо того, чтобы всякие там челси кормить, хотя бы памятник своему однофамильцу Давиду Иосифовичу Абрамовичу поставил. Тот в шестидесятых годах практически весь Север от затопления спас – был такой проект затопить Север. Затопили бы – плакал бы сейчас Рома, в какой-нибудь засс... конторе. А благодаря своему однофамильцу – олигарх. Но где же памятник поставить. Жаба задавит... И Россия, добывая нефти и газа в год на сто пятьдесят миллиардов долларов, становится за тот же год на триста миллиардов долларов беднее. Вот такая арифметика, такой закон экономики. А экономика – наука неумолимая. Неумолимая, но только не для нас. Нам это все по хрен. Мы знай своих олигархов да за границу кормим. Где выход? А выход в другой науке, в географии. Осваивать надо Север по-новому. Возвращаться надо человечеству на Север, то есть жить здесь не по-гайдаровски в балках на болотных кочках, а в обустроенных городах и посёлках с полным комплексом удобств для труда и быта. Обосновываться надо здесь на века. Вот и был круглый стол у вас в Екатеринбурге об этом. Урал промышленный у вас, Урал полярный у нас. И задача – соединить их в единое целое. И задачу надо решать уже сейчас. Иначе ничего здесь не останется. Абрамовичи с гайдарами снимут сливки и отвалят на запад. Вот так вкратце обстоит дело. И ты нашу муравляночку с собой не забирай. Ты сам у нас оставайся.

– От неё зависит! – неожиданно для себя буркнул я.

– А ты что выше прапора не вырос? Вроде бы не дурак, – спросил Василий.

– Да был случай, повышали. Только я от такого повышения едва из армии не ушёл, – сказал я.

– Как это? – заёрзал Василий.

– Да просто! – сказал я и поведал, так сказать, печальную историю моего роста по службе.

Был он таков. В нашем ведомстве постоянно проводятся соревнования между группами по определённой программе. Моя группа побеждала в них неоднократно. Правда, победу за нами признали в высоких верхах только один раз. Там были свои соображения. Да и где это видано, по их разумению, чтобы какой-то прапор выигрывал у офицеров? Офицеру за первое место дают очередную звёздочку на погон и повышение в должности. А прапору? У него со звёздочками и должностями – потолок. То, что я был комком, командиром группы, это не правило. Правило – когда прапор вырастает только до замка, то есть заместителя командира группы. Я же был командиром. И мне уже расти вообще было некуда. А тут решил наш комбриг меня поощрить. Он нашел мне перспективу роста.

– Леша, что тебе по лесам бегать. Пора на месте осесть, семьёй обзавестись. Займёшь первое место – поставлю тебя начальником столовой и ключи от отдельной комнаты дам! – сказал он.

Я чуть в санчасть не слёг от такой перспективы.

Но и деваться некуда. Моя группа просто ну не на голову, а уж на полголовы-то точно была выше всех остальных по войскам. Куда тут деваться бедному прапору? Откатали мы соревнование, заняли первое место, которое нам зачли как второе. Едем домой. В бригаде – счастье. Художники Делакруа и Суриков Василий Иванович совместно картину пишут под названием: «Прапорщик Сурков заступает на новую должность». Грибоедов Александр Сергеевич поэму «Горе без ума» сочиняет. Достоевский Федор Михайлович роман «Идиот» переписывает, фамилию Мышкин на Сурков меняет. Комбриг со всем штабом при полном параде на крылечке мнутя, ключи от столовой и отдельной комнаты на бархатной подушке вынесли.

Одним словом, подал я рапорт на увольнение от такой перспективы. Так ведь уволиться-то толком не дали.

— Мичман, ты охренел? — обозлился на меня комбриг. Он к нам из морпехов пришёл и слова «прапорщик» не выговаривал. — Мичман, ты совсем того? А воевать кто будет?

— С кастрюлями и половником, что ли, товарищ капитан первого ранга? — тоже называл я его по-флотски.

Дошло до них, что оскорбляют они бандерлога в самую печёнку. Оставили меня на группе.

Вот такой был рост.

— Значит так, — выслушав, решительно сказал Василий. — Я сейчас тебя привезу в гостиницу. А завтра придёшь вот сюда, — он протянул визитку. — Я помогу тебе с жильём и с работой. И твою муравляночку уговорим. Как там у вас в пехоте говорят: «Территория захвачена тогда, когда на неё ступила своим сапогом пехота!» Вот и ставлю задачу: добро пожаловать к нам на Урал полярный! Усёк? Не слышу. Повторить...

Этакую, мягко говоря, фамильярность от какого-то деловара Василия я все-таки выдержал, криво улыбнулся и визитку взял, но рассмотреть ее сподобился только в гостиничном номере после душа.

Мне всегда везло на хороших людей. В визитке стояло: мэр города Муравленко такой-то...

Я почесал в затылке. «Спасибо тебе, мэр!» — сказал я, но, как старый бандерлог, решил действовать самостоятельно. Вдвоём оно хорошо, особенно с мэром, но только не в этом деле.

8

Вообще, видимо, Егорушка Гайдар был человеком незыблемо последовательным. Обрушив всю страну в нищету, как мешок с плеча оземь, он тем более считал себя вправе так же поступить с Севером. Но и мы, простые людишки, ушли от него, нашего благодетеля, недалеко. Во всяком случае, я именно так и представлял северные селения, как он. Я особо, конечно, ни о каком Севере не думал. Но когда заходила о нём речь, я представлял себе чёрные дощатые кривобокие косоглазые с дымоходными трубами вагончики, едва не на половину всосанные в маломальскую твёрдую почву, чёрные вышки и угрюмые качалки, безрадостно матерящийся и с утра страждущий похмелиться народ, мощной грязной техникой сокрушающий всё на своем пути. Чем не егорушково представление, и как после такого представления не сделать вывод о том, что на хрена нам с таким Севером возиться!

Меня и хорошая гостиница, куда привёз Василий, не смутила. Подумалось как-то этак, что-де для всякого приезжего чинушества типа егорушковой челяди, конечно, расстарались, а всё остальное идёт прахом.

В шесть я проснулся, прибрался и, не завтракая, пошёл в город. До восьми прикинул я найти крепышков дом, а далее действовать по обстоятельствам, то есть по присказке нашего комбрига, что война манёвр покажет.

Морозец, согласно уральско-полярной программе, оказался за ночь хорошо прокованным. Вскоре пришлось мне вспомнить, что я уже два месяца как не служивый, и распустить у шапки уши. Блуждать от кочки к кочке, от вагончика к вагончику, как я предполагал, отнюдь не пришлось. Вышел я из гостиницы, посмотрел туда-сюда, увидел симпатичные в свете жёлтых фонарей пятиэтажки и пошел мимо них по аккуратным дорожкам в направлении, которое мне показалось нужным. Потом свернул туда, свернул сюда, поглазел на яркую и разнообразную раскраску домов, на множество банеров на торцах этих домов с изображением известных людей города и отметил некоторое отсутствие зелёных насаждений, привычных в наших городах, объяснил сие полярной

широтой и вышел на внушительную угловатую площадь с обкуржавленными соснами и стоящими едва не в обнимку церковью и мечетью. Я по красной расчищенной дорожке подошёл к церкви, постоял просто так, отметил некоторую эклектичность её стиля, потом подошёл к мечети, отмечать ничего не стал, как бы не стал вмешиваться в дела хотя и дружественного, но не моего ведомства. Около мечети я только вспомнил крепышка и его страстный порыв в поезде покончить с ваххабизмом.

— А хорошо тут должно быть ему, — сказал я, глядя на город.

Здесь же, прямо с площади, в проёме меж домами по глазам мне мазнула тёмная и густая полоса леса.

— И мне будет неплохо, — сказал я.

Потом я нашёл нужный дом, сразу обдавший меня крепышковым теплом.

Я поглядел на часы. Было рано.

— Шпит, и мама, наверно, шпит! — собрал я всю волю, чтобы не заулыбаться, и пошёл дальше по городу, всё внимательно рассматривая и прислушиваясь к себе, принимаю ли это всё, и отвечая, что ж-де не принимаю, если здесь живёт крепышок.

Но то, что в этом городе в уже известном мне доме «шпит» крепышок, погнало меня обратно. Я встал метрах этак в двадцати от подъезда сначала в ожидании, что крепышок и его мамик, за два месяца и сегодняшнее утро уже утративший это неприязненное имя, выйдут с расчётом попасть крепышку в садик к восьми часам. Потом подождал девяти часов. И потом — десяти. За это время, кажется, вышел и отправился восвояси весь дом и весь двор. А вот крепышок с мамиком, то есть с мамой, не вышел. Я несколько раз перепроверил адрес. Он был точен.

Я стал придумывать причины, по которым крепышок не вышел, ну там, заболел и сидит дома, был уведён в садик, пока я болтался по городу, и так далее. С замиранием сердца я даже придумал, что их вообще в городе нет, что они куда-то уехали. «Война манёвр показывает!» — сказал я и набрался наглости пойти позвонить в квартиру. О результате подобных манёвров хорошо говорит армейский фольклор. «Собирались на стрельбы, но не поехали — оценка удовлетворительно. Собирались на стрельбы, поехали, но не доехали — оценка хорошо. Собирались на стрельбы, поехали, стреляли, но не попали — оценка отлично». То есть никто мне из квартиры не ответил. Постоял я под дверью, послушал тишину в квартире, подвязал у шапчонки ушки наверх и якобы браво покатил в гостиницу, в единственное моё в этом городе место. Без крепышка город враз стал мне чужим, как, впрочем, и всё на свете.

— Уйду снова в бригаду, — зло и твёрдо решил я.

А в гостинице мне навстречу вышла сама метрдотель, импозантная, лет в сорок пять хохлушка с неизбывным их хохлушечьим мягким выговором.

— Ой же ж, здравствуйте! Это вы товарищ Сурков будете? — всплеснула она руками. — Очень приятно увидеть вас в нашей гостинице. Вы же ж с нашим мэром вчера приехали. Он вас разыскивает. Сам по телефону позвонил, сказал, чтобы обязательно вас к нему отправили.

Я пошел в администрацию, уже поднял ногу на крыльцо, как сзади подкатил лимузин.

— Привет, ну что? — прямо из лимузина спросил Василий.

— Исходные данные на задачу были или неверными, или неполными! — сказал я.

— Поправим! — пообещал Василий. — Ты лучше вот что...

И он за пять минут, пока мы шли в его кабинет, пока он на ходу дважды кого-то успел выслушать и дать им указания, пока раздевался и говорил по телефону, обрисовал мне картину моей жизни в его городе. Первым мазком этой картины был вопрос о жилье, вторым — о работе. Причём, как и положено в хорошей картине, оба мазка оказывались взаимосвязанными. Будет работа — будет жильё.

— А как работу тебе выбрать, если, сколько я понял, ты умеешь только воевать! — на ходу за меня решал Василий. — Тебе с такой профессией только к бандюганам в охранники идти! — говорил он и прибавлял, что шутит, что не к бандюганам надо идти, а прямой дорогой в милицию, в пожарные, в нефтегазодобывающее управление или в электросети, ещё куда-то, и ещё, и ещё.

— Погоди, Василий. Мне надо найти эту женщину. Всё остальное зависит от этого! — попытался я остановить его.

— Неправильно ставишь задачу, потому и не можешь выполнить! — не стал слушать Василий. — Получил работу, получил жильё — и ищи, ухаживай, добивайся своего хоть год, хоть двадцать лет! А без работы и жилья сколько ты здесь протянешь? — и опять перешёл к работе: — А может быть, ты пойдёшь в школу? А что? Давай — в школу! Организуем кадетский класс. Будешь растить защитников Родины, свой опыт им передавать. А школы у нас — во! И педагоги у нас — во! Едва не каждый четвертый — «Отличник народного образования». Давай — во вторую школу к Ивану Адольфовичу Климовичу! Педагог, депутат, да вся семья педагоги вплоть до тёщи, свояченицы и невестки! Или есть у нас Аня Хамардюк. Она в числе пятнадцати учителей России получила звание «Учитель года». Как? И тебя направим учиться. И ты, не хуже самих Песталотти и Макаренко педагогом станешь! Да и твоя женщина, которую ты ищешь, тоже, небось, учительница. Ещё одну семейную династию создадим.

— Вот сначала ее найду и спрошу. А нет — пойду обратно в мотопехоту, — упёрся я.

— Ну, мотанная пехота! — вспылil Василий. — Найдёшь. А она откажет тебе. Кто ты такой? Выпал, как дверца кое из чего. Ты хоть о чём думал, когда сюда ехал? Думал: приедешь, увидишь, победишь?

По правде, я все два месяца думал о крепышке. Может быть, сказались три моих войны, может быть, сказалась контузия, может, просто время отцовства пришло, но удавило мне: хочу быть отцом этому крепышку, которого мама в шолдаты не пушкает. Ведь один растёт, без отца. А что такое расти без отца? Например, у нас, в нашем ведомстве, так — ребят из неполных семей стараются не брать. Считается, что что-то с ними, даже самыми-самыми, не то. И как же я стерплю такое, чтобы с моим крепышкой было не то. Понятно, не от него зависит, быть ему без отца или с отцом. «Мама его не пушкает». Но я всё равно поехал к нему и поехал-то, чтобы хоть увидеть, хоть немного побыть вместе, пока мамик, то есть мама его, меня отшивать будет. О ней самой я думать, конечно, тоже стал, но гораздо позже. И думать стал так, что обязательно отошлёт, но вдруг хоть едва-едва улыбнется, как улыбнулась, скрываясь за книжкой в купе, когда я якобы читал крепышку про Абдал-Забазуль. Вот так я ехал и думал только об этом. А теперь враз стал думать, что не оставляю я крепышка.

А Василий стал мне толковать всю мою жизнь на свой лад, будто без их города, без их Полярного или какого там Урала, у меня будет не жизнь, а обыкновенный капец — с заменой в этом последнем слове некоторых букв на другие.

— Да у нас здесь все себе легенду сделали, все стали легендарными людьми! — продолжал толковать мне Василий. — Смотри. У нас начальник нашего нефтегазодобывающего управления Шульев носит звание «Лучший в нефтяной отрасли». А наш главный хирург Гудченко — лучший на всё Заполярье хирург, и лучшую во всём Заполярье больницу отгрохал! Во, кстати. Может, к нему пойдёшь в санитарную авиацию? В своей мотопехоте, небось, наловчился лучше всякого хирурга раны обрабатывать и перевязывать! И родная тебе авиация. Летай да лечи нашего брата нефтяника! Твоя мотанная пехота — это ведь ведеве, воздушно-десантные войска. Правильно? Вот и будешь каждый раз десантироваться! Кстати, начальник горотдела милиции у нас тоже бывший десантник, Леонидыч, как я уже тебе говорил... И ты станешь легендой. Вот кто знает,

что ты герой, что ты за свои боевые заслуги не кто иной, как живая легенда? Кто, скажи?.. Хотя один журналюга догадался о тебе написать? Кому ты нужен, хотя ты защитил Отечество! Никому ты не нужен. А у нас во как нужен! И у нас ты сделаешь себе имя! Потому что легенду и имя делает Север!..

А слова его о ненужных наших заслугах пыхнули мне все тем же Абдал-Забазулем. Встала картина нашего приезда под неё, картина, которую мы, только что прибывшая мотопехота, наблюдали с соседнего пригорка, наблюдали, как какую-нибудь панораму «Штурм Сапун-Горы» под Севастополем в мае сорок четвёртого или панораму Бородинского сражения. Только было это всё в движении. Внизу наша десантура стоит шеренгами. Подлетает вертолёт. Забирает одну шеренгу. Несёт ее на Абдал. А оттуда навстречу спускается другой вертолёт, несёт двухсотых и трёхсотых. Выгружают их, кладут тут же. И тут же другая шеренга загружается в этот вертолёт. Он опять несёт их на Абдал. А навстречу спускается с двухсотыми и трёхсотыми тот, первый. И так весь день. Туда – живеньких. Оттуда – мёртвеньких. Туда – живеньких. Оттуда – мёртвеньких. А на второй день ещё до рассвета ушла наша первая группа. Ночь мы не спали. И только я прикорнул в кабинке «Урала» – бежит Железяка:

— Чека, хватай санитарную сумку, хватай, что можешь! Первая группа попала в засаду! Море трупов и раненых!

Мы – туда! А что, пока прибыли, там было уже всё кончено. Навстречу попалась нам одна бээмдэшка, боевая машина десанта. Пацаны везли своего водителя. У него глаза уже были на затылке. Остальное – что горит, что на боку валяется. Учитель мой по Печорской школе Андрей Иванович – напополам раздавленный. Десантный замкомбата из пулемета коробку расстрелял – и его убило. А у пацанов паники никакой. Дядя Ваня, командир роты связи с тяжелейшей контузией головы бой взял на себя. «Вы мне, ребята, дайте точку координат. Я сам не могу сориентироваться, где мы...» – попросил он и рулил боем. Вот так начинался наш Абдал, наш Балда-Дабажуль.

Василий, пока я видел свою картинку, говорил что-то ещё. И до меня донеслись только слова:

— Да сам Виктор Иванович Муравленко, имя которого город носит! Вот уж легенда так легенда! Вот уж кто Север покорил. Вот без кого здесь мало бы что было!

— Сначала помоги найти. Потом продолжим разговор, – тупо сказал я.

— Эх, выдворить бы тебя из города в двадцать четыре часа. Да один Бог только знает, чего я тут с тобой вожгаюсь! – совсем обозлился Василий.

— Боженька, – сказал я.

— Что? – спросил Василий.

— Один Боженька знает, чего ты со мной вожгаешься, – сказал я.

— Какая, едри тебя, разница! – хмыкнул Василий.

— Есть разница, – сказал я.

Он ещё раз хмыкнул, видимо, посчитал, что будет дороже себе связываться со мной, но снял телефонную трубку:

— Как её фамилия?

Хорошо быть мэром. И хорошо с ним водить дружбу. Совсем немного, оказалось, надо было времени, чтобы выяснить, что крепышок вместе с мамой проживал в той именно квартире, которую я караулил. Но по причине простуды находился он у бабушки с дедушкой.

И через несколько дней, темным северным, то есть полярным, утром он выкатился колобочком из подъезда, остановился на миг и вдруг обернулся к матери.

— Мама, ешть Балда-Дабажуй? – спросил он.

— С чего ты взял? Нету! – явно торопясь, отмахнулась она.

— А мой папа шолдат? Он ко мне плиехал? – снова спросил крепышок.

— Господи! Что за ерунду ты мелешь! Пошли быстрее! – дёрнула она крепышка.

— Да вот же! – крепышок выхватил руку и тем же колобком покатился ко мне. – Папа! А ешть Балда-Дабажуй? А у тебя боженька ешть? Покажи! Ты бошле не потеляшишьля, нет? – успел на ходу пропищать он, прежде чем сам Боженькой взлетел в совсем ещё чёрное полярное небо.

— Есть Балда-Дабажуй! Есть Полярный Урал! Есть Боженька! – ловя и снова подбрасывая его, выдыхал я.

А она стояла поодаль. И я не мог увидеть, улыбалась она или злилась.

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

УМЕНЬЕ ПАУЗУ ДЕРЖАТЬ

РЯДОВОЙ

Ах, как земляца неровна...
Неровности земляцы
Любить заставила война,
Чтоб мог солдат укрыться.

Любая ямка, бугорок –
Спасение от пули.
И, крепко заучив урок,
Солдат живым остаться смог
В сорок втором, в июле.

Вжимался плотно в землю он,
Мечтая слиться с нею.
И был Победой награждён –
Стирал портянки в Шпрее.

И вот – землёй навеки стал,
Привнёс в родной суглинок
Своих осколков драгметалл,
Полученный в Берлине.

Да прах, что прорастёт травой,
Да память, что нетленна...
Итог, как будто рядовой,
В судьбе обыкновенной.

2009

АНАМНЕЗ

В только что захваченной траншее
Старшина раздал боезапас...
Ты сидишь с царапиной на шее,
Ты живым остался в этот раз.

Как стервятник кружит в небе «рама»,
Тявкает немецкий пулемёт...
Пьёшь свои положенные граммы
И не знаешь, что наутро ждёт.

Может, пуля-дура, как хозяйка,
В грудь ударит жёстко, на убой,
И твою наркомовскую пайку
Будет так же молча пить другой.

Иль иначе – оберегом древним
Отведёт судьба на фронте смерть,
Начертав потом в родной деревне
От горячки белой умереть...

2010

ПЕРЕКРЁСТОК

Бежит мальчишка, а навстречу
Ему едва бредёт старик...
Сойдутся, как рассвет и вечер,
И разойдутся в тот же миг.

А я – сторонний наблюдатель –
Стою, их встречу задею:
В душе – мальчишка и мечтатель,
Хоть за спиной полсотни лет.

Стою, на опыт не в обиде
И не в претензии к судьбе,
Как будто миг назад увидел
Себя, бегущего к себе.

2009

* * *

Дачный посёлок и солнце в зените,
Пташки порхают, звенят на весу.
Перед тобою – стакан земляники:
Мама её собирала в лесу.

Чтобы – по яголке, сладкой, пахучей –
Цену любви ты распробовать смог,
Самоотверженной, лучшей из лучших:
Только расти поскорее, сынок!

Только запомни минуту простую,
В сердце её сохрани навсегда:
Глядя, как ты землянику смакуешь,
Мама так счастлива и молода...

2010

* * *

Всю ночь шёл снег, неспешный, величавый,
Как взгляд зимы – царицы этих мест.
И тополя в окне, и купол – справа,
И в свете фонарей над ним маячил крест.

Всё это – Томск, где мой ночлег случайный,
Где ночь, как век, казалась мне, длинна,
Где лишь зима – прекрасная, как тайна,
Со мной стояла тихо у окна.

И я молчал. И было слов не надо.
По мановенью царственной руки
Маячил крест, и хлопья снегопада
Слетались на огонь, как мотыльки...

2009

* * *

Радуга, как будто коромысло,
На плечах уральских гор повисла,
На границе двух материков...
Мир дождём полуденным умылся.
Стало больше слов, но меньше смысла
В промежутках между смыслом слов.

Оттого, так радостно – притихнуть,
Если над тобою чудо вспыхнет:
После грома тишина слышней...
Континенты, родина, граница –
Главный смысл в душе у нас хранится:
Нет его понятней и нужней.

Если справа – синь, и слева – тоже,
Несказанное – душе дороже,

Как умение паузу держать.
Чудо, погоди, останься с нами
Тишиной, как будто в Божьем храме,
Где и молча можно всё сказать.

2009

* * *

Лебединая песня зимы
Острым клином врезается в лето.
Солнце, цвета лежалой хурмы,
Плавит снег непонятного цвета.

Скоро будет теплей и светлей
И природа – щедрей на подарки.
Мы увидим опять лебедей
На пруду в нашем стареньком парке.

И о вкусе бакинской хурмы,
О метелях, стучащих в окошко,
Станем мы до грядущей зимы
Каждый день забывать понемножку,

Наблюдая, как птицы плывут,
Изогнув горделивые шеи...
Только летом они не поют,
До разлук свои песни лелея.

2009

* * *

Вспыхнула ночная тишина
Перед днём Христова вознесенья –
Факельное шествие сирени
В городе устроила весна.

Гулом распутившихся соцветий
Напитался быстрокрылый ветер,
Ароматом улица полна...

И душа, подобно ветке тонкой,
Силой переполненная звонкой,
К небесам сквозным устремлена.

2010

ДВЕ РЕКИ

Когда бы шёл с востока русский меч,
Являясь порождением ислама,
Могли бы Волгу Камою наречь,
Поскольку полноводней, шире Кама.

Но русский меч был породнён с крестом
И шёл встречь солнцу, аж до океана...
И Волгу – Волгой мы с тех пор зовём,
И первой стать уже не может Кама.

Но в том и сила русского меча,
Что как бы вера с верой ни сплеталась,
Да только Кама, камушки меча,
Всё пережить смогла, собой осталась.

Не поддаваясь пришлому уму,
Амбициям своим не потакая,
Она впадает в Волгу потому,
Что сильная и добрая такая.

И ей не страшно – всю себя отдать
Другой реке, навеки слившись с нею...
Она душе доверчивой под стать,
Что, лишь смирившись, выстоять сумеет.

2007

* * *

Был Гумилёв влюблённым в Анну Керн,
Пленить её сумел сильнее, чем Пушкин!
Муж-генерал избрал одну из мер –
И в Африку был наш герой отпущен,

О чём сам Пушкин и мечтать не мог...
А прапорщик катался на верблюдах,
И пастернак жевал, и ел чеснок,
Чтоб позабыть об Анне и простудах.

Шестое чувство разыскал он там
И без своей назойливой подружки,
И, как жираф, вознёсся к облакам,
Таким же кучерявым, словно Пушкин.

А Анна командору отдалась,
Дав маленьким трагедиям начало.
Она вообще Ахматовой звалась,
Но этого пока не замечала...

И, гением ведомая своим,
Мечтала, что ещё услышит тоже:
«Я вас любил, любовь ещё, быть может...»
А Пушкин был Цветаевой любим...

2009

12 ЯНВАРЯ

В доме напротив погасло окно –
Темень и стужа.
Знаешь, а я уже понял давно –
Я тебе нужен.

Чтобы дышать, возрождая мечту,
Страху не чужа...
– Я тебе нужен... – опять в темноту
Тихо шепчу я.

Даже когда и мечта не видна –
Заледенела.
Впрочем, важнее, что ты мне нужна –
В этом всё дело!

Ты мне нужна безо всяких затей
И философий,
Как отражённый рассвет, что видней
В окнах напротив.

2010

ЧЕЛНОК

Памяти А. Н. Маурова

На этом диком берегу
Я обрастаю мхом,
Забыть хочу, да не могу,
Что звался челноком.

Что свежий ветер наполнял
Мой парус молодой,
Что не страшил девятый вал
И ураган седой...

Ещё я помню: южный порт,
Невесту рыбака –
Как нежно гладила мой борт
Красавицы рука.

И страстный шёпот, томный вздох
Летели над волной...
Теперь один зелёный мох
Беседует со мной.

О том, что жизнь почти прошла,
Что умер мой рыбак.
Его жена с ума сошла,
Повадилась в кабак.

Она трухлявее, чем пень,
Морщинистей волны...
И никому на этот день
Мы в мире не нужны.

У памяти недолог срок,
У счастья норов крут...
И с борта ветер и песок
Название сотрут.

Чтоб позабыл я имя той,
Что в свой последний час
Придёт погладить остов мой
Ещё хотя бы раз...

2010

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

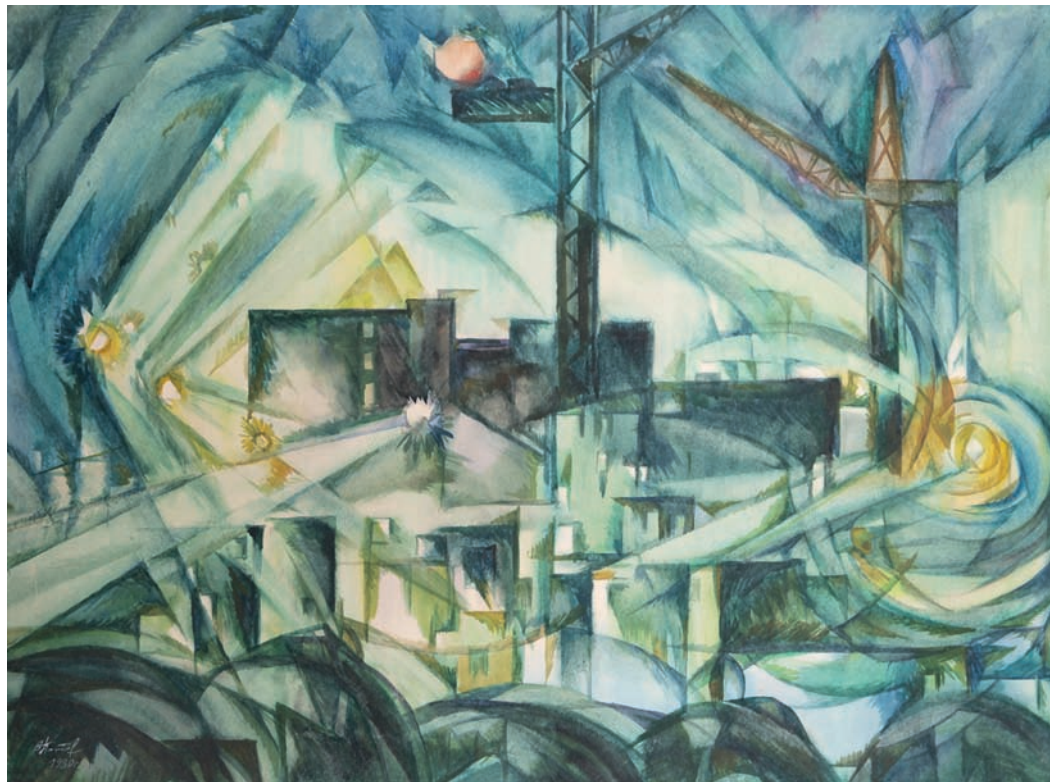
От редакции. Владимир Потапов — и художник, и поэт. Мы с удовольствием представляем его читателям «Аргмака» в этих двух ипостасях (репродукции в цветной вклейке и подборка стихов). В году минувшем Владимир Владимирович отметил шестидесятилетие. Ныне он живёт и работает в родном Брянске. Но есть у его стихов и картин вторая родина, это Набережные Челны, где в семидесятые годы прошлого столетия он участвовал в строительстве КамАЗа и Нового города.

День ангела

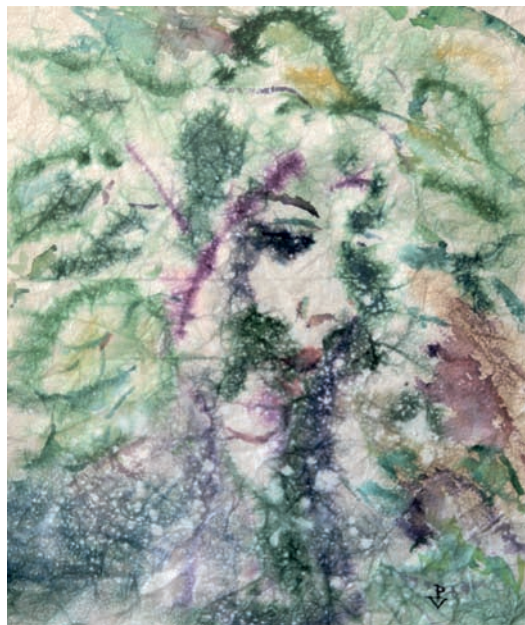
Начало стройки. КАМАЗ (1973 г.)

Ночная стройка (1979 г.)

Улица детства

Сирень

Солнечный день

Разлив на Десне

Музыка

Мастерская в Горьчем Ключе

Танеевские места

Деревенский натюрморт

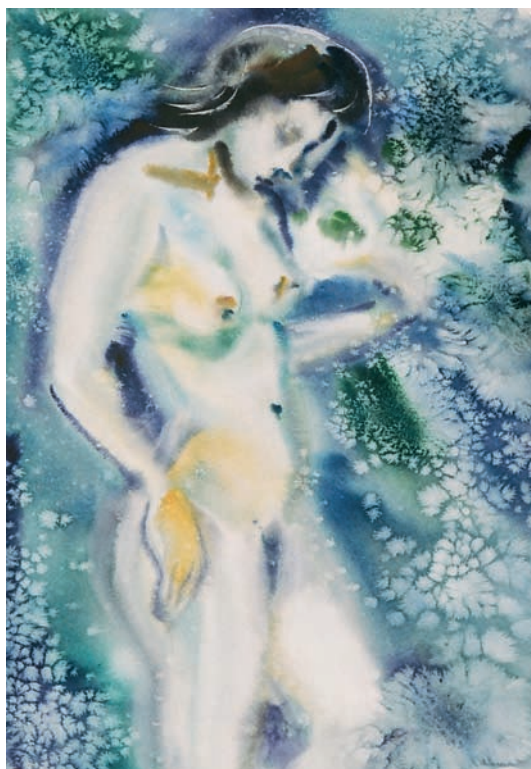
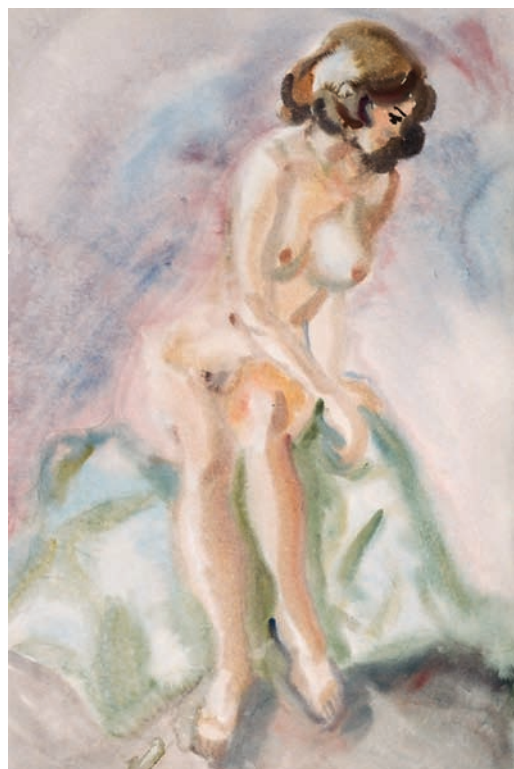
Дом моего детства

Весенний букет

За околицей

Васильевская горка

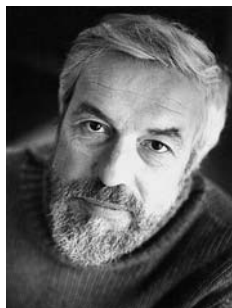
Вербное воскресенье

Без названия

Из серии «Читая Пушкина»

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР ПОТАПОВ

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ

* * *

Кто это выдумал? Даль необъятна,
Небо бескрайне. Плывут облака.
Мир бесконечен, но так непонятно,
Необъяснимо проходят века.

Я ведь частица счастливого мира.
Тянет теплом от нагретой земли.
Тонкая ветвь изогнулась, как лира,
И паутинки, как струны вдали.

Что ты щебечешь мне, серая птица?
Трели твои пробирают до слёз.
Вот муравей, пробираясь без страха,
травку-муравку куда-то понёс.

Всё соразмерно, объёмно, прекрасно.
Звуки и запахи, трепет листа...
В беге ручья неумолчного ясно —
В вечном движении его красота.

Где тот закон для меня и для птицы?
Что нас влечёт и зовёт за моря?
Дом покидаем, чтоб вновь возвратиться.
Счастье в дороге. Мы жили не зря.

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Перед глазами белая равнина.
Снега, снега, куда не кинешь взгляд.
Здесь сосны молчаливые стоят,
Вдали стогов заснеженные спины.

И тишина. Скользит пушистый снег.
По целине прокладываю тропы.
Как белоснежны чистые сугробы!
Иду вперёд к слиянию белых рек.

Парит окошком тёмным полынья.
И никого вокруг на белом свете.
Лишь многоточьем стая воронья,
Да с веток сбросит снег случайный ветер.

Но вдруг пахнуло запахом жилья,
Взлетел дымок, залаяли собаки...
Россия, Русь, сторонюшка моя!
Бегут следов таинственные знаки.

Оранжевые грудки снегирей...
Под хмурым небом этот снег невинный.
Не одинок я на земле моей.
А грусть пройдёт, как горький вкус рябины.

ДВА ДЕДА

По отцу и по матери
У меня были деды...
Работяги-старатели,
Мужики-непоседы.

Из крестьянского рода,
На земле на своей
Были частью народа
И судьбы его всей.

Так любили работу,
Дом, сторонку свою...
И трудились до пота,
И кормили семью.

Вспоминается сладко...
От села до села
По просёлку лошадка
Меня в детстве везла...

Первый дед нас покинул
Близким всем на беду.
На этапе он сгинул
В тридцать энном году.

Я его и не видел.
С фотографии взгляд...
— Никого не обидел, —
Так о нём говорят.

А второй умер тихо.
И в земле его прах.
Прибрало его лихо
В белорусских лесах.

Где запретная зона,
Средь чернобыльских мест
Над могилою деда
Покосившийся крест.

— Что с могилами дедов?
Вот судьба, как в бреду.
До одной — не доеду,
А второй — не найду.

ГРАНИЦЫ

В небе закат красногрудю птицей.
Над горизонтом легли облака.
Что ни дорога, границы, границы...
Чья начертала их злая рука?

Делят картёжники страны на части.
Хочется хапнуть побольше кусок.
Кровь им не кровь, лишь побольше бы власти,
Ну а народ затянул поясок.

Чьи тут таможни и чьи тут границы?
Всё перепуталось в свете зарниц.
В небе летят перелётные птицы,
Им, слава богу, не ведать границ.

СТРАННИКИ

Закат костром осенним догорает,
А завтра снова пламенный восход.
Пройти бы Русь от края и до края,
Чтоб посмотреть, где солнышко встаёт.

На камне бы присесть у океана,
Увидеть бег величественных рек.
По сопкам, сквозь таёжные урманы
Пройти, где только может человек.

Завидую я солнцу над землёю,
Оно весь мир успело посмотреть.
И облакам, их радостному строю,
Им можно долго по небу лететь.

Откуда в нас тоска по дальним странам?
Мне надоели эти города.
Мы — странники. И поздно или рано
За горизонт уходим навсегда.

НАДПИСЬ НА ПРИДОРОЖНОМ КАМНЕ

То, к чему стремишься ты,
Жизнь чему готов отдать —
Путь к вершинам красоты,
Время нечего терять.

Все картины — не продашь.
Всё вино — не перепьёшь,
Денег всех — не соберёшь.
Дни промчатся, как мираж.

Всё отбрось, хвалу и лесть,
Совершая жизни круг.
Только дело в жизни есть,
Только дело — помни, друг.

Жить — не поле перейти.
Рок по жизни нас ведёт.
Что должно произойти,
Всё равно произойдёт.

ПЛОЩАНСКАЯ ПУСТЫНЬ

У обители святой
Ходит инок молодой,
Звон летит малиновый
В свод ультрамариновый.

А на каменной стене,
Воспарившей в вышине,
Образ Богородицы...
И воркуют горлицы.

И идут монахи в храм.
Всем воздастся по делам.
Затеплю и я свечу,
Веры и любви хочу.
Возрождённый белый храм
Тянет душу к небесам.

КАНУН РОЖДЕСТВА

Я резал орнамент для храма Христа
По старым, чужим чертежам,
Я смысл не искал в очертаньях креста,
Ведь всё предначертано там.

И крёстным знаменьем себя осенив,
Водю святой окропил.
Я верил, что труд мой и этот мотив
Во благо людей посвятил.

Легко и смиренно водила рука
Стамеску по свежей доске.
А мысли скользили в иные века,
В чуть видимый след на песке.

И грезилось: сколько прошло мастеров
По этой дороге святой...
Чтоб Бога восславить без суетных слов,
Лишь только воспеть красотой.

И путь есть один, не взирая на чин,
Стремиться душою к Нему...
И храм вдруг взойдёт из небесных пучин,
И свет воссияет сквозь тьму.

* * *

Жене Вале

Кто ещё так поругает?
Кто ещё так побранит?
Чаю поставит в стакане
И от всех бед исцелит.

Скажет: — Зима на исходе.
Завтра пройдут холода.
Милый, всё быстро проходит.
В небе не гаснет звезда.

Нам только кажется — ветер,
Нам только кажется — боль.
Всё остальное на свете:
Вера, Надежда, Любовь.

* * *

Тревожна ночь, в ней чьи-то голоса.
И свет зарниц — так вспыхивают спички.
Война идёт на разных полюсах...
У дочери моей — глаза-чернички.

Людская боль, детей и женщин плач.
Вновь на границах перестрелки, стычки.
Планеты пульс неровен и горяч...
У дочери моей — глаза-чернички.

МАЙСКИЙ СЮЖЕТ

Как дева — грудь вперёд — летит!
И платье красное горит
На зелени нежнейшей...
Контрастный этот колорит
Меня, наверно, вдохновит,
Боготворю я женщин!

Нехитрый вроде бы сюжет,
Она прошла, её уж нет.
Но на листе осталась,
Младая эта чистота,
И юный май, и красота,
Что мне в ответ смеялась.

КУПАЛЬЩИЦА

Как ты плыла! С волной едина!
Вода светлей ультрамарина.
Незагорелая полоска —
След на оливковой спине,
Белеет, словно ствол берёзки,
В лесной осенней желтизне.
Ты только вышла из воды.
Стоишь, расчёсывая косы.
А море ластится к откосу,
Смывая лёгкие следы.

* * *

Мы бродим с тобою над тёмной водой,
Где плещется небо с холодной звездой.
Стреножены кони на росных лугах.
Тревожны зарницы. Блуждаем впотьмах.
На ощупь, губами узнаешь всю суть,
Что любит сердечно, а молвит: — Чуть-чуть.

* * *

Прошли коровы — молоком пахнуло.
Прошёл пастух. И вылился закат.
Ты на меня так трепетно взглянула.
Мне не забыть твой васильковый взгляд.
Безумно завораживают дали.
И аистов кружащихся полёт.
Покуда рядом есть детишек стая,
Деревня эта русская живёт.

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Здесь куётся ядерный щит России

Однажды ранним июльским утром прохожие с интересом рассматривали остановившийся около Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова в Уфе большой, явно междугородный, голубой автобус с изображением земного шара во всю высоту обоих бортов и «кормы». Гадали: если это эмблема, то что она обозначает и кто приехал в музей на экскурсию? Но спросить было некого, из автобуса никто не выходил, наоборот, автобус забрал немногих пассажиров и покатил вниз по улице к мосту через Белую. Редко кто знал, что по бортам автобуса была эмблема Росатома.

А всё дело в том, что одной из своих программ Аксаковский фонд определил поддержку градообразующих оборонных заводов Урала, которые вот уже больше двух десятилетий переживают труднейшую в своей истории пору. Леволиберальные демократы, приведшие к власти Ельцина и замутившие голову части народа, упорно вбивали мысль, что нам больше никто извне не угрожает и потому оборонные заводы надо перепрофилировать, например, в торгово-развлекательные центры или сломать на ме-

таллолом.. Недавно мой друг, выдающийся полярный лётчик, заслуженный лётчик-испытатель и испытатель космической техники, Герой Советского Союза Виктор Петрович Колошенко, с которым нам из-за развала СССР не удалось осуществить полёт вокруг земного шара на вертолётках через два полюса, рассказал мне обстоятельства смерти Петра Дмитриевича Грушина, принадлежащего к плеяде всемирно известных российских конструкторов-ракетчиков, таких, как С. П. Королев, М. К. Янгель, Н. Челомей, В. П. Макеев, родоначальника никем не превзойдённой отечественной школы разработки зенитных управляемых ракет, действительного члена Академии наук, Дважды Героя Социалистического Труда, кавалера семи орденов Ленина, лауреата Ленинской и Государственной премий... В трудные 90-е годы прекратилось финансирование его знаменитого КБ «Факел» по проектированию ракет «земля-воздух». Истощив все возможные и невозможные средства по спасению КБ, П. Д. Грушин стал добиваться приёма у Б. Н. Ельцина. Под всякими предлогами приём несколько раз откладывался. Наконец его пригласили в Кремль...

П. Колошенко остался дожидаться результатов визита у П. Д. Грушина на даче в Переделкине.

— Ну что пришёл? – не вставая навстречу, не протянув руки, даже не взглянув на всемирно известного учёного и конструктора, грубо спросил Ельцин.

Растерянный от такого приёма, П. Д. Грушин попытался представиться: может, неправильно доложили.

— Да знаю, знаю, кто ты, докладывали. Я спрашиваю, зачем пришёл? Только коротко, у меня мало времени.

— Прекратилось финансирование моего КБ.

— Нет денег, вот и прекратилось.

— Но остановились разработки новых ракет...

— Твои ракеты больше не нужны. Теперь у нас нет внешних врагов. Остались только внутренние, вроде Зюганова. А с ним мы без твоих ракет справимся. Сейчас у нас будет развиваться фермерство, делай грабли.

— Но наша специализация – не грабли. У нас сверхточные станки, рабочие, каждый из которых равен профессору...

— Не можешь грабли, делай лопаты.

— Но...

— Я сказал: не можешь делать грабли, делай лопаты. Всё, свободен, иди, мне некогда.

Ночью у Петра Дмитриевича случился инсульт, а утром он умер...

К чему это привело, известно. В результате «войны» с грузинской армией, которую не иначе как опереточной не назовёшь, и победой над которой наш президент так гордится, чуть ли ни как победой в Сталинградской битве, можно судить, во что превратилась наша армия и чем она вооружена. О чём говорить, если командующий группировкой выехал на эту войну на уазике, у которого по дороге то и дело отваливающиеся части приходилось прикручивать проволокой.

Так вот на одном из последних вечеров из цикла «Тепло Аксаковского дома» гостями нашего дома-музея были генеральный директор Приборостроительного завода из г. Катав-Ивановска, член Попечительского совета Аксаковского фонда Динар Равильевич Сагдетдинов и генеральный директор Приборостроительного завода из закрытого города Трёхгорного Михаил Иванович Похлебаев (все оборонные заводы страны, независимо от выпускаемой продукции, хотя большинство

из них давно рассекречены, по-прежнему называются приборостроительными). О Динаре Равильевиче Сагдетдинове нужно рассказать особо. Кто с уважением, кто с насмешкой, а то и с откровенной издевкой за глаза его зовут: «последний романтик России». К счастью, таких последних романтиков в России ещё немало, по крайней мере, я знаю таких. Начну с того, что мы с ним земляки, из разных деревень: русской Михайловки и башкирской Каратавлы, вместе с Татарским Малоязом волей истории сросшихся в единое село-райцентр – Малояз, и учились в одной школе. Но так как в детстве разница в десять лет огромна, я уже закачивал школу, а он не поступил ещё в первый класс, мы познакомились с ним сравнительно недавно, во время его отчаянной борьбы за спасение Катав-Ивановского оборонного завода. Беда нашего негромкого села – наша прекрасная школа, которая уводила большинство своих выпускников далеко за горизонт: больше 65 процентов выпускников поступали в высшие учебные заведения и в большинстве своём оказывались потерянными для родного села. Динар Равильевич окончил знаменитую Бауманку, стал разработчиком ракетно-артиллерийского оружия. В годы развала СССР, когда СКБ успешно уничтожили (у новых российских властей, в отличие от России, внешних врагов как бы больше не предвиделось), Динар Равильевич стал успешным московским предпринимателем. Но неожиданно для всех оставил успешный бизнес и бросился спасать оборонный завод, в своё время заботливо спрятанный в горах в старинном южно-уральском городке недалеко от его родного села.

Есть категория умников, косящих под серьёзных учёных, а я в них подозреваю тайных или глупых провокаторов, а ещё есть категория русских псевдопатриотов-пустобрёхов, ратующих за чистоту нации. Кроме вреда ни те, ни другие ничего не приносят России. Для меня, как для всякого нормального человека, в этом нет проблемы. Мы и стали-то великим народом только потому, что в нас в самые трудные века столько намешалось, мы объединились не по принципу крови, а по отношению к Державе. Для меня русский – это тот, кто любит Россию. Применительно к данному случаю: спасать Катав-Ивановский, единственный в своём роде оборонный завод бросился, к примеру, не русский по паспорту Черномырдин, бывший тогда премьер-министром, а татарин Динар Сагдетдинов со своим однокурсником – немцем. Для меня они оба – истинные русские.

Вот в советское время в стране было два завода по производству навигационного оборудования для военно-морского флота: в цехах одного из них, в Санкт-Петербурге, уже в конце лихих 90-х ликовал и веселился развлекательный центр. И единственно оставшийся в Катав-Ивановске подобный завод пытались то обанкротить, то продать сомнительным иностранным фирмам через подставных лиц, хотя он входил в список оборонных предприятий, не подлежащих ни банкротству, ни приватизации. Борьба была долгой и тяжёлой. Я помню, как единомышленники Динара Равильевича собирали деньги, чтобы, как на базаре, дать больше, когда приватизация стала неизбежной. В конце концов завод купили. Но государство отказалось регистрировать эту сделку по той причине, что завод по закону нельзя приватизировать. Когда же деньги стали отзываться обратно, завод снова попытались продать всё тем же иностранным фирмам. Но всё же Сагдетдинов и его единомышленники победили. И теперь это, наверное, единственный в стране частный, к тому же градообразующий, оборонный завод. А раз частный, государство отказывалось его финансировать.

Всё было. Я был свидетелем, как на завод приехали вроде бы не братки, но с повадками братков. Предложили организовать шашлычок где-нибудь на берегу реки: «Разговор есть». А разговор был такой: «Вот ты, такой молодой и красивый – и уже такой седой (Динару Равильевичу было тогда чуть за сорок пять). Мы даём тебе 10

миллионов долларов за твой завод, сейчас он этого не стоит (в ту пору, полуразорённый, он на самом деле этого не стоил), всё оборудование можешь сдать на металлолом, это тоже неплохие бабки, и покупай себе домик где-нибудь на Канарах. В противном случае будешь иметь кучу неприятностей».

Неприятности были. Наезжала, в том числе, налоговая инспекция, прикрываясь государственными интересами, неизвестно по чьей наводке, не давала встать на ноги. Достаточно вспомнить, как не американская, а родные налоговые инспекция с полицией уничтожили соседний, тоже уникальный в своём роде, Юрюзанский механический завод, на котором для прикрытия выпускался знаменитый холодильник «Юрюзань», а основным было производство патронов, в том числе для подводных автоматов. Вспомню анекдотический случай. Мои родители, после разрушительных сельскохозяйственных хрущёвских реформ перебравшиеся из Малояза в соседний старинный горнозаводской городок Юрюзань, в ту пору ещё держали корову. Я приехал к ним на несколько дней, и мы с двоюродным братишкой, который работал на Юрюзанском механическом заводе испытателем патронов, отправились на сенокос грести сено. Вечером, поужинав, пошли вечерять к соседнему шалашу. Перед тем, как уйти к своему, братишка осторожно толкнул меня в бок: «Обрати внимание вон на те грабли, только не подавай виду». Грабли действительно отличались от других необыкновенно длинными серо-матовыми отшлифованными металлическими зубьями. «Ну и что?» — когда мы отошли, спросил я. «А то, — оглянувшись и убедившись, что нас в тайге никто не подслушивает, полусёпотом сказал он, — что это те самые сверхсекретные пули к подводным автоматам пловцов-диверсантов, за которыми охотится с десятков разведок мира. Видимо, народный умелец сумел вынести отбракованные. Одно успокаивает: ни одной разведке не придёт в голову искать секреты подводных автоматов на таёжном сенокосе».

Юрюзанский завод был уничтожен виртуозно и в то же время просто: в отчёте проверки налоговой инспекции запятая была поставлена на одну цифру вперёд, налоговый долг увеличился таким образом сразу в десять раз и стал неподъёмным. Завод был объявлен банкротом, за налоговой инспекцией нагрянула налоговая полиция с пошлым отработанным спектаклем маски-шоу. Потом махинация была раскрыта, но было уже поздно, всё свалили на якобы по неопытности допустившего ошибку бухгалтера, к примеру, назовём её Маней Пупкиной, которой кем-то было рекомендовано срочно уехать из городка. И ещё почти десять лет неизвестно откуда появившийся десяток ООО распродал оборудование завода, склады и разрабатывал, как месторождение цветных металлов, заводскую свалку.

Но вернёмся в Катав-Ивановск. Приезжал официальный представитель военного ведомства. Очень обрадовались на заводе его приезду: «наконец-то!», а он разочарованно вздохнул: «А мы думали, что вас уже нет, я приехал списывать завод, а тут за вас ещё должна голова болеть. Греф вон сказал, что всё навигационное оборудование мы закупим у Южной Кореи». И закупят. Сейчас вон собираются для нашей армии, имея лучшие вертолёты мира, закупить чуть ли не прогулочные вертолёты в Италии, снайперские винтовки в Англии. Пусть встаёт уникальный Ижевский завод! За уникальными армейскими вездеходами «Тигр» выстроилась очередь многих армий мира, а для своей армии собрались закупать опять-таки итальянские аналоги, которые непроходимы ни в наших снегах, ни в наших болотах. Вроде бы стал наукой происшедший несколько лет назад случай на учениях в Арктике, когда на стартовала с подводной лодки межконтинентальная баллистическая ракета. Причину замолчали, а дело-то оказалось в том, что ракета была напичкана закупленным за рубежом электронным оборудованием, и сработал тайный блокирующий жучок, который должен был сработать не на учениях, а в случае реальной войны.

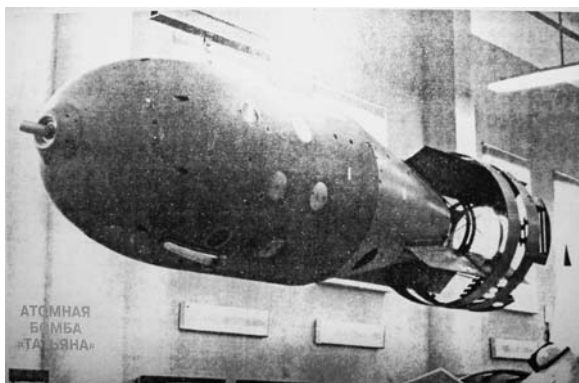
И Катав-Ивановский приборостроительный завод, несмотря ни на что, живёт. И разрабатывает новые образцы приборов. Но так как ныне любое лицензирование изобретений и внедрение их в производство связано с такими бюрократическими чиновничьими проволочками, какие в советское время, как к нему ни относиться, и не снились, а о фантастических взятках я уже не говорю, то всё новое оформляется как ремонт или профилактика старых приборов. А основной заказчик приборов напрямую без ненасытных посредников – пограничный флот ФСБ, там ещё не берут взятки.

С Динаром Равильевичем мы ежегодно сплавляемся на списанных спасательных плотках по родной Юрюзани, где он за неделю немного отходит от бесчисленных мотаний по крайне нуждающимся в его приборах, но безденежным флотам. Но и здесь, на тихой реке детства, его душа не знает покоя, всё свободное время он собирает по берегам родной реки мусор, оставленный, увы, не американцами, не инопланетянами. Сжигает, что не горит, закапывает. В этом вопросе он в какой-то степени солидарен с нашими либералами-реформаторами, что народ надо менять, только они считают, что его нужно заменить другим народом, свой постепенно изводя реформами, словно дустом, а он, что родной народ нужно тихо и настойчиво воспитывать своим примером, он такой оттого, что у него в своё время прежние большевики, деды нынешних, всё отобрали, сделали чужим. И потому они в отместку большевикам, а получается, самим себе, ведут себя на родной земле чуть ли не как инопланетяне.

Однажды с нами плыл Станислав Юрьевич Куняев, замечательный поэт и публицист, главный редактор журнала «Наш современник», тоже один из последних горьких русских романтиков. Его стесняли размеры нашей стиснутой скалами горной Юрюзани, он привык к широким и могучим северным рекам, он привык сёмгу там ловить, а тут стояла жара, даже пескари не ловились. И как-то в сердцах, ни к кому вроде бы не обращаясь, произнёс: «Все бьёте в грудь: Урал, Урал, становой хребет России, а реки пустые, деревни повымерли. Народ мелкий, и даже пескари не ловятся». Мы отмолчались, вроде бы проглотили, тем более знали, что это не более, чем шутка. Но прошло какое-то время, и Динар Равильевич, тоже как бы ни к кому не обращаясь, всматриваясь в приближающийся пережат, нарушил молчание: «Реки высохли, потому что в их верховьях в войну и после повырубили все леса, надо было вновь отстраивать Центральную Россию. Рыбу, да не только рыбу в реках отравили стоками оборонные заводы, ниже их по течению даже анализы запрещалось брать по двум причинам: во-первых, по ним можно было определить, что производят заводы, а во-вторых, узнай народ, что представляют эти стоки... В войну и после войны было не до очистных сооружений. Народ из деревень высосала война и эти же оборонные заводы. А мелкие мы (хотя сам Динар Равильевич за метр восемьдесят), — это самый гнилой угол даже на Урале, здесь самая высокая смертность в силу географических и метеорологических условий. А наша Хиросима? В Центральной России только по «Голосу Америки» слышали про взрыв радиоактивных отходов на химкомбинате «Маяк». Некоторые деревни до сих пор не выселены из зоны радиоактивного заражения, последствия его докатились и досюда. Чванов вон на покосе попал под странный дождь при солнце, после чего на школьной перемене схватил его кто-то из одноклассников за волосы, и волосы остались у того в руке, а Михаил Андреевич этого даже не почувствовал. Слава Богу, потом снова отросли. А по поводу станового хребта. Что мы имеем только по нашему короткому отпускному маршруту? Теперь это уже не секрет: в двадцати километрах за этой горой производят бесшумные оболочки для ядерных подлодок, а за теми вон скалами тоже километрах в двадцати — установки залпового огня. А через день будем проплывать горы, за которыми делали знаменитую «Сатану» — её уничтожения добивалась и добилась Америка. А чуть подальше

— знаменитый Макеевский центр стратегических ракет подводного старта. Он стоит без работы, без финансирования, а наши умники поручили делать «Булаву» — новую стратегическую ракету для новых ядерных подводных лодок конструкторскому бюро, которое близко ничего подобного не делало, и «Булаву» эту, кажется, уже в двадцать первый раз пытаются запустить. А она не взлетает и не взлетает, сжигая миллиарды. А не взлетает потому, что проектировать ракеты подводного старта в этом КБ примерно то же, если бы «мерседесы» делать на заводе сельскохозяйственных комбайнов. Она не летит, но её упорно делают и делают. А уникальный макеевский ракетный центр в Миассе стоит без работы, потому что его нынешний директор не в друганах у нынешнего министра обороны и не делает откаты... Народ на Урале с XVIII века, как его пригнали сюда крепостным, никогда не жил для себя. Его заставляли с детства думать о Родине, о всей стране. А во время так называемой перестройки бросили самым бессовестным образом, заявив, что каждый должен заботиться сам о себе, государство будет существовать только как гарант для олигархов...

Так вот, если на Катав-Ивановском приборостроительном изготовляют навигационное оборудование для военно-морского флота, то основной продукцией завода в Трёхгорном являются ядерные боеприпасы, то есть боеголовки к авиационным бомбам, стратегическим межконтинентальным ракетам, крылатым ракетам, ракетам подводного старта и «мозги» к ним, что до последнего времени было строжайшим секретом. На вечере «Тепло Аксаковского дома» генеральный директор Трёхгорного Михаил Иванович Похлебаев попросил провести Дни Аксаковского фонда в Трёхгорном в рамках празднования 55-летия выпуска первой продукции завода, первого «изделия», которое было не чем иным, как первой серийной советской авиационной атомной бомбой. В целях секретности она получила ласковое имя «Татьяна». Это та самая «кузькина мать», которой грозил Америке, колотя туфлём по трибуне ООН, Н. С. Хрущёв. Этот факт у многих вызовет удивление: считалось, что всё наше ядерное оружие делалось и делается в Арзамасе-16. Первоначально так и было, Но взрыв состава с обыкновенным тротилом на же-

лезнодорожной станции Арзамас заставил задуматься: в случае атомного взрыва в результате аварии или диверсии взрывная волна докатится, всё сметая на своём пути, в одну сторону до Москвы и перемахнёт её, а в другую — до Урала. Поэтому пусть иностранные разведки считают, что всё ядерное оружие по-прежнему производится в Арзамасе-16, а мы найдём место для нового завода, которое было бы удалено от границ и от самых жизненно важных центров страны, но и в относительной близости от крупных железнодорожных и автомобильных магистралей. Чтобы в целях сверхсекретности оно было спрятано подальше от посторонних глаз в глухой тайге, и не просто в тайге, а в глубокой горной котловине, чтобы в случае аварии взрывная волна, ударившись в окружающие горы, ушла вверх. В результате было выбрано

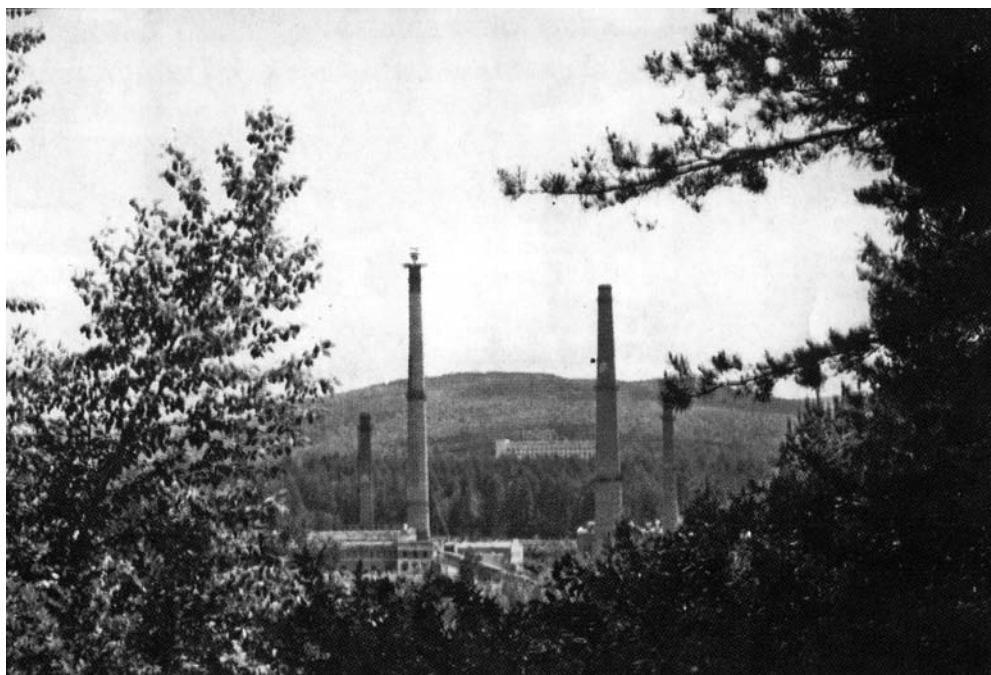
место в горной тайге недалеко от старинного южно-уральского города Юрюзань. И несколько раз менявший своё имя заводской посёлок, а затем город в конце концов получил нынешнее название: Трёхгорный, потому что лежит он в долине меж трёх горных вершин: Завьялихи, Шуйды и Бархотины. В выборе места для самого главного завода страны сыграл роль и факт, что будущий член Политбюро ЦК КПСС, а тогда министр химической промышленности СССР и заместитель Председателя Совета министров СССР, один из руководителей Атомного проекта М. Г. Первухин был уроженцем горно-таёжной деревни Первухи под городом Юрюзанью. Любопытный факт из воспоминаний М. Г. Первухина: «Первоначально общее руководство Урановой проблемой осуществлял Молотов. Стиль его работы не удовлетворял Курчатова. И он этого не скрывал. С переходом атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась. В течение 8 лет, до 53 года, практически до своего ареста, Берия отвечал за всю работу, придав ей необходимый размах и динамизм. Бесспорно, если бы во главе стоял Молотов, то трудно было бы рассчитывать на успех».

Первое появление будущего директора завода на месте будущего Трёхгорного необходимо отнести к 1951 году. Сначала он с бывшим наркомом боеприпасов В. Л. Ванниковым делал облёт Южного Урала на самолёте, потом в составе группы с представителями военно-промышленной комиссии ЦК КПСС и КГБ был направлен на Урал для выбора варианта привязки объекта к местности. Почти месяц группа объезжала на вездеходах в сопровождении местных властей район от Миасса в Челябинской области до села Месягутово в Башкирии.

Каждый из трёх вариантов привязки имел свои достоинства и недостатки, свои плюсы и минусы. Один вариант был неудобен тем, что требовал прокладки железной дороги большой протяжённости. Это затянуло бы срок пуска завода в строй. Другой вариант вызывал опасение в нехватке промышленной и питьевой воды в засушливые годы. Третий вариант, хотя и имел естественную природную защиту и был достаточно удалён от крупных промышленных центров, но не располагал сносными проезжими дорогами. К тому же в этой местности выпадало рекордное количество осадков, местные жители называли её «гнилым углом» Южного Урала. Зато первозданность природы, чистота водоёмов, обилие зелени, богатство даров природы компенсировали оторванность от цивилизации. Однако и в этом случае вырисовывался ряд неудобств, связанный с условиями снабжения и получения квалифицированных кадров. Но над всеми довлела необходимость как можно глубже в Уральские горы запрятать важный объект. Объект прятался. А в это время американские и советские специалисты-ракетчики работали над созданием космических кораблей. И недалёк был тот день, когда с космических лабораторий стали фотографировать любой мелкий предмет, находящийся на земле.

Но приказ всеильного Л. П. Берии непременно спрятать объект в горах никто не отменял. И с этим приходилось считаться. Третий вариант прошёл в жизнь. А город ядерщиков, как считают специалисты, много потерял. Не говоря уже о том, что сама горно-таёжная местность в силу особых географических условий по статистике Челябинского облздрава характеризовалась самой низкой продолжительностью жизни в регионе.

Город Трёхгорный только недавно появился на географических картах, до того он был засекречен, и за пятьдесят с немногим лет своего существования много раз менял своё название. Вот только некоторые его «имена»: п/я Г-4146, п/я 17, склад №933 Главгорстроя СССР, «хозяйство Володина», Златоуст-20, Златоуст-36,

хотя от истинного Златоуста находится в 100 километрах. Город Трёхгорный по-прежнему входит в систему закрытых городов России. Мне скажут: ну и что, что он закрыт, со спутников сейчас всё можно увидеть. Всё, да не всё. Над ним накинута своеобразный космический зонт, и, например, спутниковые навигаторы показывают на месте Трёхгорного мутное размазанное пятно. Я родился недалеко от этого почти виртуального города, в нём жили некоторые мои дальние родственники, но, выезжая оттуда в отпуск, а некоторые имели право на выезд только через пять или даже десять лет, они молчали как рыбы, да и, надо сказать, сами мало что знали. Рабочий одного цеха не имел право зайти в соседний цех, и большинство понятия не имело о конечном выпускаемом продукте. Единственное, что мы знали, что люди там живут и работают в «запретке», и я даже думать не думал, что почти рядом с моим селом, недалеко от легендарной горы Ирмель, куётся ядерный щит всего Советского Союза.

На зов Аксаковского фонда откликнулись самые верные его друзья. Они чувствовали особую ответственность. Ведь без преувеличения можно сказать, что люди, живущие в Трёхгорном, связаны с производством «изделий», благодаря которым была предотвращена третья мировая война. Эти «изделия», ставшие результатом неимоверного, бесспорно героического труда тысяч людей, заставили образумиться многих «друзей» России. Загадочность поездки придавала процедуру оформления документов на въезд в город, данные паспортов были затребованы заранее для проверки, нас неоднократно предупреждали, что недопустимы никакие ошибки, вплоть до запятой.

Не доехав до города Юрюзани, автобус с федеральной трассы А-5 свернул вправо на асфальтовый просёлок и оказался единственным транспортным средством, бегущим по нему. Впереди над горными увалами возвышался огромный серебряный шар,

который наиболее впечатлительные и грезящие встречей с инопланетянами принимают за «летающую тарелку», а я уже знал, что это водонапорная башня Трёхгорного. Через десяток километров моих спутников несколько насторожил первый КПП, но через него мы проехали беспрепятственно. Казалось, никого на нём не было, шлагбаум перед нами поднялся автоматически, но через сотню метров впереди появился щит: «Иностранцам проезд запрещен», а за ним – бетонные надолбы антитеррора, и ещё через километр мы подъехали к одному из городских КПП, который представлял собой коридор из автомобильных и пешеходных шлюзов. Нам предложили выйти из автобуса, сдать паспорта и ждать под внимательным присмотром сразу нескольких вооружённых пистолетами солдат. Мои спутники хоть и ожидали нечто подобное, но всё равно несколько растерянно рассматривали расходящиеся от КПП в обе стороны несколько рядов колючей проволоки, между двумя внутренними рядами тянулась классическая мелко вспаханная пограничная полоса, какие раньше были на границах СССР, и вдоль её справа к КПП приближался пограничный наряд из четырёх солдат в полном боевом облачении и с тяжёлыми армейскими калашами. Нас по одному начинают вызывать, всё вроде бы идёт нормально, но паспорт Татьяны Мамедовой вдруг откладывают в сторону, при этом что-то кому-то говорят по телефону, мы заискиваем к КПП, и нам объявляют, что у Татьяны в паспорте временная прописка, а с временной пропиской въезд в Трёхгорный категорически запрещён. Пришлось звонить генеральному директору завода. Наконец минут через двадцать загорается зелёный огонёк, и Татьяне предлагается подойти. Облегчённый вздох: ей отдают паспорт, а она проходит сквозь пропускной шлюз...

— А назад-то вы меня выпустите? – вдруг останавливается она. Я оставила с няней маленькую дочь

— Ну раз осталась маленькая дочка, то выпустим, — улыбнулся дежурный офицер.

Темпы строительства завода в будущем Трёхгорном были фантастическими. Объяснялось это тем, что уже в 1945 году (не успела закончиться Вторая мировая война, и солдаты-победители союзных армий, ни о чём не подозревая, продолжали браться на линиях разграничения зон влияния в поверженной Германии) комитет начальников штабов США уже рекомендовал не просто ускорить атомные исследования и производство атомных бомб, а настаивал на желательности нанесения атомных ударов по Советскому Союзу. Были намечены 20 советских городов для атомной бомбардировки. И уже в ноябре 1945 года США приняли на вооружение доктрину «первого удара» против СССР. В директиве Совета национальной безопасности под № 20/4, утверждённой президентом США, 23 ноября 1947 года были окончательно определены цели атомной войны. В течение 30 дней должно быть сброшено 133 атомных бомбы уже не на 20, а на 77 городов СССР, в том числе на Москву – 7 бомб. Руководитель Матхэттенского проекта генерал Гровс в 1945 году заявил конгрессу США, что Советскому Союзу для обладания атомным оружием понадобится 15–20 лет. Учёные сходились (Ферми, Оппенгеймер) на меньшем сроке – 10 годах. Перед нашими учёными и производственниками была поставлена практически невыполнимая задача: в обескровленной стране с разрушенной войной промышленностью сократить срок создания ядерного оружия до 5 лет. И эта невыполнимая задача была выполнена – за 4 года! Уже в 1951 году в закрытом городе Арзамас-16 были изготовлены первые авиационные атомные бомбы. Спустя 40 лет генеральный конструктор первого «изделия» (РДС-1) Юлий Харитон напишет: «Только очень сильный духом народ после невероятно тяжёлых испытаний мог сделать совершенно из ряда вы-

ходящее. Полуголодная страна за считанные годы разработала и внедрила новейшие технологии, наладила производство урана, сверхчистого плутония, тяжёлой воды».

24 января 1952 года председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин подписал Постановление по строительству на Южном Урале завода № 933 по производству ядерных боеприпасов. И уже к 1 августа 1955 года на заводе были изготовлены две авиационные ядерные бомбы РДС-4 с конспиративным ласковым названием «Татьяна». А уже в 1956 году было освоено производство ядерных боеголовок межконтинентальных баллистических ракет. Это всё стоило неимоверного труда десятков тысяч людей, в том числе заключённых. В апреле 1952 года в глухую уральскую тайгу прибыл первый батальон военных строителей, на которых ложился основной груз будущей гигантской стройки, два трактора, 10 автомашин, 10 лошадей. В 10 часов 15 минут воинский эшелон из 35 теплушек прибыл на станцию Красная Горка. В середине состава был пассажирский вагон. Из него вышли капитан Глеб Григорьевич Амосов, подполковник Черноморченко (инициалы установить не удалось) и некто в гражданском: В. А. Шаманов. Начались хлопоты по обустройству прибывающего контингента и по подготовке материалов для строительства барачков для заключённых, которые с интервалом в 2-3 дня стали прибывать на станцию. Заключённых сразу уводили в места дислокации лагерей. Первым организовали лагерь особого режима у каменного карьера, затем появились другие лагеря в тех районах, где сейчас расположена автобаза городского автохозяйства, очистные сооружения, теплица и объект Дальний.

Курировал строительство лично Лаврентий Павлович Берия, ответственный за атомный проект страны. Среди старшего поколения трёхгорцев до сих пор ходят легенды о его посещении места будущего завода, в том числе и о его интересе к местным красавицам, и теперь уже не разберёшь, где правда, где – вымысел. Да, как и все подобные объекты в стране Советов, завод и город строили, по крайней мере, рыли котлованы под фундаменты и возводили стены, кроме стройбатовцев, тысячи заключённых, причём (в целях той же секретности) со сроком заключения не менее 15 лет, преимущественно же с максимальным тогда сроком в 25 лет.

Даже я застал тюремные этапы с решётками и колючей проволокой на окнах железнодорожных вагонов. Будучи уфимским студентом-первокурсником, приезжая к родителям в город Юрюзань, куда они были вынуждены переселиться от великой нужды в расхваливаемое ныне левыми либералами хрущёвское лихолетье, на станции Вязовой я не раз бывал свидетелем жутковатой разгрузки этих вагонов. У прижатой к горам рекой Юрюзань железнодорожной станции не было места для тупиков, и эшелоны с заключёнными разгружали прямо с первого пассажирского пути, оцепив привокзальную площадь солдатами-автоматчиками с рвущимися с поводков собаками. Зрелище было не из лёгких...

Нужно помнить и понимать, что нашу страну поджимали сроки. Президентом США Эйзенхауэром была подписана доктрина: в случае любого конфликта с СССР применять ядерное оружие. Нужно было во что бы ни стало догнать Америку в обладании ядерным оружием. И не следует забывать, что Америка никогда не была и не будет нашим другом. Всякие уступки ей, будь то горбачёвские или ельцинские, попытки лобызаться по-братски, а на самом деле по-лакейски, оборачивались для нас бедой. И ныне мы, обласканные посулами, не впадаем ли в очередную эйфорию? Складывается впечатление, что наши вожди не понимают или делают вид, что не понимают, что в Америке всё решают не Обама, не Буш, а те тайные силы, которые за ними стоят. И мечта у этих сил одна: уничтожить Россию. Вот и тогда — нужно было успеть. И потому отдельные человеческие жизни были не в счёт.

В конце апреля 1952 года на место будущих завода и города пришёл первый эшелон со строителями, и уже 7 мая директор Приборостроительного завода (такое

скромное название!) Константин Арсеньевич Володин подписал приказ № 1: «С сего числа приступил к исполнению своих обязанностей на месте».

Писать о Константине Арсеньевиче Володине не входило в мои планы. Прежде всего, по той простой причине, что ещё вчера я совершенно ничего не знал о нём, кроме того, что он был первым директором завода и что его имя носит одна из улиц Трёхгорного. Но, знакомясь с историей строительства завода, с историей создания в кратчайший срок ядерного щита России, я понял, что не имею права умолчать об этом человеке. Более того, я посчитал своим долгом хотя бы коротко рассказать о нём. Его имя в силу не столько прежней секретности (рассекречены сейчас все имена людей, так или иначе связанных с атомным проектом), сколько в силу случайных и неслучайных обстоятельств, оказалось забытым, кроме узкого круга людей, причастных к созданию отечественного ядерного оружия, а их всё меньше и меньше. Пишут и говорят о Курчатове, Харитоне, о советских легендарных разведчиках, добывших американские атомные секреты, а имя Володина даже не упоминается. Практически ничего нет о нём даже в книге писателя Владимира Губарева «Атомная бомба».

Фигура Константина Арсеньевича Володина поистине трагична. Он относился к тому типу людей сталинской заковки, положивших жизнь без остатка служению Родине и всю жизнь проживших на острие бритвы. Чуть ошибись, не выполни в намеченный фантастический срок задание — наглядным примером тому, что с ним могло стать, были тысячи заключённых, которых он видел на строительстве завода каждый день. Потому жёсткий и порой даже жестокий в своих решениях, он во многих случаях помогал заключённым, отбывающим срок по 58 статье, насколько это было в его силах. За его спиной, кроме всего прочего, постоянно незримо стояли два расстрелянных один за другим директора Подольского патронного завода, после которых он в 1940 году принимал этот завод.

Родился Константин Арсеньевич Володин 27 мая 1901 года в деревне Енотаевка Астраханской губернии в рабочей семье. С семи лет батрачил у рыботорговца. Отрочество прошло на рыбных промыслах: грузчиком, матросом. Грамоту осваивал, как позже писал в автобиографии, между палубой и берегом. В 1919 году был призван в Красную Армию. И всю оставшуюся жизнь или служил в армии или работал на армию. Командир взвода, после краткосрочных курсов — начальник химической службы полка. В 1932 году поступил в Ленинградскую военно-техническую академию на артиллерийский факультет, на пулемётно-ружейное отделение.

По воспоминаниям сослуживцев Володин никому не позволял унижать собственное достоинство. Однажды присутствовал на коллегии у наркома вооружений Д. Ф. Устинова. Тот распекал директоров заводов за разные погрешности. Директора, опустив глаза, слушали и молчали. И только Володин поднял голову и высказал наркому своё мнение: «Мы — производственники, и приехали сюда за решением производственных вопросов, а не слушать два часа ваши нотации. Если работа не по плечу, от неё надо отказаться». Кому? Тем, кого распекали? Или тому, кто распекал? Вопрос повис в напряжённой тишине. Володин встал и вышел из кабинета наркома. Говорят, что Устинов не простил ему такого вольнодумства до конца жизни.

В войну Константин Арсеньевич возглавлял, ставил на ноги несколько оборонных заводов на Урале и в Ульяновске. За обеспечение фронта боеприпасами в 1943 году награждён орденом Трудового Красного Знамени, в 1944 году — орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы». В 1945 году получил высшую награду страны — орден Ленина.

Будучи главным инженером особого конструкторского бюро, в 1945 году был командирован в Польшу, Чехословакию, Германию — для оценки и вывоза особо ценного промышленного оборудования с немецких военных заводов в качестве компенсации военных потерь.

Б. Л. Ванников, бывший в войну наркомом вооружений и боеприпасов, в 1945 году возглавил ПГУ (Первое Главное Управление) при Совете Министров СССР, которое стало заниматься новой сверхсекретной урановой проблемой. Ванников хорошо знал Володина и ценил его. Иначе бы не пригласил в своё сверхсекретное ведомство, в котором предстояло решать производственные задачи с тысячами неизвестных. Это произошло в декабре 1948 года, уже после того, как инженер-подполковник Володин был прикомандирован к Первому Главному Управлению при Совмине СССР директором строящегося завода № 3 в Арзамасе-16. Именно здесь должны были производиться первые ядерные бомбы. Завод входил в структуру КБ-11, научным руководителем которого был Ю. Б. Харитон, зам. ген. конструктора — В. Н. Алфёров, который сыграет непримиримую роль в дальнейшей судьбе К. А. Володина. Именно под началом Володина в декабре 1951 года завод выпустил первые отечественные атомные бомбы.

Вот как описывает строительство завода и выпуск первых атомных бомб один из будущих (после К. А. Володина) директоров завода № 3 М. Г. Григорьев:

«Работать приходилось в невероятно сложных условиях, с колоссальным напряжением ума и сил, не зная ни сна, ни покоя, не уходя с производства по 10-12 часов в сутки. Не хватало квалифицированных кадров, много было нерешённых технических и организационных вопросов, не было жилья для работников. Нельзя забыть ту беззаветную преданность делу, которую проявили рабочие и технические руководители в годы строительства и пуска предприятия. Именно в этот период коллектив решал наиболее трудные задачи по созданию и освоению серийных технологических процессов, подобных которым не было в отечественной промышленности. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников сохранил память в своих сердцах о первых директорах: Володине Константине Арсеньевиче, Бессарабенко Алексее Константиновиче, Дубицком Валентине Викентьевиче...»

В мае 1951 за освоение производства атомных бомб К. А. Володин награждён орденом Трудового Красного Знамени, ему присваивается звание: инженер-полковник. Именно в этот период между Володиным и Алфёровым окончательно испортились отношения. По этой причине, возможно, Володин был представлен, в отличие от других, не к самой главной правительственной награде. Володин, по характеру ответственный и волевой, не мог терпеть бестактно опекающего его руководителя. Не зря же после так называемого разоблачения культа личности Сталина Алфёров публично каялся на партийном собрании в своей излишней жестокости и бестактности к своим подчинённым. А Володин не терпел никакой бестактности.

Он ещё практически не закончил строительства завода № 3, на котором проработал всего полтора года в самый ответственный для завода период, как уже летом 1951 года участвует в выборе площадки на Южном Урале для нового завода — серийного производства ядерных боеприпасов. С одной стороны это, безусловно, ответственный заданием, выполнить которое по мнению руководства страны мог только

он, и, в то же время, возможно, таким образом ему помогает Б. Л. Ванников уйти в уральскую тайгу от бестактного контроля Алфёрова. Но от «опеки» Алфёрова он не избавился и там. 23 февраля 1952 года приказом по ПГУ Володин был назначен всего лишь зам. директора союзного завода № 933 по общим вопросам и неофициально исполняющим обязанности директора завода. Так в унижительной должности и. о. директора он проработал более трёх лет — в самое трудное время.

Володин, по воспоминаниям заводчан, был с подчинёнными строг, мог в 24 часа выселить из города неугодных ему людей. Мог за ночь заселить работниками завода жилой дом, чтобы опередить строителей, претендующих на это жильё. Был крут в наказаниях. Но в то же время мог взять под крыло и спасти от жестокой статьи совершивших оплошность и попавших под бдительное око КГБ своих сотрудников.

Вспоминает один из ветеранов завода Юрий Васильевич Беляев: «Человек военный, обязательный, прибывший на объект из мест рождения первой отечественной атомной бомбы, имеющий большой опыт руководителя, Константин Арсеньевич Володин был исключительно требователен к себе, к подчинённым. Обладал редкой памятью. Редчайшее трудолюбие, настойчивость совмещались в нём с аскетическим образом жизни и неуступчивостью характера. Болтали в министерстве злые языки, что и направлен-то он был директорствовать на Урал, что не ужились в одной берлоге два медведя. И главного-то инженера он не подбирал себе — навязали сверху, без согласования с ним. Домыслы были всякие. Но одно коллектив завода вскоре понял: в характере директора не замечалось ловкого подхода к начальству...

Авторитет директора завода в то время был велик. Горсовет и горисполком мало кто знал. Народный суд не избирался, существовал спецсуд, назначенный директором. Горкома партии тоже не было, был политотдел. Володин обладал практически неограниченной властью. Но жёсткость в решениях заключалась не только в его характере, а прежде всего в сроках пуска завода, в безапелляционных требованиях из Москвы, в напряжённости международной обстановки.

Бывало, зайдёт в магазин, лёгкое пальто нараспашку, даже зимой, пройдёт вдоль витрин и прилавка. Остановит покупателей, поговорит с ними. А потом идёт к начальнику ОРСа. Разносы давал классические, но и снабжение в ту пору было отличным. Многие удивлялись поношенному костюму директора. Но мало кто знал об основной причине его неухоженности: первые пусковые годы Володин жил один. Семья продолжала жить в Подольске.

Фанатически убеждённый в необходимости экономного расходования государственных средств, Володин в этом стремлении иногда впадал в крайности.

Однако время-то было особенное. Страна ещё не оправилась в полной мере от военного лихолетья. Но уже велась «холодная» война. И острейшей необходимостью был скорейший пуск завода, дабы лишить монополии США на атомное оружие и создать атомный щит Родины. Этим стремлением и жил первый директор предприятия. Это же он постоянно внушал всем своим специалистам. Какой завод строится и какая продукция им будет выпускаться, знал очень узкий круг людей. Но основная масса трудящихся, видя и чувствуя обстановку закрытого города, верили, что строится что-то важное, и жила мыслью: значит, так надо! Терпеливо переносила все тяготы и неудобства предпускового периода. В этом отношении пример Володина в быту и на работе, его влияние на общий настрой, высочайший патриотизм и личная порядочность, ответственнейшая самоотдача — всё это вместе взятое формировало коллектив завода».

Вспоминает М. И. Глухман, в то время бригадир комплексной бригады одного из цехов: «Были бессонные ночи, по целым неделям порой не выходили из цеха, спали

по два часа в сутки. А ведь не война. Но как на войне. Люди до того уставали, что засыпали, где придётся, и, чтобы разбудить их, приходилось прибегать к пожарному шлангу. От такой работы ноги отекали, не влезали в обувь, приходилось вместо обуви привязывать к подошвам войлочные стельки и обматывать ноги портянками и в такой «модной» обуви трудиться. Всё это хорошо помнят ветераны цеха. Начальнику цеха Г. И. Тихонову, чтобы быть в норме, приходилось по несколько раз в ночь принимать холодный душ».

А вот несколько строчек из воспоминаний В. Н. Михайлова, будущего академика и министра атомной энергетики страны: «Остаётся только удивляться, как в разрушенной страшной войной стране была создана мощная атомная промышленность, которая и позволила сохранить мир на планете до нынешнего дня. Даже трудно вообразить, что могло бы случиться, если бы монополия на атомное оружие осталась у Америки. Тень взрывов Хиросимы и Нагасаки лежит на всём человечестве».

1952-1955 годы, от первого колышка на месте будущего завода до первой атомной бомбы – начало начал Трёхгорного, самый сложный и напряжённый период в истории завода и его коллектива. Выпуск первой продукции, напряжение на заводе огромное. Прибывают всё новые и новые люди, отдел кадров перегружен. Бурными темпами идёт строительство в городе и на заводе. По утрам огромные серые колонны заключённых, под усиленной охраной с собаками, тянутся на место работы, а по вечерам – обратно в свои лагеря. И только единицы из многих тысяч знают, что они строят.

Вспоминает Виктор Тихонович Малыхин, в будущем зам. директора по производству:

«Мы понимали, что попали работать на какой-то очень важный государственный объект. Немногие кое о чём догадывались, но о том, что конкретно будем выпускать на этом заводе, никто не знал и не догадывался. Пока в августе 1954 года на объект не приехал зам. министра среднего машиностроения Б. Л. Ванников. Нас, заводчан, связанных с изготовлением продукции, на тот момент было немного, человек 10-12. Собрались мы в кабинете Володина на первом этаже брусчатого дома. Ванников впервые нам открыто сказал: «Партия и правительство поручили вам изготавливать атомные и водородные бомбы. В 1955 году мы должны во что бы то ни стало пустить завод и изготовить первые бомбы». Честно говоря, мы были ошеломлены этим известием. Чего-чего, но этого мы никак не ожидали. На следующий день нас всех вызвал к себе, как мы считали, представитель Совета Министров на объекте по режиму, полковник А. Д. Рязанцев и сказал: «Зам. министра может позволить себе сказать, что угодно, но если вы кому-нибудь расскажете о том, что он сказал, то получите по 25 лет тюрьмы».

Тысячи, десятки тысяч заключённых строили завод! В Трёхгорном нет памятника создателям ядерного щита России, а я и безымянным заключённым, в невероятных условиях строившим завод, поставил бы такой памятник. Виноватые и безвинные, растратчики государственных средств и убийцы, они по-своему искупили свою вину перед Родиной, их роль велика в создании ядерного щита России. Впрочем, памятником им стал сам завод, только теперь не все об этом знают: стёрты с лица земли лагеря, пулемётные вышки и бараки, стёрты с лица земли их могилы...

Я снова обращаюсь к воспоминаниям Юрия Васильевича Беляева, относящимся к первым месяцам строительства завода:

«На месте будущих цехов слева и справа от нынешнего центрального проезда были забиты колышки. И только на левой стороне, с дальнего от проходной края, начиналось рытвё котлованов под 106 и 109 здания. Весь этот участок был обтянут колючей проволокой с вышками по углам. А в зоне работали заключённые с солидными сро-

ками отсидок. Правда, у них была льгота. Стимул для производительного труда. При выполнении нормы выработки на 115 процентов и выше им один день засчитывался за три. Механизации никакой: кирка и лопата. Ломами долбили котлован. Раствор месили вручную, кирпичи затаскивали на этажи на носилках. А так как заключённых было много, то строили очень быстро...

Как правило, «порядочные» заключённые (не уголовники) за несколько месяцев до освобождения расконвоировались, то есть ходили уже без охраны с правом выхода из рабочей зоны. В числе первых был расконвоирован Иван Миронович Кнышев, человек со светлой головой и золотыми руками. Он монтировал котельное оборудование в здании № 401 и мог решить любой инженерный вопрос, связанный с транспортировкой и подъёмом многотонных металлических конструкций на любую высоту при использовании простых подручных средств без специального подъёмно-транспортного оборудования. Его все уважали и очень сожалели, что придётся с ним расставаться после окончания срока. Очень уж толковый был работник. Срок его кончился, и он уехал из города. И вдруг через месяц возвращается. Оказалось, что жена не дождалась его и вышла замуж. Таким образом, он остался и без семьи, и без квартиры, а родственников у него не было. Много хлопот у нас было, чтобы разрешить ему вновь заехать в город. Месяца два он жил в Васильевке, а работал на наших объектах за городом. А потом с помощью Володиной, а он знал Кнышева очень хорошо, ему выдали разрешение на въезд в город и дали должность прораба на четвёртом участке. Я с ним постоянно виделся, и у меня сложилось впечатление, что без его услуг, как инженера, мы просто не могли бы обойтись. Разлад с женой он очень сильно переживал, стал частенько выпивать. Потом женился на вдове шофёра Сесина, и жизнь у него наладилась...

Когда мы стали молодожёнами, пришлось обзаводиться мебелью. В хозяйственных магазинах Юрюзани было пусто, и в нашем тоже. Выручали заключённые, с которыми мы общались на стройке. Они болезненно переживали разрыв с семьями. И к нам, вольнонаёмным, относились доброжелательно, может быть, потому, что мы тоже были за колючей проволокой. Меня, например, именовали по отчеству. Узнали они как-то о том, что я собираюсь жениться. Нетрудно было понять, что обзаводиться нам нечем, и вот они без всякой просьбы моей сколотили кухонный стол и стол для гостиной – круглый, на трёх ножках. Сделано было всё добротно, а брать что-либо от заключённых по инструкции было запрещено. Они это знали. И каково было моё удивление, когда я однажды вернулся домой (жильё дали в брусчатом доме по ул. Островского) и обнаружил столы и табуретки. Кто привёз, как открыли квартиру, до сих пор не знаю, но сделали это, конечно, расконвоированные заключённые. На столе стояла банка с цветами и лист бумаги с поздравлением по случаю свадьбы. Кто-то настучал Володину, что заключённые сделали мне подарок к свадьбе. Он меня пробрал как следует и потребовал: «Верните всё заключённым, это грубое нарушение режима». Но я в его голосе не почувствовал настойчивого требования, и этого не сделал. Но всё это было позже, по ослаблению режима...

В первое же время всё было иначе. Один из ветеранов Трёхгорного в книге о Приборостроительном заводе пишет:

«В 1953 году в лагере была забастовка заключённых. Лагерное руководство было взято в заложники. Начальник лагеря Журавлёв содержался в карцере на тех же условиях, что и он содержал там провинившихся заключённых. Заключённые удерживали свою власть в лагере 17 дней. Порядок поддерживали самостоятельно. Из Москвы приезжала специальная правительственная комиссия для расследования. Была стрельба с обеих сторон, но для устрашения. На определённых условиях заключён-

ные сдались военным. После этого случая лагерное руководство было заменено, а часть заключённых пошла по этапу с добавленным сроком...»

Но другой ветеран завода, когда я спросил его об этом случае, первоначально сказал, что ничего не знает о нём, не слышал, когда же я прочитал ему выше процитированный отрывок из воспоминаний, усмехнулся: «Ну, в книге на всякий случай смягчили. Когда стреляют с обеих сторон – это забастовка? Это всегда называлось иначе: восстание. И закончилось оно не так идиллически. Это, видимо, редакторы или партийные надсмотрщики над книгой подлакировали. Комиссия приехала. Для переговоров пригласили на лагерную площадь, а когда собрались, был дан приказ пулемётчикам на вышках. Стреляли перекрёстным огнём не для устрашения, а на поражение... А оставшиеся в живых из руководства восстанием действительно пошли по этапу с добавленным сроком, потому как расстрел после войны, как высшая мера наказания, был отменён. Трупы сбросали в ложбину, и землю над ними сровняли бульдозером. Пока я не вышел на пенсию, я каждый день ездил мимо этой братской могилы. Если присмотреться, она до сих пор заметна. А одно из главных требований оставших было: чтобы охранные части МВД заменили частями Советской Армии».

Жестокое было время. Но что поразительно, в самом начале параллельно с крайне необходимой баней строили и клуб. Ещё не было жилья, жили скученно в бараках, но уже работала музыкальная школа. Строили в нарушение инструкций, думали о детях, о будущем.

Несмотря на огромный объём работ, который невозможно скрыть, были приняты беспрецедентные меры секретности, чтобы завод, ещё не начав работать, не был уничтожен, в том числе ядерной бомбардировкой. Это в полной мере удалось осуществить. На первых порах в целях секретности КГБ было сделано предписание набирать рабочих не ближе 50 километров. За пределы Челябинской области были выслены политически неблагонадёжные люди. И многие из тех, кто имел отношение непосредственно к производству ядерного оружия, в главном — свободе передвижения — мало отличались от заключённых: они не имели права выезда из города. Что уж там говорить о заграницах! Специалистов в будущий Трёхгорный набирали со всей страны: как уже зарекомендовавших себя на прежнем месте работы, так и лучших выпускников вузов, сузов, профтехучилищ. Как правило, до приезда в Трёхгорный они даже не догадывались, где и в какой роли им придётся работать. Воспоминания первостроителей завода больше похожи на страницы шпионских боевиков...

Вспоминает Анатолий Геннадьевич Коган, после окончания Ленинградского инженерно-строительного института получивший направление на будущий завод: «Я приехал на будущий завод 10 августа 1952 года вместе с Арефьевым Юрием Ивановичем и Разиным Иваном Семёновичем. До этого конец июня и весь июль мы жили в Москве. Нас засекречивали, гоняя по явочным конспиративным квартирам, проверяли. На Урал мы ехали, согласно инструкции, в разных вагонах. Мы с Арефьевым – в плацкартном вагоне, Разин И. С. – в купейном, а директор Володин К. А. – в другом вагоне, где-то в начале состава. Мы были предупреждены о месте высадки из поезда, что за одну-две остановки к нам в вагон придёт человек и скажет, когда выходить. И вот в Кропачёво зашёл человек небольшого роста, как мы потом узнали, Гусев А. В., и сказал, что нам на этой остановке выходить. Всё это сказал шёпотом, чтобы никто не слышал. Билеты наши у проводника он взял сам, чтобы не оставлять следа. Мы были ошарашены, быстро покидали студенческие одеяния в деревянные чемоданы и прыгнули на перрон. Через две-три минуты опять подошёл этот человек и сказал, чтобы мы быстро сядились в этот же поезд и ехали дальше до особого его указания... На станции Вязовая появился тот же Гусев и помог нести вещи директору Володину к

машине. Затем Володин, Разин и Гусев уехали, сказав нам, чтобы мы сидели и ждали, за нами придёт машина вторым рейсом через один-два часа.

Мы с Юрой без продуктов питания сели на чемоданы и стали ждать, делаясь впечатлениями и воспоминаниями моментов, где мы нарушили инструкции. Через два часа приехал за нами ГАЗ-67 и повёз нас, как оказалось, в город Юрюзань. У речки между Вязовой и Юрюзанью водитель остановил машину, чтобы долить воды в систему охлаждения, она у него закипела. Ехали молча, у ручья разговорились с шофёром, на что по инструкции не имели права. Но инструкцию нарушил он. Первый заговорил и предложил купить у него часы. Находясь под накачкой инструкций, не сговариваясь, мы с Юрой оба отказались, про себя подумав: «Провоцирует нас».

Приехали мы на центральную улицу Юрюзани. Гусев отвёл нас в комнату, где не было ничего, кроме одного стула, и сказал: «Из квартиры не выходить, чтобы вас никто не видел. Я за вами приеду, когда получу указание, что с вами делать дальше». И уехал. Мы с Юрой просидели ещё три часа, в комнату вошли двое: водитель и высокий, загорелый симпатичный мужчина (как потом стало известно, помощник директора завода по кадрам Никитин Виктор Иванович). Поздоровались, затем он стал нас инструктировать: «Сейчас я вас поведу в столовую, накормлю, а оттуда отвезу на квартиру, где будете жить. Выходить отсюда по одному, водитель первый, держать дистанцию друг от друга в 100 метров, в столовую зайти по одному, садиться за разные столы, друг с другом не разговаривать, делать вид, что незнакомы. Так дошли до столовой (пельменной, что напротив клуба, бывшей церкви), слюни текли при ароматном запахе пельменей. Наелись, как говорят, от пуза, и опять же в том же порядке по одному с дистанцией в 100 метров двинулись на квартиру по ул. Кричная. Там на месте получили указание: отдохнуть, привести себя в порядок, и на следующий день водитель Новиков утром повёз нас к хозяину...»

Вспоминает И. С. Кузьмин, в будущем заместитель главного технолога завода:

«В 1954 году, за несколько месяцев до защиты дипломного проекта нас, студентов Московского энергетического института, вызвали в комиссию по распределению. Председатель комиссии очень коротко задал несколько вопросов:

— Комсомольцы?

Мы ответили утвердительно.

— Любите ли вы свою Родину?

Мы ответили утвердительно.

— Желаете ли работать на благо Родины там, куда она вас пошлёт?

Мы ответили утвердительно.

После этого с пафосом в голосе он сказал, что нам оказано высокое доверие, и мы направляемся работать в почтовый ящик № 590.

— Возражений нет?

Возражений, разумеется, не было.

— Какие вопросы?

Я осмелился спросить, где находится это предприятие.

Председатель ответил лаконично и многозначительно:

— На территории Советского Союза».

Из воспоминаний В. Т. Малыхина, будущего директора завода по производству:

«После института я работал на Миасском напильном заводе. Был активным общественником, со мной беседовал первый секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ Пётр Решетов. Он предложил мне возглавить комсомольскую организацию в Златоусте. Я дал согласие. 17 апреля 1953 года меня вызвал директор завода Вахминцев и подал телеграмму с текстом: «По решению обкома КПСС Малыхина Виктора Ти-

хоновича рассчитать в 24 часа и направить в распоряжение Златоустовского горкома КПСС».

Я срочно уволился и 19 апреля прибыл в Златоуст в надежде, что здесь буду работать. Когда зашёл к секретарю горкома партии и показал ему телеграмму, он сказал, что нужно пройти в соседнюю комнату. Там меня принял, как я потом узнал, помощник Володиной по кадрам В. И. Никитин. «Вы заполняли анкету?» – спросил он. «Да, заполнял», – ответил я. «Тогда поехали». «Куда?» – «Потом узнаете», – ответил он. Приехали мы на ж. д. вокзал, сели в поезд. Я снова спросил: «Куда мы едем?» «Куда приедем, туда и приедем», – ответил он, не желая вступать в разговор. Ночью приехали на ст. Вязовая. «Здесь нам сходить», – сказал Никитин. Сошли на перрон. Нас ждал ГАЗ-67. Ночь, темень непроглядная, дождь, слякоть и очень плохая дорога. «Куда мы едем?» – снова спросил я. «Приедем, узнаешь». Еле-еле добрались до какого-то населённого пункта, как впоследствии я узнал – Юрюзань. Поехали дальше. Доехали до шлагбаума, никакой колючки не было, деревянная будка и три строительных солдата.

Проехали несколько тёмных барakov и подъехали к единственному брусчатому дому. Поднялись на второй этаж. В комнате стояли четыре койки.

– Вот эта койка твоя. Здесь будешь жить. И не расстраивайся, работа будет по специальности на очень хорошем заводе.

Утром Никитин повёл меня, как он сказал, к «хозяину». «Хозяин» принял меня в форме полковника. Он побеседовал со мной и предложил должность зам. начальника цеха 106. Но поскольку на месте цеха были только забиты первые колышки, «хозяин» вызвал меня 21 апреля и сказал:

– Вот тебе первое задание. Завтра в 12.00 по московскому времени позвони мне сюда из Ленинграда, получишь дополнительные инструкции.

Я был ошарашен. Как можно было за сутки попасть в Ленинград. Но делать было нечего.

Я очень здорово намыкался, но все-таки добрался до Ленинграда и позвонил с Главпочтамта около 15 часов по Москве, с опозданием на 3 часа. Володин отчитал меня за опоздание со звонком и дал задание найти в гостинице «Европейская» главного технолога Тарасова и выполнить его задание...»

Вспоминает А. К. Дерюшев, будущий начальник конструкторского бюро:

«Свердловск. 1954 год, закончен Уральский политехнический институт. При распределении получаем аванс в 1000 рублей, справку о назначении в организацию «Москва. п/я № 590». Получили мы и устную установку (боже упаси какие-либо записи), пришлось зазубрить: «Выйти на Казанском вокзале в сторону Комсомольской площади, повернуть налево за угол, миновать булочную, ещё раз повернуть налево, зайти в подъезд перед дощатым забором и там, войдя в телефонную будку, доложить о прибытии, назвав свою фамилию, имя и отчество».

В Москве нас поселили на Шаболовке, предложили отдохнуть пока, подкинув денег. Многие тогда успели посмотреть в столице. Помню, как полдня простояли в километровой очереди у стадиона «Динамо», охраняемой конной милицией, на матч «Торпедо» – «Спартак». Приз лучшего игрока в том матче получил Эдуард Стрельцов.

Через некоторое время нас стали приглашать в управление на Спартаковской улице. Поехали мы туда вдвоём с Мишей Чернышёвым. Там дали установку, которую разрешили записать почему-то только мне: «Купите билеты до Челябинска, но сойти на ст. Кропачёво, найти второй железнодорожный дом и обратиться к Голубевой».

На поезд я чуть не опоздал. Разразилась сильнейшая гроза, и трамваи встали. ... Поезд уже отходит. Собрав последние силы, всё же догоняю. Бросаю вещи в тамбур

последнего вагона и, мокрый от пота, цепляюсь за поручни. Между тем Михаил Чернышёв едет полный тревог. Он же не знает явки, которую доверили только мне. Он уже решает ехать до Челябинска и там обратиться в КГБ. Там должны знать всё. А заодно сообщить о моём исчезновении. А вдруг меня захватила вражеская разведка. Хотя что из меня можно выудить, мы ещё ничего не знаем. Только к Раменскому я добрался до своего вагона и успокоил Михаила...»

Напряжённая работа на оборонных заводах в войну, секретные заграничные командировки, отсутствие отпусков, строительство ядерных заводов, секретность, связанная с ними, привели к тому, что Константин Арсеньевич Володин потерял связь с родными.

Читаю воспоминания его бывшего водителя Дмитрия Гавриловича Бирюкова: «Служил я в строительной части в Челябинске-40, строили химкомбинат «Маяк». И вот в начале 1952 года отобрали из нас, солдат, самых добросовестных, в основном комсомольцев, и сформировали новый батальон, погрузили с техникой на платформы и отправили в путь. Ехали ночь, куда ехали, никто не знал... Через некоторое время мне предложили возить будущего директора завода Володина Константина Арсеньевича. И возил я его с февраля 1954 года до февраля 1963-го — 9 лет. И вот, помню, приехал к нему первый раз на «Победе». Вначале он присматривался ко мне, а я — к нему, а потом уже стали понимать друг друга с полуслова. Несмотря на мою молодость, мне было 25 лет, а ему 53 года, он называл меня солидно по имени-отчеству: «Дмитрий Гаврилович...»

Последние строки возбудили во мне волнение. Сами по себе в отдельности слова «Победа» и «Гаврилович» ничего для меня не значили, я пробежал по ним машинально, но соединённые вместе, заставили внутренне вздрогнуть: «Неужели?» До конца ещё не осознавая, в чём дело, я продолжал читать воспоминания личного шофёра и повторял про себя: «Победа»... «Гаврилович...»:

«...Дорог в то время не было, а ездить нужно, и ездили каждый день, и много ездили по строительным объектам, по всему Катав-Ивановскому району. Володин любил во всём аккуратность и точность. Едем, например, в Катав-Ивановск, он сидит и рассуждает, сможем ли туда вовремя доехать. А я был молодой, рискованный. Тем более, директора возил, опаздывать ему нельзя. И мы с ним на «Победе» не ехали, а летели по всем колдобинам. И всегда приезжали вовремя. Когда подъезжали, он всегда хвалил меня: «Молодец! Вовремя успели!» Бывало, выйдет из заводууправления и говорит: «В Вязовую, срочно к поезду!» А до прихода поезда осталось полчаса. И приходилось лихачить, но успевали.

Володин не был ни охотником, ни рыбаком. Но любил природу и любил изучать близлежащую округу. Единственный выходной он посвящал любимому занятию. Ехали мы с ним в Тюлюк, в Александровку, Минку... Он изучал край. Ко всему присматривался. Во всё вникал. Смотрел, кто и как закладывает новые деревянные дома в сёлах, которые мы проезжали, радовался им...»

Неужели? Не может быть! Неужели это был он? Но эти два слова: «Победа» и «Гаврилович», соединённые вместе! К тому же, в то время не было ни одной «Победы» вокруг!

Получалось, что тогда, больше полувека назад, именно Константин Арсеньевич Володин меня, десятилетнего мальчишку, прокатил по родным Михайловке и Мало-язу, на диковинной тогда «Победе» на зависть мальчишек... То-то я всё гадал в музее завода Трёхгорного, плохо вслушиваясь в рассказ начальника цеха, выполняющего роль экскурсовода, откуда мне так знакомо суровое лицо на фотографии первого директора завода?

А дело было так: возвращались мы с двоюродным братишкой из школы и вдруг увидели на крутом берегу за маслозаводом сверкающий лимузин. Поражённые, мы осторожно подошли к автомобилю и стали рассматривать его со всех сторон, боясь дотронуться до блестящих частей. Так увлеклись, что не заметили двух поднявшихся от реки мужчин: молодого, невысокого и пожилого, грузного, с суровым и даже жёстким лицом. Мы готовы были бежать, но пожилой остановил нас: «Из школы идёте? Ну что, Гаврилович, прокатим ребят?» «А чего ж не прокатить, конечно, прокатим!» «Залезайте, — приказал пожилой и с виду суровый, — покажете нам, где у вас тут районные власти». Вечером отец, пришедший с работы, удивлённо спросил: «А как ты к этому мужику в «Победу» попал?» и говорит матери: «Зуфар из райисполкома останавливает меня: «Подъезжает к райисполкому «Победа», я первый раз в жизни её вижу, только в газетах читал, а из неё Мишка твой важно вылезает». «А кто приехал-то? — спросила мать. — Тут уж все уши прожужжали про эту машину». «Назвался заместителем директора ГПТУ в Юрюзани. Открывать там собираются. Агитировал, чтобы выпускников средней школы туда направляли. А наш Абдрахманов его спрашивает: «А каким специальностям там будут учить?» «Разным: электрика, слесаря, токаря». «А к нам выпускники возвращаться будут?» «Мы же берём их на полное государственное обеспечение в расчёте, что они будут работать на уральских заводах, в том числе на Юрюзанском, где будут делать холодильники и другую бытовую технику». «Тогда какой нам резон агитировать, если они к нам возвращаться не будут? У нас и так половина выпускников в высшие учебные заведения уезжает и не возвращается, хоть школу закрывай, в поле, на ферме работать некому. Радоваться бы надо вашему предложению: на полном государственном обеспечении, кто бы не послал своего ребёнка, когда послевоенная голодуха, но кто-то и вас кормить должен. Я полагаю, нам своё ПТУ, сельскохозяйственное, создавать надо. Может, поможете?» «Может, со временем и поможем». Спрашивал и о возможности поставки сельхозпродукции в ихнее ГПТУ. Только не похож он на заместителя, вон на какой машине приехал, у нас первый секретарь райкома и председатель райисполкома на лошадях ездят. Я думаю, из «заплетки» он.

Читаю дальше воспоминания «Гавриловича»: «Работал Володин много. Рабочий день заканчивался порой и в 12 часов ночи. А то и позднее. Много сил и времени отдавал развитию совхоза «Лесной». Много раз ездили в Катав-Ивановск, чтобы получить землю, в Челябинск ездили по этому вопросу... Я не знал случая, чтобы он устал, был он человеком душевным и человеком приказа и слова. Кто к нему не обращался, он всегда внимательно выслушивал и говорил: «Да, помогу» или «Подожди, решим». И самое главное, он никогда не забывал, что обещал. Он не знал, что такое болезни, он никогда не болел. Или делал вид, что не болел. Иной раз скажет: «Гаврилович, привези мне какое-нибудь лекарство». И всё...

Он любил скромность и ограничивал себя во всём. По-своему он был несчастный человек. Специфика работы оторвала его от родных. И вот, когда завод в какой-то мере встал на ноги, он впервые за многие годы собрался на родину. Видимо, наверху ему это разрешили: ненадолго оставить завод.

Вот на волне такой романтики и отправились мы с Володиным вдвоём, на «Победу» в 1959 году в отпуск до родины Володина в Крым и обратно. Надо отметить, что Володин хорошо ориентировался в крупных городах, которые мы проезжали, как будто он тут жил. Может быть, это интуиция градостроения. Но когда мы приехали в Астрахань и поехали в деревню, где он родился, память ему изменила. Подъехали и упёрлись в Волгу. Он говорит, что она должна быть слева, а она почему-то справа от нас. Это, наверное, был эффект переворачивания реальной местности, который

случается у людей, которые посещают родные места много лет спустя. В родных местах Володин не был 30 лет. Вечером мы упёрлись в Волгу, дороги дальше не было. Пришлось заночевать. А утром по берегу Волги едет ЗИС-5, и от шофёра мы узнали, что нужно ехать по воде вдоль берега километра полтора. А потом снова пойдёт нормальная дорога. Я подготовил «Победу», снял ремень вентилятора, солидолом замазал отверстия в двигателе и удачно проехал этот участок дороги.

Приехали в деревню, подъехали к дому, где Володин родился. Встретил нас мужчина. Володин вышел из машины. Стоят и смотрят друг на друга. Володин первым говорит: «Ну, что, брат, не узнаёшь меня?» «Костя, ты?» И начали обниматься, целоваться. «А я смотрю – едет машина, ну, думаю, какой-нибудь директор едет», – говорит брат. А потом, опомнившись, говорит: «Дай мне машину на 15 минут». И мы поехали и привезли отличной рыбки на закуску. И вот брат по дороге рассказал, что Володин не был на родине 30 лет. Как он жил и где жил, брат не знал. И даже думал, что его нет в живых. Так как дошли слухи, что в войну или после войны Володин участвовал в уничтожении какого-то секретного оружия в Германии, и в целях секретности его якобы тоже уничтожили. Побывали мы там несколько дней. Помню, как Константин Арсеньевич говорит: «Ну, что, Гаврилович, дадим брату денег на новый дом?» А я говорю: «Конечно, дадим, тем более, что деньги-то не мои, а ваши». Домик у брата был ещё тот, в котором родился Константин Арсеньевич в 1901 году, а этот разговор был уже в 1959 году. И Константин Арсеньевич дал брату денег на строительство нового дома. Встретился Володин здесь и с двумя своими сёстрами... Затем мы поехали в Крым, затем были в Севастополе, Сталинграде, Пятигорске, Краснодаре... Заехали в Ульяновск, здесь жила сестра Константина Арсеньевича. Она рассказала, что во время войны, в 1944 году, работала на заводе и однажды в местной газете читает, что награждён директор их завода – К. А. Володин. Она подумала: «Не брат ли это мой, Костя, давно о нём ничего не слышала». На другой день пошла в приёмную к директору. Секретарша её не пропускает: «Директор сегодня никого не принимает». Но всё же она изловчилась, когда секретарша отвлеклась, и в прямом смысле влетела в кабинет. И точно: за директорским столом сидит брат – Костя». Сколько было слёз от радости и обиды за то, что он не искал её. А она нашла его...»

Как я уже говорил, в целях секретности заводской посёлок, а потом город несколько раз менял название. И надо сказать, что знаменитый разведывательный полёт Пауэрса над Уралом осуществлялся из-за этого завода, основным его заданием было – во что бы то ни стало пролететь в районе этого таинственного объекта. Кстати, Пауэрса могли сбить в районе Трёхгорного, даже на подлёте к нему, но был дан приказ средствам ПВО, как и самому городу, затаиться. Ну бараки и бараки в лесу, раз вокруг них нет средств ПВО, значит, ничего важного там нет. И уже только после Трёхгорного был дан другой приказ: уничтожить самолёт-шпион во что бы то ни стало.

А режим секретности стал ещё жёстче. Вспоминает А. Якимов, слесарь-сборщик: «Совершил я по молодости ЧП на производстве. Такое, что судьбу мне решил сам директор Володин. А было так. Работал уже бригадиром. У меня был личный сейф, в котором я хранил документы и мелкие секретные детали от узлов «изделия». Однажды я этот строгий порядок нарушил. Для подъёма «изделия» с поддона контейнера на подставку в центральной части нужно было снять крышку, вернуть «продуктовый» винт, а на его место завернуть рым-болт. Секретную крышку и винт по спешке вместо сейфа я положил в карман халата. Дело было в конце смены, был, кажется, месяц март, уже пригревало. Но снег ещё лежал. Я так и побежал в тапочках и в халате по тропинке

к зданию 206, где была раздевалка и снимали спецодежду. Про детали в кармане я забыл. Около тропинки к зданию 206 между соснами была закреплена перекладина, на которой мы соревновались в подтягивании, а кое-кто и крутил колесо. И надо же, именно в этот момент мне загорелось пару раз крутнуться на этой перекладине.

Наутро на «центральную» нужно подавать крышку на сборку узла, а двух секретных деталей нет. Мгновенно вспомнил, хватать за карман, а там пусто! Догадался, побежал к перекладине, нет деталей. Своими силами и силами своего цеха найти детали не удалось. Привлекли к поиску работников 26-го цеха и службу дозиметрии. Целую неделю снег на тропинке между зданиями 201 и 206 длиной около 150 метров просеивали через решето и нашли только крышку. Затем привезли большой бак с вентилем, подвели горячий пар. Снег на тропинке собирали и в баке топили. Но злополучный «продуктовый» винт найти так и не удалось. Поиски были прекращены. Меня спасла найденная крышка – поверили, что я действительно потерял деталь на заводе, а не унёс за проходную. Режимные службы (КГБ) спустили дело на усмотрение директора. Дали мне строгача и лишили премии, чему я был очень рад. Могло быть куда хуже. За время поисков, различных допросов с пристрастием, из-за переживаний я потерял килограммов пять. Об этом случае долго говорил весь завод».

А я помню, как во время летних каникул встретил в лесу недалеко от Юрюзани цепь солдат, буквально плечо к плечу. Офицер долго расспрашивал меня, как я тут оказался, не встречал ли кого, показывал фотографию. Только через много лет я узнал: тогда в выходные дни пропал один из инженеров завода, обладающий сверхсекретной информацией. Обычные поиски ни к чему не привели, в район Трёхгорного были переброшены крупные воинские части, началась войсковая операция. Версии были такие: бежал с секретной информацией, или выкрали. Только через месяц кто-то из рыбаков наткнулся совсем недалеко от города на его труп: разгорячённый, с крутого берега нырнул в омут, а там оказался железный штырь то ли от старой плотины, то ли ещё от чего...

Степень секретности была такова, что однажды на испытательном полигоне, куда постоянно выезжали сотрудники завода для испытания перед сдачей в войска своих «изделий», к неисправной боеголовке не допустили даже С. П. Королёва. Вспоминает один из ветеранов завода (поступил на завод в 1955 году), И. С. Кузьмин, послужной список которого: инженер КИПиА, инженер-технолог, начальник участка, начальник отдела специального конструкторского бюро, начальник цеха, заместитель главного технолога завода: «Запуски ракет производились регулярно в зависимости от погодных условий. В начале осени примерно раз в 10 дней. На нескольких пусках присутствовал С. П. Королёв... Особенно мне запомнились два запуска. По регламенту мы должны были за 5 минут до пуска прямо на старте в хвостовой части ракеты производить электрические измерения. Измерения производили сотрудники нашего ОТК с представителем заказчика. От нас представителем заказчика был П. И. Плахов, а от ОТК А. Ф. Виноградова. Общее руководство и контроль на стартовой площадке осуществлял из бункера через перископ Королёв. Была объявлена получасовая готовность, и к ракете пошли наши представители. Сергей Павлович увидел их в перископ и через динамик громким голосом спросил: «Кто пустил эту рыжую женщину на старт?!» Шура, как ни в чём не бывало, проделала всю необходимую работу, доложила, что вес в пределах нормы. Сергей Павлович спросил нас: «У вас все такие?». Мы ответили, конечно: «Да!»

Ещё на одном памятном пуске стартовая команда сломала стыковочный штепсельный разъём на нашей боеголовке. Поломка незначительная – выкрошилось несколько кв. мм изолятора разъёма. По техническим условиям, однако, с таким дефектом пуск не разрешается. Я доложил об этом Королёву, сказал, что замена разъёма на полигоне невозможна. Он спросил о возможности использования боеголовки с таким

дефектом. Я ответил, что необходима перепроверка электрических цепей, связанных с этим разъёмом, условия стартовой площадки не позволяют проделать эту работу. Необходимо головную часть везти в сборочный зал, перепроверить и после этого принимать решение. И на эту работу потребуется часов десять. Королёв отложил пуск. Через несколько часов мы выполнили эту работу и пошли в гостиницу. Выдавая ключи от номера, дежурная сообщила, что несколько минут назад звонил начальник караула Морозов, охранявший наше рабочее помещение. Я позвонил ему. Он сказал, что подъехал какой-то Королёв и требует пустить его в помещение.

Замечу, что по существовавшим тогда режимным требованиям запрещалось посещение помещений сборки без разрешения руководства министерства. Потому мы Королёва не пустили. Он сильно рассердился и уехал. Буквально через час позвонил из Москвы начальник Главка Алфёров и, как мне показалось, не говорил, а рычал, выговаривая за то, что мы не пустили Королёва. Я ответил, что действовал строго по утвержденной им же, Алфёровым, инструкции. Он бросил трубку. Через некоторое время позвонил Королёв и спросил, что будем решать с боеголовкой. Мы уже посоветовались с Плаховым (результаты проверки были положительными), и я ответил, что полётный лист я, как представитель завода, а Плахов, как военпред, подписали. Запуск и работа боеголовки по всей траектории прошли успешно».

Неприятности были и другого рода. Из воспоминаний А. Ф. Шамсутдинова, инженера-технолога: «В 1962 году на Кубу направили «изделия» нашего завода. Об этом знал весь мир, кроме нашего народа. Но наши изделия были спроектированы и изготовлены для хранения и эксплуатации в условиях России, а Куба экваториальная страна с жарким и влажным климатом. Её климатические условия совершенно не соответствовали техническим условиям эксплуатации «изделий». Правда, американцы скоро вынудили нас вывезти ракеты с ядерными боеголовками с Кубы, однако это не сняло проблему. Они вернулись с изъясом, в чём обвинили нас, заводчан, хотя это была вина разработчиков. Впрочем, и их вины не было. Никто не собирался хранить ракеты в условиях Кубы».

Но есть в истории Трёхгорного случаи, которые вспоминаются с улыбкой, они стали своего рода легендами. Рассказывает Анатолий Геннадьевич Коган: «Сроки ввода котельной были жёсткие. Цех строили заключённые, а спецработы вели вольнонаёмные из «Главспецмонтажа» Главка. Как оказалось, не очень добросовестно.

Мы готовились к пуску котельной. В 1954 году впервые разрешили набирать рабочих из местного населения. И вот устроился к нам в цех зольщиком местный Беляев, который стал доставлять хлопоты тем, что забирался на металлическую дымовую трубу высотой 60 метров по наружным скобам, вставал на кромку трубы и кричал всё, что ему вдумается. Его ругали, наказывали, а он всё равно снова лез, выполняя свой цирковой номер.

Однажды приходит ко мне в кабинет и говорит, что дымовая труба прохудилась и падает. Я не поверил. Спустя несколько дней неугомонный зольщик принёс мне в кабинет скобу от лестницы из верхней части трубы и сообщил, что она там уже не держится, а в трубе имеются просветы. Верхняя часть трубы качается от ветра. Я доложил Володину об этом.

Вскоре после этого подул сильный ветер. Мне доложили, что верхняя часть трубы под угрозой падения. Падение возможно в сторону зоны заключённых, где работало 40 человек. Я распорядился немедленно вывести из зоны заключённых, дал телеграмму о немедленном прибытии представителей Главка в связи с аварийной обстановкой. Прибыло человек 15. В том числе из КГБ, а также зам. начальника Главка Г. П. Андреев. Показали качающуюся трубу. Они постояли, посмотрели, сказали мне, чтобы

я не паниковал и пошли к автобусу, чтобы уезжать. Вдруг бежит кто-то из рабочих и кричит, что труба падает. Все вновь пошли смотреть на трубу. Она несколько раз качнулась и упала на территорию зоны заключённых. Все пошли в кабинет и составили акт о падении трубы, об износе металла. Таким образом был засвидетельствован факт падения трубы не по вине обслуживающего персонала. Не будь «циркач» Беляев так бдителен, я мог бы попасть под суд.

Была весна. Остаток отопительного сезона доработали с остатком трубы в 40 метров. К следующему отопительному сезону была выполнена надёжная труба, которая стоит и до сих пор. С разрешения директора завода из упавшей части трубы были изготовлены металлические гаражи. Они, по-видимому, стоят и сейчас.

История с падением трубы в министерстве и за его пределами превратилась в байку. Как, мол, один начальник цеха вычислил время падения трубы и собрал комиссию к этому часу. Я её слышал в Главке не один раз, но уже без фамилии и места, где это случилось».

Особую страницу в судьбе Трёхгорного занимает Чернобыльская трагедия. В первые же часы беды в ядерное пекло были направлены лучшие специалисты завода по радиационной безопасности, на заводе были срочно сконструированы и изготовлены тысячи индивидуальных дозиметров, с которыми работали ликвидаторы аварии, благодаря только этому были спасены многие сотни человеческих жизней. Чернобыльская катастрофа, нечего скрывать, увеличила количество могил на кладбище Трёхгорного.

Не для красного словца писалось и говорилось: Урал — становой хребет страны! Так было на самом деле, начиная с XVIII века, здесь ковалось оружие России. Из поколения в поколение гордились этим. И именно уральские рабочие династии наиболее других экономически и нравственно пострадали во время так называемой перестройки. Моя родная деревня Михайловка, мой родной Малояз были окружены «запретками», мы тоже чувствовали себя причастными к тому, что там делалось, и гордились этим. Ночью у нас часто над южной стороной гор полыхало небо и что-то грохотало. Летом это можно было принять за грозу, но гроза не могла греметь в течение почти всей ночи, не приближаясь, не удаляясь, а на одном месте. По слухам, это под городом Усть-Катавом испытывали ракетные артиллерийские установки. А для конспирации Усть-Катавский завод выпускал трамваи. А во время Великой Отечественной войны в Усть-Катаве испытывали танковые пушки, боевыми снарядами и болванками стреляли в скалу прямо рядом с железной дорогой. У моего родственника, тогда тринадцатилетнего испытателя оружия, задремавшего от усталости (взрослые мужики были на фронте), оторвало замком затвора пушки часть ладони. Ныне, проезжая по железной дороге, люди не догадываются, что испещрённая скала — это следы военных испытаний. Неплохо было бы, если бы на скале появилась мемориальная доска.

Поговаривали, что в «запретках» живут, как при коммунизме. От «запреток» и нам, живущим «при развитии социализме», правда, ещё без человеческого лица, которое обещал подарить небезызвестный артист разговорного жанра М. С. Горбачёв, что-то перепало: бомбы — бомбами, а у торговых организаций закрытых городов был свой план, и его нужно было выполнять, а чтобы получить премиальные в конце квартала или года, их нужно было перевыполнять, и в Юрюзани, и в окрестных деревнях этого времени ждали как манны небесной. Пусть очень редко, но порой и до нашего Малояза добивались промтоварные и продовольственные автолавки, и

мы впервые узнали вкус апельсинов и мандаринов, венгерского консервированного горошка, болгарских соков.

Страна заботилась о «запретках». Но когда обрушились на Россию тяжёлые перестроечные времена, положение российского люда в «запретках» стало покруче, чем во всей стране. Заводы «запреток» были градообразующими, и кроме оружия там ничего не делали. А в Трёхгорном, может, стало хуже, чем в других «запретках». Мы ещё не докатились до того, чтобы продавать на сторону ядерное оружие. Оно и спасло страну от окончательного развала и откровенного военного вторжения под предлогом контроля за нашим ядерным арсеналом. Эта реальность была очевидной. Врагами России, как извне, так и внутри (внутренние оказались пострашнее, сейчас многие из них немного притихли и хорошо устроились во всевозможных бизнес- и даже правительственных структурах) главный удар был нанесён по этим закрытым городам. И если рабочие и инженеры других оборонных заводов незакрытых городов теперь промышляли как соловьи-разбойники торговлей или извозом на федеральной трассе М-5, которая теперь называлась не иначе, как Дорога Смерти, то жители Трёхгорного и этого не могли себе позволить: закрытый режим не был снят, и они оказались на положении заключённых.

И именно в эту тяжёлую пору город стал называться Трёхгорным. 23 августа 1993 года глава администрации города Лубенец Н. А. подписал постановление о переименовании города Златоуст-36 в город Трёхгорный. О том тяжёлом времени говорят страшные цифры статистики: в 1993 году в городе бракосочеталось 196 пар, а развелось 212, дети ещё рождались, но число родившихся уже догоняло число умерших. 5 июня 1994 года на праздновании 40-летия города были объявлены новые Почётные граждане города, а 11 августа на городской профсоюзной конференции по коллективному договору на первое полугодие 1994 года было дано согласие дирекции завода на переход работы завода на 3-дневную неделю. 15 августа началось массовое увольнение пенсионеров по сокращению штатов с правом получения в течение 6 месяцев пособия по среднемесячному заработку. 27 октября на городской площади состоялся митинг протеста против ухудшения жизни трудящихся завода и города, в нём приняло участие около 3 тысяч человек, то есть каждый десятый. 3 ноября рабочие наконец-то получили зарплату за август и сентябрь: 14-15 ноября на завод должен был приехать министр атомной энергетики В. Н. Михайлов, и, если бы рабочие перед его приездом не получили зарплату, лучше бы ему там не появляться.

А у КПП города, размахивая мандатами, неистовствовали «народные избранники» разных уровней, вплоть до депутатов Госдумы. Не секрет, что некоторые из них зарплату получали не только в России. Доверчивый российский народ, не имея опыта, избирал чаще всего всплывший на перекатах народной судьбы мусор, а то и откровенное дерьмо (впрочем, в этом смысле мало что изменилось), тут же крутились всевозможные борцы за права человека и правозащитники, требовали немедленно открыть город и рассекретить производство завода. Порой привозили с собой явных сотрудников иностранных спецслужб, пытались силой прорваться через КПП, дело чуть не доходило до предупредительных выстрелов в воздух.

Не самые лучшие времена завод и город переживают и сейчас. Как я уже говорил, большинство оборонных заводов ныне выживают, укрепляя обороноспособность других государств, порой потенциальных наших противников. Но мы, повторяю, ещё, к счастью, не докатились до того, чтобы продавать ядерное оружие, потому у Трёхгорного нет спасительных иностранных заказов, как, например,

у уфимских моторостроителей. Нам по-прежнему твердят, что нам больше никто не угрожает. Прежние уступки Америке нас, кажется, ничему не научили. В свое время, наслушавшись ласковых обещаний, наши вожди уничтожили легендарную межконтинентальную ракету СС-20, которую за рубежом в страхе называли «Сатаной», а Америка в ответ ничего не уничтожила из своего ракетно-ядерного потенциала. Хотя, конечно, в принципе не должно вообще существовать такого производства, и жители Трёхгорного мечтают об этом времени и ищут заводу новые, сугубо мирные задачи. И глубоко символично, что наряду с производством ядерного оружия здесь налажено уникальное производство покрытий церковных куполов из специальных сплавов, которые до этого применялись только в космической и ядерной промышленности.

Производственное объединение «Конверсия» было организовано в 1992 году: военное производство в то время резко сокращалось, и участок специального покрытия «изделий» оставался без работы. Встал вопрос о его закрытии. Начальник лаборатории покрытий в службе главного технолога С. Ипатов предложил попробовать создать хозрасчетный участок. Предусматривалось на первых порах покрытие изделий из пластмасс, часов, ложек. Это, конечно, не спасало Трёхгорный, но с чего-то нужно было начинать. А потом пришла идея — покрытия специальным составом церковных куполов. Первая отечественная атомная бомба была создана в Сарове, обители преподобного Серафима Саровского. Некоторые полагают, что это было осквернение святых мест. Но, может, не случайно Господь определил или попустил местом создания первой отечественной атомной бомбы, без преувеличения, спасшей Россию от уничтожения, а весь мир — от Третьей мировой войны, именно в Сарове? И, может, в свою очередь Трёхгорный, город, серийно производящий всё ядерное оружие России, должен вложить посильную лепту в дело духовного возрождения России? Пришло время трудного возрождения Церкви, прежде всего духовного — на духовном пустыре. Мы знаем, как трудно встают храмы, и долгое время они стоят без куполов и колоколов, и мы можем своей уникальной в то же время сравнительно недорогой технологией помочь этому делу, делу возрождения России. Сначала в Трёхгорном скрупулёзно изучили старую, дореволюционную технологию покрытия церковных куполов. Раньше купола покрывали или просто медью или медью с золотом. Через десять-пятнадцать лет их было нужно обновлять. Трёхгорцы предложили современнейшую технологию на основе наноплазменного покрытия нитридом титана в вакуумных установках практически любых материалов, в том числе и нержавеющей стали.

Трёхгорцы предложили несколько вариантов «золочения» куполов храмов. Просто нитридом титана — это долговечнее. Золотом — насыщеннее по цвету, в темноте светится ярче, но дороже. Была предложена и комбинация нитрида титана с золотом. Мы гарантировали относительную дешевизну и долговечность покрытия, в зависимости от вариантов, от 50 до 100 лет.

Экзаменом стал Храм Христа Спасителя в Москве. Его купола покрыты по особой технологии, какой нет нигде в мире: первый слой — нитрид титана, второй — тонкая плёнка золота. Но трёхгорцы предложили и уникальный вариант покрытия кровли храма. В связи с этим пришлось решить немало проблем. Было предложено 8 вариантов специальных покрытий, архитекторы остановились на одном — под старую медь.

Но тяга к художественному производству, к прекрасному жила на заводе, можно сказать, изначально. Ещё в самом начале своего существования наряду с производством ядерного оружия на заводе осваивали, к примеру, производство уникального художественного Каслинского чугунного литья, как бы предвидя, что сам Каслинский завод в «перестройку» попадёт в руки бандитов, которые, в конце концов, его уничтожат, несколько раз перепродавая из рук в руки, а оборудование сдадут в металлолом.

На заводе в Трёхгорном есть уникальный музей Каслинского литья. Подобного, может, больше нет в России, в нём больше 400 экспонатов. Идея его создания принадлежит бывшему главному инженеру Александру Георгиевичу Потапову, впоследствии ставшему генеральным директором, Героем Социалистического труда, лауреатом Ленинской премии, человеку уникальному, считающему: что бы человек ни делал, он должен приобщаться к прекрасному, иначе потеряет человеческую сущность. При нём город обрёл детские сады, школы, библиотеки, Дворец культуры «Икар», детский оздоровительный лагерь в Крыму... В народе до сих пор говорят, что если бы в 90-е годы директором Трёхгорного был А. Г. Потапов, завод безболезненнее пережил бы разрушительную «перестройку». Александр Георгиевич нашёл бы выход из создавшегося положения. Каслинское литьё тому пример.

Художественное литьё в чугунае возникло на Урале уже в XVIII веке, практически на заре горно-заводского Урала: в Каслях, Кусе, Невьянске, Тагиле. Наиболее его развитие получило в Каслях. Со временем, независимо от места производства, даже за пределами Урала чугунное литьё стало называться Каслинским. К началу XIX века невероятное искусство формовщиков, чеканщиков достигло наивысшего расцвета. Ажурное художественное литьё, всевозможные «фигурки», как их называли мастера в обиходе, из жизни и быта уральцев и, наконец, изумительные копии с работ французских мастеров – всё это дало возможность принимать участие во всемирных выставках в Санкт-Петербурге, а потом и в Вене, Стокгольме, и наконец в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, где каслинцам был вручён хрустальный кубок «Гран-при» и Большая Золотая медаль за чудесное творение – чугунный «Павильон» и скульптуру Е. Лаврецкого «Россия».

При Каслинском заводе открывается школа художественного литья, где молодёжь обучалась искусству формовки, чеканки, уникальной матовой окраски. К сожалению, постепенно каслинское литьё в силу сразу нескольких причин начинает тухнуть. Заказы в большинстве своём становятся политизированными. Как и в классическую скульптуру, сюда приходит стиль «девушка с веслом». К таким заказам у мастеров не лежала душа, а раз не лежала душа, значит, не могла она появиться и в их работах. А потом приходит пора, когда на улице ещё социализм, но уже с признаками человеческого лица, когда народные промыслы ставятся в те же экономические условия, что и заводы и фабрики, основным показателем становится прибыль, а откуда ей быть, если из народного промысла ушла душа, и постепенно один за другим гибнут по всей России уникальные народные промыслы. Такая же участь ждала и каслинское литьё в чугунае. Ещё не наступила разрушительная «перестройка», но в воздухе её уже запахло, и видимо, глубинным внутренним чутьём Александр Георгиевич Пота-

пов определил, что всемирно известное Каслинское литьё ждёт печальная участь. В 1978 году он приглашает для совета инженера-металлурга с 20-летним стажем Лидию Мирошину: возможно ли при наших уникальных технологических возможностях и уникальных мастерах-литейщиках создание на заводе производства художественного литья в чугуне, аналогичного Каслинскому, и на его основе организация музея Каслинского литья?

Она решила возразить:

— Но это ведь совсем другое. Это ведь не просто уникальное литьё, это искусство. Они ведь и проходят-то по Министерству культуры. Что касается музея: небольшой музей организовать мы, наверное, можем. Но с большим трудом, наши-то ведь почти все приезжие. Только если по домам в Юрюзани, в Катав-Ивановске поискать.

— Что касается музея, я глубоко уверен, что на нашем суровом заводе должно что-то быть для душевной разгрузки, тем более, что город закрыт, у людей нет практически возможности приобщиться к прекрасному. В других закрытых городах есть театры, картинные галереи, у нас в силу особых обстоятельств этого нет. Во-вторых, рано или поздно нам нужно будет переходить на гражданскую продукцию. Вы скажете, этим не спасёшься. Но с чего-то нужно начинать. А начинать лучше всего с прекрасного, потому что оно вечное. А в-третьих, недавно я был в Каслях, художественное литьё там гибнет, его нужно спасти... А что касается создания музея, по домам мы не пойдём. Я был во многих музеях страны, начиная с Эрмитажа. Каслинское литьё практически везде есть, но практически везде нужна реставрация. Но нет денег на неё, и нет мастеров. А наш представитель будет ездить по музеям и предлагать свои услуги. А ему будут говорить: у нас нет денег. А он в ответ: мы бесплатно, в качестве платы — ваше письменное решение сделать копию для нашего музея.

Рассказывает Лидия Мирошина: «Определилась в первейших задачах. Дано задание отделу кадров завода: не очень-то афишируя, пригласить мастеров из Каслей, признанных художников. Первым приехал Александр Раков. Он загорелся нашей идеей. Обговорили, с чего начинать, начали делать оснастку. Первой ласточкой была пресс-форма для литья по выплавляемым моделям. Первая наша работа — «Девушка с кувшином» работы художника Энгра. XVIII век! Франция! Ждём приглашённого формовщика, Приехал Саша Бушихин. Завезли нужные материалы. Потом стали формовать «Хозяйку Медной горы» работы А. Чиркина. За 5 лет было выполнено более 80 реставрационных работ, в том числе очень сложная композиция «Франко-русский союз» работы Р. Баха. Эту работу не побоялся нам предложить отреставрировать директор Свердловской картинной галереи. На реставрацию ушло полтора года.

Через год после Бушина приехал и мастер-чеканщик Николай Рашевский. Ещё работая в Каслях, он вместе с Александром Раковым участвовал в выставках ВДНХ. Технологические возможности нашего литейного цеха придали им новые силы. И вот теперь нас уже четверо. Началась интенсивная работа.

В 1980 году музей открыли. Это был праздник не только всего завода, но и всего города, хотя доступ в музей был ограничен. А наши мастера набирали опыт. Александру Ракову Министерством культуры была присвоена 3 категория реставратора СССР. Помещение музея пришлось расширить. А. Г. Потапов был наш главный вдохновитель. Он очень тонко разбирался в искусстве. В том числе в скульптуре. Все привезённые для реставрации работы показывали сначала ему. Он не хуже искусствоведов оценивал, стоящая это вещь или просто поделка. Изумительный человек, эрудит, он всегда выкраивал время для нас. В музее он отдыхал душой. По праву он увековечен в нашем музее. После его смерти мы долго не могли вернуться к творческому накалу, темпу работы, к которым он нас приучил».

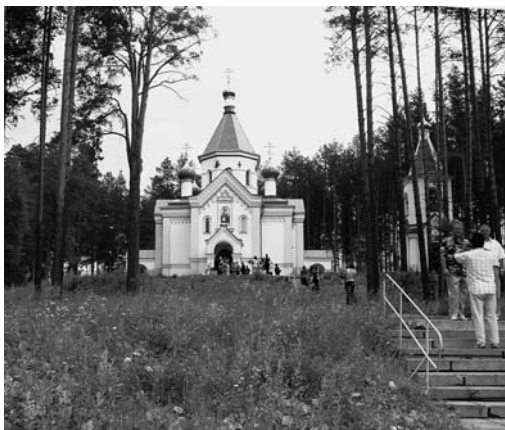
Трёхгорный порастил своей чистотой. Особенность города: стояла несусветная жара, неумолимо на Приуралье и Урал надвигалась засуха, ей нипочём была закрытость города, и, глядя на показания термометра на площади перед дворцом культуры «Икар», я обратил внимание на соседнюю мерцающую цифру и не сразу сообразил, что она показывала уровень радиации. Ниже на щите объявлений афиша: «У нас в гостях Аксаковский фонд. Вечер русской песни и русского романса. Вход по пригласительным билетам».

Зал был полон. Как потом выяснилось, пригласительные билеты выдавались прежде всего ветеранам завода в качестве подарка, люди устали от телевизионной попсы и бесконечной стрельбы. Но в зале было много и молодёжи. Я видел, что наши артисты волновались, хотя что вроде бы волноваться: к примеру, заслуженный артист России Владимир Белов только что прилетел со своего концерта из Твери, а перед Тверью был Волгоград, а до того он многие годы был солистом Башкирского государственного театра оперы и балета и Пражской оперы. А народный артист Башкортостана Вахит Хызыров только позавчера прилетел из Петербурга, где пел в знаменитом концертном зале хоровой капеллы и буквально покори́л своим голосом избалованных петербуржцев, где его называли лучшим исполнителем русского романса. И Татьяна Мамедова где только не пела, и пианистка Елена Носорева кому и где только не аккомпанировала, а о заслуженном артисте России, профессоре Уфимской академии искусств баянисте Владимире Суханове и говорить нечего. И фольклорный коллектив Башкирского государственного университета и Аксаковского фонда «Таусень» пел и в Болгарии, и представлял Россию на престижном фольклорном фестивале в Ирландии, где завоевал первое место. Словом, где они только не пели и не выступали, но никто из них не пел и не выступал в закрытом, вчера ещё сверхсекретном городе перед людьми, так или иначе имеющими отношение к производству ядерного оружия, удерживающего планету в относительном равновесии. Да, артисты волновались, и была досада: очарованный исполнительским мастерством этих людей в Уфе на вечере «Тепло Аксаковского дома» ген. директор завода Михаил Иванович Похлебаев, ещё вчера говоривший мне по телефону, что непременно будет на концерте, рано утром был вынужден срочно выехать куда-то, кажется, в столь же закрытый город Снежинск, который ещё недавно был «Челябинском-40», и сейчас пробивался обратно через пробки на известной федеральной трассе М-5. Специально по просьбе заводчан задержали начало концерта минут на пятнадцать: «Надо подождать, ему мы обязаны этим концертом, только с его приходом у нас стала такая насыщенная культурная жизнь». У трёхгорцев особое отношение к Михаилу Ивановичу, как у Михаила Ивановича особое отношение к трёхгорцам: он не намного моложе города, здесь родился и рос вместе с городом. Любовь к русской песне передалась ему от матери, которая в самую напряжённую для завода пору, несмотря на шестидневную рабочую неделю и сверхурочные, пела в заводском хоре, а сын был при ней на репетициях — не с кем было оставить мальчишку вечером. Михаил Иванович тоже относится к разряду «последних романтиков России». Именно на этой почве зиждется их дружба с Динаром Сагдетдиновым. Оба они закончили знаменитую Бауманку. Я склоняюсь к выводу, что в этом ВУЗе основательно учили не только специальным дисциплинам, но и любви к Родине.

К сожалению, Михаил Иванович не успел даже к концу концерта, появился только на ужин. На ужине у меня чуть не выбили слёзы слова главы администрации города Светланы Вениаминовны Ольховской: «Если бы вы знали, как мы рады вам, приехавшим с Большой земли». У закрытых городов своя психология, не всегда понятная другим. Они часть России, но в то же время живут своим особым миром. Существует

даже такая удивительная книга: «Антология поэзии закрытых городов России».

Утром я по привычке встал рано и решил пройтись по еще не совсем проснувшемуся городу. Поразила чистота не только городских улиц, но и лесопарковой зоны. Нам в Уфе, хотя она, несомненно, один самых чистых городов России, о подобном приходится только мечтать. Строжайшая дисциплина на сверхопасном производстве приучила быть дисциплинированным и в обычной жизни. Меня не могло не поразить, как люди соблюдают прави-

ла уличного движения. Пешеход не пойдёт через улицу на красный свет, если даже на улице нет ни одного автомобиля и ни одного пешехода, он будет стоять, пока не загорится зелёный свет. Автомобилист остановится задолго до пешеходной зебры, если к ней приблизился пешеход. Из красивейшего лесопарка, который на самом деле был частью заботливо сохранённого при строительстве города девственного леса, я смотрел на напряжённо гудящий внизу за рекой моего детства Юрюзанью, которую здесь можно перейти не замочив брюк, завод ядерного оружия. По сути, были видны только крыши его цехов. Нетрудно было догадаться, что они подобны айсбергам, две трети которых находятся под водой. К заводу спускалась знаменитая заводская лестница в 385 ступеней. Когда-то она была деревянной. А ещё раньше, в самом начале, её вообще не было, в дождь и в снег приходилось подниматься буквально на четвереньках. К. А. Володин распорядился привязать трос к растущей на самом верху сосне, по нему первое время и поднимались...

Улицы постепенно наполнились людьми, автобусы один за другим спускались вниз к заводу. На улице меня то и дело останавливали и благодарили за вчерашний концерт. После завтрака нас, как обещали, повезли на завод. Разумеется, только в музей история завода. Предупредили, что фотокамеры можно включить только в самом музее.

Простенький стол из ДСП первого директора завода Константина Арсеньевича Володина, ушедшего на пенсию «по болезни» в феврале 1963 года и сразу же уехавшего из города. Построивший с нуля завод и город, он не мог видеть на своём месте другого «хозяина», каким бы тот ни был. Сам Константин Арсеньевич был настоящим «Хозяином», «Дедом». Старый медведь, освобождая место молодому, более сильному, умирать уходит из своих владений. Я уже говорил, что Володин — фигура трагическая. Гордый и по большому счёту одинокий, выйдя на пенсию, он уехал ночью, никого не предупредив. Вот как описывает этот тайный отъезд бессменный водитель Володина Дмитрий Гаврилович Бирюков:

«И вот теперь я хочу рассказать, как довёз я К. А. Володина в Вязовую последний раз. Его контейнер через Златоуст я отправил раньше. И вдруг однажды вечером он звонит мне и говорит: «Гаврилович, отвези меня сегодня к поезду, в Вязовую». Тогда ходил поезд № 25 до Москвы, я знал время его отправления. Подъехал к его дому, жена моя, Клава, тоже попросилась поехать проводить Володина. Погрузили мы в машину чемоданы. Он уезжал вместе с женой, Марией Алексеевной. Пока мы вчетвером ехали до Вязовой, вспоминали о прожитых годах здесь, в нашем городе. На

вокзале работал буфет. Володин дал мне деньги: «Сходи, Гаврилович, купи для меня в последний раз бутылку коньяка». Я думал, он с собой возьмёт в поезд, а он открывает бутылку и говорит: «Давай выпьем». Я за рулём, мне бы и пить нельзя было, но не мог я отказать Володину, чувствовалось его тоскливое состояние, прощание его в моём лице со всеми людьми, с кем он проработал 10 лет. Мы выпили эту бутылку. Посадил их в поезд. Последнее, что он попросил: «Отдай Тарасову моё директорское удостоверение». Утром я принёс Тарасову А. И. это удостоверение, сказал, что Володин ночью уехал. Тарасов остоленел. Как обезумел. Сидит молчит, смотрит вперёд на удостоверение и ничего не говорит. А потом: «Уехал... Володин... ночью...» Затем опомнился, стал звонить Потапову.

Вот так и уехал Константин Арсеньевич Володин. Как приехал в 1952 году один, так и уехал один. Никто его не провожал, никто его не поддержал, не защитил. А как руководитель он был самым справедливым».

Похоронен Константин Арсеньевич в подмосковном Подольске. Сменил его генерал-лейтенант Леонид Андреевич Петухов, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, проработавший ген. директором, как и К. А. Володин, 11 лет. Первое время заводчан удивляла его не генеральская мягкость в противобес жесткости Володина, но было другое время, когда можно было немного расслабиться, к тому же мягкость совсем не исключает требовательности. Это был человек тоже по-своему удивительный. Что касается К. А. Володина, ежегодные лыжные соревнования его имени по-прежнему собирают почти весь город. Они положили начало ныне широко известному горнолыжному комплексу на горе Завьялихе.

В заводском музее рядом с володинским столом — красная металлическая тумбочка вроде сейфа.

— Что это? — спросил я.

— Когда Володин зашёл в один из цехов, только что начавший работать, он обратил внимание на везде валяющийся инструмент.

— Для всех рабочих немедленно сварить инструментальные тумбочки под замок, чтобы не таскали инструмент друг у друга... А одну покрасьте в красный цвет.

— Зачем? — не понял начальник цеха.

— Для будущего музея.

— Неужели у нас будет музей?

— Обязательно будет! И тумбочка будет стоять в красном углу.

Так и случилось. Разумеется, сначала нас повели в зал Каслинского литья — несомненной гордости завода. Некоторые экспонаты уникальны своей единичностью, к сожалению, авторов-мастеров уже нет в живых.

Ну и наконец — зал основной продукции. Уж очень он как-то буднично, совсем не грозно выглядит. Авиационные атомные бомбы разного калибра для разных носителей: для стратегических бомбардировщиков «Белый лебедь», для истребителей-бомбардировщиков Су-34. Боеголовки крылатых ракет, стратегических ракет подводного старта, за ними на фотографии во всю стену атомной подлодки серии «Гепард», которыми они

вооружены, боеголовки артиллерийских гаубиц... Последние годы завод утилизирует своё устаревшее оружие, побывавшее в глубинах океанов, не раз пролетавшее над разными континентами. Это производство, наверное, сложнее и опаснее, чем производство новых бомб. Завод постепенно осваивает мирную продукцию: аппаратуру контроля и управления ядерных энергетических установок, аппаратуру контроля радиационной безопасности. На заводе разрабатывается аппаратура для контроля за нефтепроводами и продуктопроводами с вертолёт, медтехника. Ведь не секрет, что в город направлялись лучшие специалисты с других оборонных заводов, лучшие выпускники вузов и техникумов,

в том числе педагогических, медицинских, других специальностей. Да и сам город готовит специалистов, в нём филиал знаменитого МИФИ – Национальный исследовательский ядерный университет, Трёхгорный технологический институт, филиалы Южноуральского и Челябинского университетов.

После музея мы поехали в Центральную городскую библиотеку города, которая была одной из целей нашего приезда, сотрудники которой и общественность города выступили с инициативой присвоить библиотеке имя великого русского писателя, нашего земляка Сергея Тимофеевича Аксакова, автора удивительных книг «Детские годы Багрова-внука» и «Семейные хроники» и всеми любимой замечательной сказки «Аленький цветочек», на которой воспитываются уже десятки поколений детей не только в России. Книги Сергея Тимофеевича Аксакова имеют особое, может, с виду незаметное, но постоянное и глубокое влияние на отечественную культуру. Прежде всего, тем, что они закладывают основы детской души. Семья Аксаковых, крепкая семейными и национальными устоями, вошла в историю России как пример семейной гармонии, уважения младших к старшим.

Несомненно, что это одна из лучших библиотек России. Видно, что город заботится о ней, в том числе тем, что осуществляет стопроцентную добавку к нищенским библиотечным окладам. Это не просто библиотека, а многопрофильный культурный детский центр, куда вместе с детьми приходят и взрослые, где ставят спектакли, снимают кинофильмы. Этот опыт востребован уже многими библиотеками страны и, несмотря на закрытость города, известен и за рубежом. Библиотека в закрытом городе – это окно во весь мир. Граждане закрытых

городов – это категория людей с особой психологией. По сегодняшним гнилым и циничным временам, это, может, будет громко сказано, они жертвенно служат Родине. Я уже упомянул удивительную книгу — «Антология поэзии закрытых городов России». В стихах гордость за свой труд и в то же время боль, обида, что город, его люди, сначала в силу сверхсекретности, а теперь в силу пренебрежительного отношения к ним, оказались в ещё большей изоляции — прежде всего, психологической. Если раньше они жили с неписанным правилом: сначала думай о Родине, а потом о себе, то теперь им говорят: у нас каждый сам за себя. Премьер-министр откровенно признаётся, что он всего лишь нанятый менеджер, остальные — выплывайте сами, тем более, что и ядерное оружие нам как бы больше не очень-то нужно ибо создано новое, которое так же убивает всё живое, но не причиняет страданий, не разрушает инфраструктуру, всё остается невредимым, целёхоньким, вплоть до занавесочек на окнах и цветочных горшков на подоконниках...

Кстати. Запад, призывающий нас к сокращению ядерного оружия, сам не собирается отказываться от него. Более того, две главные военные державы так называемой Единой Европы, несмотря на традиционные внутренние противоречия между собой, подписали беспрецедентный договор о полномасштабном военно-техническом сотрудничестве, основу которого составят совместные действия по созданию ядерной бомбы нового поколения. В планах Даунинг-стрит и Елисейского дворца формирование большого исследовательского ядерного центра. Одна часть его, где сосредоточатся разработчики, будет размещаться в Великобритании. Французы берут на себя испытание новых моделей стратегического ядерного оружия.

Но в том-то и незаменяемость «варварского» ядерного оружия, что оно, скорее, психологическое, что страх перед страшными разрушениями и не менее страшным радиоактивным излучением, и не менее страшными его последствиями — гарантия, что пока оно есть у России, на неё никто не нападёт. Главный враг России сегодня — внутри России. Это уже не скрывающаяся пятая колонна, внедрившаяся во все эшелоны бизнеса и власти.

Конечно, хорошо, что нам больше не нужно такого количества ядерного оружия. Будем мечтать о времени, когда в нём совсем не будет необходимости, но государство совершенно ничего не сделало, чтобы хоть частично конверсироваться этим городам, экономически и психологически войти в так называемые рыночные отношения. Государство – не Россия! – по сути, от них отвернулось. Но они, несмотря ни на что, верят, что Родина, народ не забудут их жертвы во имя спасения мира от Третьей мировой войны. И что пока есть у России ядерное оружие, на неё никто не посмеет напасть.

Без волнения нельзя читать простые безыскусные стихи.

Лев Георгиевич Николаий, до пенсии представитель военной приёмки:

*Наступит время — поздно или рано
Завесы таинства с Трёхгорного спадут,
О нашем городе напишут крупным планом
И должное заводу воздадут.*

Ещё обострённое это чувство в своих стихах выразил Анатолий Григорьевич Корпачев, инженер-контролёр военного представительства:

*Я верю, нас потомки не забудут,
Как с потом, с кровью щит Родины ковали мы,
Чтобы в мире не было войны!*

Мы уезжали из Трёхгорного в полдень – на том же автобусе с эмблемой мирного атома. Несмотря на занятость, проводить нас приехали генеральный директор Приборостроительного завода Михаил Иванович Похлебаев с супругой. И на КПП нас выпускали, точнее, провожали уже как своих: «Жалко, что не смогли побывать на вашем концерте. Служба. Приезжайте еще!»

Обязательно приедем! До свидания, закрытый город с открытой, даже распахнутой душой!

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ. Очерк Михаила Чванова был прислан нам минувшей осенью. «Аргмак» выходит только в феврале. За это время кое-что произошло. В частности, представителям Аксаковского фонда в декабре 2010 года довелось ещё раз побывать в Трёхгорном в качестве дорогих гостей, в число которых попали и два челнинца: я и член Союза российских писателей, а также автор-исполнитель Александр Тарасов. На этот раз детской библиотеке закрытого города, о которой так проникновенно рассказано в очерке, было присвоено имя великого русского писателя, патриота и семьянина Сергея Тимофеевича Аксакова.

Какие красивые, воспитанные, талантливые в Трёхгорном дети! Они показали нам на сцене теперь уже Аксаковской библиотеки уникальный спектакль. Какой? Ну, конечно же, «Аленький цветочек» по знаменитой и мудрой сказке Сергея Тимофеевича. Кто-то из гостей сказал ребятам: «Ни один профессиональный театр не смог бы сделать это так трогательно и искренне, как сделали вы».

Конечно, библиотека получила и книжные подарки, в том числе, полный комплект номеров альманаха «Аргмак. Татарстан». Я пообещал ребятам, что и впредь будем посылать им по почте все последующие выпуски нашего издания. Договорились, что на бандеролях будет написано: «С любовью из Татарстана».

А вечером в городском Доме детского творчества состоялся концерт — смею полагать, не хуже того, что описан в очерке. В этом концерте довелось принять участие и нам с Александром Тарасовым. И стихи, и песни были встречены долгими и добрыми аплодисментами всего зала. На следующий день мы встретились с генеральным директором уникального предприятия М. И. Похлебаевым, а также посетили заводской музей, в одном из залов которого увидели «изделия», предотвратившие третью мировую войну, а в другом образцы спасённого заводчанами неповторимого Каслинского чугунного литья. Изумительная скульптура Лаверецкого «Россия» (женщина-воительница в кольчуге, в шлеме и с мечом в руках) мне показалась глубоко символичной именно здесь. Духовность, нравственность, красота должны быть защищены державным щитом — вот что она выражала...

Дома, после долгой дороги, я подключился к теленовостям: США и Россия ратифицируют новый договор СНВ об ограничении ядерного оружия. Всеми каналами это событие подаётся как радость для человечества.

А мне после посещения города Трёхгорного эта радость представляется сомнительной. Почему? Читайте очерк Михаила Чванова.

Николай Алешков

ГОЛОСА РАССТОЯНИЙ

ИВАН МАЛОВ
г. Оренбург

ЛИЦЕЯ ЗИМНЕЕ ОКНО

...Чернильница моя...

А. Пушкин

Пред ним свеча неслышно каплет –
Вечерних сумерек пора.
Плывёт чернильницы кораблик
Под белым парусом пера.

Плывёт. Плывёт. Ещё страница!
А на дворе уже темно...
Вновь будет за полночь светиться
Лицея зимнее окно.

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ ДЕТСТВА

Светлане

Вслед за солнышком вставали,
Мчались в луговой озон.
Под ногами две педали,
Как ступени в горизонт.

Спицы быстрые вязали
Шин узорные следы.
Как звонку там подпевали
Летом птицы с высоты!

Он звенел, что мир чудесен.
И манили, уводя,
Километры птичьих песен,
Сельских видов и дождя.

Я дождя начало слышал!
Были поутру легки
Первых капелек по крыше
Голубиные шаги...

* * *

В ночь уходящий мужчина
Смотрит на спящего сына.

Медлит ступить на порог
Всех невозвратных дорог.

Не провожает жена.
Сонно-угрюма она.

«Лучше не будет!» — сказала.
Вышел. На площадь. К вокзалу.

Горечи замкнутый круг –
«Лучше не будет!»

...А вдруг?..

* * *

Сушь. Ни тучки в степной стороне.
Хоть бы влажные ветры подули!
Без дождя в знойный день в тишине
Часто никнет округа в июле.

Дождь прольёт – снова птицы поют,
И земля окунается в негу,
И укроп – огородный салют –
Торжествующе тянется к небу.

* * *

Ивану Юлаеву

Печальной осени картина
Душе созвучная, видна:
В кустах клочками паутина,
Грустит – о чём её кручина? –
В отаве летняя копна.

А рядом ветки бересклета
Промокший ветер шевелит.
Молчат луга, в туман одеты,
И сырость воздух тяжелит.

* * *

Как живёшь, землячка Валя?
Так же в мужа влюблена?
— Мужа пьяницы украли, —
И заплакала она.

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА
*г. Новокуйбышевск
Самарской области*

* * *

Лютуют свирепые вьюги,
Гуляя в родной стороне.
Ответствуйте, верные друзья,
Сие не почудилось мне?

Могло ли такое присниться:
Иду вдоль Кремлёвской стены,
Где эхом надменной столицы
Шаги мои отражены.

Сверну наугад по Арбатской –
Всё просто, как неба глоток:
Навстречу мне бросится адский
Машин и прохожих поток.

Скажите мне, милые друзья –
Возможно, то чудится мне?
И эти московские вьюги,
Что в русской лютуют округе, –
Лишь зимний подарок стране?

Москва бьёт своих, чтоб чужие
Боялись – я в доску своя!
Мне – взоры Москвы ножевые,
И матерна ласка ея.

* * *

Во ближних разуверясь, веришь в Бога.
Пусть множество дорог, но путь – один.
Тот путь ведёт от отчего порога.
И он тебе – Господь и господин.

Земная жизнь расхристана всечасно...
Винить судьбу – что призрака винить.
Лишь в юности так дерзко, так напрасно
Мы тщимся мир подлунный изменить.

Укрыта зябким инеем потери,
Прискорбная планида суждена –
Стучаться в заколоченные двери
И вглядываться в пустоту окна.

* * *

В туманном стокатто дождя
Разлита небесная грусть...
К приютам чужим уходя,
Я к дому всем сердцем стремлюсь.

Загадочней русской души
И шире – нигде в мире нет.
О, путник усталый, спеши
На ласковый Родины свет!

ВАСИЛИЙ ПОПОВ
г. Москва

* * *

Деду

Едем мягко на арбушке,
Свесив ноги. Тихий шаг.
На лице моём веснушки
В лес по ягоды спешат.

Веет мёдом на поляне,
И кузнечики шуршат.
Я нащупал, что в кармане
Карамельки две лежат.

Угощу одной я деда,
А другую сберегу.
Он рассказывал, что где-то,
На далёком берегу,

За высокими лесами,
Среди ночи, среди скал
В терему под образами
Мне невесту подыскал...

* * *

Пусть в голове разбросанные мысли,
И не сложилось что-то, ну и пусть.
Но даже в небе звёзды, что повисли,
Переживают мировую грусть.

Не всё понятно, ну и что ж, не надо
Искать того, что может погубить.
Услышать небо – вот она, отрада.
Ещё отрадней землю полюбить.

* * *

Я уйду, не закрывая двери,
С тишиной мерцающей воды.
И вернусь, когда проснутся звери
От лучей неистовой звезды.

Я вернусь... И каждый, понимая,
Рассказал бы вам о жизни той.
У цветов пленительного мая
Нет любви взаимной и простой.

Я вернусь, конечно – добродушно,
И с врагом мы песню запоём.
Ожиданье – вот что людям нужно.
Подождём... Немного подождём...

ОЛЬГА ТИМОХИНА
г. Калуга

* * *

Ты за мною ухаживал —
Словно ястреб кружил,
Ворожил — привораживал,
Вот и приворожил.

Ныне свет взгляда карего
Мне милее зари.
Ты меня уговаривал
Замуж — уговорил.

И любви нашей зарево
Полыхает, горит.
Говори, разговаривай —
Счастья наговори!

Жизни варится варево.
Не зевай — пригорит.
Говори — приговаривай,
Но не приговори!

* * *

Что-то Муза говорила.
Я не слушала её —
Недосуг — то борщ варила,
То стирала я бельё.

Замолчала. И умчалась.
И её уж не вернуть.
Горечь слов со мной осталась,
Только горечь, а не суть.

ПОЭТ

Лететь душой на свет
И ввысь без страха —
Не божья тварь поэт,
А божья птаха.

Просторы без границ...
Крылатость птичья...
И так же, как у птиц,
Свои различья.

Один парит орлом
Над бrenным миром,
Лишь вечности псалом
Слагает лира.

Другой поэт, как стриж,
И быстр, и весел.
С его пера, глядишь,
Взошло сто песен.

А сей «пернатый друг»
Гордится клеткой,
Где из хозяйских рук
Клюёт объедки.

НИКОЛАЙ КУДРЯВЦЕВ
г. Набережные Челны

* * *

И бrenная жизнь, и весны пробужденье,
И истины поиск, и кто виноват.
Везенье, везенье. Ах, где ты, везенье?
Везение, здравствуй!
Как я тебе рад!

Рад ласковой женщине, доброй хозяйке.
Рад другу, который сумеет понять.

И, кажется, рад на углу попрошайке.
Он — образ смиренья, уставший страдать.

Я рад постигать и себя, и эпоху —
Мы стоим друг друга, мы оба сложны.
Рад новому чувству и новому вздоху,
А также дыханью пьянящей весны.

* * *

Городище. Выше — чище.
Городище — над рекой.

В смуглый вечер ветер рыщет,
Словно молодец лихой.
Он, гуляющий над Камой,
Над Елабугой родной,
Сокровенной думкой самой
Вдруг поделится со мной.
И в порыве вновь сорвётся —
В небыль иль в небытие.
И лукаво засмеётся:
«Что я знаю, то моё».

Купол неба, звёзды, вечность...
Ветер тайны бередит,
Городище, бесконечность...
Время чайкою летит.

* * *

В творчестве — сила духа.
В мудрости — сила любви.
Коснувшись нечаянно слуха,
Музыка бродит в крови.

Нежность сильнее страсти.
Выше любовь обид.
Что же такое счастье —
Ведает, кто творит.

Тело врачует движенье.
Душу — поэзии свет.
И, верно, имеет значенье —
Расположение планет.

ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА
г. Киров

*15 февраля 1989 года полностью выведены
советские войска из Афганистана*

* * *

Была разлита по стаканам водка.
И пили мы не морщась, как большие.
А в это время судеб наших сводка
Передавалась в мировом эфире.
И генералы делали пометки:
Обозначали даты нашей смерти...
А мы вином закапали салфетки,
И нам уже в окне казались черти.
Мы звали их в наш круг, пока что тесный,
Не прорежённый их чертовской силой.
Нам потрепать их было интересно
По воронёным вздыбившимся гривам.
Осколками разбитого стакана
Серёга Звонарёв порезал руку...
Он первым не вернётся из Афгана,
И остальные примут ту же муку.
В раю, в аду ли скрипнули засовы,
И где-то двинулись колонны танков.
А девочки, не жёны и не вдовы,
Серёгину перевязали ранку.
Нам не хотелось ничего такого,
Что нас могло бы вывести из братства.
У нас у всех имелось по подкове,
Сулящей счастье в жизни и богатство.
Мы верили в наивные приметы.
В семнадцать лет легко даётся вера...
Раскрученная Господом планета
Нас отторгать пока что не хотела!

* * *

Два некролога в вестибюле,
Как две замедленные пули,

Пронзают сердце постепенно,
И стон в глухие бьётся стены...

Глаза мальчишек незнакомых
Глядят с портретов в рамках чёрных.
Десантный набок сбит берет...
И даты жизни – двадцать лет.

* * *

Ребятки, на ваших могилах
Взошли наши русские травы...
Вы в Афганистане погибли,
Вы все до последнего правы.

А матери плакать устали,
Морщины загладились в складки.
Мы здесь не читали уставы,
Но знаем – вы правы, ребятки.

* * *

«Афганцы» пьяные идут по городу,
Мои ровесники — не так уж молоды.
Нашивки жёлтые на куртках форменных –
За кровь заплачено им всем по ордену.
Идут по городу солдаты бывшие...
Непобеждённые.
Непобедившие.

ЕВГЕНИЙ ИНЮТИН
г. Кисловодск

НАВЕЯННОЕ

Где та девчонка из юности
С кудряшками непокорными
И улыбкой счастливой?
Спасибо вам,
Ива плачущая и ветер весенний,
За песню о ней.

* * *

Прекрасен парк
После большого снегопада!
Даже люди здесь
Кажутся нелишними.

* * *

Потрескивает лёд
Реки-жизни
Под нашими
Неосторожными шагами.

* * *

День получки. Очередь у банкомата.
Какие виновато-озабоченные лица —
Словно за милостыней пришли.

* * *

Спешу на свидание с вами,
Светло-зелёные красавицы
Проспекта весеннего:
Ивы плакучие, ненаглядные.

Прихорашиваетесь, глядя
В голубое зеркало реки.
А шальной ветер треплет и целует
Ваши чудные волосы.
Как я завидую ему!

* * *

Обрезая ветки,
Получил затрещину увесистую
От алычи.

НАИЛЯ АХУНОВА
г. Казань

* * *

Я перемалываю воздух.
Я перелистываю листья.
Гуляю в тихом поднебесье
И облака всё приручаю.

Мне так по нраву их перины.
Я неженка и лежебока.
А дома сплю на голых досках
И дни, как денежки, считаю.

* * *

Я знак бесконечность,
А ты пирамида.
Мы оба с тобой
Представители вида
Людей типа снежных.

А наша беспечность
Грозит вымиранием вида.

* * *

Гулять в лесу,
Сливаясь с соснами,
Быть только тенью на песке,
Жить просто зимами и вёснами,
Не изводя себя в тоске
По дорогим воспоминаниям,
По веку, что ушёл на взлёт,
Листку осеннему резному,
Что с ветки в небо упадёт.

* * *

Душе не надо хлеба.
Душе не надо зрелищ.
Ей нужно только небо.
И тишь укрomных лежбищ.
Душой любимы звуки
Родной татарской речи,
Что от тоски и скуки
В мгновение излечат.
Приеду тихой ранью
Я в Арскую глубинку,
Где на окне – герани,
А за окном – рябины,
Где речка так же вьётся,
Бежит среди холмов,
Где сердце громче бьётся
И закипает кровь
От зова наших предков,
Дыхания земли,
Где свой приют надёжный
Сородичи нашли.

ОЛЬГА ШАХРАЙ
г. Старый Оскол

* * *

Перед огромною иконой
Ночной глубокой чистоты
Покорно ива бьёт поклоны,
В молитве замерли кусты.

И кто-то добрый и великий,
Пройдя неведомый погост,
Перед старинным лунным ликом
Затеplил тихо свечи звёзд.

* * *

И туфли мокрые в руках,
И по колено в глине ноги...
Как прохутились облака!
Как развезло мои дороги...

Спешу тропинкой непрямой,
И оступаю, спотыкаюсь.
Но и сама перед собой
Ни в чём и никогда не каюсь.

ПЁТР ТКАЧЕНКО

ПОСЛЕ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА

*Оценка деятельности Белинского и его
соратников ещё впереди.*

Александр Блок

1

Двухсотлетие Виссариона Григорьевича Белинского (1811—1848) – дата, безусловно, знаменательная. И она должна быть отмечена в согласии с той действительной ролью, которую он сыграл в литературе, в нашей российской истории и судьбе. Разумеется, насколько это вообще возможно в нынешнем литературном *безвременье*. Ведь и само это наше литературное *безвременье*, в конечном счёте, связано с бурной деятельностью В. Белинского, когда уже и критики как таковой нет. Точнее, она пребывает, по справедливому замечанию Анатолия Салуцкого, в «обзорно-рекламном состоянии», и в самой литературе «дефолт продолжается» («День литературы», № 4, 2010). Надеюсь, это очевидное и печальное положение оспаривать никто не станет.

Роль же В. Белинского в общественной мысли и в литературе не такая простая и не такая очевидная, как это всё ещё принято считать. Ну хотя бы потому, что после неистового Виссариона прошло довольно длительное время с драматическими событиями в истории России, к которым имели самое прямое отношение мировоззрение и деятельность критика, точнее было бы сказать, публициста и идеолога. Ведь те идеи, которые он проповедовал, особенно в поздний период своей жизни, после поворота к «социальности», а точнее – к *революционному* сознанию, получив полное развитие во времени, обнажили свою истинность или ложность, неизбежно обернулись теми или иными жизненными положениями и событиями, мировоззренческие истоки которых мы можем теперь оценить. То есть речь идёт об исповедуемых им идеях. А идеи он, как известно, ставил выше и литературы, и самого человека. Впрочем, это было общее поветрие, *передовой*, как

считалось тогда, общественной мысли, во всей полноте проявившееся в последователях критика.

Значение В. Белинского всё ещё остаётся недостаточно постигнутым, о чём свидетельствует и то, как намерены теперь отметить его юбилей. Итак, что считается основным в связи с юбилеем критика? Оказывается, таким считается «увековечение» его памяти. Дело, как понятно, нужное, но далеко не главное, ибо при этом уходят из обсуждения духовно-мировоззренческая, философская, метафизическая составляющие и остаются лишь биографическая и краеведческая проблематика, для литературы далеко не основные.

Ирина Монахова, к примеру, в полном согласии с тем обликом В. Белинского, который сформировался во второй половине XIX века и старательно сохранялся в советский период, так и пишет: «Приближающийся юбилей заставляет задуматься о том, что сделано для увековечения памяти великого критика» («Литературная газета» № 10, 2010).

Разумеется, надо «обратить внимание на состояние музея, привести его в должный вид», установить мемориальные доски и т.д. Но был ли ещё кто-либо из критиков и публицистов более «увековечен», чем В. Белинский? Нет, конечно. Семьдесят лет назад создана музей-усадьба, ставшая одной из основных достопримечательностей Пензенской области. В 1948 году его родной город Чембар переименован в Белинский. В советский период истории В. Белинский становится непререкаемым авторитетом.

Это уже потом, в семидесятые-восемидесятые годы минувшего века начали выходить труды его современников-оппонентов. И не собраниями сочинений, а отдельными сборниками. Это подправляло и уточняло общую картину литературной и в целом культурной жизни и всё же не могло создать истинного представления о литературной критике и общественной мысли той поры. А значит, и не могло создать истинного представления о сути той ожесточённой борьбы, которая началась с В. Белинского. Ведь его революционно-демократические воззрения, как и воззрения его последователей, были объявлены, безусловно «передовыми» и «прогрессивными». Все же остальные — как «консервативные» и «реакционные».

И потом, мы ведь должны помнить всё-таки о том, что В. Белинский был возведён на уровень эталона критика, «канонизирован» не за свою литературно-критическую деятельность, а за публицистическую и идеологическую. То есть за свои революционно-демократические воззрения, так вписавшиеся в официальную идеологию. Причём, продолжалось это до самого последнего времени, до конца советского периода истории, когда было уже совершенно ясно, что «революционные ценности» в идеологии никак не соответствуют реальному состоянию общества, пережившего *реставрацию*, вернувшегося к народной традиции в литературе и культуре в целом, а способны разве что спровоцировать новую, очередную революцию в стране. К примеру, даже специализированный, филологический журнал «Русская речь» к 170-летию В. Белинского представлял его не как критика, а как революционного демократа: «Великий русский революционер-демократ В. Г. Белинский (1811-1848) занимает почётное место в истории отечественной культуры как основоположник передовой русской критики» (№ 3, 1981).

Или, к примеру, сборник «Публицисты «Современника», издававшийся для юношества (М., «Детская литература», 1985) также представлял революционную мысль как единственно «передовую»: «В настоящем сборнике публикуются произведения представителей демократической и прежде всего революционно-демократической публицистики, в которых нашли отражение важные вопросы, которыми жило передовое русское общество середины XIX века». Заметим, кстати, не то, чем жил народ, а из образованной части людей выделяется лишь «передовое русское общество».

Но были ведь и тогда иные воззрения – более сложные, более драматические и более приближённые к народному самосознанию. Ф. Достоевский, как известно, рано соприкоснувшийся с этими «передовыми» идеями грядущего «обновления мира» и нашедший в себе силы отрешиться от них, писал потом в «Дневнике писателя»: «Я уже в 46 году был посвящён во всю правду этого грядущего «обновления мира» и во всю святость будущего коммунистического общества ещё Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во «всеобщем развитии», и проч., и проч. – всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае, тема казалась величавою и стоящей далеко выше уровня тогдашних господствующих понятий – а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть, не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда заражённых, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда ещё не знали причин болезни своей, а потому и не могли ещё с ней бороться».

Причину этой болезни Ф. Достоевский и постиг в романе «Бесы». В этом же воспоминании писателя примечательно то, что в тайну идей грядущего «обновления мира» он посвящается не петрашевцами даже, но именно В. Белинским. Да и не только Ф. Достоевским, но и другими современниками его были точно определены природа этой болезни и натура критика. Скажем, А. Герценом: «Тип этой породы – Робеспьер. Человек для них – ничего, убеждения – всё».

Ну и что с того, что многие выдающиеся литературные творения своего времени великий критик не понял, истолковал неточно?.. В отличие, кстати, от многих своих современников. Даже А. Пушкина он не вполне понял, провозглашая, что тот «умер или обмер на время» и ожидая от него неких новых произведений, достойных его пера. И если для Ап. Григорьева («Пушкин – наше всё») и Ф. Достоевского А. Пушкин был безусловным мерилом правильного самосознания нашего, то для В. Белинского он таким не был. Но в таком случае – по каким критериям должен оцениваться критик, если не по объяснению творений своего времени? И на каком основании в советский период особенно усмотрена духовно-мировоззренческая преемственность А. Пушкина, Н. Гоголя и В. Белинского? Особенно трудно усмотреть преемственность критика с Н. Гоголем, если помнить о всём драматизме их творческих отношений перед кончиной критика: «Белинский по праву занимает место в одном ряду с Пушкиным и Гоголем как гениальный преобразователь русского литературного языка» («Русская речь», № 3, 1981). Столь благостной и стройной картины всё-таки не получается...

А вот что писал, к примеру, о Белинском Гончаров: «Это был не критик, не публицист, не литератор только – а трибун» («Четыре очерка», СПб, 1881). И далее: «Здесь он впадал в тот недостаток, который мешал ему быть вполне беспристрастным критиком. Уравновешивать строго и покойно достоинства и недостатки в талантах – было не в горячей натуре Белинского».

Примечательна и извинительность тона в суждениях о В. Белинском, начиная с его современников, когда он давал слишком уж общие, скоропалительные, а то и неточные оценки явлений литературы своего времени. Тут обыкновенно выдвигается такая логика: но ведь зато он будил общественную мысль, и не какую-нибудь, а «передовую» и «прогрессивную», выдвигал высокие гуманистические идеалы, будил народ... Но мы должны умерить пыл как давних, так и нынешних пропагандистов подобных представлений, и задаться неудобными для них вопросами, которые теперь обойти нельзя. А были ли воззрения В. Белинского действительно *передовыми* и *прогрессивными*? Были

ли достижимы революционно-демократическим способом высокие гуманистические идеалы, которые декларировал Белинский? Нас ведь интересуют не декларации, а метафизическая основа его писаний. Видимо, для объективной оценки их уже наступило время.

Нельзя не задаться вопросом: а что с чем боролось как в те, так и в последующие времена? Безусловно, *прогрессивное* с *реакционным*, якобы мешающим нашему продвижению вперёд? Теперь это видится совсем иначе. Впрочем, как и виделось многим современникам критика. Борьба ведь велась не с консервативностью и косностью, а, в конечном счёте, – с народными и, прежде всего, русскими основами жизни. С народным самосознанием. И велась идеологическим путём.

Кроме того, никуда не уйти и от другого вопроса, для всякого литератора главного. А правомерно ли использовать литературу лишь в качестве *средства* в целях каких бы то ни было – социальных, идеологических, политических, пусть даже самых гуманных? Ведь такие практические, утилитарные цели неизбежно приводят к отрицанию литературы, а значит и к неразличению духа человеческого и народного...

И потом, представлять свой народ «спящим», которого надо «будить», приобщать к такому «просвещению», которое сводится к протесту и бунту, значит не вполне понимать свой народ, а то и презирать его, себя лично к нему как бы и не причисляя. Ведь назвали же последователи В. Белинского себя «лучшими» людьми...

Вопросы, в общем-то, риторические. Ответ на них даёт и вся наша последующая история и история творческих взаимоотношений и разногласий В. Белинского и Н. Гоголя, с которых собственно начался раскол образованной части общества на два противоположных лагеря.

Перед нами ведь вовсе не обывательская история о том, как Виссарион Григорьевич поссорился с Николаем Васильевичем. В истории их полемики, взаимоотношений и разногласий со всей определённой проявился духовно-мировоззренческий факт огромной важности в судьбе России. Это был такой рубеж в нашей истории, на котором решался вопрос о том, какой тип сознания будет преобладать в обществе – *революционный*, основанный на логически вроде бы верных и даже справедливых, но всё же отвлечённых идеях, или на традиционных, выходящих из веры народа, его культуры, его умственной и нравственной самостоятельности? Или же общество впадёт в соблазн: сложнейшие вопросы человеческого, народного и государственного бытия разрешать наипростейшим, радикальным путём, каким они не разрешимы в принципе. Какой тип сознания оказался, в конце концов, преобладающим, мы теперь уже знаем. Как знаем и то, какие трагические события в истории народа и страны он неизбежно вызвал.

История разногласий В. Белинского и Н. Гоголя теперь не является для нас всего лишь давней и бесстрастной страницей в русской литературе и общественной мысли, а всё ещё продолжающейся реальностью. И потому, что в области духовно-мировоззренческой так не бывает, что последующее напрочь отвергает и отменяет предшествующее. И потому, что мы опять пережили новую революцию в России, совершённую, естественно, в иной форме, и исход которой не вполне ясен. То есть, революционный тип сознания стал снова преобладающим, снова реанимирован. Не брать этого в расчёт и рассматривать взаимоотношения В. Белинского и Н. Гоголя лишь как историческую страницу, на бытовом уровне, значит впадать в догматизм.

Ставить же теперь, как ни в чём не бывало, вопрос об «увечковечении» памяти великого критика как основной и, по сути, единственный можно лишь при условии дальнейшей его «канонизации». Тем самым, по сути, предлагается возвращение к прежнему, догматическому восприятию наследия В. Белинского и его единоличного господства в критике как несомненного образца. Не думаю, что это делается теперь сознательно или умышленно.

но. Скорее – по «традиционной» недооценке мыслительной, философской, метафизической стороны нашего бытия, что, конечно, не может быть извинительным.

Всякий раз ныне, как и вчера, когда заходит речь о Белинском, непременно предполагается эпитет – «неистовый», без особых размышлений о том, что это слово значит в русском языке. Между тем, *неистовство* – это несдержанность в чувствах, исступлённость, буйство, безудержная ярость и даже – жестокость. Но тогда почему столь нелицеприятная, даже отрицательная, характеристика навязывалась как, безусловно, *положительная*?..

Обычно это оправдывается тем, что в своей неистовости критик был искренен. Но искренность сама по себе в делах мировоззренческих не является достаточным аргументом. Никто теперь не собирается вычёркивать В. Белинского из истории русской общественной мысли и литературы, никто не собирается сбрасывать его с «корабля современности». Не в пример ему самому и особенно его последователям, которые совершали это вполне искренне, безжалостно и жестоко. Но и делать вид, что за столь долгое время ничего особенного не произошло, мы не имеем права. Наше дело – честно и объективно определить роль В. Белинского, не догматизируя всё им написанное, от чего он порой и сам отрекался, зная за собой натуру увлекающуюся.

Но в нашем литературном безвременьи, когда литература оказалась бесцеремонно отодвинутой на обочину общественной жизни, многие не вполне представляют, как быть с В. Белинским. А потому вместо постижения его наследия, теперь уже с учётом наследия и его современников, предлагают внешнюю, далеко не основную проблему «увековечения памяти великого критика». Но поскольку при этом никак не обойти ту драматическую идеологическую борьбу, которую в значительной степени определил именно критик, не просто поссорившись с Н. Гоголем, но отвергая народную веру как якобы признак обскурантизма и невежества, как не обойти и раскол общества, начавшийся с той поры, то выдвигается другая идея – «примирить» В. Белинского с Н. Гоголем, достичь «объединения» их идей, словно это возможно. Именно так ставит вопрос та же Ирина Монахова в статье «Старые рецепты для нерешённых проблем», опубликованной в «Нашем современнике» (№ 9, 2009).

Логика тут такова. В. Белинский и Н. Гоголь писали, по сути, об одном и том же — «об эволюционном развитии общества, правда, руководствовались при этом разными побудительными мотивами». «Не был Гоголь реакционером», «не был Белинский революционером». А кто с этим надуманным положением не согласен, тому надлежит освободиться наконец-то от «примитивных ярлыков». Ну а то, что было между В. Белинским и Н. Гоголем, – это сущее недоразумение, только и ставшее возможным лишь потому, что критик вскоре умер. И только поэтому они не успели подружиться. А проживи В. Белинский более, «он, возможно, изменил бы в какой-то степени свои взгляды, как это было и раньше». Как видим, реальное соотношение идей, не имеющее, как я уже сказал, значения лишь исторического, подменяется гипотетическим – «возможно», что всерьёз воспринято быть не может.

Как должны «соединиться» *революционный* и *традиционный* тип сознания, мы не знаем. Примеров подобных в истории мысли не было. Мы только знаем, что революционный тип сознания, как более упрощённый, был и остаётся более агрессивным. Видимо, можно и нужно говорить о мирном их соседстве, что возможно в действительно цивилизованном обществе. Но детский призыв: «давайте жить дружно» — тут явно не подходит.

Понятно и, в общем-то, благородно намерение автора: да надоели уже все эти бесконечные революции с их неизбежными и трагическими последствиями. А потому надо хоть как-то, наконец, «примирить» эти столь разные, прямо противоположные воззрения на духовную природу человека и устройство человеческого общества. Но действительно примирения таким вот *соединительным* путём не может произойти. Доказательством

этого является тот факт, что революция в России снова случилась, как прямое следствие преобладания в обществе *революционного*, а не *традиционного* сознания.

Непримиримые противоречия как исторический факт признаются Ириной Монаховой, но она считает, что от них надо «отвыкать», обратившись к *содержательной* стороне дела. Неужто к этой стороне дела, начиная с современников В. Белинского, никто не обращался? Обращались, и непременно объявлялись «консерваторами», а то и «реакционерами» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кроме того, предлагаемое «примирение» предполагает «соединение» не каких-то там идей, которые, вроде бы, ничем друг от друга и не отличаются, но имеют, пожалуй, главную особенность: предлагается «примирить» откровенный атеизм письма В. Белинского и православно-проповедническую книгу Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Как воссоединить христианское миропонимание с атеизмом мы тоже не знаем, так как подобных примеров в истории не встречали. Но коль такая, в принципе неисполнимая задача выдвигается, то обнажается её причина и цель. Оставить первенство опять-таки за атеистическим воззрением как якобы более «прогрессивным» и «передовым», их и только их признавая «непреодолимой» ценностью. Почему такая позиция считается патристической, об этом можно только догадываться.

Уклонение от духовно-мировоззренческой проблематики как середины XIX века, так и нашего времени, ни к какому примирению привести не может. Уже хотя бы потому, что столь продолжительное господство лишь революционного сознания в ущерб традиционному на долгие времена нарушило в обществе и народе социокультурное равновесие. И уж коль наше общественное сознание оказалось «о двух головах», есть единственный способ примирения — *полемика, из которой и высекалась бы интеллектуальная энергия, необходимая для жизни общества*. Только равновесие разных направлений мысли может создать устойчивую ситуацию в обществе и привести к действительному примирению, а не тотальное господство лишь одного из них, какого бы то ни было.

«Примирить» В. Белинского и Н. Гоголя мы теперь, при всём желании, не можем. По той простой причине, что они расстались на все времена в том состоянии и положении, в каком расстались. И если мы их теперь «примиряем», то совершаем насилие над историей, по сути, искажаем происходившее и его последствия.

Речь-то шла ведь вовсе не о социальных «реформах», как долгое время выставляли этот спор, легко разделяя людей на «прогрессистов» и «консерваторов». Спор шёл о духовной природе человека. О вере, о Божеском или человеческом устройении мира: «Главный пункт, на который напал Белинский и который является центральным в книге, — был вопрос о религиозном будущем народа» (Владимир Воропаев. «Слово», № 2, 2002).

Трагизм положения сторонников революционно-демократических убеждений в том и состоял, что, искренне декларируя заботу о благе народном, они, по сути, отрицали человека во всей его сложности и многообразии. Разумеется, во имя целей «высших», то есть идеологических.

Но в таком случае мы не можем не признать, что борьба, вроде бы, за благо народа, за его, так сказать, чаяния, обещание ему «освобождения» от всякого гнёта и в то же время подавление его веры, низвержение Бога, — это всё-таки болезнь сознания, неведомая земным врачам. Впрочем, как мы уже видели, это умонастроение назвал болезнью уже Ф. Достоевский...

Нам могут возразить: но почему в таком случае эти революционно-демократические воззрения «владели умами» не в пример другим направлениям мысли, выходящим из традиционной народной культуры и народного самосознания? Ну, прежде всего, — «владели умами» не народа, а лишь «передовой общественности», ответственной, кстати,

за духовно-мировоззренческое окормление народа, а не только за «просвещение» его, сводящееся к навязыванию ему всё тех же революционных идей.

К тому же, видимо, таково было состояние общества, уровень его развития, когда такие идеи виделись передовыми. И должно было пройти время и произойти трагедии для вразумления людей в том, что такие идеи сами по себе ни к какой свободе и справедливости не приводят. Скорее наоборот – лишь создают новые несправедливости. Кроме того, такова психологическая особенность всякого общества, что упрощённое и примитивное укрепляется в нём легче, чем действительно духовное и драгоценное, для чего необходима работа души. Ведь воспитание человека – дело долгое и трудное, манипуляция же его сознанием – куда как более простое, хоть и неприглядное, лукавое и постыдное...

Мы должны признать, наконец, что общая картина литературной критики и общественной мысли непростительно искажена и остаётся таковой до сих пор. Нам скажут в ответ, что история не знает сослагательных наклонений, а потому, мол, какой смысл теперь говорить об этом. Нет, не так. Совершавшиеся и всё ещё совершающиеся подмены столь очевидны, что мы имеем право теперь на такое утверждение. Духовно-мировоззренческую жизнь человека, общества и народа ни в коей мере нельзя уподоблять какой-либо утилитарной, прагматической цели, нарушая тем самым иерархию ценностей, создавая прямые предпосылки для социальной нестабильности общества и всякого рода тоталитарных систем. Ведь «просвещение» со стороны революционных демократов было направлено вовсе не на то, чтобы подвигнуть народ к самоосознанию и самопознанию, а на то, чтобы навязать ему отвлечённые идеи и убеждения. И вся их критика, а то и уничтожение народа основывались на том, что он не особенно хотел принимать эти идеи взамен своей природной веры и культуры, не хотел разделять «передовые» убеждения «лучших» людей, явочным порядком объявивших самих себя «лучшими»...

Наши пропагандисты «передовых» идей просто не могли предусмотреть, чем их благородные идеи и красивые декларации обернутся в действительности. Между тем, первейшим признаком истинной талантливости человека является его способность прозревать ход событий.

Можно проследить и то, откуда завелась в нашем обществе той поры эта *идейность* и почему она получила столь широкое распространение. Идеинность, которая, сохраняя риторику о благе народном, в конечном счёте, подавляла все духовное, народное и национальное, видя в нём препятствие на пути к «прогрессу». Конечно, этому способствовали многие причины социального, экономического, геополитического порядка, под натиском которых далеко не каждая душа могла устоять. И всё же, как теперь видится, главной причиной появления людей «идейных» было состояние общества, изрядно приправленное мировоззренческой экспансией извне. Можно сказать, что это был *великий соблазн сложнейшие вопросы разрешить наипростейшим путём, внешне таким, вроде бы, логическим и достижимым*. Это особое состояние общества и личности можно определить как отступление от евангельской мудрости: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Евангелие от Матфея, 7, 13).

Не столь часто, но литераторы и учёные всё-таки обращаются к этой странной борьбе в литературе, по сути, против литературы, начатой со ссоры В. Белинского и Н. Гоголя. Эта борьба свидетельствовала о том, что русская литература всегда вовлекалась в идейную, идеологическую и даже политическую борьбу, использовалась как средство в ней, вплоть до уничтожения её самой.

Вела же эту борьбу не собственно литературная критика, хотя таковой и называлась, но околολитературная публицистика, беллетристика. Это очень существенное уточнение,

иначе мы игнорируем факт существования действительной литературной критики той поры. А такая критика, помимо публицистического буйства революционных демократов, была. Её называли то «эстетической», то «исторической», то «органической», пытались представить её лишь одним из «направлений» критики и, конечно же, «ниже» критики революционных демократов, которым казалось, что все эти направления недостаточно касаются самой действительности, не в пример им самим...

Помимо литературной публицистики, ведущей борьбу с литературой, была и собственно критика, отстаивающая литературу. Справедливо писал И. Кондаков в довольно примечательной статье «Покушение на литературу»: «Но и в самой русской критике проявлялись тенденции, по отношению к литературе и искусству не наступательно-агрессивные, не командующие и руководящие, а скорее защитительные, **спасительные**. Таким был юный Валериан Майков, смело восставший против «диктаторства» позднего Белинского; таков был и гениальный Аполлон Григорьев, пронизательно разглядевший уже у Белинского, а затем и у его радикальных последователей «фанатизм отрицания», теоретический «деспотизм», готовый идти до «террора», да и прямо «литературный терроризм». («Вопросы литературы», выпуск II, 1992 г.).

Я понимаю, что высказываю о великом критике «крамольные вещи». Но теперь-то, когда его революционные идеи с пророческой глубиной постигнуты Ф. Достоевским, когда мы увидели страшные последствия этих идей в XX веке, когда, наконец, в наше время всё-таки произошла очередная революция, теперь-то эти идеи мы не имеем права выставлять как некие *гуманистические*, имеющие *непреодолимое* значение. Что уж теперь-то восхищаться борьбой критика, «не страшившегося революционного пути к свободе и счастью народа», если его идеи «гуманистического содержания» могут свидетельствовать разве что о недостаточной прозорливости их исповедника.

Но на этом пропагандистском пути в ход шло даже явное искажение фактов. Усматривать отстаивание «народности творчества» в скандальном, насквозь атеистическом письме В. Белинского к Н. Гоголю — это уж слишком, ибо где пребывают богоборчество и атеизм, там нет *народности*. Но именно так утверждалось во вступительной статье к девятитомному собранию сочинений В. Белинского: «Письмо к Гоголю — итог, яркая вспышка в конце напряжённой жизни, полной страстного поиска, борьбы за русскую литературу, за реализм и народность творчества, веры в свой народ и свою родину». (Н. Гей, М., «Художественная литература», 1976, т.1).

Если следовать предлагаемой логике нового «увековечения» критика, а по сути, реанимации его революционно-демократических идей, то мы должны согласиться, что после неистового Виссариона, вроде бы ничего особенного и не происходило. Не было его единоличного господства в советский период истории, вкупе с его последователями — Н. Чернышевским, А. Добролюбовым, Д. Писаревым. Не было долгого периода, когда талантливый критик, человек глубоко православный, Аполлон Григорьев просто не издавался. Хотя есть все основания считать его реальной альтернативой в русской критике неистовому Виссариону.

Образованнейший человек своего времени Н. Страхов считал, что истинным создателем русской критики был Аполлон Григорьев: «Именно Григорьева Страхов считал создателем русской критики, а принцип «органической критики», разработанный Ап. Григорьевым, — основным принципом критического рассмотрения» (Н. Скатов в кн. Н. Н. Страхов, «Литературная критика», М., «Современник», 1984).

Да и не только Ап. Григорьев не издавался. К примеру, преемник В. Белинского по журналу «Отечественные записки», талантливый критик Валериан Майков, рано ушедший из жизни, был издан только в наше время, да и то представленный не лучшими его литературно-критическими статьями (Л., «Художественная литература», 1985). А его

двухтомное собрание сочинений, насколько нам известно, так до сих пор и остаётся не-переизданным (Киев, 1901). Не потому ли так произошло, что В. Майков не исповедовал революционно-демократических воззрений, раскалывающих общества на два непримиримых, воинственных лагеря. Наоборот, молодой критик писал о стремлении новейших учёных создать *философию общества*, то есть науку, рассматривающую все социальные вопросы в их взаимном отношении.

Между тем, Валериан Майков более точно, чем В. Белинский, оценил А. Кольцова, Н. Гоголя, А. Герцена, И. Гончарова, разгадал творческий путь Ф. Достоевского, открыл Ф. Тютчева за три года до известной статьи Н. Некрасова о второстепенных поэтах... Стоит лишь сожалеть, что деятельность Майкова продолжалась недолго, так как в результате несчастного случая он утонул в двадцатичетырёхлетнем возрасте.

2

Русская литература со времён В. Белинского стала полем ожесточённой идеологической и политической борьбы. При этом литературная публицистика, формирующая «передовую» общественную мысль, непременно революционную, оказалась в конфликтном положении собственно с литературой. И надо иметь какие-то специфические представления о природе человеческой, чтобы совершённый таким образом раскол общества считать неким невероятно прогрессивным достижением, ибо согласно евангельской мудрости всякий дом, разделившийся в себе самом, не устоит: «Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Евангелие от Матфея, 12,25).

Считать заслугой В. Белинского то, что он ввёл в литературу *мир идей*, нет оснований, так как идеи явились орудием раскола общества на два непримиримых лагеря и орудием борьбы с литературой. При этом основным критерием в оценке тех или иных явлений литературы мы берём не верность их «действительности», так как *литературное* и *жизненное* и не должно быть абсолютно идентичным, не «разрешение» каких-то социальных вопросов, которые литература по самой природе своей не разрешает, ибо у неё иные задачи. Не «польза» её для общества, которую абсолютно ничем невозможно поверить. Не декларации о добрых намерениях и степень искренности, так как и заблуждаться можно вполне искренне. Основным критерием и мерилom для нас является *тип мышления, тип сознания* автора – *традиционный*, в согласии с народным самосознанием и верой народа или же *революционный*, верный тем или иным идеям, как правило, отвлечённым. Ведь собственно по этому признаку миропонимания люди и различаются в согласии с евангельской мудростью – «тесными» или же «широкими» вратами они входят.

Какие всё-таки они упрощённые, эти идейные люди, вознамерившиеся с помощью идей, как отмычек, минуя всю сложность человеческой природы, устроить человеку благоденствие на земле. Но из их благородных и искренних намерений неизбежно выходит нечто прямо противоположное...

Но теперь-то, когда идеи, навязываемые столь неистово, получили своё полное развитие и обернулись совсем не тем, что от них ожидалось, а прямо противоположным – трагедиями, можно спокойно рассмотреть их метафизическую основу? Оказывается, нет. Духовно-мировоззренческая проблематика, возбуждённая в обществе в середине XIX века, сохраняется и продолжается. Беспрецедентность же нынешней ситуации в литературе состоит в том, что «идейные» люди, кажется, поняли, что можно и не вести изнурительную борьбу против русской литературы, а значит и против русского самосознания, а просто с помощью не столь уж хитрых приёмов остановить литературное дело

в России вообще. Надеюсь, что не навсегда, а на какое-то время. Последствия же такого положения могут быть поистине трагичными для народа и страны.

Такова природа «либеральной» мысли, что, борясь с «тоталитаризмом» за освобождение личности, но при этом не беря в расчёт духовную природу человека, она неизбежно уготовляет новый «тоталитаризм», а то и тиранию.

Ну а как же *прогресс*? Почему этот пресловутый прогресс, на борьбу за который затрачено столько сил, сломано столько человеческих судеб, загублено столько человеческих жизней, на который возлагались такие надежды, оказался непрочным и уязвимым? Почему с его, вроде бы, незыблемых высот общество так легко скатывается во мрак невежества и в нищету? В общем-то понятно, что общество, устроенное лишь на принципах внешних, социальных, без внутренней духовной и культурной крепости, отрицающее саму духовную природу человека, — непрочно и обречено.

Наконец, мы должны признать, что прогресс научно-технический, социальный и всякий иной к литературе неприложим, так как в ней последующее не отрицает предшествующего, а существует в полном составе вершинных творений духа. А потому, скажем, из «Слова о полку Игореве» мы можем узнать не о прошлой, а о нашей жизни гораздо больше, чем из какого-нибудь ультрасовременного писания, поднимающего «животрепещущие вопросы»...

Цивилизация отнюдь не отменяет духовной природы человека, не делает человека своим рабом и заложником. А если так происходит, то это вовсе и не цивилизация, а нечто совсем другое. Это – или хитроумные манипуляции общественным сознанием или же «род нервной болезни», как сказал И. Бунин.

Об этом следует всё настойчивее говорить, так как человеческая мысль наконец-то подошла к осознанию понятия «прогресса», убедившись в том, что блага, приносимые им, не перевешивают тех потерь, которыми он оборачивается для духовного, интеллектуального и физического здоровья человека.

В литературоведении слишком распространено убеждение, оправдывающее всякую «социальность», революционно-демократическую риторику, подмену литературной критики публицистикой. Это мнение о том, что в силу целого ряда обстоятельств русская классическая литература, в отличие от других литератур, взяла на себя роль и философии, и социологии, и идеологии, и политики. Объясняется это обычно неразвитостью в русском народе других форм общественного сознания. А потому, мол, литературе и пришлось «решать» эти «вопросы». На самом же деле «вопросы» практической жизни безуспешно «решала» не литература, а окололитературная беллетристика, которая не была ни философией, ни социологией, но – идеологией. Таким образом, её внелитературные и внекультурные устремления переносятся на всю русскую литературу, как на её особенность.

Между тем, в России была оригинальная национальная философия, к концу XIX века сформировавшаяся в неподлежащее сомнению явление. Но достоянием общества в полной мере она не стала, так как настойчиво вытеснялась более «передовыми» революционно-демократическими воззрениями, отвечающими политической задаче «освободительного движения». Воззрениями чисто утилитарными, в конечном итоге уничтожавшими и философию, и литературу...

Примечательно в этом отношении мнение, пожалуй, общепризнанное, о «начале» русской философии, когда её родоначальником объявлялся без всяких на то оснований П. Чаадаев с его эпатажными «философическими» письмами. Но его писания *по своему своему жанру* были не философией, а всего лишь публицистикой, или, как говорили ранее, беллетристикой. Не считать же их философией лишь потому, что сам автор назвал их «философическими»? Не хочется в это верить, ибо подмена понятий здесь очевидна.

Известно, как А. Пушкин относился к эпатажным писаниям П. Чаадаева, от которых тот позже и сам отказывался. Представления Пушкина о судьбе России, о её положении в мире были прямо противоположны чаадаевским. В том, что А. Пушкин не отослал письма П. Чаадаеву, как и позже Н. Гоголь не отослал своего письма В. Белинскому, видится некая закономерность. Во всяком случае, это не является случайным. Видимо, художники убедились в том, что переубедить в чём-то этих *идейных* людей, считавших себя носителями некоей высшей универсальной мысли, более значимой, чем литература, невозможно...

Никаких «животрепещущих» проблем, «вопросов действительности» литература никогда не разрешала по самой своей природе. В лучшем случае она их только ставила. «Разрешала» вопросы без всякого успеха литературная публицистика, переносила это своё безнадёжное дело и на всю литературу. В постановке литературной публицистики на службу «освободительного движения» была изрядная доля спекулятивного подхода.

Если в «Грозе» А. Островского увидено только «тёмное царство», то следующий логический шаг — обозвать Россию «тюрьмой народов». А что церемониться с народом и страной, не желающими разделять безусловно «передовые» идеи? Такова логика революционного сознания. Она прерывает преемственность жизни, дабы выставить предшествующий период истории ужасным и получить хоть какую-то санкцию на свои произвольные действия по переделке мира. Представители революционно-демократической «реальной критики» под благородным лозунгом близости к жизни и действительности, хотя сами были от неё бесконечно далеки, ибо руководствовались исключительно отвлечёнными идеями, на самом деле нарушали ту иерархию ценностей, без которой общество существовать не может. Вот основной грех, который они вольно или невольно совершали.

Для них был абсолютно непостижимым тот очевидный факт, что сопоставлять и тем более уподоблять искусство и действительность означает или впадать в натурализм, или же вообще исключать искусство из общественного сознания, что «не соответствие» искусства и действительности есть неизбежная данность, нарушать которую безнаказанно нельзя, что это есть «великий вопрос», о котором позже писал А. Блок: «Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони». И ещё более определённо поэт писал об этом же в статье «Искусство и газета» в 1912 году: «Не надо говорить много, надо говорить *важно*. Язык художественного отдела ничем не должен походить на язык телеграмм и хроник. Об искусстве должны бы говорить люди, *качественно* отличающиеся от людей, говорящих о политике, о злобах дня».

Ярко выраженный *историзм* русской классической литературы вовсе не значит, что она сводится к истории. А значит, и не даёт никаких оснований рассматривать себя с точки зрения пресловутого «прогресса» — от простого к сложному, от несовершенного к более совершенному. Так же, как и *реализм* её вовсе не значит, что она сводится к натурализму. Но взятые как основные критерии в устах социальных и позитивистских критиков они неизбежно низводят русскую литературу с её духовных высот к утилитаризму — к соответствию её «действительности» или тем или иным идеям. Вольно или невольно, но в таком случае литература рассматривается в лучшем случае лишь как иллюстрация к истории.

Совершенно очевидно, что за критерий оценки литературы должен быть взят иной принцип — **соответствие её народному самосознанию и самопознанию народа**. Ведь «от постижения своей собственной природы человек или народ путём углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов... Только достигнув самобытности, основанной на самопознании, человек (и народ) может быть уверен в том, что действительно осуществляет своё назначение на земле, что действительно является тем, чем и для чего был создан. Словом, самопознание есть единственная и наивысшая

цель человека на земле. Это есть цель, но в то же время и средство» (Н. С. Трубецкой, «История. Литература. Язык.», М., издательская группа «Прогресс, «Универс», 1995).

Парадокс состоит в том, что для нынешних литераторов, считающих себя патриотами, главным всё ещё остаётся революционно-демократическое направление мысли в литературной публицистике, хотя, по верному замечанию П. В. Палиевского, «беллетристика может вполне обойтись без национального значения». («Русские классики», М., «Художественная литература», 1987). По всей видимости, всё ещё не находится творческих сил для преодоления столь последовательной и длительной «канонизации» В. Белинского и его менее пронизательных и менее осмотрительных последователей.

Аполлон Григорьев же с его действительно русской, православной душой, отстаиванием подлинной, а не бутафорской народности в искусстве, стал как бы в большей мере достоянием «либеральной» мысли. Но из всех несомненных достоинств его критики, цельного взгляда на искусство и жизнь они выделяют в основном лишь его гонимость, «ненужность», осознаваемую им самим, то одиночество, на которое он пошёл сознательно, отстаивая право искусства на своё существование, не впадая в социальные, идеологические соблазны своего времени.

Видя явное противопоставление и даже конфликтное столкновение русской литературы и литературной публицистики, наиболее пронизательные литераторы и филологи во второй половине XX века периодически обращались к этому странному положению, пытаясь его объяснить и обнажить его истоки. Характерным и примечательным в этом отношении является уже упомянутое исследование И. Кондакова «Покушение на литературу. (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре)». «Расширив круг русских критиков, мы обнаружим посягательства на всех без исключения классиков русской литературы, причём претендующие не просто на «хирургическое» вмешательство в их художественный мир и творческую лабораторию, но подчас прямо-таки на их низвержение и уничтожение!»

Считать такое положение некой исторической предопределённостью и неизбежностью, зная, какими методами велась эта внелитературная борьба и каковы её последствия, никак невозможно. И уж тем более нет оснований полагать, что идеологическая агрессивность революционно-демократической публицистики явилась безусловно положительной для развития русской литературы. Если в какой-то мере она и явилась таковой, то лишь в той степени, в какой всякое препятствие мобилизует и дисциплинирует здоровые силы общества. Иными словами, не благодаря ей, а несмотря на неё, продолжилась русская литературная традиция. Для такого утверждения есть полные основания уже хотя бы потому, что противопоставление *внелитературного* (идеологического и политического) и *литературного* (образного) по самой своей сути неправомерно ни с точки зрения научной, ни с точки зрения литературной.

Не случайно В. Белинский и в А. Пушкине не видел «идеала лучшей действительности». Он упрекал А. Пушкина в том, что его поэзия не даёт «ответы на вопросы времени». Великий критик не различил творческого пути А. Пушкина, не поняв «Евгения Онегина», «Капитанской дочки», «Повестей Белкина», которые, по его логике, были «ниже своего времени». Не заметил грандиозности и «Медного всадника». В отличие от других писателей – Ап. Григорьева, Ф. Достоевского, справедливо полагавшего, что А. Пушкин приходит в самом начале правильного самосознания нашего...

В статье Александра Блока «О назначении поэта» есть удивительное, на первый взгляд, парадоксальное, но точное по сути суждение о соотношении и «преемственности» А. Пушкина и В. Белинского: «Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным вежливому голосу графа Бенкендорфа. Он кажется нам таковым и до сих

пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это – не так. И если это даже не совсем так, будем всё-таки думать, что это совсем не так».

То есть, в этом суждении поэта ясно сказано, что В. Белинский явился продолжателем дела... графа Бенкендорфа, но не А. Пушкина. Ну а больно это осознавать потому, что всегда больно расставаться с былыми убеждениями, в том числе и иллюзорными.

Примечательно, что тут же А. Блок замечает ту «эволюцию» идей В. Белинского, которая сказалась в его последователях и сводится к их понижению, упрощению и даже оглуплению: «Во второй половине века то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку». Известно письмо А. Пушкина о В. Белинском, выдаваемое за письмо некоего читателя из Твери: «Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и остроумием своим соединил он более учёности, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности – словом, более зрелости, то мы бы имели в нём критика весьма замечательного». А пока, надо полагать, не имеем...

Но это ведь, по сути, приговор, приговор жёсткий и беспощадный...

Вот и И. А. Гончаров в очерке «Заметки о личности Белинского» писал: «Недалеко то время, когда наступит черёд самого Белинского предстать перед беспристрастным судом критики». («Четыре очерка», СПб, 1881).

Хотя вопреки этому предсказанию время беспристрастной оценки В. Белинского не приблизилось. Всё произошло вопреки логике и совсем не так. И в 1918 году Александр Блок писал, что «оценка деятельности Белинского и его соратников ещё впереди»... Как видно по всему, не настал такой час и до сих пор.

3

Уже в писаниях В. Белинского мы замечаем зачатки той революционно-демократической догматики, которая получит и вовсе упрощённое развитие у его последователей. В. Белинский по живости ума, разносторонности интересов и неуёмного темперамента оставляет ещё за искусством право быть искусством, понимая, что художественное творчество есть ничем не заменимый способ познания жизни, самопознания человека и его самовыражения: «Искусство может быть органом известных идей и направлений, но только тогда, когда оно – прежде всего искусство». («Ответ «Москвитянину».)

Но как тонка оказалась эта смысловая грань, и какими непредсказуемыми окажутся последствия введения в литературный обиход мира «идей», даже при условии признания права искусства на своё существование: «Без всякого сомнения, искусство должно быть прежде всего искусством, а потом уже оно может быть выражением духа и направления общества в известную эпоху».

Казалось бы, не столь уж важная методологическая поправка – оценивать искусство через обращение к «действительности». Но этого оказалось достаточно для того, чтобы «перевернуть» всю систему эстетических ценностей и принять принципиально иной подход к искусству вообще. Ведь именно это допущение «позволяет» В. Белинскому утверждать: «Это могло совершиться только через исключительное обращение искусства к действительности, помимо всяких идеалов» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»). Отсюда идёт разделение мысли и художественного творчества, за которым признаётся значение некоего, не вполне обязательного украшения, и уже отказывается ему в способе проникновения в суть вещей. Это вполне определённо проявилось в письме к Н. Гоголю: «Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге».

Итак, казалось бы, не столь уж значительное допущение – право искусства обращаться к самой действительности «помимо всяких идеалов» – приводит к отрицанию идеала, без которого искусство перестаёт быть самим собой. Непременное условие существования искусства – осознание идеала: «Сознание идеала одно только и может дать смысл и крепость анализу и отрицанию» (Валериан Майков). А несложная и соблазнительная логика отрицания этого может сбить «с прямого пути», в результате чего вещи этого мира могут предстать в «вывороченном виде»...

Декларативная же приверженность чаяниям народа, забота о народе и желание ему блага в воззрениях революционных демократов неким образом сочетаются с критикой народа, разумеется, ради «исправления» его. Совсем иначе представлялось положение и состояние народа Аполлону Григорьеву: «Полагать, что в нас, как племени, кроме абсолютной гнусности, ничего нет, значит подавать руку централизации, т. е. деспотизму – всё равно николаевскому или робеспьеровскому, что равно гадко».

Революционным демократам же надо было выставить российскую жизнь «гнусной» для того, чтобы обосновать свои произвольные действия по революционному «переустройству» мира. Ведь именно это определение российской жизни как «гнусной» проходит в неизменности от В. Белинского до революционеров начала XX века...

И тут главным препятствием в таком «просвещении» оказывалась глубокая религиозность народа, его искренняя вера, на которую они и направляли свой основной удар, что неизбежно выходило из их установки не познавать и объяснять мир, а его «переустраивать», творить «новый мир». Понятно, что божеское устройство мира, принимаемое как незыблемая, не подлежащая сомнению данность, мешало их «знанию» и «пониманию» российской жизни... А потому, прежде всего, вера народа подлежала осмеянию. Как в знаменитом письме В. Белинского к Н. Гоголю: «Неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?.. По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Русский народ не таков...» Конечно же, это было совершенно не так. Духовенство презирал не народ, а «лучшие», то есть «идейные» люди, «передовая» часть общества, навязывающая свои представления народу, а потому и говорящая от его имени, не имея на то никаких оснований и прав. Презирающая народ, видевшая его пребывающим в «полусне» и потерянном «в грязи и навозе».

Упрекая Н. Гоголя в незнании России, не видя в нём мыслителя, В. Белинский в своём письме писателю и высказывает полный набор революционно-атеистической догматики, в которой уж никак нельзя усмотреть пушкинскую традицию. Это скорее антипушкинское представление о России и её судьбе.

К литературной критике Аполлона Григорьева не могли рано или поздно не обратиться учёные-филологи и литераторы, признавая в нём критика всё ещё недооценённого, к тому же, «странно затерянного среди гигантских фигур прошлого столетия». (С. Вайман, «К сердцу сердцем...», «Об «органической критике» Аполлона Григорьева, «Вопросы литературы», № 2, 1988). И не заметить того, что опыт его творчества и жизни говорит о «коренных свойствах русского национального характера», а также того, что он изначально оказался противопоставленным «реальной критике» революционных демократов: «Григорьеву была отведена роль не «властителя дум», а отверженного своей эпохой критика, которому суждено было указать её исторические просчёты и ошибки» (С. Носов, «Аполлон Григорьев. Судьба и творчество», М., «Советский писатель», 1990).

Но вот вопрос: «эпоха» ли отвела ему такую роль, историческая неизбежность или же определённые идеологические силы в лице конкретных людей? И неужто действительно среди «гигантских» фигур он затерялся? Те фигуры, которые вели борьбу с истинно рус-

ским критиком, мы совсем не считаем гигантскими... «Гигантскими» они представлялись в околολитературной публицистике, таковыми не являясь.

Не потому ли критика Ап. Григорьева и оказалась «затерянной», что выражала коренные свойства русского национального характера? Совершенно очевидно, что именно поэтому он не стал «властителем дум» как при жизни, так и в последующее время. И в отличие от идеологически вполне определённого В. Белинского, оказывался неудобен, особенно в советский период истории: «Советская наука о литературе уже давно обнажила социальные истоки мощи и слабости, даже объективной реакционности григорьевской общественно-исторической позиции» (С. Вайман). Вовсе не «гигантские фигуры» его современников затмили Ап. Григорьева, а их идеологическая и даже политическая ангажированность, или, как скажет позже В. Розанов, — их «ошибка узкого ума».

Ведь даже уже возвращаясь к критике Ап. Григорьева, продолжали судить о ней не иначе, как с точки зрения якобы более «передовой» «реальной критики», той публицистики, которая в строгом и точном значении литературной критикой не являлась: «Григорьев мучительно искал и не находил путей слияния с народом» (С. Вайман). То есть, надо полагать, «слияния с народом» может достичь только и исключительно революционная пропаганда, всё же остальное, в том числе выражение коренных свойств русского характера и народного самосознания, представляет собой не что иное, как «консерватизм» и даже «реакционность».

Ап. Григорьев трагически переживал свою «ненужность», сложившуюся вовсе не по причине действительной ненужности его воззрений и его критики, а потому, что в обществе тотально господствовали иные, более упрощённые представления и, как всякие простые представления, нетерпимые и даже агрессивные по своей природе.

Если Аполлон Григорьев сокрушался о том, что он попал «не в ту» струю, то мы обязаны задаться вопросом: а в «ту» ли струю попал В. Белинский?.. Ведь миновавший революционный XX век даёт нам теперь полное право считать — какое из мировоззрений было действительно передовым и прогрессивным, а какое — консервативным, наконец — какой была собственно литературная критика, оказавшаяся заслонённой литературной идеологизированной публицистикой?..

Не в «струе» дело... Более точным оказался А. Блок, писавший в статье «Судьба Аполлона Григорьева», что он «не попал в интеллигентский «лубок», в тот лубок, где Белинский занимал место «белого генерала». А. Блок иначе понимал «просвещение» народа, не в том смысле, какое ему стали придавать после В. Белинского — всего лишь верности идеям, — а как духовную и художественную преемственность. Это и было истинное просвещение: «Грибоедов и Пушкин заложили твёрдое основание зданию истинного просвещения. Они погибли. На смену явилось шумное поколение сороковых годов во главе с В. Белинским, «белым генералом русской интеллигенции».

Ну так надо же было «разрешать» «животрепещущие вопросы» действительности, — обычно приводится этот «универсальный», не подлежащий сомнению довод. Этими «вопросами», как жупелом, «передовая общественность» долго размахивала, круша вокруг себя всё действительно живое. На самом же деле взаимосвязь этих «вопросов» и духовно-мировоззренческого состояния общества не такая простая и не такая примитивная. Н. Гоголь с гениальной прозорливостью выразил это в письме к В. Белинскому: «Что до политических событий, само собою умиралось бы общество, если бы примиренье было в духе тех, которые имеют влияние на общество».

Но, как известно, это глубокое суждение Н. Гоголя осталось в неотправленном письме. Писатель уже не надеялся быть услышанным и понятым. И если В. Белинский оставляет за искусством право быть искусством, хотя нередко и нарушает эти свои декларативные

утверждения, то его последователи уже напрочь отрицают художество, видя в нём лишь досадную помеху.

Неприятие художественности в литературе, отрицание её, атаки на неё были для последователей В. Белинского, революционных демократов принципиальной позицией. Н. Чернышевский поверял достоинства художественного произведения верностью идее, лежащей в её основе, при этом не особо задумываясь о том, а чем, собственно, поверить верность самой идее? Предполагалось, что идея, теория сама по себе есть не подлежащий сомнению эталон: «Чтобы рассмотреть, каковы художественные достоинства произведения, надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основе произведения». Его же центральная концепция об «эстетических отношениях искусства к действительности», в пользу, разумеется, действительности, о том, что «создание искусства ниже прекрасного в действительности», уже граничит с вульгарным социологизмом, ибо не просто сопоставление, но постановка в альтернативное положение образного, мыслительного и реального неправомерна сама по себе.

Понятно и вполне оправданно негодование Ап. Григорьева в связи с таким «теоретическим», «идейным» подходом к литературе. Он называет его «яростным тупоумием»: «Но последнего рода ошибки предполагают или яростное тупоумие, готовое на всё, хоть бы, например, на такое положение, что «яблоко нарисованное никогда не может быть так *вкусно*, как яблоко настоящее» и что «писанная красавица никогда не удовлетворит человека как живая»...

Чрезвычайно важно отметить тот очевидный факт, что для альтернативного противопоставления литературы и действительности» в пользу последней, представителям «реальной критики» понадобилось исказить самую образную и духовную природу литературы, сводя художество к некоему украшательству, без которого можно вполне и обойтись, как это делает А. Добролюбов, для которого художество было всего лишь «описание листочков и ручейков»: «Мы никогда не согласимся, чтобы поэт, тратающий свой талант на образцовое описание листочков и ручейков мог иметь одинаковое значение с тем, кто с равною силою таланта умеет воспроизводить, например, явления общественной жизни».

Следующий, абсолютно логический шаг из такого допущения – это отказ литературе в её «деятельном значении», а, по сути, отрицание её, признание за ней лишь «силы служебной»: «Литература представляет собой силу служебную, которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует». К такому утилитаризму приводит искажение художественности литературы и отказ от неё: «Мы, прежде всего, отстраняем от себя всякое суждение о художественных достоинствах» (А. Добролюбов). Как при этом сочетается отказ литературе с её «деятельным значением» с использованием её как «силы служебной» для нашего развития и продвижения вперёд, остаётся неведомым.

Иное, противоположное представление исповедует Ап. Григорьев, о чём он более чем определённо писал А. И. Кошелеву 25 марта 1856 года: «Главным образом мы расходимся с вами во взгляде на искусство, которое для вас имеет значение только служебное, для нас совершенно самостоятельное, если хотите – даже высшее, чем наука».

Отрицанием литературы как таковой можно объяснить яростную антипушкинскую позицию революционных демократов, и не только Д. Писарева: «Вообще же он был слишком мало серьёзен, или, говоря словами эстетиков, слишком гармоничен в своей натуре для того, чтобы заниматься какими-нибудь анатомиями жизни».

Словом, революционные демократы от литературы середины XIX века уже создали железную идеологию «переустройства» мира. За игрой идей и терминов уже тогда просматривался зловещий сценарий последующих трагических событий в России.

В доказательство приведу письмо В. Белинского к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 года, в котором революционные идеи великого критика проявились в полной мере. Как совершенно ясно из этого письма, собственно к литературной критике они уже не имеют никакого отношения. Тут В. Белинский действительно оказался провидцем. Ведь в дальнейшем всё произошло именно по этому трагическому предсказанию...

Уверовав в «социальность», как некую универсальную идеологему разрешения всех проблем, В. Белинский писал: «Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Я с трудом и болью расстаюсь с старою идеею, отрицая её донельзя, а в новую перехожу со всем фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности – это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, альфой и омегой веры и знания. Все из неё, для неё и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всех, с кем встречался я на пути жизни. ...А мы русские ли? ...Мы люди без отечества – нет, хуже, чем без отечества: мы люди, которых отечество – призрак, — и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность – призрак. ...С нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается через *социальность*. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать её развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов. ...Новый мир открывается передо мною. Я всё думал, что понимаю революцию – вздор – только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают...»

Если бы это суждение великого критика дали прочитать нашему современнику, без указания его авторства, он наверняка сказал бы, что так думать мог только какой-нибудь сатрап раннего советского, «тоталитарного» периода истории... Но ведь всё это писано в первой половине XIX века... И всё это предопределило дальнейшие пути нашего «развития»...

Поразительно, что результаты, «плоды» такого социального преобразования действительности вне духовных и культурных основ предвидел ещё Ап. Григорьев: «Вот идеал последователей учения о соединении луны с землею – очень определён и ясен для всякого разумеющего смысл писаний, — да чёрт ли в нём? Ведь при осуществлении его нам с тобой осталось бы только повеситься на одной из тех груш, возделыванием которых займются фаланги усовершенствованной человечины».

Любопытно ведь и то, что Ап. Григорьев видел, что наступают иные времена, чувствовал новые, как он говорил, *веяния*, осознавал, что «критика перестала быть чисто художественною, что с произведениями искусства связываются для неё общественные, психологические, исторические интересы, — одним словом, интересы самой жизни». Однако это не даёт ему повода и причины для отрицания литературы вообще. Наоборот, в таких условиях, несмотря на своё мучительное одиночество, он с ещё большей настойчивостью отстаивает право литературы на своё существование, отрицает всякие попытки превратить «искусство в орудие готовой теории»: «Явился взгляд, который в художественных произведениях постоянно ищет преднамеренных теоретических целей, вне их лежащих; варварский взгляд, который ценит значение живых созданий вечного искусства постольку, поскольку они служат той или другой, поставленной теории, цели. Связь такой аномалии с засвидетельствованными фактами несомненна. Когда рассматриваешь искусство в связи с существенными вопросами жизни, то немудрено, при известной степени страстности натуры, увлечься вихрем этих вопросов до поглощающего всю жизнь сочувствия оным». («Критический взгляд на основы, значение и приёмы современной критики искусства»).

Однако преобладающими окажутся не эти литературные представления, а упрощённые, внелитературные революционных демократов. Ап. Григорьев же будет объявлен «фанатиком отжившего романтического мировоззрения», не понимающим «запросов» жизни: «Григорьев относится равнодушно и с грубейшим непониманием к самим великим и грозным запросам действительной жизни». (Д. И. Писарев, «Литературная критика в трёх томах», Л., «Художественная литература», 1981). Впрочем, все литераторы, не соблазнившиеся «разрешением» вопросов «действительности», вытаскивались из общественной мысли, как «свирепые истребители будущего», идеи которых «негодны для общества, потому что они действуют на него как опиум или гашиш». Со всей силой сарказма, абсолютно бездоказательно они выставлялись обществу «отжившими», «ненужными», «лишними»: «Это даже не консерваторы, это даже не реакционеры, это – египетские мумии, вынутые из пирамид и приведённые в движение каким-то необыкновенным гальваническим аппаратом» (Д. Писарев).

Но главный удар наносился по Ап. Григорьеву, как наиболее талантливому критику своего времени. На долгие времена его критика будет по сути неизвестной. Весь трагизм Ап. Григорьева и как литератора, и как человека в обществе определялся смыслом той борьбы, которая велась на поле литературном. Её ведь нельзя представить как противостояние двух направлений мысли – «прогрессивного» и «консервативного»: что на одном полюсе революционно-демократическая критика журнала «Современник» во главе с Чернышевским и Добролюбовым, видевшими литературу служительницей народа на пути к его несомненному прогрессу, на другом – защитники «чистого искусства» с А. Дружининым, а где-то там ещё – Ап. Григорьев с отжившим «романтизмом». Неслучайно ярлык «последнего романтика» остаётся за ним в публицистике и даже литературоведении до сих пор. Никакой это, конечно, не «романтизм», а строгое следование литературной традиции. Однако с помощью такого ярлыка искажался весь смысл деятельности Ап. Григорьева. И что поразительно — он сам уже это вполне осознавал: «Зачем же, спрашивается, называли *романским* это начало стихийное и тревожно-лихорадочное, которое было обще многим эпохам и, вероятно, будет обще многим другим...»

Почему это до сих пор не осознаётся в литературоведении, неведомо. Видимо, потому, что оно всё ещё находится в русле идеологии революционных демократов.

Глубинный, потаённый смысл борьбы был иным. Противостояло *традиционное* сознание, основанное на вере, и *революционное*, атеистическое, построенное на отвлечённых идеях. Потому-то главный удар революционные демократы наносили по христианству, православию, и, конечно же, по православной Церкви. В письме Аполлону Майкову от 24 октября 1860 года Ап. Григорьев писал: «Любезные друзья! Антихрист родился в виде материального прогресса... к церкви мы ближе, чем к социальной утопии Чернышевского...».

Это была трагедия православного человека, жившего в эпоху какого-то цивилизационного зигзага, когда широкие слои общества захватывал атеизм, как якобы непереносимое условие нашего общественного развития: «Я человек, по натуре и по развитию – религиозный, даже не философски, а просто православно-религиозный» («Безвыходное положение»). Речь шла, по существу, не о «реформах», не о нашем, «общественном развитии», а о том, «быть или не быть положительному представлению народности» (Ап. Григорьев). Или, как он писал о том же А. Майкову: «Ясно, что это с самого начала будет самая дерзкая борьба за поэзию, народность, идеализм против всякого социалистического и материалистического безобразия». Это была трагедия человека, жившего в такие времена, когда, как он писал М. П. Погодину, «русское направление никакого кредиту не имеет»...

Жутко как-то становится, когда видишь, что в нашей общественной мысли ничего не изменилось с тех времён.

Не такой уж безысходной и панической представляется мысль Василия Розанова, высказанная в «Опавших листьях»: «Нам всё равно»... т. е. успокоимся и будем делать свои дела. Вот почему от «14 декабря 1825 г. до сейчас», вся наша история есть отклонение в сторону, и просто совершалась ни для чего. «Зашли не в тот переулочек» и никакого «дома не нашли». «Вертайся назад», «в гости не попали».

Будем помнить о том, что это отчаяние было высказано тогда, когда «передовые» и «прогрессивные» идеи, получив своё полное развитие, обернулись теми трагедиями, какими они только и могли обернуться.

Легче всего было выставить Ап. Григорьева ортодоксальным славянофилом. Но он сам, сочувствуя этому движению, не разделял его догматики, подозревая в нём «не народное, а старо-боярское направление»: «Я глубоко сочувствую славянофильству и его любви к быту народа и высокому благу народа – религии, но и глубоко же ненавижу это старо-боярское направление за его гордость».

А в письме к М. П. Погодину 1857 года подробно объясняет то, почему идеалы славянофильства он в полной мере разделить не может: «Правда, которую я исповедую (да, кажется, и Вы) твёрдо верит вместе с славянофилами, что спасение наше в хранении и разработке нашего *народного*; типического; но как скоро славянофильство видит *народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством, совсем не признавая бытия чисто великорусской промышленной стороны России) – как скоро славянофильство подвергает *народное* обрезанию и холощению во имя узкого, условного, почти пуританского идеала – так славянофильство, во имя сознаваемой и исповедуемой мною правды, становится мне отчасти смешно, отчасти ненавистно как *барство* с одной стороны и пуританство с другой».

«Западником» его тем более не назовёшь, ибо, будучи человеком образованным, глубоко знающим западную культуру, он не впадал в уничижительное подражательство, свистительствующее о слабости, а не о силе духа: «Западная жизнь воочию развёртывается передо мною чудесами своего великого прошлого и вновь дразнит, поднимает, увлекает. Но не сломилось в этом живом столкновении вера в своё, в народное. Смягчила она только фанатизм веры».

Словом, ни к «славянофилам», ни к «западникам», ни к какому иному «направлению» или «партии» Ап. Григорьев не принадлежал. *Он принадлежал к русской литературной традиции, получившей своё полное воплощение в А. Пушкине.* Такое положение его было мучительным и горестным и в творческом, и в житейском отношении, о чём он писал Н. Страхову 18 июля 1861 года из Оренбурга: «Самая горестная вещь – что я решительно – один, без всякого знамени. Славянофильство также не признавало и не признаёт меня своим – да я не хотел никогда этого признания». Отсюда его особенное положение в литературе. «А. Григорьев стоял особняком. Оба московские кружки западников и славянофилов одинаково отталкивали его» (К. Леонтьев).

Но отсюда – и та трагическая неприкаянность, в которой он жил, осознавая себя «не-нужным человеком». Отсюда же его неожиданные «побеги» в наиболее критические периоды жизни – то за границу преподавателем в семье Трубецких, то в Оренбург преподавателем в кадетский корпус. Свою вытолкнутость из литературной жизни он переживал как «безысходную бездну»... Вполне осознавал он и истинную причину такого своего положения: «Пока не пропер...ся Добролюбовы, не прорываются Ерошки, не проблюются Минаевы... честному человеку и уважающему свою мысль писателю нельзя *обязательно* литературствовать. Негде! Рано или поздно мысль его или форма его мысли встретит сильный толчок».

Он мучительно искал своё место в литературной жизни. Но так редко его находил. Пожалуй, лучшим временем для него была работа в журнале «Москвитянин», да потом в

журналах Ф. Достоевского «Время» и «Эпоха». «Место» — не в смысле характера своей критики, а в реальной возможности выхода к читателю. Справедливо писали Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров: «Короткая жизнь Григорьева сложилась таким образом, что на протяжении почти всех своих 42 лет он искал для себя законное, по всем правам ему принадлежащее место». (Аполлон Григорьев «Письма», М., «Наука», 1999).

Примечательны и творческие отношения Ап. Григорьева и В. Белинского. Великий критик напрочь отказывает Ап. Григорьеву в поэтическом таланте. Впрочем, как и многим другим авторам, стяжавшим лучшие страницы русской литературы. Он полагал, что Ап. Григорьев «сделался поэтом не по избытку таланта, а по избытку ума»: «Книжка стихотворений г. Григорьева более опечалила нас, нежели порадовала. Мы прочли её больше, чем с принуждением, — почти со скукою. Дело в том, что из неё мы окончательно убедились, что он не поэт, вовсе не поэт».

Ап. Григорьев же, хотя и пишет о В. Белинском Н. Гоголю: «Я не сочувствовал ему никогда», тем не менее более уважительно относится к нему, признавая за ним широкое общественное влияние, чего ему не было дано. Даже называет себя в письме М. П. Погодину «Белинским нового направления»: «...да и пора мне убедиться, что я вовсе не человек способный на практические дела, а только (в меньшей — увы! степени энергии и таланта) Белинский нового направления». То есть В. Белинский привлекал внимание Ап. Григорьева не сущностной стороной своих писаний, но своим общественным положением «властителя дум».

Но особенно выявилась разница воззрений Ап. Григорьева и В. Белинского на литературу, её природу и предназначение, на судьбу России в отношении их к книге Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Нам же остаётся теперь лишь задаться вопросом: неужто после неистового Виссариона, ввиду столь трагических событий, пережитых Россией, никто не пытался хоть как-то уточнить общую картину толкования русской литературы, всё ещё остающейся искажённой? Не только пытались, но и уточняли. Но их глубокие выводы обществу оставались, по сути, неведомыми, во всяком случае, не входили в общественное сознание. К примеру, Василий Розанов в статье «В чём главный недостаток «наследства 60-70-х годов»?»: «Это были дети, которые, найдя в поле яблоко, поняли только то, что его можно съесть: какие-то трудолюбивые муравьи, которые со всех сторон таща к себе былинки и всё, что облетало с природы и было ещё прекрасно, знали только одно, что из всего этого можно построить их муравейник. Страшная бедность мысли... Вся русская история стала представляться или была выставлена как гнище пороков и преступлений, которое чем больше кто ненавидел, тем он казался сам пророчесственнее, священнее...»

Но, к сожалению, как мы теперь уже знаем, возобладала именно эта «страшная бедность мысли», которая трудно и мучительно преодолевалась в послевоенное время советского периода истории...

4

Когда революционное крушение России совершилось, когда рухнуло Русское Царство, почти все наиболее проницательные умы разглядели прямую причину происшедшей трагедии именно в деятельности революционных демократов от литературы. В их мировоззрении было увидено идеологическое обеспечение катастрофы. А. В. Дружинин писал в своё время о том, что крайности взглядов на деятельность В. Белинского теперь уже сгладились и «несомненные погрешности» его уравнивались: «Крайности взглядов на деятельность Белинского почти сгладились, ожесточённое порицание на цели бла-

городного критика уже кажется голосом с того света...) («Литературная критика», М., «Советская Россия», 1983). Увы, случилось, казалось бы, невероятное и непредвиденное – наследие В. Белинского и его последователей предстало вдруг в новом значении; и им запоздало был предъявлен довольно жёсткий счёт. И мы не можем сказать о том, что счёт этот был предъявлен им обосновательно.

Причиной всех переживаемых несчастий, как считал Василий Розанов, стала не грубость чувства, но ошибка узкого ума: «Напрасно окружающие люди говорили, что они все не так живут, что приписывают им «строители», напрасно о том же говорила им вся история – они слышали всё это, но ничего в этом не поняли. Им всё казалось, что они лучше всех других узнали человеческую природу, хотя в действительности они только беднее всех её поняли» («Сочинения», М., «Советская Россия», 1990).

Такова уж, видно, природа этих «идейных» людей, делавших свои выводы не на основе познания или опыта, но, как аршином, поверявших всё отвлечёнными идеями. При этом непременно оказывались в положении парадоксальном: апеллируя к жизни, к действительности, как к универсальному доводу, они были ещё более далеки от жизни и действительности, чем их более образованные и более осмотрительные оппоненты. Никакое это не было «владение умами», а неистовое, подчас иступлённое навязывание обществу своих упрощённых, схоластических представлений, выдаваемых за «передовые» и «прогрессивные».

Василий Розанов разгадал психологическую основу революции, совершенно справедливо отказывая ей в созидательности, в изгнании насилия и несправедливости: «...Это всегдашнее требование эгоизма и несправедливости продолжало действовать и в тот момент, о котором нас хотели уверить, что он открывает собою эру изгнания из истории всякого насилия, эгоизма и несправедливости. Ясно, что не было никакой «эры»; было обыкновенное политическое волнение, с взволнованными страстями, с придуманными теориями – момент в излучистом течении истории, но вовсе не её увенчание».

Видел он и литературные, а точнее сказать околотитературные, истоки революции: «Вестник Европы» нужен 6000 своих подписчиков. Евангелие *было* необходимо человечеству двадцать веков, *каждому* в человечестве. Кто же бережёт лопух, который заглушает сад, кто бережёт червя, который ест яблоко, и кто бережёт разбойника, который режет на дороге?»

Можно понять отчаяние В. Розанова, видевшего истоки и причины переживаемых несчастий, когда что-либо поправить или изменить было уже невозможно: «Понимаете ли вы отсюда, что Сперансеришку надо было драть за уши, а «Николаю Гавриловичу» дать по морде, как навопявшему в комнате конюху. Что никаких с ними разговоров нельзя было водить. Что их просто следовало вывести за руку, как из-за стола выводят господ, которые вместо того, чтобы кушать, начинают вонять. Догадываетесь ли вы, что цивилизация XIX века, которая в значительной степени есть антихристианская, была вовсе не цивилизация, а скандал в ней, и не «прогресс», а «наследили на полу» и надо это подтереть. Пришли свиньи и изрыли мордами огород: это не значит, что огороду не надо быть и надо к осени остаться без овощей, а значит, что свиней надо прогнать или заколоть, а гряды поправить, вырытое вновь всадить в землю и по осени собирать плоды».

Но ведь это уже прозревал Ап. Григорьев, бранивший Чернышевского и Добролюбова за превращение «фешенебельного журнала» «Современник» в «социальную конюшню»...

Кто же в таком случае стал действительным провидцем – представители революционно-демократической ортодоксии, беспечно бросающие в массы революционные идеи, не предполагавшие, чем это может обернуться для страны и народа? Клятвы в приверженности чаяниям народа и интересам России, как понятно, при этом ничего не стоят. Как мы теперь уже знаем, провидцами явились не они. Пророчески раскрыл

духовные основы и движущие пружины революции Ф. Достоевский в «Бесах». Ведь всё было предсказано и всё пошло, что называется, по писанному. От этого действительно может охватить жуткое чувство: «Когда в дни осуществления революции перечитываешь «Бесы», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было всё так предвидеть и предсказать» (Н. Бердяев).

Иван Бунин в «Окаянных днях» сокрушённо писал: «Как они одинаковы, все эти революции!.. Всё это повторяется потому, прежде всего, что одна из отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна». «Повальным сумасшествием» называл он это революционное «освобождение», предъявляя счёт, прежде всего интеллигенции: «Это род нервной болезни, а вовсе не знаменитые «запросы», будто бы происходящие от наших «глубин». И уже с нескрываемой злостью: «Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на всё, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю, — пусть она неизбежна, прекрасна, всё что угодно. Но не врите на народ...»

Примечательно, что Александр Блок в свою революционную эпоху обращается именно к наследию Ап. Григорьева, в нём видит преемственность с пушкинской эпохой: «Он – единственный мост, перекинутый к нам от Грибоедова и Пушкина; шаткий, висящий над страшной пропастью интеллигентского безвременья, но единственный мост».

В 1915 году А. Блок пишет пространную статью «Судьба Аполлона Григорьева». Но ещё более примечательно то, что в обстоятельном разговоре об Ап. Григорьеве он вроде бы «вдруг» вспоминает В. Белинского: «Белинский служака исправный, торопливо клеймил своим штемпелем всё, что являлось на свет божий. Весьма торопливо был припечатан и Аполлон Григорьев, юношеский голос которого прозвучал впервые через шесть лет после смерти Пушкина. Оценка деятельности Белинского и его соратников ещё впереди; меня она занимает лишь по отношению к Григорьеву; отмечу только, что русское возрождение успело расшатать некоторые догматы интеллигентской религии, и Белинский уже не всем кажется лицом неприкосновенным».

А уже после революционной катастрофы, в 1918 году в статье «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» выносит ещё более гневный приговор В. Белинскому, напрямую соотнося его деятельность с революционным несчастьем, постигшим Россию: «Наша интеллигенция – от Белинского до Мережковского – так и приняла Гоголя: без «переписки с друзьями», которую проклинали все, и первый – Белинский в своём знаменитом письме. ...Раз мы издаём письмо Белинского отдельной брошюрой, не грех было бы также издать письма Григорьева к Гоголю. Право, они не менее содержательны, чем письмо Белинского. Пока это не сделано, пока Григорьев под спудом, а Белинский – у «всех» на устах, я не могу отдать справедливость Белинскому, я не могу простить ему его невольного греха. Я кричу: «Позор Белинскому!»

В Белинском А. Блок видел выразителя «интеллигентской религии», интеллигенции не как образованной части общества, а в той её сущности, в какой она существует в России, «особого рода соединение», которое вступило с народом в «отношения борьбы». А. Блок с одной стороны напоминает о той борьбе против русской литературы, которая была развязана литературной публицистикой в середине XIX века, с другой – о шаткой мировоззренческой оснастке революционных демократов. И во всём этом видит прямую причину революционного краха России: «Это не преувеличено. Пусть Белинский был велик и прозорлив во многом; но, совершив великий грех перед Гоголем, он, может быть больше, чем кто-нибудь, дал толчок к тому, чтобы русская интеллигенция покатила вниз по лестнице своих российских западнических надрывов, больно колотясь головой о каждую ступеньку: а всего большее — о последнюю ступеньку, о русскую революцию 1917–1918 годов».

И пусть только в черновиках, но всё-таки высказал А. Блок уже прямо-таки жестокую оценку деятельности В. Белинского: «Кровь его на нас и на наших детях...»

В Ап. Григорьеве А. Блок видел не одного из талантливейших критиков своего времени, но единственного в своём роде критика, противостоящего В. Белинскому, продолжившего русскую литературную традицию. И что особенно важно, в его писаниях ему открывался *новый способ смотреть на человеческую жизнь*: «Он спутан и темен иногда; но за этой тьмой и путаницей, если удосужитесь в них взглядеться, вам откроются новые способы смотреть на человеческую жизнь».

Конечно, оценки деятельности революционных демократов от литературы в революционную эпоху довольно резки, даже беспощадны. Но разве они не имеют под собой основы? Увы, утвердительно ответить на этот вопрос мы не можем. Более того, они извинительны в устах писателей, переживших весь ужас революционного хаоса и видевших его мировоззренческие истоки... И в большинстве своём погибших в этом революционном ужасе...

На этом фоне благодатная тональность нынешней литературной публицистики, уже и образованной части общества, по сути, не достигающая, может свидетельствовать – или о недостаточной осмысленности мировоззренческих основ ныне происходящего, или же о том, что творческой энергии в обществе и в народе для новой организации жизни и нового импульса литературной традиции не находится. Во всяком случае, пока. И это несмотря на глухие, но отчётливые, угрожающие тектонические толчки в глубинах российского общества...

В «Письме о театре» в 1918 году А. Блок писал о том, что пренебрежение искусствами и культурой чревато самыми трагическими последствиями для государства: «Но если это случится, то горе государству в будущем. Щупальцы его отсохнут, ослабеют; ответом на всю его мрачную деятельность в прошлом будет неслыханная и дикая анархия, которая затмит собою все ужасы его прошлых войн; это будет слепой бунт людей, долго пребывавших во мраке; справедливое возмездие тем, кто полагает, что человек может быть доволен единым хлебом».

Ведь обязанность государства далеко не сводится лишь к сбору налогов с нищающих граждан. Она — в разрешении многих и многих духовных и социальных аспектов нашего бытия, которые вне государственной организации разрешены быть не могут. Или в создании условий для их разрешения. Судя же по нынешнему положению культуры в целом и литературы в особенности, мы пока находимся на этом трагическом пути.

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ

ЖИТЬ — ИНТЕРЕСНО

(ИЗ КНИГИ «ОБРАТНЫЙ ОТСЧЁТ»)

«И мгновенья легко переходят в века» — именно так назывался литературно-музыкальный вечер, посвящённый 60-летию со дня рождения поэта и переводчика татарской поэзии на русский язык, лауреата литературной премии им. Г. Р. Державина, заслуженного работника культуры Республики Татарстан Сергея Малышева, состоявшийся 29 ноября в зале Национально-культурного центра «Казань».

Гости вечера услышали много тёплых, душевных, искренних слов и воспоминаний, звучали песни на стихи поэта и сами стихи в исполнении казанских артистов и совсем юной Зарины Бикмуллиной, а также пронизанные болью строки Роберта Миннуллина — близкого друга поэта. И вдруг... в полутёмном зале ярко высвечивается портрет на сцене, и чуть приглушённый голос начинает рассказ о богатстве татарской поэзии и сложностях художественного перевода — это сам поэт ведёт беседу с нами. В заключение вечера не менее трогательным было исполнение песни «Что останется после меня...», когда профессиональному дуэту вдохновенно подпевал внук Сергея Владимировича — Игорь. Что останется после меня... Как тут не вспомнить знаменитые строки Петра Вегина: «Уходя, оставить свет — это больше, чем остаться!» Звезда поэта Сергея Малышева по-прежнему ярко сияет на небосклоне Казани, над всеми нами! Он в нашем сердце!

По инициативе редакции журнала «Идель», Союза писателей РТ, Министерства культуры республики в этом году был проведён Республиканский конкурс поэтического перевода имени Сергея Малышева и учреждена премия лучшим переводчикам республики. 29 ноября в НКЦ «Казань» торжественно были оглашены имена победителей. Дипломами Министерства культуры Республики Татарстан награждены Талия Шарафиева, Михаил Тузов, Борис Вайнер, а первое место, диплом победителя и премию получил казанский поэт и переводчик Наиль Ишмухаметов. Редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет Наиля Радикевича, являющегося нашим автором. Что же касается светлой памяти Сергея Малышева, который ушёл от нас в 2007 году, то мы решили представить сегодня читателям его стихи, а переводы с татарского будут опубликованы в одном из ближайших номеров.

Вера Хамидуллина

ИЗ КАЗАНИ С ЛЮБОВЬЮ

У потерь (это, конечно,
не зонтик, не карандаш)
начинается время возврата, обратный отсчёт.
Возвращаются — словно из памяти,
то есть не баш на баш, —
пообтёсанней, мельче, глядишь,
и не так печёт.

Это я про любовь, друзей,
вчерашний день говорю.
И на клюкве уже не споёт соловей весной, —
букварю доверяю, поскольку
на мир давно смотрю.
Оказалась по-школьному осень моя золотой.

Одряхлевшие, будничны липы у дома,
и так невысок
потолок небосвода, означенный срезами крыш.
Сквозь года пролетев, — здравствуй! —
под ноги ляжет листок.
От него тосковал, а теперь же
привычно грустишь.

И не то чтобы на сердце сушь,
но уже не поймёшь,
настоящая тронула грусть или память о ней.
Возвращается всё — то же самое,
что ничего не вернёшь,
оттого уползающий день
промелькнувших годов милей.

Всё проходит, ну что же,
бояться ли тени своей?
Одиночества нет. Это я оттого говорю,
что со дна тишины,
сквозь прозрачную толщу дней
из давнишней Казани на вас, дорогих, смотрю.

* * *

Бог нужен всем. Вернее, доброта,
спасение, когда до жути плохо, —
ребёнка ли пугает темнота,
обмяк ли от диагноза пройдоха.

Не только страх нам говорит о Нём.
Он явлен и рождённому в сорочке,
когда непостижимое во всём —
от звёздной бездны
до счастливой строчки.

Он должен быть. Никто не обделён.
Он свой у каждого, и без Него недужен
рассудок мой. Но чувствую, что Он
к своим слепым овечкам равнодушен.

Кто благостен, кто, мекая, дерзит —
ему-то что? Хотите — Бога ради.
Куда сильнее светила тормозит
кружение снежинки в снегопаде.

Кружение, пустая суетня,
дорога никуда и ниоткуда...
Но дожил я до нынешнего дня,
в чём иногда усматриваю чудо.

Я вряд ли что-то значу для Него.
Но благодарен, как и всё живое,
за то, что есть я в замысле Его,
за то, что Он-то знает, для чего я.

ОТЕЦ

Он мне снится живой. Он пришёл
из последней больницы.
Слышу — плещется в ванне.
Уныло на кухне курю,
обречённо томлюсь: как бы мне половчей
объясниться,
открутиться, соврать? Как ему я
в глаза посмотрю?

Он возьмёт помазок, но, шипучую пену взбивая,
разговор не начнёт. Он щетину
соскоблит со щёк,
как всегда, обстоятельный.
Что ему, что изнываю,
напаскудивший, ждущий хозяйского слова
щенок?

Сотни раз представляю, как он
помрачнеет вначале,
а потом всё наладится... Сколько же
можно молчать!

Но спросонья лицо цепенеет
в противном оскале.
Ничего не поправить и некому больше прощать.

* * *

Кого не тронет нагота
апрельских улочек, свободных
от ледяной брони, когда
мрачны сугробы в подворотнях.

Грань между летом и зимой,
жарой и снегом поражает.
Её так явственно со мной
приятель мой переживает.

Как в оны дни от синевы,
всеобщей свежести и света
не потерять нам головы,
а всё же радость не запета.

Пока бредём с припёка в тень
шажком умышленно ленивым,
весь акварельный этот день
в судьбе становится счастливым.

Нет ни печалей, ни обид,
прекрасен мир невероятно,
и что-то нежное томит,
и что-то важное — понятно.

Да так, что в пору застрадать...
И в слове чувство воплощая,
звучит чуть хрипло: «Благодать.
Возьмём пивка. Я угощаю».

* * *

Стены, стол, потолок, шторы,
лампа и тишина
опустошённости — той, в которой
жизнь почти не нужна.

Поговорили, расстались с твёрдым
чувством: в последний раз
видимся, словно бы станет мёртвым
за ночь один из нас.

Если уходят туда, где лучше,
жалость — напрасный труд.
Всё-таки жаль, что судьба и случай
нас уже не сведут.

Надо смириться. К другой не выйти
истине, но, кружа,
ищет душа в мелочах события
повода для скулежа.

Сдержанно, просто, немногословно...
Взяли — и разошлись,
словно играем в разлуку, словно
миг повторим на бис.

И без конца на пространстве сцены
тянут свой диалог
лампа, стол, тишина и стены,
память и потолок.

* * *

Когда я завидую моей собаке,
это не значит, что местами с ней
хочу поменяться: беспаспортной бедолаге
приходится в мире куда трудней.
И пнут, и криком обидят, пусты
порой и хозяйская миска, и родная
помойка. Зато у неё чисты
и душа, и мысли. А я не знаю,
как можно любить бескорыстно, просто —
человека, бога, да хоть что-то,
в конце концов.

И душа, и мысли у меня другого сорта,
хотя я вроде бы не из больших подлецов.
Но понимаю: обуха не перешибёшь плетью,
и бог выгоден, и выбор флага...
Я, наверное, живу на свете,
Чтобы меня любила моя дворянка.

* * *

Круг замыкается. Детство всё ближе.
Добрая книжка растрогать до слёз
может, как прежде, и снова не вижу
смысла о будущем думать всерьёз.

Но я люблю этот жалкий остаток, —
нет, не себя, а вот этот, вокруг,

серенький мир, где вкусней шоколадок
запах асфальта, шагов перестук.

Просто люблю, и не знаю ответа
ни на один свой ребячий вопрос...
Не развернулась обёртка с конфеты.
Хочется к маме. Пора мне. Дорос.

* * *

Блеск серебристый, и зной голубой,
и зелёный тростник.
И, с бородёнки рукой утирая вино,
мне улыбается пьяный и мудрый старик.
Как там зовут его? Господи, да всё равно.
Что-то он к месту сказал на своём языке,
я отвечаю кивком — и зачем перевод.
Нам хорошо с ним вдвоём на ленивой реке,
лодочку нашу никто никуда не ведёт.

Кто это выдумал муку ненужных побед?
Замысел стройный,
кому он хоть в чём-то помог?
Разве от облачка в небе останется след?
А ведь плывёт себе, светится белый комок.

Чаши не высохнут, и нескончаем тростник.
Как мы любили, но боль отпустила сердца.
Но ведь любили? И снова смеётся старик.
Время закончилось, только покой без конца.

Только река в серебре и полуденный зной,
где-то сосна на горе, а над ней облака.
Время закончилось. Доброй плывём тишиной,
и неизбывная память о прошлом легка.

КОГДА УЛЫБНЁМСЯ ДРУГ ДРУГУ

В. Б.

Когда мы разлуку пройдем
годами петлистого круга,
присядем за общим столом,
начнем улыбаться друг другу, —

о чём говорить? Не секрет,
порозно ведомы судьбою,
в один не вплетаясь сюжет,
мы станем чужими с тобою.

Расскажем о быте своём,
о детях, знакомых, работе.
Потом разговор подведём
к спасительной теме — погоде,

политике или стихам, —
к беседе томяще толковой.
Сценарий известен, и нам,
пожалуй, не надо другого.

Без тени обиды в душе
потерпим недолгую скуку.
Всё сказано будет уже,
когда улыбнёмся друг другу.

ОТ ЛАСТОЧКИ ДО МОСТОВОЙ

Мне горы не стали родными,
знакомством с тайгой не горжусь,
зато с фонарями ночными
в родстве коренном нахожусь.

Мой город. Другого не будет
в единственной жизни моей.
Сплетение улиц и судеб —
иных не имею корней.

С рожденья врал в угловатость,
в неброскую их красоту.
А позже почувствовал радость,
поняв, что от них не уйду.

Мне трудно и на день прощаться,
и тянет вернуться быстрее
в мой город, в привычное счастье
работы и старых друзей.

Хватает по улицам странствий,
а всё-то, любимое мной,
похоже, вместилось в пространство
от ласточки до мостовой.

ЛИСТОПАД

... И вдруг, отлетев от рощи,
словно меня искал,
по сердцу царапнул росчерк
единственного листа.

И я повернул обратно.
Стала скучна тропа,
пройденная многократно,
ведущая в листопад.
Где всё повторимо дважды
и сколько захочешь раз,
и листья летят нестрашно,
покорно ложатся в грязь.
И знаете, я хотел бы
не впутывать в листопад
этот листок отдельный
единственный невпопад.

* * *

Светло, как в берёзовой роще,
и повода вроде бы нет...
Но день выделяя из прочих,
не гаснет мерцающий свет.

Сегодня случится сегодня,
сошлись календарь и судьба.
И нужно для счастья всего-то
на счастье настроить себя.

МАЛЕНЬКАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Это молодо — даже не зелено,
это молодо, как Новый год, —
пятимесячная вселенная
из бутылочки кашу сосёт.

Ослепительная, совершенная,
величайшая из проблем,
эта маленькая вселенная
улыбается ласково всем.

Как её не любить, открытую
для трагедий миров больших...
Что-то тёплое, забытое
копошится на дне души.

Что бы жизнь с нами дальше не делала,
с доброты начиналась она...
Спит вселенная — память белая,
ни единого нет пятна.

* * *

Жить — интересно.
Идти бы по милому свету,
тысячи жизней сменить,
миллионы дорог.
Только друзей бы оставил —
и время вот это.
Родины — тоже
другой бы представить не мог.
Все остальные замены
легко принимаю,
как-то не верится
в неповторимость свою:
кроме себя
никого я, по сути, не знаю —
так или иначе
в каждом себя узнаю.
И ничего
приключиться не может такого,
чтобы придумала жизнь
для меня одного.
Личные беды
печалят не меньше любого —
очень обычные, в общем-то, —
что из того?
Жить — интересно.
Во всех повторяясь отчасти,
но не песчинка,
скорее, на ветке листок,
верю в своё —
исключительно личное — счастье:
жить среди тех,
без кого я прожить бы не смог.

НА ДНЕ ТИШИНЫ

У каждого поэта есть своё пристрастие, своё измерение мира, которое особенно его волнует — и рефреном проходит сквозь творчество. Для одного это время; для другого — погода или расстояние. В стихах Сергея Малышева рефреном звучит тишина. Из неё одной уже слагается целая вселенная; без неё непредставимо окружающее. Тишина становится частью комнаты: «стены, пол, потолок, шторы, // лампа и тишина...», звуком: «тишиной этой уши заложены» — и даже светом: «Свежа морковная подсветка // свежесалатной тишины». Всё вокруг полно ею, осязаемой, ощутимой поэтом до оттенков:

*Там тишина такая —
медленными глотками
пьёшь её, привыкая;
как кипяток — крутая,
нежная в отголосках,
словно река — литая...*

Нужно отметить, что Малышев — человек городской, выросший в шумной Казани, до корней вросший в неё. Природа, где «устлано хвоей упругой // тёплое дно тишины», звучит в его стихах, будто случайно, и чем дальше, тем реже. Гораздо слышнее в них ветер между домами, телефонный звонок, перекличка трамваев. Даже небо, листва, птичий щебет — словно бы наблюдаемы с городских улиц. Получается, что тишина не внешняя — внутренняя.

Темы-пристрастия никогда не бывают случайны, в них отражено мировоззрение — и через него сам человек. Стихи Сергея Малышева негромкие. Ему претит повышение голоса и стихотворные манифестации, равно как и заигрывание с новыми формами. Приверженность классической традиции стихосложения, заметная уже в раннем творчестве, остаётся с поэтом на всю жизнь. Его стихи звучат из глубины молчания, им присуща некоторая отстранённость наблюдения со стороны — в том числе и за собственной жизнью. Размышления об увиденном иногда окрашены в светлые тона осознания красоты мира — но чаще полны печали и отрешённости. Малышев-поэт одинок, одинок неизбежно, непреодолимо, и от этого не спасают ни друзья, ни краткие мгновения счастья. Это внутреннее самоощущение, однажды приводящее его к формуле «человек другому человеку — одиночество».

Парадоксально, но именно в остром чувстве отдельности кроется для него и обратная сторона — схожесть людей и судеб. «И ничего приключиться не может такого, // что бы придумала жизнь для меня одного». Остаётся радость принятия жизни как данности, тихой благодарности за её дары — друга, заснеженную ветку, самую возможность жить. И происходит чудо. Поднимаясь над прожитым, поэт приходит к итогу — к пронзительному, полному горечи утрат — и всё-таки светлому осознанию:

*Одиночества нет — это я оттого говорю,
что со дна тишины, сквозь прозрачную толщу дней
из давнишней Казани на вас, дорогих, смотрю.*

Екатерина Беляева-Чернышёва

ИЗ ПОЧТЫ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемый Николай Петрович!

Вас беспокоит из украинского города Николаева Игорь Германович Топоров, внук известного некогда советского писателя и просветителя Адриана Митрофановича Топорова. С Вашего на то позволения — буквально два слова о нём.

Даты жизни — с 1891 по 1984 гг. Он — выходец из беднейшей крестьянской семьи, проживавшей на территории современной Белгородчины. Несмотря на отсутствие какого-либо серьёзного образования (окончил второклассную церковноприходскую школу в тех же краях), благодаря каждодневному самообразованию и каторжному труду, А. Топоров сумел достичь высот в самых разнообразных отраслях знаний и культуры.

Писатель. А. Топоров является автором единственной в своём роде книги «Крестьяне о писателях» (г. Москва, 1930 г.), высоко оценённой А. М. Горьким, А. Луначарским, Н. Рубакиным, К. Чуковским, А. Твардовским, С. Залыгиным, Ю. Пермитиным, Г. Вяткиным и т. д. В ней собраны отзывы полуграмотных и неграмотных вовсе, но мудрых крестьян, которым А. М. Топоров в течение 12 лет читал в алтайской коммуне «Майское утро» произведения мировой классической и советской литературы. Всего эта книга выдержала 5 изданий — последнее в Москве, в 1982 году. Он автор ещё нескольких произведений: «Воспоминания» (г. Барнаул, 1970 г.), «Я — учитель», «Однажды и на всю жизнь» (г. Москва, 1980), «Мозаика» (г. Киев, 1985 г.). Отрывки из мемуаров А. Топорова печатались также в журнале «Сибирские огни» (№8, 2008 г.). Его имя упомянуто в литературных энциклопедиях и словарях. А личные фонды А. Топорова имеются в ИМЛИ, Пушкинском доме (г. Санкт-Петербург), в государственных архивах и музеях Барнаула, Белгорода, Новосибирска, Курска, Старого Оскола, Очёра, Ставрополя, Николаева и др.

Просветитель. Во многих научных трудах, диссертациях и учебных программах имя Адриана Топорова упоминается в одном ряду с именами Ушинского, Макаренко, Коменского, Сухомлинского, Шаталина и т. д. Он воспитал родителей Космонавта-2

Г. С. Титова, называвшего А. М. Топорова своим «духовным дедом» и не раз встречавшегося с ним в г. Москве и на Украине.

Публицист. Имя А. Топорова, как лучшего среди 190 тысяч селькоров Советского Союза, нашло своё место на страницах двенадцатитомника «Истории СССР с древнейших времён до наших дней» (М., изд. Наука, 1967, стр. 353). Его статьи печатались примерно в ста печатных изданиях в СССР и за рубежом. И до сих пор вызывают немалый интерес в журналистских и научных кругах.

Он также известен как эсперантист, музыковед, скрипач, языковед, чтец, оратор, краевед и проч. Во всех этих отраслях культуры и знаний А. Топоров имел печатные работы, научные труды.

О нём созданы фильмы, написаны биографические и художественные книги, стихи...

Одним словом, творческое наследие А. М. Топорова огромно, а самого его не раз называли одним из последних рыцарей культуры XX века, а также «украинским Солженицыным» — за определённую схожесть судеб, гулаговское прошлое, несгибаемое мужество и несомненный литературный дар.

Более подробные сведения о Топорове А. М. можно найти в Интернете, где размещена, например, документальная повесть его сына, а моего отца Германа Топорова «О чём рассказал архив» с моим предисловием (также печаталась в журнале «Сибирские огни», №№ 7, 8, 2007).

Судя по заявленной концепции возглавляемого Вами альманаха – его читательскую аудиторию вполне могут заинтересовать некоторые материалы, связанные с именем моего деда.

Здесь я — прежде всего — имею в виду его мемуары под рабочим названием «Я — из Стойла» (по названию села на Белгородчине, где он родился). Эти воспоминания датируются 1970 годом. Тогда же знаменитый советский журналист и литератор Ан. Аграновский написал об этой рукописи: «Читается книга с огромным интересом, познавательного в ней тьма, есть главы просто блистательные... Она полезна будет читателям, особенно молодёжи... Описания семьи, детства, родни, школы... — это всё хорошая, в лучших русских традициях проза».

Чуть позже отдельные главы мемуаров А. Топорова были напечатаны во всесоюзном журнале «Октябрь» (1980 г., №3) под названием «Однажды и на всю жизнь», в московском издательстве «Детская литература» в том же 1980 году под названием «Я — учитель» и уже в наши дни — в ряде журналов и газет в России, Украине и Казахстане.

Но в полном виде книга никогда и никем не публиковалась — не столько из-за значительного её объёма, сколько из-за острого языка и ершистого характера автора. Скажем, в одной из глав он в пух и прах разнёс советских литературных критиков за их нелестные отзывы о книгах А. Солженицына и предрёк ему всемирную славу. Напомним, что через несколько месяцев после того А. Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе, а в советских СМИ началась мощная пропагандистская кампания против писателя, закончившаяся его высылкой из СССР.

Естественно, все 900 стр. рукописи в полном виде тогда, несмотря на всесоюзную славу их автора, быть опубликованы не могли, т. к. содержали немало критических замечаний о властимущих того времени и о годах репрессий. Поэтому никогда не издавались и главы оттуда о пребывании А. М. Топорова в Татарской АССР после освобождения из печально знаменитого ГУЛАГа. Мне представляется, что жителям ваших прекрасных мест (а я понимаю, что говорю, ибо родился и провёл юность неподалёку — в г. Перми) они могут быть достаточно любопытны.

С уважением, Игорь Топоров

АДРИАН ТОПОРОВ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

СВОБОДА!!!

Я прошёл через Раменскую, Московскую областную, знаменитую Бутырскую, Свердловскую, Пермскую, Вологодскую тюрьмы и через Онежский и Каргопольский исправительно-трудовые лагеря НКВД.

Мой каторжный срок оканчивался 17 мая 1942 года, но никого из осуждённых по 58 статье УК РСФСР и честно отбывших незаслуженное наказание тогда не освободили. На их заявления о противозаконном продлении заключения прокурор лагеря отвечал сухо, без всякой мотивировки: «Вы задержаны в лагере впредь до окончания военных действий».

И совершилось второе беззаконие надо мною. Почти целый лишний год просидел я в Каргопольлаге. Но весной 1943 года гитлеровским бандам сломали хребет, и

они покатались на запад. Это и было причиной того, что вольнонаёмная сотрудница УРЧ (учётно-распределительная часть) Мехреньгского лагпункта Анастасия Андреева прибежала в барак зеков и, сияя, возвестила:

— Топоров, на свободу! Поздравляю!..

И добрая душа пожала узнику руку. С тех пор 22 апреля стало для меня праздником — днём моего воскресения из «мёртвых».

На оформление выхода за колючую проволоку понадобилось ещё три дня. Не могу забыть трогательного наказа мне от юной, синеглазой Жени Дегтярёвой, томившейся в неволе только за то, что Гименей связал её с незаконно репрессированным советским офицером.

— Товарищ Топоров, — наставляла меня Женя, — когда выйдете за зону лагпункта, — непременно сломайте вот эту ложку и киньте её обратно в зону, чтобы никогда не попасть в заключение! Обязательно киньте!..

И она сунула мне в руку тёмную, обгрызенную деревянную ложку. Милая, несчастная, невинная красавица! Ей ещё оставалось в лагере мучиться четыре года! И какие же злоключения извела она?!..

В УРЧ разостлали передо мною на столе географическую карту СССР и указали, в каких республиках можно «добровольно» выбрать место жительства. Разъяснили, что нельзя ехать в места, где родился, учился, работал. И, конечно, во все режимные точки страны. Таким способом хотели изолировать бывшего «опасного» зека от знакомого ему людского окружения и закрыть доступ к пунктам военно-стратегического назначения. А на что ему эти пункты?!

Ну, раз не пускали в места желательные, то все прочие районы казались мне безразличными. Мой друг по каторге Алексей Петрович Штриков настоятельно советовал ехать в Татарию. В Казани жила его жена. Это обещало мне хоть узкий круг знакомых на новом месте обитания.

25 апреля 1943 года я держал в руках документ:

«С С С Р

Народный Комиссариат Внутренних Дел

Управление Каргопольского

Исправительно-трудового Лагеря

2-й отдел.

25 апреля 1943 г. №2537

Архангельской области Пос. Ерцово.

СПРАВКА

Дана гр. Топорову Адриану Митрофановичу рождения 1891 г. уроженец с. Стойло Старооскольского р-на Курской области ранее не судимого осужденному В/С Спецкол. Свердловского облсуда 29 октября 1937 года по ст. 58—10 ч. 1 УК к заключению в ИТЛ на 5 лет п/п 2 лет, что он по отбытию срока наказания с правом выезда, как инвалид, к избранному месту жительства. Из Каргопольского Лагеря освобождён 22 апреля 1943 года, следует в ст. Казань ж. д. билет выдан до ст. _____ Камско-Устьинский район Тат. АССР Каз. Ж. д. Выдано пособие руб. _____ Видом на жительства служить не может.

При утере не возобновляется.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 4 ОТДЕЛА
КАРГОПОЛЬЛАГА НКВД

(подпись неразборчива).

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛА 2 ОТД.

(подпись неразборчива).

Печать. Фотография».

На фотографии я изображён во всей арестантской красе. Милиция Плесецкого района Архангельской области выделила мне:

«П Р О П У С К № 58

Разрешается гр-ну Топорову Андрияну Митрофановичу проезд от ст. Плесецкой до гор. Казани Тат. АССР. Цель поездки – к месту жительства. Паспорт серии – справка № 2537. Действителен до 25 мая 1943 года.

НАЧАЛЬНИК МИЛИЦИИ

(подпись неразборчива)».

Разумеется, стиль, орфография и пунктуация приведённых документов сохранены в неприкосновенности...

Прибыв в столицу Татарии, я в неудововаримом обличье направился в Кремль, где в Министерстве народного просвещения работала бухгалтером жена Штрикова, которой я привёз от её мужа обстоятельное письмо о быте лагерных заключённых...

Казанский Кремль был открыт для всех. Разыскивая О. П. Штрикову, я свободно расхаживал по узким коридорам и комнатам со сводчатыми потолками. На меня пахло древностью. В памяти всплыли образы Грозного и его рати. Вспомнилась и песня Варлаама «Как во городе то было во Казани» и прочее...

Пользуясь приютом у О. П. Штриковой, я задержался в Казани на неделю. Познакомился с некоторыми достопримечательностями города – университетом, памятником Лобачевскому, домиком, где жил Горький, и др. В воскресенье забрёл в республиканскую библиотеку имени В. И. Ленина.

Меня судила спецколлегия, между прочим, и за «контрреволюционный» опыт крестьянской критики художественной литературы. Участь книги «Крестьяне о писателях» была мне в те годы неизвестна. И мне пало на ум узнать о ней в Татарской республиканской библиотеке.

Зашёл я туда в пугающем виде: выпирающие скулы, длинная борода, лохмы волос на голове, измызганный серый плащ, прошедший со мною всю каторгу; на ногах – боты с разинутыми ртами и перевязанные верёвочками...

Я взял требовательный листок. Написал на нём свою фамилию, автора нужной книги и её название. Библиотекарша – хорошенькая татарочка, взяв у меня листок, мотнулась с ним в книгохранилище. Через пять минут она подала мне знакомую книгу в зелёной обложке, на которой расположились фотографии коммунаров «Майского утра», участников нашего «преступного опыта».

Улыбаясь, девушка удивлённо спросила:

– Так вы – автор этой книги?!

– Да, я...

– Для чего же вы её берёте?

– Хочу ещё раз перечесть, чтобы понять, какое моё преступление заключено в ней. Ведь за эту книгу я отсидел в тюрьмах и лагерях шесть лет... И вот только что вышел на волю...

Девушка сострадательным взглядом окинула всю мою жалкую фигуру.

В читальном зале я с обострённым вниманием проштудировал всю книгу и не нашёл в ней ничего достойного пережитых страданий. Возвращая её, я спросил девушку:

– Не изъята ли эта книга из библиотек?

– Нет, не изъята, но и не выдаётся всем ...

Я не понял этого ответа... На свете много разного «перекабыльства». Два месяца тому назад «Советская Россия» выпустила третье издание моей «крамольной» книги. Воистину неисповедимы судьбы книг и их авторов!..

КАМСКОЕ УСТЬЕ

Село это раскинулось на высоком берегу Волги, где она сливается со своей многоводной сестрой – Камой.

Сойдя с парохода, я с трудом взобрался по извилистой дороге на взгорье. Передо мною шумел продуктовый базар, который теперь интересовал меня больше всего на свете: изголодавшийся, исчахший организм диктаторски требовал жратвы...

В лагерях заключённым не платили зарплату, а «милостиво» начисляли премиальное вознаграждение (ещё одна из форм лицемерия!). Часть его выдавали зеку, а часть клали на его счёт как бы в сберкассе. При освобождении зека – с ним производили полный расчёт. Некую толику «сбережений» получил и я. Но в Камском Устье мой кошелек стал почти пуст. А цены на продукты ошарашили меня. «Рай», который мне сулил в Татарии А. П. Штриков, оказался мифом. По базару слонялись голодные, как и я, толпы беженцев из Москвы, Ленинграда и других городов, временно занятых гитлеровцами.

Я «разорился» на покупку скляночки молока и ржаной пышки. Отошёл от базара в сторонку и сел на землю. Хотелось сразу проглотить и пышку, и молоко. Мучительно сдерживая себя, я откусывал от пышки маленькие кусочки и запивал их птичьими глотками молока, скорбно поглядывая, как быстро всё-таки понижался уровень вкусовой жидкости в скляночке и уменьшался хлебный кружок!..

Цены на продукты были для меня вопросом жизни и смерти. Я решил ознакомиться с ними обстоятельно не только в Камско-Устьинском районе, но и в соседних местах. Поэтому не спешил являться в милицию за получением паспорта.

Подкрепившись пышкой и молоком, я поплёлся по главной улице райцентра. Она вывела меня на просторный выгон, покрытый ярко-зелёной травкой. День был солнечный, тихий, благоуханный. Широчайшая водная гладь, образованная слиянием Волги и Камы, пламенела. Я разоблачился догола, раскинул на просушку свои арестантские шундры-мундры и разлёгся на траве, глядя в безбрежное голубое небо и радуясь свободе. Только вышедшему на волю узнику понятна вся несказанная благодать природы.

Ночевал я в ожидальном зале на пристани. Спал прямо на полу: все диваны занимали многочисленные пассажиры. Здесь и познакомился с тремя освобождёнными из тюрем и лагерей. Одинаковая участь скоро сдружила нас. Один из моих новых спутников, державший путь в Елабугу, был отпетым уркачом, прошедшим огни, воды и медные трубы. А с таким в трудные дни не пропадёшь. Он повёл нас в карточное бюро райисполкома. Молодой и добродушный заведующий его выдал нам хлебные карточки на 5 дней, да ещё прибавил талоны на обеды в столовой.

В течение этого времени, скитаясь по селу, базару и пристани, я досконально расспрашивал многих людей об условиях жизни и работы в округе. И все они в один голос расхваливали Тетюшский район. Эти похвалы и потянули меня в Тетюши. Но в моей лагерной справке значилось, что я добровольно избрал для жительства Камско-Устьинский район. Что делать?! – думал я. Ведь я – поднадзорный «враг народа». Самовольный уход в другой район зачтут мне за преступление – и беда неминуема! Пошла в голову круговерть. И надумал я действовать по закону: стрельнул на пристань и, договорившись с поваром парохода, зайцем поплыл по Волге-матушке обратно в Казань – к высокому начальству. Сунулся в республиканское управление НКВД. Подал в паспортный отдел просьбу о разрешении мне поселения в Тетюшский район. Но неумолимый и грозный начальник паспортного отдела Косарев (как забыть эту фамилию?!), возвращая документы, рявкнул:

— Сейчас же убирайтесь в Камское Устье, иначе арестуем!..

Как ошпаренный, вылетел я из паспортного отдела и мигом – на пристань. Но и там сначала напоролся на «колючий барьер». Старая, костлявая кикимора кассирша не дала мне билет:

— Вы по этому пропуску уже раз проехали от Казани до Камского Устья. Второй раз по нему ехать не положено...

И захлопнула своё окошечко. Я и сел на бобах! Рассказал о своём горе старичку-пассажиру, а он мне:

— Эх, растяпа! Да ты вали к начальнику пристани. Вон его дверь...

Вхожу. За столом сидела солидная дама в служебной форме, в фуражке. Я поведал ей свою «одиссею». Она вскочила со стула:

— Идёмте!..

Подвела меня к кассе и приказала кикиморе:

— Выдайте ему билет!

— Не положено, — заартачилась было кикимора.

— Выдайте! Я отвечаю...

Вернувшись в Камское Устье, я получил паспорт, но оставаться там не хотел. Ещё с неделю волочился по селу, а ночевал по-прежнему на пристани. Как-то осмелился зайти к начальнику милиции попросить разрешения перебраться в Тетюши. Но этот толстяк с бульдожьим рылом отрубил мне:

— Выбрал наш район – и живи тут, не рыпайся... Иди!..

Ну, думаю, придётся, видно, хватить лиха... Повесил я голову. Плетусь по главной улице. Вижу вывеску: «ПРОКУРОР КАМСКО-УСТЬИНСКОГО РАЙОНА ТАТ. АССР». Дай заверну к прокурору. Что он мне скажет? Зашёл. Спрашиваю секретаршу:

— Прокурор принимает?

— Принимает.

Слышу: мелодичный женский голос говорит по телефону в кабинете:

— Ну как там судите, Валя?

После паузы:

— И сколько насудили? Только 43 года! Что так мало? Не за что вас там хлебом кормить. А мы вчера наскребли на 76 лет!..

Слушал я этот диалог – и поджилки у меня тряслись. Разговор в кабинете умолк. Я вошёл туда и поклонился пышногрудой блондинке 32-35 лет, с высоким, по-немецки зачёсанным чубом.

— Что скажете?

Выслушав меня, она особенно участливо и просто сказала:

— Знаете что? Идите-ка сейчас к начальнику райотдела НКВД и скажите ему, что я послала вас к нему. Расскажите ему всё. Он – человек внимательный. Поймёт вас... Не беспокойтесь...

Обрадованный столь благоприятным оборотом дела, я помчался, куда сказали. Начальник, окончив рабочий день, замыкал уже свой кабинет. Вид у него был усталый. Попросив прощения за беспокойство, я изложил свою просьбу. И, к моему удивлению, он спокойно сказал:

— Поезжайте себе на здоровье в Тетюши. Явитесь к начальнику райотдела НКВД тов. Фёдорову, а я позвоню ему о вас. Вот и всё. Не всё ли равно, в каком районе вам жить?! Поезжайте ...

Так просто и легко разрешилась терзавшая меня «проблема». Даже при самом драконовском государственном режиме доброе человеческое сердце найдёт возможность для своего проявления.

КАШКА

Пароход, на котором плыл я из Казани, причалил к пристани «Тетюши». Вступив на берег, я спросил у старика:

- А где же Тетюши?
- Тама, на горе.
- А как пройти в город?
- Ступай вон по лестнице. Иди и иди. А наверху и Тетюши тебе будут.

Лестница эта, можно сказать, знаменитая. Никогда ни до, ни после я не видывал такой! Крутая, скрипучая, разошедшаяся, с хлипкими, вихляющимися сюда-туда перилами, за которые страшно взяться. Я насчитал 960 ступенек! Сколько же человеческих сердец лопнуло при восхождении по ней! Сколько проклятий слышала она на своём веку!

А глинистый берег, по которому пролегал это ветхозаветное сооружение, был усеян халупами. Чёрт знает, как они тут держались! Рассказывали, что во время ливней и оползней некоторые халупы сползали в воду и уплывали. Ходил даже анекдот, будто одна сонная бабка доплыла на своей печке аж до Симбирска – и только там проснулась...

Одолев лестницу, я запыхался. Захотел пить. Зашёл в первый попавшийся дом – попросить кружку воды. На счастье попал на добрых людей – беженцев из Подмосковья. Они сами хлебнули горя. Их было четверо: старуха, невестка и двое ребят (сын старухи был на фронте). Узнав, что я из лагеря, бабушка пособлезновала мне, накормила картошкой, а потом поинтересовалась:

- А ночевать-то тебе есть где?
- Негде.

— Ну приходи к нам. В квартире тесно у нас, так поспишь в сарае на соломе. Теперь тепло. Мы тебя употай туда проводим, а то хозяева боятся чужих. Такие скареды!..

Сарай и был моим пристанищем, пока я осматривался в новых местах.

Тетюши – городок маленький. Весь на виду, как на ладони. Станешь на восточном конце улицы – видать западный, а с южного конца видать северный. До революции этот «окуров» славился хлебной торговлей и домостроевским образом жизни его обитателей, остатки которого сохранились и при мне. По одну сторону городка раскинулся ровный, как зелёное полотнище, выгон, а на нём там и сям расселись рядами высоченные амбары былых хлеботорговых тузов...

Ознакомление с районом я начал с базара, ибо всякий базар даёт самую точную характеристику экономики местности.

Ух ты!! Ну и базар был в Тетюшах! Это тебе не Камское Устье! Продуктов – завались! И цены на них против камско-устьинских в два-три раза ниже. Значит, здесь жить можно.

Сделав самую важную разведку, я почёл долгом явиться к начальству – к уполномоченному райотдела НКВД Фёдорову.

В затемнённом от жары кабинете сидел за столом, покрытым зелёным сукном, элегантный человек с золотистой шевелюрой и приятным интеллигентным лицом. Он приподнялся и, улыбаясь, спросил:

- Товарищ Топоров?
- Да, товарищ начальник.
- Прошу садиться... Мне о вас уже звонили...

Как было не удивиться такому «галантерейному» обращению с «врагом народа», которого давно уже вычеркнули из списка настоящих людей?!

Проверив мои документы и, убедившись, что я не «пошехонец», Фёдоров продолжал со мной беседу в уважительном тоне.

— Так вы хотите обосноваться в нашем районе?

— Если позволите — да.

— Пожалуйста, пожалуйста! Устраивайтесь на подходящую работу и живите себе на доброе здоровье. В случае какой заминки — обращайтесь ко мне: помогу...

Я поблагодарил Фёдорова и вышел. Но куда идти? Конечно, на базар. Шатаясь меж телегами, я расспрашивал мужиков и баб, где в сёлах нужна чернорабочая сила. Посоветовали наведаться в недалёкий колхоз. Я — туда. Вижу: идёт пахота. На одном краю поля — большой курень. Зашёл в него. На разостланном коврике, скрючив ноги, сидел татарин в тюбетейке и уплетал сметану и яйца с ситным хлебом. Я спросил его о работе. Ответил по-русски:

— Нету, нету...

Дебелая молодая татарка поднесла ему целое блюдо лепёшек, вроде коржиков, налила в пиалу чаю, поставила стеклянную банку со свежим мёдом. Мурлан принялся сокрушать коржики, намазывая их толстым слоем мёда.

Я присел у входа в курень и, испытывая муки Тантала, пожирал глазами чревоугодника. Чуть-чуть смутившись, он что-то буркнул татарке по-своему. Та ушла в задний угол куреня — и через минуту подала мне чашку с горошницей. Я живо выбуздal подачку и, сказав «спасибо», потянулся обратно в Тетюши. Заглянул в Дом крестьянина. Аллах мой!! И на дворе, и в доме кишмя кишели «кореша» — уркачи и «болтуны», т. е. политические, такие же, как я, недавно выпущенные из узилищ, разбросанных по Советскому Союзу. Этих «отверженных» везде можно узнать по землисто-серым лицам, по обтрёпанным и замусленным телогрейкам и штанам, по арестантским шапкам, картузам и ботинкам. Некоторые из «доходяг» еле волочили ноги и уныло смотрели на мир осоловелыми глазами.

Я скоро сошёлся с вором Фёдкой Крюковым и с «политиком» Матвеем Рыбкиным. Фёдка — парень — жог, деляга, а Матвей — рохля.

— Айда со мной! — предложил Фёдка мне и Матвеем.

И повёл нас по улочкам Тетюш. У чьих-то ворот он усадил нас на лавочку:

— Сидите и не мыркайте, а я крутнусь кой-куда...

Скрылся за воротами. Минут через пять вернулся и:

— Айда копать!

Оказалось, Фёдка подрядился вырыть солдатке погреб за три дня. Харчи её. Да ещё денег на брата по четвертной...

Мы с Матвеем ночевали в амбарушке, а Фёдка спал с хозяйкой. Ходок! Успел уже приладиться к бабе! После бахвалился:

— Оставляла жить с ней. А на кой ляд мне такая шмара?*

Мы выполнили подряд. Хозяйка рассчиталась с нами по совести и впридачу одела каждого ячменной буханкой. Я сговорил спутников толкнуться в райземотдел. Его заведующий, усасть агроном в вышитой украинской рубаше, ухватился за нас обеими руками:

— Добре, хлопцы, добре! У нас не нынча-завтра — сенокос, а там и уборка хлеба. Мужики нужны — во как! Валяйте-ка в колхоз! Вам надо после лагерей подправиться. Пошёл в Кашку. Семь километров отсюда. Будет там и кашка, и масло...

Мы согласились. И следующей ночью, по холодку, двинулись в посёлок Кашку, в котором и колхоз носил это идиллическое название. Шли мы лесами и полями. Ночь

* Шмара — на арестантском жаргоне значит любовница. - А.Т.

выдалась тихая и ароматная, с полной луной. Медленно брели бродяги, молчаливо любуясь несказанной красотой и величием природы...

Вдруг мы заметили, что вдоль опушки леса скачут нам наперерез два всадника. Один в милицейской форме, другой – в мужицкой одежде. Нагнав нас, милицейский начальник заголошнно вскрикнул:

– Стой! Руки вверх!!

Мы стали.

– Ваши документы!

Дали. Проверили.

– Значит, освобождённые из лагерей?

– Да.

– Куда идёте?

– Ищем работу. Райземотдел направил в Кашку. Говорят, она где-то недалеко.

– Я – завхоз в Кашке, – отозвался мужик. И обратившись к милицейскому чину, попросил:

– Товарищ Гусаров, нехай они ко мне идут. Нужны рабочие.

Разговорились дальше. Выяснилось, что на днях с колхозных выпасов воры увели три лошади. Поэтому начальник раймилиции Гусаров и завхоз Кашки Никифор Семёнович Кузнецов гарцевали по полям и лесам, разыскивая лошадей и воров. Нас, бродяг, они и приняли за конокрадов. Когда недоразумение рассеялось, Кузнецов уже умолял:

– Пожалуйста, к нам, ребята. Не обидим. Идите прямо по большаку, а как встретите свороток налево, так по нему и дойдёте в Кашку. В конторе скажите, что я вас послал...

Рождение посёлка Кашка – одно из свидетельств той несурзаци, которая творилась тогда в глубинке. Всех кулаков из голого безводного села (в 12 километрах от Кашки) «сорвали с корня». Сорок пять их семей поселили в таком благодатном месте, которое можно без преувеличения назвать «крестьянским раем».

Посёлок огибают две речки. За ними – на взгорьях шумят вековые девственные смешанные леса, полные малины, диких груш и яблок, тёрна, черёмухи, лещинового ореха, лип, грибов, земляники, клубники, лисиц, зайцев, волков и прочего зверья. Всюду в лесах звенят ручьи из горных источников. Вода их чиста, что хрусталь, вкусна и, несомненно, целебна. Никто не простужался, если пил её, обливаясь потом на работе в самый палючий летний день.

А на лесных полянах растут буйные травы и цветы в полроста человека. Коси их, сколько хочешь, заготавливай сено своим коровам!

Гусям и уткам кашкинцев раздолье на двух речках. А курам и индюшкам вовеки не перебивать речных жучков, мушек, личинок, червячков и всякой иной птичьей снеди. Птичьи песни не умолкают в лесах ни днем, ни ночью.

В долине меж холмами, покрытыми дубами-великанами, жарким полднем блаженствуют стада коров и овец. Из горного источника по жёлобу течёт холодная вода в деревянные колоды, из которых пьёт скот, когда и сколько хочет.

Я поразился величественным видом этого стойла: он напомнил некоторые библейские иллюстрации Доре...

Огородные полосы кашкинцев тянутся от дворов к речкам. Полив очень удобен. Огородных неурожаев в Кашке не бывает.

Как рачительные хозяева, кашкинцы возделывают наилучшие сорта овощей. Картошка у них – в два кулака, белая, рассыпчатая, сверкающая крахмалом. Капуста – кочан до полпуда. Морковь – с детскую руку до локтя. И сладкая-пресладкая!

Хрупнешь её – соком так и обрызнешь лицо. Помидоры – одним наешься, даже будь обжорой. А шляпки подсолнуха – немного меньше кухонного решета.

У многих жителей на огородах стоят маленькие пасеки. Круглый год хозяева лакомятся мёдом.

В лесах уйма бересклету, этого богатого натурального гуттаперченоса. Сбор его – выгодный подсобный промысел. Государственный заготпункт хорошо платит за бересклет.

Как не благословлять кашкинцам судьбу за ликвидацию их как класса?! Их «выслали» в золотое дно!..

Троих «арестантов» из лагерей расставили на квартиры по колхозникам. Я угодил к старикам Ефиму Игнатьевичу и Прасковье Феофановне Мордовчонковым. Им обоим было по семьдесят с гаком. Бабка хоть и одрябла, но держала ещё дородность, важность и плавность в походке. На миловидном, слегка морщинистом лице её ещё не совсем потух румянец.

Дед Ефим – как дубовый сутунок: коренаст, приземист, мускулист. Руки сильные. Пальцы толстые, ухватистые, с потрескавшейся кожей, похожей на древесную кору. Голос у Ефима пёсий, басовитый и стремительный. Слегка задымлённые седой рыжие волосы на голове и в бороде вились колечками. Чесал он их раз в неделю, придя из бани. Взгляд рысских глаз Ефима трудно было выносить. Должно, в них не мелькала ласковая искорка даже тогда, когда он держал на руках собственных младенцев. Да и держал ли он их?

Хата, кладовки, завозня, погребница и закуты для коровы и свиньи сляпаны у Мордовчонковых из кондовых брёвен – на век! Просторный двор для чего-то разделён надвое. Во всех постройках навалены, натканы, наставлены дубки, ильмы, березы, липы, яблони, груши, клены, черёмухи, лещины и другие древесные породы, годные на всевозможные хозяйственные изделия: топоры, вилы, грабли, челноки, гребни, косьё, полозья, сани, телеги, колёса, сохи, плуги, цепи, мётлы, бороны, лопаты, прялки, донца, калки, рубели и т.д. Всего древесного материала Ефим наворовал на сто лет! Ей-богу! А сухими, звонкими берёзовыми дровами и вязанками липовых лык забит весь бывший овчарник.

Во дворе Ефима двое ворот: одни на улицу, вторые на огород. Запирались они на засовы, да сверх того слегами.

За воротами в огород Ефим вырыл землянку. Это – мастерская, где тайно по ночам он валял валенки. Он, дьявол, — на все руки мастер! Поодаль от землянки стояли пять рамочных ульев. Дед понимал толк и в пчеловодстве. С каждого улья за лето он брал около полутора пудов мёду.

Его породистая, брудастая мышастой масти корова Дарёнка была сушей молокогонной машиной. Чем только не пичкал её Ефим! И давала она молока в день не меньше 24 литров. Опузырилась Прасковья Феофановна от молока! Часто по воскресеньям дед таскал на базар в Тетюши колоды сливочного масла, горшки со сметаной и творогом. Кладовка Мордовчонковых всегда была заставлена кринками с молоком, корчагами со сметаной и маслом, творогом, лозбенями со свиным кусковым салом.

Бабка Прасковья сама пахтала масло на самодельной маслобойке. Оттого её масло куда вкуснее любого заводского!

Пока дед и бабка ели сало от зарезанного в прошлом году борова, новый боров на 7-8 пудов кормился в закуте. Лишнее сало Ефим почему-то не продавал на базаре. В кладовке рядом со свежими окороками висели старые, уже покрывшиеся ржавчиной и вонючие. Бабке это не нравилось. Однажды за обедом она попеняла деду:

— Ефим, покуль же будут висеть старые окорока? Они, чай, тухнут.

— Гм... Покуль? А ты бери их, режь на куски и вари борову. Он слопает...

И резали, и варили, и кормили ими борова! Но ни разу не предложили ни мне, ни беженцам ни кусочка от заржавленного окорока!

Сами старики питались обильно. Обед их состоял не менее чем из пяти-шести блюд. Но блюда эти они отведывали понемножку, из маленьких чашек. Перед каждой сменой обязательно крестились.

Выпарившись в бане, дед и бабка помногу хлестали чай с мёдом. Но мёд расходовали очень экономно. Ефим клал на стол маленькую палочку. Её поочередно совали в мёд и затем облизывали. Запивали чаем.

Старики были богомольны. В горенке и кутке святые углы заставлены иконами разных размеров. Но, как и все кашкинцы, не исключая женщин и несмышлёных детей, Ефим сильно матерился, будь то за едой, в компании, при гостях, при малых детях. Иной раз он матюкался и стоя на молитве.

За ужином Феофановна поведала деду сенсационную кашкинскую новость:

— Ефим, бабы сказывали: учёра у Настасьи Панфиловой кой-то аред с...дил шиш-надцать хунтов пошена...

— Ну и х... с ей, с дурой! Клади хлеб надёжней. Дур учить надо...

Если идти из Кашки в Тетюши, то изба Мордовчонковых будет предпоследней в поселке. Из её окон видны жердевая загородка и ворота в поле, на котором зеленела пшеница. Кто-то забыл закрыть ворота, и бродячая тёлка вознамерилась пробраться через них на пшеницу. Было утро. Ефим стоял на молитве. Завидев тёлку, он прервал себя на словах: «...Достойно есть, яко воистину, блажити тя, богородицу...», бросился к раскрытому окну и заорал:

— Куда ты, ё... т... м..., лезешь?! Тпруси, шкода проклятая, ё... т... м...!!!

Подоспевший к воротам мальчишка отпугнул тёлку, а Ефим снова стал перед образами, заканчивая молитву:

— ... «Присноблаженную и пренепорочную, и мать бога нашего...».

И удивительно: никто из кашкинцев не обижался на матюки, считая их за невинные украшения разговорной речи...

После тюрем, лагерей и странствий жизнь в Кашке показалась мне счастьем. Спал я на сеновале, где до головокружения пахло сеном. Мне установили хороший продовольственный паёк на месяц: 18 килограммов пшеничной муки простого размола, килограмм сливочного масла, 2 килограмма пшена, килограмм гороху, пуд картошки. Ежедневно с молоканки отпускали литр молока.

Как раз я подоспел к началу сенокоса. А косить я умел. Всем косцам полагалось на работе дополнительное питание за счёт колхоза. У меня и получилось два продовольственных пайка. Зажил я, что твой пан! Правда, трудно было косить на приволжских лугах: травы густые, высокие, грубые. За литовкой волокутся, путаются. За день так намотаешься, что ночью ломота в руках долго не даёт уснуть. Но скоро руки мои обтерпелись, боли утихли...

Главной рабочей силой в колхозе были солдатки, девки, подростки и старики. И поэтому я ходил в цене. Как-никак мужчина! Почти все кашкинцы любили петь. Особенно солдатки и девки. Голоса у них чистые, звонкие. И пели они не унисоном, а на два-три голоса, гармонично. В их пении я впервые услышал дивную «Землянку», в словах и в музыке которой верно запечатлены и народная трагедия, и печаль разлуки влюблённых, и сознание неотвратимости жертв в борьбе с врагами рода человеческого — фашистами. Бабы и девки не ведали авторов «Землянки». А я, надолго оторванный от культурной жизни страны, тоже не знал их. Лишь через двадцать лет с лишком я прочёл имена творцов бессмертной песни «Бьётся в тесной печурке огонь» — поэта

Алексея Суркова и композитора Листова. Глядя на ноты «Землянки», я вспоминаю, что кашкинские бабы и девки кое-где вносили в неё свои вариации.

Среди их любимых песен были и «Катюша», и «Тёмная ночь», мелодичные, трогательные...

Чтобы не пропасть с тоски, я задумал купить скрипку. От сенокосной поры сэкономил двенадцать килограммов добротной пшеничной муки. А к тому времени в Тетюшский район нахлынули новые тысячи беженцев из оккупированных немцами областей. Цены на продуктовом базаре чертовски скакнули вверх! Низкосортная ржаная мука дошла до 4000 рублей за пуд!

Я махнул свою пшеничную муку за 2000 рублей. И в межпарье катнул в Казань за покупкой скрипки. В этом городе было необычно много комиссионных магазинов со всевозможными товарами. Продавали и музыкальные инструменты.

В одном магазине я пробовал неважную скрипчонку. Сюда влетела роскошная красавица в широченной шляпе с зонтиком. Подойдя ко мне, она потихоньку заговорила:

— Если вам нужна порядочная скрипка, — могу дать адрес.

— Пожалуйста!

— Идите на гору. Улица Ленина, дом 39, квартира 6. Спросите Паршиных. Но, чур! Не говорите, что я вас направила. Я — актриса. Живу по соседству с ними... Увидите двух старушек: одна — жена, другая — сестра умершего их мужа и брата. Он играл солистом в оркестре Казанского оперного театра... У Паршиных богатая коллекция смычковых инструментов. Продают... Жить надо ... Зайдите, посмотрите.

Зашёл. В тесной квартирке Паршиных на стенах висели скрипки разных размеров, альты. В углу стояла виолончель. На пианино лежала куча нот и струн.

Миниатюрная старушка показала мне скрипку в футляре. При ней два смычка, сурдинка, запасные колки, подставки, души, аккорды струн, комок парижской канифоли и кусок замши. На скрипку накладывалось тёплое покрывало. На его оранжевом шёлковом поле зелёным шёлком вышита лира. Очевидно, на скрипке играл настоящий артист и берег её, как зеницу ока. Указывая на покрывало, старушка прослезилась:

— Сам покойник вышивал...

Она запросила за инструмент 2000 рублей. Не говоря ни слова, я выложил их. Стыдно было уносить от несчастной, быть может, самое дорогое её воспоминание...

Вернувшись в Кашку, я уже витал на седьмом небе. Скрипка в моей жизни была спасительницей от всех скверных увлечений, от горя и тоски.

Вероятно, потому, что судьба нещадно колотила меня, я глубже воспринимал музыку минорную: колыбельные песни, элегии, ноктюрны, раздумья и т.п. Их-то я и играл вечерами в избе Мордовчонковых. Ефим уходил в завозню спать, а бабка подолгу слушала мелодии Бетховена, Чайковского, Глинки, Шуберта, Гречанинова, Шумана, Шопена, Венявского... А под «Смерть Озе» Грига она горько заплакала:

— Дюже сумно на сердце от этой песни!.. Про сыновей думается... На войне они. Може, уже погинули... И не увижу их...

Гиганты классической музыки, даже в моём слабом исполнении и без словесных объяснений, проникали в сердце архизаскорузлой старухи! Какие ещё нужны доказательства того, что не с примитивов искусства, а с классиков следует начинать эстетическое воспитание низовых трудовых масс?!.. Наряду со сложнейшими композициями у великих музыкантов есть неисчерпаемое море предельно простых технически, но гениальных творений. Истинно высокому искусству покорны все возрасты, все уровни умственного развития. Так было, так будет во веки веков!..

А ныне беспрепятственно идёт всемирное развращение народа, и больше всего – молодёжи, дичайшей атональной пошлятиной. Несмотря на убедительные протесты против неё со стороны крупнейших советских композиторов и поэтов – Шостаковича, Кабалевского, Свиридова, Хренникова, Новикова, Соловьева-Седого, Твардовского, Исаковского и др., – чертобесие квакающих, хрюкающих, мяукающих, воющих джазов, инструментальных и вокальных ансамблей и солистов – захлестывает единичные струйки подлинной музыки. Мне от этого порой кажется, что весь род человеческий переживает повальную психическую болезнь, что культура свернула куда-то вбок с правильной дороги. Образовалась огромная армия социальных паразитов в лице поставщиков «гнилой рыбы» – стихов и антимзыкальных вывертов. Эти паразиты породили вторую армию таких же паразитов – исполнителей. Обе эти армии жрут неисчислимые миллионы рублей, стряпая духовную отраву для народа.

Эта отравка усиленно сеется через эстрады садов, парков, скверов; через школы, дома культуры, театры, кино, телевидение, танцплощадки и стадионы... От неё нет спасения ушам!..

Беженка Анна Петровна Никулина, присланная в Кашку, играла на гитаре и пела. В посёлке не было даже гармошки. Мы с этой беженкой составили музыкальный дуэт, организовали вечера для молодёжи. На этих вечерах читали стихи, рассказы, драмы классиков и советских писателей. Вместе с нами девушки и парни пели популярные русские, украинские народные и революционные песни. Танцевали. Это было похоже на зародыш художественной самодеятельности в лесной глуши...

Под руководством деда Ефима я постиг искусство кладки стогов сена и скирдов ржи, пшеницы, ячменя, проса, овса и гречихи. Мой авторитет рос. Своей вершины он достиг в «День урожая», который кашкинцы отмечали очень пышно. К празднику наварили и нажарили рыбы, свинины, баранины, говядины, курятины, утятин, гусятин и индюшатин. Бабы напекли разной разности. Пир шёл горой. Присутствовали районные руководители. Три дня и три ночи гремело и сотрясало помещение конторы колхоза от топота пьяных плясунов и горлопанов. Музыкальный дуэт был центром внимания. С тех пор его известность распространилась до самых Тетюш.

Мои «кореша» Федька и Матвей не выдержали трудового испытания в Кашке. Федька, как тракторист, подался в совхоз за длинными рублями, а Матвей зачах, уплёлся в Тетюши и устроился на пасеке потребсоюза...

Почти все кашкинцы по-прежнему остались в душе кулаками, скопидомами и на колхоз смотрели, как на неизбежное зло. Дед Ефим эксплуатировал меня, как батрака. Нередко, закончив колхозную работу, я поливал его огород, рубил и пилил дрова в лесу – для бани и хаты, таскал воду на кухню, а корове – пойло, метал сено на сеновал, носил мешки с зерном, полученным им за трудодни, а всю осень чертомелил на огороде, убирая урожай с него.

А бывало и такое. Дед брал у «Микишки» (т. е. у завхоза артели) лошадь с телегой, и мы с ним отправлялись ночью в лес. В буераках валили подходящие дубы. Ефим засыпал пеньки землёй, чтобы полесовщик не заметил незаконную порубку. Хлысты мы распиливали на сутунки. Надрывая пупы, выпирали эти сутунки наверх и клали их на телегу. Нагрякивали такой возище, что лошадь едва везла его. Таким-то порядком беспрерывно пополнялся древесный склад Ефима. За мою «помогу» бабка Прасковья отдавала мне недоеденную похлебку или кашу.

Жадности деда, кажись, не было уёму. Я нашёл в лесу полянку, поросшую густым красным клевером. В выходной день выкосил её. Поставил стожок первосортного сена. Ефим заграбастал его себе. А тогда этот стожок стоил рублей 700-800!

Случилась следующей зимой беда: у беженки тяжело заболел ребёнок. Она не могла для него добыть кружку молока. Я попросил его у Феофановны. Дала, но ... за огромный воз моего клеверного сена! Да ещё упрекнула за то, что я напомнил ей об этом сене ...

А со скрипкой случилась беда. Пьяный плясун на «Празднике урожая», размахнул ручищи, вышиб у меня скрипку, а другой кутила раздавил сапогом слетевший с неё подбородник. А без него я отвык играть.

В Тетюшах мне указали старика-татарина, делавшего скрипки. У него нашёлся и лишний подбородник. Он уступил его мне, но не за деньги, а за пшеницу. Как раз перед этим я на трудодни получил из первого обмолота полпуда. И пшеница была – золото! Хранилась она в кладовке, в Ефимовом мешке. Не подозревая ничего худого, я мешок с пшеницей на спину – и к татарину менять на подбородник.

— Чистая? – спросил тот.

— Конечно!

— Покажите!

— Смотрите.

Раскрыл я мешок, а там озадки пополам с землёй!! Чёрт возьми! Дед подменил мою пшеницу этой дрянью. Сгорел я со стыда. Схватил мешок – домой.

— Дед, зачем же ты подвёл меня?! Я же перед татаринном жуликом оказался! Обещал ему хорошую пшеницу, а принёс навоз.

— А на што ему добрая пошаница за финтифлюшку? Слопает и снетки.

— Нет уж ... Не могу. Верни мою пшеницу сейчас же!..

Вытряхнул я из мешка снетки. Дед забурчал себе под нос. И нагрёб из кадушки чистой пшеницы.

Самому матёрому кашкинскому «скупому рыцарю» дали прозвище: Фёдор Богатый. А прозвали его так вот за что. При временном правительстве он накопил большой сундук керенок. А когда они лопнули, Фёдор оклеил ими все стены своего дома. Я не раз посещал этот своеобразный дом-музей. Богатый задолго до того покинул свои владения и уехал в Астрахань...

Зная, что Кашка — кулацкое гнездо, районное начальство командировало в колхоз председателем (на смену «Микишке») «верного» человека — коммунистку, бывшую учительницу. Но кулаки очень быстро обратили её в «свою веру». Они позволили ей увести колхозную корову своей семье в другое село. Туда же председательница то и дело гнала возы с продуктами. Никто из колхозников не возражал. У председательницы, разумеется, всё больше и больше разыгрывался аппетит на колхозное добро. А кулацкие Мефистофели плели и плели сети вокруг неопытной ротозейки. Скрыли от государства большое количество пшеницы. Это дошло до соответствующих органов.

И зимой афера вскрылась. В Кашку нагрянула комиссия — проверять наличие зерна. Перевешивали пшеницу, пересыпали её из амбара в амбар. Я участвовал в этой операции в качестве грузчика.

И что же? Кашкинцы скрыли от государственного учёта целый амбар семенной пшеницы! Налицо — страшная улика! Председательницу и кладовщика сняли с работы и отдали под суд. Временным руководителем артели поставили опять же «Микишку» Кузнецова.

Из района строго приказали: ни колхозникам, ни наёмным рабочим не выдавать за трудодни ни зерна, ни муки — впредь до окончания следствия и суда... Пропали мои шесть пудов заработанного хлеба! Для меня наступили чёрные дни, хуже, чем в тюрьмах и лагерях. Если у колхозников имелись — тунный хлеб, коровы, овцы, свиньи, птицы, овощи, то я был гол, как облупленная липка! Отказали мне во всех продуктах. Словом, обрекли на голод за кулацкие грехи...

На узкой и длинной луговой полосе между лесом и речкой колхозники поставили стог сена. В январе-феврале 1944 года ударили 30-градусные морозы, забушевали бураны. Метровый слой снега покрыл землю. Добраться до дальних полевых стогов было невозможно. Скоту грозила бескормица. Колхозники надеялись на стог, стоявший между лесом и речкой, но в низине снегу настрогоало ещё больше, чем в поле. Лошадям с саниами не пробраться к этому стогу.

Правление колхоза надумало составить бригаду из 25 человек. Для «проламывания» дороги к заветному стогу. Голова бригады – я. Пошли. У колхозников на ногах высокие валенки, а у меня дырявые липовые лапти и лагерные отрепья – портянки вместо онуч и чулков.

Шли гуськом, увязая по колено в снегу, ступая след в след. Так люди топали от моста к стогу и обратно весь день. А назавтра по человеческим следам поехали за сеном на лошадях. Такой борьбы со снежными заносами я до Кашки не видел нигде!..

Дед и бабка Мордовчонковы смекнули, что от меня им уже мало проку, и удумали выжить невыгодного постояльца. Старики объявили «морозную» войну тараканам и заодно – мне. Растворили в избе дверь, выставили окна. Сами перебрались к невестке. А я куда? Едва умолил тётку Аграфену дать мне уголок до весны. Согласилась, спасибо! А жевать что?!

Тетюшский леспромхоз вербовал в колхозах рабочих на лесозаготовки. Платил натурой: мукой, пшеном, мясом, картошкой. Я да ещё трое ребят-допризывников были сданы колхозом в аренду леспромхозу. В двух километрах от посёлка отвели деланку для лесоповала.

В марте неожиданно потеплело так, что снег насытился водой. Бродя по этой каше, я с напарником перевыполнял нормы. Напарник Аркашка питался хлебом, а я, окончив трудовой день, срубал ильму толщиной в руку и волок её на квартиру. Говорили, что из её коры пекли лепёшки. Дома я ошкуривал ильму, дробил кору, сушил в печке и толоч в ступе. Тётка Аграфена пекла лепёшки из ильмовой муки. Я ел их. Всё нутро палило огнём. Но другого хлеба не было! Картофельные очистки казались несбыточной мечтой! А леспромхоз платил продукты только по сдаче дров. Но этих продуктов хватало лишь на то, чтобы не задрать лытки! Спасла весна. На лещиновых прутьях рано повисли серёжки. Я набирал их полное лукошко, клал в горшок и парил их в печке. Подошли и сморчки. Сваренные, они годились в наполнители желудка, но мучили тошнотой...

В жуткие дни голодания я наблюдал возмутительный эпизод, тоже характерный для кашкинских нравов.

Воскресенье ...

Мимо моей квартиры утром «Микишка» Кузнецов вёз на тетюшский базар воз ядрёной картошки. Под вечер он возвращался с тем же возом. Я спросил его:

– Никифор Семёнович, почему везёшь картошку назад?

– А ну их к...! Давали по 700 рублей за ведро. А разве моей картошке такая цена?

– А какая же?

– Тыща рублей ведро!

– Что так дорого?

– По 700 рублей ведро полугнилая идёть, а моя, смотри, одна к одной. Как поросята! За зря и не продал. Везу обратно...

– Но где же беженцы наберутся по 700, по 1000 рублей за ведро картошки?!

– Ну, я не солнышко, всех не обогрею...

От голодовки и изнурительной работы я иссох. Написал об этом брату в родное село Стойло. В ответном письме он сообщил, что в их краях можно кое-как пере-

биться на картошке. Звал меня в Староосколье. Но я же прикреплён был к Татарии! Я – политический преступник, за которым смотрит недрёманное око. Как быть?!

Я пошёл к Фёдорову, чтобы откровенно рассказать ему о своей беде:

– Товарищ начальник! Посмотрите на мою фигуру и прочтите вот это письмо брата. Положение в Кашке вам известно ... Я издохну там с голоду. Отпустите на родину!..

Обозрел меня Фёдоров с головы до ног, прочёл письмо брата и, немного подумав, решил:

– Поезжайте. Разрешаю.

Передо мной встала новая трудная задача – выудить из колхоза честно заработанные шесть пудов хлеба. Ни райпрокурор, на райземотдел не оказали содействия. Помогла беженка, заведующая торговым ларьком:

– Эх ты, недотыка! Не ходи ты по районным начальникам, а купи поллитра самогону и залей им глотки Микишке и Гордею – завтра же получишь свои пуды...

Гордей – один из крепышей в Кашке, влиятельный член правления артели, наглый и чванливый человек. Ну ещё бы! Сын служил лейтенантом в раймилиции, а сам Гусаров – частый гость Гордея. Вопреки закону, он резал и опаливал на дому у начальника его свиней. А уж обдeldывать зарезанный скот никто в Тетюшском районе не мог лучше Гордея. Недаром он до Советской власти долго маркитанил ...

Способ, порекомендованный мне беженкой для получения хлеба, что и говорить, нечист, но он был единственно верным, легко и просто приведшим к цели.

В избе Гордея хозяин и Микишка «раздавили» мою поллитровку самогону, раскраснелись, развеселились. Гордей расщедрился – принёс из кладовки брусок свиного сала – на закуску.

И наутро я привёз к себе на квартиру 3 пуда пшеницы, 2 пуда проса и пуд гороху. До отъезда из Кашки горохом питался сам, а пшеницу и просо продал на базаре, выручив шесть тысяч тогдашних рублей. Враз стал крезом!..

Не имея понятия об аккредитивах, я запихал эти бумажные капиталы в холщовый гаман и повёз его с собою, подвесив через плечо на прочной верёвке. Сверху надел плащ. Но гаман заметно оттопыривал правый бок плаща, и это беспокоило: хоть деньги были и дешёвые, а уркачи могли меня за них «пощупать»...

До Камышина я плыл по Волге-матушке, а потом на поезде доехал и до Старого Оскола.

Не счесть пережитых железнодорожных приключений!..

1970 г.

ПУТЬ К ДОБРУ

Из отзыва на дипломную работу Сании Шавалиевой, выпускницы Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького.

У Сании Шавалиевой редкий дар детской писательницы. Причём автора произведений для младшего школьного возраста или даже дошкольного. У неё счастливое умение рассказывать о самых обычных вещах очень необычно и увлекательно. Раскрывать красоту мира, добрый смысл окружающих вещей и персонажей. И с помощью возникшего интереса формировать душу маленького читателя или слушателя.

Вот повесть «Кто взял пряник?» Её героиня – маленькая Белочка, которая с помощью своей подружки Сороки ищет среди зверей того, кто взял пряник, который подарила Пчёлка. Они обходят всех обитателей леса, не без приключений, но в итоге оказывается, что среди них нет злоумышленников, а сама Белочка виновата – её пряник упал на нижнюю ветку. Героиня расстраивается, она подозревала всех соседей по лесу. Казалось бы – подумаешь, какой-то пряник. Но нет, из этой истории маленькие читатели извлекают урок: нельзя не доверять друзьям, возводить на них напраслину.

Герой повести «Мыльный гномик», по сути, самовлюбленный кусок туалетного мыла, начинает мстить людям за то, что они посмели пользоваться им по прямому назначению, но при этом испортить его привлекательный внешний вид. Повесть-сказка заканчивается на доброй ноте — мыльный гномик осознает свою неправоту, бросается в фонтан, чтобы дети могли с его помощью пускать мыльные пузыри. И здесь нравственный урок – нельзя тратить себя на гадости, из любой неприятной ситуации можно найти путь к добру.

«Почтовый ящик» — рассказ о том, как безухий Заяц решил присвоить поздравительные открытки Деду Морозу. «Полёт Снежинки» — сказка о самовлюблённой снежинке, вздумавшей стать королевой среди подруг. В результате с короной на голове стремительно влетела вверх тормашками в снежный сугроб. Грустная сказка о бездетной стране, где о детях напоминают лишь игрушки. («Магазин игрушек»).

И, наконец, «Серенада на струнах дождя» — сказка на уровне недавно ушедшего из жизни волшебника в детской литературе Сергея Козлова. Это щемящий по сконцентрированным в нём чувствам рассказ о красоте мира, где, если присмотреться, полно чудес.

Уровень дипломной работы свидетельствует о том, что она принадлежит вполне сложившемуся, профессиональному и перспективному писателю.

*Александр Ольшанский,
руководитель творческого семинара*

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Старичок вытянул руку, посмотрел на матрёшку. В этот раз она получилась намного ярче всех остальных, сарафан с костром маков по подолу, розовые щёки, голубые добрые глаза. Старичок поставил поделку на стол, качнул: внутри тонко запел колокольчик. Вскоре она с сотней других игрушек заняла своё место на полке.

Над входными дверьми звонко колыхнулись металлические трубочки. Мастер с надеждой оглянулся.

В магазин ввалилась старушка с пакетом собачьего корма.

— Привет, — сказала она, стянула с головы берет, отряхнула от снега, — как дела?

— Матрёшку сделал, — похвастался старичок, снял с полки новую игрушку, поставил на прилавок.

Гостья опустила тяжёлый пакет на пол, пальчиком дотронулась до яркого мака на платье красавицы.

— Нравится?

Бабуля вздохнула.

— Мне для Шарика мяч нужен.

Игрушечник разматал рулон скотча, скомкал в шар. Получился липкий лёгкий мячик. Любимый размер песика. И волос собирает и животинушку забавляет.

Старушка взяла игрушку, пошла к выходу.

— Пакет заberi.

Тут вновь зазвенели трубочки, в магазин осторожно вошёл седобородый покупатель. Он приветливо кивнул, и направился между полок, переполненных игрушками. Приглянулся клоун в жёлтом колпаке. Старик покрутил его, покачал на руках, спел песенку.

— Купи своей киске, — предложил продавец.

Седобородый поставил клоуна на место.

— Не куплю, у неё этих игрушек море, вчера коготки точила, медведю глаз выдрала.

Когда старушка с седобородым покинули магазин, Мастер закрыл ставни, на дверь повесил табличку «закрyто» и, попрощавшись с игрушками, ушёл в дальнюю комнату.

Там его встретил стол, табуретка, кровать с оловянными херувимчиками на спинке, сундук. Здесь в сундуке хранилось всё его богатство: деревянная машина на неровных колёсах, соловей — глиняная свистулька с отбитым клювиком, тряпичная кукла. В далёком детстве мама при свете лучины вышила кукле глаза из суровой нити. Она долго марала нить в саже, и кукла до сих пор смотрела на мир чёрными огромными глазами.

Игрушечник выпил чаю, подошёл к окну, пальцем отогрел пятно на замороженном стекле, выглянул на улицу. Даже звёзды не могли сгладить мрачность морозной ночи. Старичок сел на пол, посадил куклу в машину, тронул в путь.

— Дрррын-дын-дын, дрррын-дын-дын, — бормотал старичок, ползая по полу вслед за машинкой, — дрын-дын-дын, ау-ау-ау, ля-ля-ля...

Когда магазин игрушек не открылся ни через день, ни через два, старушка с собакой обратилась к полицейскому...

Навеки уснувший Мастер сидел на полу, спиной опершись о кровать. На его коленях лежала деревянная машина с кривыми колёсами, кукла с огромными чёрными глазами, свистулька с повреждённым клювом.

Старушка вздохнула.

Ушёл последний игрушечник королевства. Да и зачем, спрашивается, нужен странный мастер со своим ненужным магазином? Ведь в стране давным-давно нет детей, одни старики, собачки да кошечки, которые сразу же родились стариками...

СЕРЕНАДА НА СТРУНАХ ДОЖДЯ

Воробышек осторожно ступил на сцену. Крылышки предательски дрожали.

Оркестр нестройно загудел, музыканты остановились.

Дирижер Тупик постучал по пюпитру палочкой, но музыканты не отреагировали, они улыбались незадачливому гостю.

— Вам чего? — строго спросил Тупик у Воробья.

Воробей сглотнул комок в горле, попытался что-то сказать, но не смог. Он впервые видел Тупика так близко: тот был очень похож на пингвина — чёрная спинка, белое брюхо, красные лапки, глазки словно в треугольнике. Воробей преклонялся перед красотой и талантом Тупика.

— У нас очень мало времени, — сказал Тупик и щёлкнул треугольным красным клювом.

И тут Воробей набрался смелости.

— Возьмите меня в оркестр.

Оркестранты зашушукались. Утка ударила по барабану. Бобрёнок смычком тронул струны скрипки.

Тупик хмыкнул.

— И на чём вы играете?

— На струнах дождя.

Все надолго замолчали. Никто не знал такого инструмента. Тупик долго чесал палочкой в затылке, наконец, произнёс.

— Вы сказали — на струнах дождя? Я правильно понял?

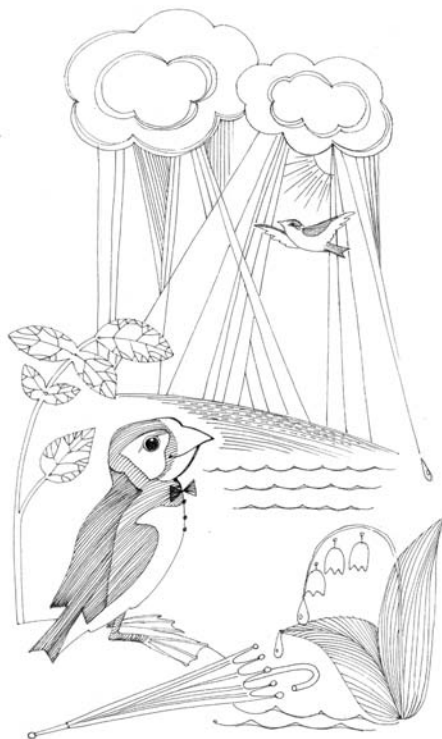
Воробей утвердительно закачал головой...

— Ласточки сказали, что завтра будет первый майский дождь. Самый красивый и благозвучный в этом сезоне.

— Позвольте, как, вы представляете, это должно выглядеть? — с сомнением в голосе произнёс Тупик.

Воробей нахохлился. Он уже не боялся.

— Я нашёл замечательное место на склоне горы. Там прекрасно разместится оркестр и слушатели.

Аист лихо прошёлся по клавишам рояля:

— Нам придётся мокнуть под дождём? Я не хочу. И мой инструмент тоже.

— А фагот не умеет петь в сырости, — сказал Слонёнок, дал пару аккордов и добавил: — Глупость всё это, слушатели не придут. Музыка — это не футбольное поле.

Воробей загрузил.

— Я хотел сыграть серенаду...

Тупик сидел под кустом малины и опасливо поглядывал на тучи. Их становилось всё больше и больше. Они прибывали с каждой минутой, скапливались, тесно сжимались, наползали друг на друга, но дальше луга не двигались. Первая капля упала на зонт Тупика. Затем вторая, третья... всё чаще и чаще... Ударил первый гром, и вдруг на лугу появился Воробей. Он поклонился пустому склону, поздоровался с тучами, взмахнул крылышками, поднялся высоко в небо ... дзинь-дзинь-дзинь — пропела первая дождевая струна.

Уже через минуту Тупик отложил зонт. Удары капель по натянутой ткани мешали слышать музыку. Воробей метнулся влево, поймал другую струну, та отозвалась приятным звуком.. прекс-шерк-прекс...у самой земли струна спела ...шьють-ау-шьють-ау-шерк-шерк...Ударил молния, звук напряжился стал тоньше и нежнее.

Тупик уже не боялся ливня. Он стоял на склоне горы во весь рост и впервые в жизни слушал удивительное соло небесного потока. А Воробей перескакивал со струны на струну и, не замечая яркого зрителя, исполнял серенаду.

САНИЯНЫ — САНИЯДЫ

Бильярдный шар

На зелёном сукне бильярдного стола лежал Шар. В одной руке сигара, в другой бокал виски. Лампа греет, бриллиантом на боках играет — Шар балдеет.

Вдруг сбоку пошло шевеление, Шар скосил глаза и понял, что сейчас получит в лоб...

Половая тряпка

Жила-была старая грязная Половая тряпка. Она была счастлива, потому что работала в Большом театре и мыла полы за великими балеринами. А иногда ночью она сползала с горячей батареи и танцевала на сцене. Ей аплодировали кресла...

Обещание

Прораб проворовался — сэкономил на бетоне.

От стены второго этажа новостройки отвалился Кусок бетона. Непонятно, какие слова нашёл прораб, но Кусок обещал продержаться на месте, пока Прораб будет сдавать жилой дом приёмной комиссии.

На утро комиссия была в замешательстве. Над развалинами новостройки, держась за воздух, висел огромный Кусок бетона. Он честно выполнял своё обещание.

Кот с белой полосой на спине

В парке, на лавке сидел кот и внимательно слушал старика. Тот гладил его по белой полосе от макушки через всю спину до кончика хвоста, и уже третий день рассказывал историю своей жизни.

— Я придумал хитрую штучку, директор был в восторге. Дал орден Ленина, красивую девицу, путёвку в Париж.

Кот мяукнул.

— Ты что, не веришь? — спохватился дед.

Кот вскинул хвост, прикрыл им лапы, посмотрел налево. Там в очереди стояла ещё куча бабушек и дедушек и ждала своего слушателя нереализованных желаний.

Мелодия

Жила-была Мелодия. Она мечтала, чтобы её услышал народ. Пришла она за помощью к Писателю, Поэту, Актёру. Те плечами пожимают, к музыканту посылают. А тот занят – рыночной экономикой.

Красноголовик

Красноголовик боялся попасть в корзину грибника. Нарисовал он на шляпе белые пятна, натянул юбочку — и тогда его съел медведь.

Картина на асфальте

В парке жили разные деревья: Каштаны, Берёзы, Тополя. И у каждого были свои листья. Однажды осенью, когда подул ветер, листья собрались в единую картину на асфальте.

Несчастный цветок

Жили-были на подоконнике Цветы. Один из них был самый несчастный. Он был уверен, что у него самый дурацкий горшок в мире.

Зуб

Жил-был Зуб с червоточиной. И однажды его укусила конфета. От обиды он так разволновался, что всю ночь не давал хозяину покоя. Зуб пытались успокоить, уговорить, но тот обиделся навеки, и тогда его вырвали и выкинули.

Клад

Жил-был Клад и его никто не ценил, тогда он зарылся в землю и все стали его искать.

Умная мысль

Умная мысль пришла в голову Дураку, и тот растерялся.

Помощь

Сталактит капал на мозги Сталагмиту, чтобы тот дотянулся до его уровня.

Горячий Утюг

Утюг закипал от злости. Эта Шёлковая Блузка такая дурра! Он её гладит, лелеет, а она морщится и коробится...

Чёрт возьми! Сгорела! От стыда, наверное!

ЛОВУШКА НА ЧЕЛОВЕКА

У человеческой цивилизации во всей её невыносимой сложности на самом деле есть только одна-единственная настоящая проблема – проблема человека. Все технические вопросы и социальные коллизии так или иначе разрешимы, если условия задачи исходят из единства начальных аксиом и целостности конечных целей. Кредо классического гуманизма чётко отчеканилось в знаменитой максиме: *человека должно полагать целью, а не средством*. Однако этот постулат не преодолел в нашем сознании барьера банальности и свёлся к лозунгу. А ведь Кант, если извлечь его мысль из пафоса, сказал очень страшную вещь: человека ни в ком из нас нет, но для каждого есть открытая возможность стать человеком. То есть *образ божий* существует в человеке потенциально, а не актуально. То, что положено на счёт человека в банке его личности, дано ему не на прожитие, а на осуществление собственного проекта. Не на покрытие издержек существования, а на производство своей сущности. Иначе говоря, не на жизнь, а на судьбу. Именно в этом смысл притчи о пяти талантах, поведанной в Евангелии от Матфея (25; 14–30). *Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет*. Жестокость заповеди снимается в значении *имеющему смысл*.

Кредо современного гуманизма философ Михаил Эпштейн сформулировал как коренную апорию: *Человек – пробел в своём знании о себе*. Судьба человека в том, чтобы потратить жизнь на заполнение этого пробела. В самом деле, когда ни хватись человека, он всегда, в любой исторический момент, стоит на распутье. Если человек не страдает хронической проблемой выбора, значит, он или душевно пуст или связан в своих действиях. С присущей Льву Николаевичу Толстому эпистемологической беспощадностью в его поздней философской публицистике с вечного вопроса о человеке содраны ветхие покровы времени. Остается конечное неотвеченное: *как и зачем жить?* Остаётся в наследство всем грядущим поколениям как неоплатный моральный долг. Претензия однозначно ответить на этот вопрос – опасная глупость, грозящая падением в новую утопию. Попытка снять его с повестки дня – преступная слепота, чреватая человеческой катастрофой.

Христианство в истории ментальности утвердилось как задача совлечь с себя ветхого человека и актуализировать образ божий как парадигму личности. При всей грандиозности созданной на этом основании христианской цивилизации приходится признать, что основная цель не достигнута. В критике христианства от Эразма до Фрейда и далее новозаветный человек исчез в анализе. На месте краеугольного камня – зияние. Столь неизъяснимое в прежних понятиях, что стало возможным говорить о конце гуманизма. Декларацию прав человека составляли лукавые рабы, которые не внесли ни единого слова об обязанностях. Все юридические гарантии, данные обществом человеку, фактически огораживают резервацию, где он обитает в диком виде, – как Адам в раю до грехопадения. Вектор гуманистической традиции повёрнут с точностью до наоборот. В прежнюю концепцию развития личности был заложен императив преодоления греховности (укрощения *своего животного*, как называл это Толстой), а в современную – принцип политкорректности, то есть признание легитимности греха. Фактически произошло фундаментальное изменение условий человеческого существования. Потребительское общество гарантирует маленькому человеку средства к существованию ценой отказа от цели. Постмодерн как душевное состояние точнее всего передаёт метафора Милана Кундеры: *невыносимая лёгкость бытия*.

Как альтернатива обществу потребления ныне актуализируется необходимость этической и экологической цивилизации, все предпосылки которой можно найти в учении Толстого. Её суть тоже может быть выражена метафорой: *блаженная тяжесть жизни*.

Выбор стратегии в поисках человека как цели истории стоит следующим образом: психоанализ или диалектика души. Или, иначе, кто будет крестным отцом грядущего века: Достоевский или Толстой. И что бы ни говорили мы в сердцах о конце литературы, её роль в этом выборе будет решающей. Именно за ней последнее слово в прении о душе человека. Или – последнее молчание.

Иосиф Бродский в эссе «Катастрофы в воздухе» высказал глубоко ошибочную мысль, что *русская проза пошла за Толстым, с радостью избавив себя от восхождения на духовные высоты Достоевского*. На самом деле это дважды не так. Русская литература даже в кандалах соцреализма была тайно увлечена Достоевским – и увлечена не в высоту, а в бездну. Мераб Мамардашвили определил психологию как трещинку в бытии. Усилиями независимых мыслителей в эту трещинку вбивался парадокс за парадоксом, пока глубину души не затопили сточные воды подсознания. Хайдеггер со свойственным ему глубокомыслием определил язык как *дом бытия*. В Писании же сказано: *дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Матф.12:25). Таким образом катастрофа произошла не в воздухе, а в базисе сознания – в языке описания субъективной реальности человека. То есть в литературе. Именно здесь аналитика человека дошла до полного нигилизма. Души в человеке не оказалось, вместо неё – дыра, и оттуда ледяное дыхание Ничто.

Кризис гуманизма означает, что проблема человека была поставлена неверно. Не человек плох. Ему не с чем себя сравнивать. Человеку плохо. Он потерял себя из виду. Он болен. Болезнь сознания можно обозначить как функциональное расстройство личности. История искусств по сути не что иное как анамнез, то есть история болезни. Современное искусство читается как диагноз. Или как приговор истории. Общими усилиями старую мораль раздели донага и загнали в пятый угол. Поэтому во главу угла ставился Достоевский. Искусство будущего ожидается как прогноз, нацеленный на исцеление. *Исцеление*: восстановление человека как цели. Поэтому в центре внимания сегодня Толстой. Спекулятивный разум современности завис в виртуальной реальности парадоксов. Гений Толстого стремился повернуть сознание к простым

истинам и вечным ценностям. То, к чему было направлено его учение, в современных понятиях можно определить как перезагрузку метафизической программы.

Удел человека – совершить труд своей жизни в радости сердца своего. О чём он забывает в суете существования. Полагая благополучие целью, человек становится лишь средством достижения благополучия. Орудием сизифова труда и оружием собственного поражения. Священное вещество существования перегоняется в топливо тщеславия. Жизнь проходит... проходит мимо. Метафизика возвращает человека к изначальным условиям его удела. В притче о пяти талантах Христос заповедал каждому человеку трудиться над развитием данных ему от Бога способностей. Не для того, чтобы встать над людьми, а чтобы подняться над собой. Если хотите – исполниться по Божьему замыслу. Один из знаменитых проповедников XIII века францисканский монах Бертольд Регенсбургский определил удел человека в пяти измерениях обычной жизни. Он назвал их известными всем словами, но истолковал как пять даров Господа каждому человеку: *персона – служба – имущество – любовь – время*. При всех изменениях условий человеческого существования эти параметры человеческого существа остаются главными. Это своего рода система координат – пять измерений, по которым определяется место человека в мире. Потеря ориентации переживается как утрата смысла жизни.

Персона (мы бы сказали: личность) в философском смысле есть возможность и необходимость себя как человеческой уникальности. Это чудо, творимое ежечасно: быть собой. Самое главное достояние каждого и предмет всяческого попечения – *наша собственная персона, каковую Господь сотворил по собственному образу и подобию и облагородил, даровав ей свободу воли*. От осознания ответственности дух захватывает счастливая тревога. Я есть! ... и этот факт установлен мною как точка опоры всей жизни. Но это лишь отправная точка, от которой линия жизни прочерчивается на конечную цель. У каждого, кто обнаруживает в себе свободу, есть биография, которая читается как история личности. И в этом плане человек не предсказуем и неисчерпаем, что является для литературы гарантией на будущее. Патология нормального развития личности – эгоцентризм. Коллапс субъективности. Мир современного человека открыт на все четыре стороны света, но горизонт неподвижен.

Служба, или (применительно к нашему веку) должность, призвание, профессия (а ещё точнее – место в иерархии) – это социальная функция индивида. Никто не есть сам по себе, да и сам для себя немного значит, если он ничего не значит для других. Частность человека наполняется из общего, и наполняется парадоксально: когда он берёт – убывает, а когда отдаёт – возвеличивается. Нет существа несчастней лишнего человека. В самых критических обстоятельствах человек долга может сохранять чувство собственного достоинства. Согласно максиме, любимой Толстым: *делай что должно, и пусть будет что будет*. Потеря ориентации в этом направлении искажает личность в сервиллизм или в карьеризм. Как следствие в обществе неизбежен авторитаризм – или исчезновение авторитета. В том и другом случае разложение общества и кризис государственности. То, что случилось у нас.

Имущество – отношения человека с вещами. Пожалуй, это самый опасный из всех даров. В славянском языке *добро* означало и собственно имущество, и благо вообще. И в этом был очевидный смысл. Знание – сила, а владение – власть. Но этот обоюдоострый меч мог защитить от козней судьбы, а мог поразить в сердце своего владельца. И тогда – легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому войти в рай. По-

нятие *священная собственность*, порождённое протестантской этикой капитализма, означает не только права хозяина многих вещей перед прочими людьми, но и его ответственность перед Богом. Кому многое дано, с того много и спросится. (Кто бы объяснил это олигархам...) Извращения вещного отношения к миру в социальном плане дали такие общественные формации как советский социализм и западный консюмеризм. Как недостаток, так и избыток вещей губительны для массового человека.

Любовь. Самое главное – любовь. Настолько главное, что в предельной концентрации вся суть истинной веры вмещается в три слова: *Бог есть любовь*. Если давать метафизическое определение любви, то она не что иное как радостное согласие на бытие и согласие внутреннего голоса с ангельским хором. Короче: счастье. Как правило, нелёгкое. Но глубина переживания гармонии с миром с лихвой окупает все душевные затраты. (Не говоря уже о материальных.) Когда человек любит другого человека, он видит его таким, каким того задумал Бог. Поистине: любящий ближе к Богу, чем верящий.

Может быть, из всех десяти заповедей для нас насущно необходима лишь одна. Одна – и та в краткой редакции: *возлюби...* Возлюби – и этого будет достаточно для спасения. В то время как идеологию настоящего времени можно обозначить одним словом: *секстремизм*. Экстремизм сексуальных революционеров принёс не меньше зла, чем терроризм политических радикалов. Мир, заляпанный спермой, в той же мере не божий мир, как и мир, залитый кровью. И следует признать, что в этической энтропии современной культуры в значительной мере совиновна литература (русская до последнего времени в меньшей степени, чем прочие). Во искупление этой вины критерием истинной литературы должна стать способность к любви.

Время. Хотя время (по мнению Бертольда) создано Богом и остается Его собственностью, оно дано в безраздельное пользование каждому человеку. Душа человека тоскует о вечности, но реальная возможность *быть* даётся человеку лишь единожды – как бы взаймы. И величайшая глупость – потратить её на пустяки. Пульс крови соразмерен ритму часов. Фатальный лимит времени повышает экзистенциальное напряжение до силы мощностью в тысячи лошадей. Силы, движущей сознание через пустыню отчаяния и преодолевающей трясину сомнения. Потому что (как сказал блаженный Августин) всё, что кончается, слишком коротко. Тем более что срока своего никто не знает – и эта неопределённость стократ увеличивает ставку на каждое мгновенье. Физическое время отслаивается и отстаивается в субъекте – и возвращается истории как эпоха. Извращение чувства времени, характерное для нашей эпохи, можно определить как *хроноцентризм*. Самодовольное ощущение *конца истории* (Фрэнсис Фукуяма) лишает современного человека духовной перспективы.

Со времён Средневековья по наше время изменилось всё – и ничего не изменилось. То, что трактовал как насущное средневековый монах, и то, чем мучился гений Толстого, суть одно и то же. Определение места человека в мире. Пять талантов личности – необходимые и достаточные условия человеческого достоинства. Они существуют как слагаемые в озадаченности человека самим собой. В сумме выходит жизнь. Причём от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

В тяжёлые времена войны или чумы человек прячет свои сокровища. Зарывает таланты в землю. А в дни изобилия и веселья не вспоминает о них. Пока не обнаружит сосущей пустотой нехватку самого главного. Нехватку себя. Чтобы быть дальше, человек должен собраться из осколков. Человек должен собраться с силами. Собраться

с мыслями. С душевными силами. С ясными мыслями. Он должен поверить в своё предназначение быть человеком. Быть целью для самого себя. Достижимой – и недосягаемой. Может ли Бог создать камень, который не сможет поднять? Бог его знает... Может ли Лев Николаевич Толстой поставить вопрос, на который сам не сможет ответить? Может. *Как и зачем жить?* Ответа нет, но есть ответственность. Решения нет, но есть решимость.

Единственный доступный всем способ трансценденции – это искусство. Именно искусство создает способы обнаружить в себе нечто свыше себя. Если отвлечься от канонической филологии и впасть в логоцентрическую ересь, то можно сформулировать следующий постулат: *литература поставлена как ловушка на человека*. Тот образ божий, который брезжит тайно в каждом из нас, наиболее отчётливо проявляется в шедеврах литературы. Литература – волшебное зеркало, в которое человек вглядывается в надежде увидеть в себе нечто иное, чем он сам. Литература – сказочный ларец, откуда человек извлекает больше, чем вкладывает. Катарсис – реакция синтеза: переживание идеального происходит как присвоение. Читая, человек наращивает свою сущность по всем пяти измерениям за счёт внутренней энергии литературы. *Энергия заблуждения* (Толстой) переходит в *вещество жизни* (Платонов). Впрочем, это уже чистая метафизика.

Так было – или, по крайней мере, в это верилось. Теперь же картина иная. Современная культура чем дальше, тем больше вырождается в массовую культуру. Она наладила массовое производство дешёвых заменителей духовных ценностей. Она перерабатывает вторсырьё – отходы человеческой жизнедеятельности. Аудиовизуальная агрессия загоняет массового человека в виртуальный мир, из которого нет выхода. Лишённая первородства литература генерирует в текст тотальную тщету, отзывающуюся в человеке то смертной тоской, то смертельной скукой. Как и зачем жить?

Может быть, по аналогии с теологией, следует говорить о катафатической и апофатической антропологии. Утвердительной и отрицательной. Всё существенное, что сказано о человеке, высказано в качестве его критики. Время утверждения человека, видимо, ещё не наступило и, судя по всему, наступит не скоро. Но до той поры каждая эпоха должна производить переучёт талантов, данных человеку для преследования самого себя как конечной цели.

РУССКИЙ, СЛАВЯНСКИЙ, КОСМИЧЕСКИЙ...

Некоторым русским словам нет аналогов в других языках. В русском языке, как в колыбели, пестовалась космическая терминология.

Сейчас уже многие подзабыли, что на Руси в старину слово «язык» было синонимом слова «народ». Долго ещё после нашествия на Россию объединённых сил Европы бытовало выражение «Наполеон Бонапарт с двенадцатью ЯЗЫК». Да и бессмертные строки Пушкина «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, и назовёт меня всяк сущий в ней ЯЗЫК» — они ведь тоже говорят именно о народах России. Но если это так, то народ и его язык находятся в такой органической связи, что один без другого не может существовать. Иными словами, в языке народа живёт его душа.

Говоря о языке и душе русского народа, нельзя не вспомнить, что для многих иностранцев оба эти понятия представляют некую тайну. Язык наш сравнительно труден для изучения, а выражение «загадочная русская душа» давно стало устойчивым словосочетанием. На мой взгляд, суть этой сложности и загадочности состоит именно в уникальности целого ряда понятий, свойственных языку и национальному характеру русского народа, а также родственных ему украинцев и белорусов.

Например, в русском языке есть слово «**истина**». Но есть и слово «**правда**». При этом мы никогда их не путаем. Иногда объединяем, употребляя «истинная правда». Этим самым «истине» придаётся некий особый статус. Если «правда» — это одновременно «соответствие действительности, честность, правота и справедливость», то «истина» — это ещё и философская категория, означающая «адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно», и «утвержде-

ние, проверенное опытом», и «непререкаемое положение». В английском, немецком и других германских языках такого разделения нет. Английское **Truth** и немецкое **Wahrheit** переводятся на русский как «**правда**» или «**истина**», но в обратном переводе оба русских слова возвращаются в одно английское и одно немецкое. Вроде бы ничего особенного. Однако знаменитый вопрос: «Что есть **истина**?» воспринимается совсем иначе, нежели: «Что есть **правда**?». Может быть, именно эта языковая «экономия» и привела к возникновению протестантизма — упрощённой, экономной, буржуазной версии христианства, а с ней — и протестантской этики... Интересно, что во французском и вообще романских языках понятие «истина» есть, а протестантизм в романоязычных странах не прижился, в отличие от германоязычных...

Другое удивительное слово — «**совесть**». В немецком языке слову «совесть» соответствует **Gewissen**, то есть «вина». Во французском — **conscience** (в смысле «мораль»). То же и в английском. Но согласитесь, что совесть, вина и мораль — совсем не одно и то же...

Слово «**подвиг**». О нём писал ещё русский художник, поэт, философ и путешественник Н. К. Рерих: «...Непереводимое, многозначительное русское слово «подвиг». Как это не странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительно того значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдётся что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению. Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» — это не совсем то: «доблесть» — его не исчерпывает; «самоотречение» — опять-таки не то; «усовершенствование» — не достигает цели; «достижение» — имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперёд, — это «подвиг»! Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс — это и дало России её великодушных героев... Человек подвига берёт на себя тяжкую ношу и несёт её добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях... «Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание...».

Ещё одно сугубо русское понятие — «**пошлость**». В своё время на эту тему размышлял В. В. Набоков: «На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть распространённого порока, для которого три знакомых мне языка не имеют специального обозначения. Отсутствие того или иного термина в словаре какого-нибудь народа не всегда означает отсутствие соответствующего понятия, однако мешает полноте и точности его понимания. Разнообразные оттенки явления, которое русские чётко выражают словом «пошлость», рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определённого целого». Действительно, по-английски оно толкуется как «узость, банальность, грубость, непристойность», по-французски, — «заурядность, очевидность, плоскость (плоские шутки), тривиальность», по-немецки — «заурядность, низость (низменность), безвкусица, непристойность».

Справляясь у авторитетного психолога и психиатра: «Что такое пошлость с точки зрения твоих наук?». Ответ: Пошлость как примитивность мышления и речи бывает иногда симптомом психической болезни... Но тебя же интересует пошлость как категория нормальной психики? Тогда записывай: в литературе, искусстве, просто в

общении пошлой считается грубая мыслительная конструкция, составленная с использованием малого количества ассоциаций и окрашенная примитивными, неразвитыми эмоциями». Спасибо, доктор!

Нечто сходное было и у В. В. Набокова, который, анализируя творчество Н. В. Гоголя, вносит в понятие пошлости такие формулировки: «**мнимо** значительное», «**мнимо** красивое», «**мнимо** глубокомысленное», «**мнимо** увлекательное»... Читая «Мёртвые души», Набоков видит в главном герое («новом русском» XIX века) концентрат из всех тех сторон пошлости, что могут нравиться людям с неразвитыми эмоциями: *«какой-то лоск, какая-то пухлость, и её глянец, её плавные очертания... Колоссальный шарообразный пошляк Павел Чичиков... отплясывает в ночной рубашке... а под конец в экстазе бьёт себя по пухлому заду, то есть по своему подлинному лицу...»*. Отсюда Набоков выводит и ещё один существенный признак, а то и синоним пошлости — **буржуазность**. И даже более того: «**Чичиков** — всего лишь низко оплачиваемый агент дьявола, адский коммивояжер в АО «Сатана и Ко». Но «... пошлость, которую олицетворяет Чичиков, — одно из самых отличительных свойств дьявола».

Вот так одно простое русское слово позволяет понять сущность происходящих в мире событий и процессов — экономических, политических, культурных. И вряд ли случайно столь уникальные слова рождаются именно в русском языке. Нём очень хорошо сказал наш современный писатель Юрий Мамлеев: *«И это сокровище дано не просто так — оно вручено России и русскому народу для выполнения его высшей Миссии в мире. Это язык, который может выразить почти невыразимое, выразить провал, пропасть, язык, соединяющий несоединимое и проникающий в самые недоступные сферы метафизического Сокрытого — поэтому индусы с основанием полагают его «санскритом будущего» (то есть священным языком). Одно звучание русской речи имеет в чём-то магическую силу, сочетание звуков и интонации русского голоса представляют уникальное явление в этом мире по своей красоте и, главное, по глубине, по глубине «подтекста», по глубине того, что стоит за этим звучанием и интонациями»*.

После советского космического прорыва (запуска первого искусственного спутника Земли и особенно полёта Юрия Гагарина) русские слова «**спутник**», «**космический корабль**», «**запуск**», «**ракета-носитель**» заполнили эфир и газетные страницы, зазвучали в песнях, тостах, выступлениях политиков и шутках эстрадных юмористов. Космическая терминология органично вошла в повседневный обиход русского языка.

Но тогда же в прессе появились сообщения, что языки некоторых народов планеты не содержат слов, которыми можно объяснить, что такое **звёзды, планеты, Солнечная система, Галактика и вообще Космос**, и тем более сложно рассказать об освоении космического пространства. Этому трудно поверить, но в ряде африканских стран понять смысл космических новостей могли только люди, владеющие европейскими языками — английским, испанским, французским...

А тем временем неграмотная старушка из сибирского городка, высмотрев движение искорки спутника в ночном небе, говорила, что скоро и человек полетит. колхозник-фронтовик с четырёхклассным образованием въедливо выпрашивал городского лектора, нельзя ли разогнать космический корабль, чтобы забросить его прямо на Луну. Мальчишки во дворах запускали модели ракет на оригинальном горючем из киноленты...

В чём же дело? Почему наши люди «от Москвы до самых до окраин» приняли штурм космоса как должное? Что сыграло решающую роль — система школьного образования, обилие научно-популярной литературы, доступность книг и журналов? Все эти факторы, конечно, внесли свою долю. Но главное — это русский язык, кото-

рый, как и другие славянские языки, с незапамятных времён впитывал и отражал всё, что говорит о мироздании.

Древнейший пласт русского фольклора — былины. Уже в них присутствуют космические мотивы. Вспомним, как встретились Микула Селянинович и Святогор-богатырь. Могучий Святогор пытается поднять с земли **«суму перемётную»**, в которой заключена **«тяга земная»**. За сколько же веков до открытия Ньютоном закона всемирного тяготения народная мудрость владела этой истиной! А сколько космизма в русских народных сказках и обычаях! **«Колобок»** это символ Солнца, проходящего путь зодиакальных созвездий, Масленичные блины тоже символизируют Солнце...

Поэтические строки «Слова о полку Игореве» на русском языке XII века, церковно-славянские тексты православных молитв и библейских сюжетов наполнены небесными образами. Вот, например, космическая история Еноха. Согласно тексту Ветхого завета, это был один из ближайших потомков Адама, о котором сказано, что прожил он всего 365 лет, и «Бог взял его». Канонический текст Библии этим ограничивается, а подробности приводятся в апокрифической «Славянской книге Еноха». Два странных, невиданно высоких человека передали Еноху волю Бога: «Не бойся, не страшись. Сегодня ты вознесёшься с нами на небо». Енох успел сказать сыновьям: «Я не знаю, куда иду, и что ожидает меня». Летательный аппарат он описал как «облако», на котором, по миновании «воздуха», достиг «эфира». Оттуда Енох увидел на Земле «сокровища снегов и льдов», а в небе — «тьму, темнее земной». Сопровождавшие Еноха «ангелы» за время полёта показали ему *«круги, по которым светила проходят, как ветер, продвигаясь вперёд с непостижимой быстротой и не имея дня остановки»*, расчёт путей Солнца, Луны... Прошедший курс наук по «небесным книгам», с записями своих впечатлений, Енох через 60 дней был возвращён к сыновьям. «Люди смотрели и не понимали, как Енох был взят». А иллюстрациями к древней книге могут служить знаменитые фрески Дечанского монастыря в Сербии, на которых изображены пилотируемые летательные аппараты явно космического назначения.

Космическое толкование ветхозаветного текста даётся именно в «Славянской книге». Это значит, что славянские языки, и русский в особенности, были наиболее приспособлены для передачи космических понятий даже в пору раннего Средневековья. Сменялись столетия, менялись их названия — «эпоха Возрождения», «эра Просвещения»... Католическая Европа высокомерно представляла православную Русь варварской страной. Но вот что интересно: в просвещённой Европе инквизиция контролировала научную мысль и жгла на кострах приверженцев учения Коперника. А Русская Православная церковь, которая тоже сурово наказывала за ереси, не знала никакой инквизиции. Даже слова такого в русском языке не было. Но зато были слова, позволявшие доступно изложить систему Коперника.

Его книгу в России перевели с латыни на русский сразу после её выхода в свет. Подробное описание теории Коперника было изложено в трактате «Зерцало всея Вселенныя». На городских рынках свободно продавалась большая печатная картина (вроде современного плаката) с изображением «глобуса земного и небесного», а также всех известных систем мира. Система Коперника была изложена такими стихами:

*Коперник общую систему являет:
Солнце в середине вся мира утверждает.
Мнит движимой земли на четвёртом небе быт,
А луне окрест ея движение творит.
Солнцу из центра мира лучи простирасти,
Убо землю, луну и звёзды освещати.*

Этот «плакат» можно было увидеть в доме православного священника, грамотного купца или ремесленника. И никого за это не преследовали. А инквизиция вынуждала Галилея, последователя великого славянского учёного, отречься от его теории. Галилей предлагал инквизиторам самим посмотреть в телескоп на Луну, Юпитер и Сатурн, но они категорически отказывались. А тем временем на Севере «варварской» России архиепископ Холмогорский Афанасий вёл астрономические наблюдения, используя в качестве обсерватории соборную колокольню. Это было в тех местах, где родился М. В. Ломоносов, который первым в мире наблюдал прохождение Венеры по диску Солнца и открыл атмосферу этой планеты...

Современник Ломоносова, странствующий философ и поэт Григорий Сковорода утверждал, что Вселенная складывается из трёх начал: **макрокосма, микрокосма и мира символов**. **Макрокосм** — это Большой космос. **Микрокосм** — человек. **Мир символов** — Библия. Значит, Космос, Человек и Слово — единое целое.

Космична и русская поэзия. «Открылась бездна, звёзд полна. Звездам числа нет, бездне — дна», писал Ломоносов. «В небесах торжественно и чудно. Спит земля в сияньи голубом» — эти строки Михаила Лермонтова вспоминает Юрий Гагарин, увидев с космической орбиты Землю «**в сияньи голубом**». Валерий Брюсов предсказал обособление изоморфизма микро- и макромира словами «*Быть может, эти электроны — Миры, где пять материков...*». Николай Гумилёв: «*Но он не мог упасть, Войдя в круги планетного движенья. Бездонная внизу зияла пасть. Но были слабы силы притяженья*». Он же прямо связал Слово с Космосом: «*В онный день, когда над миром новым Бог склонял лицо своё, тогда Солнце останавливали Словом...*»

Даже курьёзы русской жизни могут быть многозначительными. Так, в 1848 году некий ретивый московский начальник наказал мещанина Никитина за «*крамольные речи о полёте на Луну*» ссылкой в... Байконур. Как будто мало других мест в России!

И совсем не случайно русский космизм, связанный с именами Н. Ф. Фёдорова, К. Э. Циолковского, П. А. Флоренского, А. Л. Чижевского, В. И. Вернадского, Л. Н. Гумилёва, есть органичная и неотъемлемая часть мировой философии. А все её положения сформулированы на русском языке — великом языке космоса.

**Журнал «Свет»,
январь 2010 г.**

ЗОЛОТОЙ РЕБЁНОК

* * *

В окна звёзды заглянули,
Разболтались за стеклом,
Кошку с коврика спугнули,
Светом залили весь дом.
Я молчала, я терпела,
И хотя хотелось спать,
Ещё больше я хотела
Разговоры звёзд узнать.
Я лежала час, наверно,
И услышала в ночи:
«Там в кровати спит царевна»,
«Где? Не видно», — «Помолчи!»
«В глубине, у самой стенки,
Повернувшись на бочок,
Спит, обняв свои коленки,
Златовласый светлячок.
Целый день играл и прыгал,
Целый день болтал и пел,
Целый день ногами дрыгал,
И вот-вот взлететь хотел...
Не шумите, не будите,
Посмотрите и пойдём.
Если сильно захотите —
Завтра вечером зайдём...»
Так шептались звёзды тихо.
Стало за окном темнеть.
Луч скользнул по стенке лихо,
Чтобы что-то разглядеть.
Я за ним скользнула взглядом,
Тишина слегка звенит.
Луч запнулся... А с ним рядом,
Улыбаясь, дочка спит...

* * *

Я так люблю, когда, устав от бега,
Она садится рядом на диван,
И, ноги подогнув под клеткой пледа,
Вдруг говорит: «Ну почитай мне, мам!»

Я ей читаю... Увлекаясь сказкой,
Она порой перестаёт моргать,
Глаза сверкают радостью и лаской,
И даже страшно волшебство прервать.
Небрежным жестом, чтобы не мешали,
Откинет резко золото волос,
А у неё в глазах такие дали:
Моря, русалки, замки, сенокос...
Читаю ей... Украдкой любуюсь...
Она прижмётся ласково щекой...
И чувствую, что я сама волнуясь, —
Она волшебной кажется такой.

* * *

Я попросила у мамы щенка.
Мама сказала: «Мала ты пока»,
Я попросила собаку у папы,
Папа зачем-то сказал: «Жди зарплаты»...
Я ж не просила купить в магазине,
Можно в подъезде сходить к тёте Зине.
Там на площадке четыре щенка,
Толком ходить не умеют пока.
Я целый день пропадать там готова,
Гладить их, маленьких, снова и снова.
Как же родителям мне объяснить,
Что со щенком интереснее жить?

* * *

Ну надо же, она «уже большая»!
Ведь ей пять лет, она — «Хочу сама!»
Нахмурит брови, — до того смешная! —
И моет пол, как будто трёт слона.
Пыхтя старается — готовит ужин:
Вот овощи кромсает на салат
И говорит, что нож побольше нужен.
«Порежешься!» В ответ — с упрёком взгляд.
Пойдёт посуду мыть, считай, купаться,
Вернётся мокрая, уставший вид.
Я губы гну, стараюсь не смеяться,
Иначе нам не избежать обид.

Она «растёт», ей надо «развиваться»,
Откуда только слов-то набрала?
Ей мало просто бегать и смеяться,
Ей подавай «ответственность», «дела».
Весь выходной идёт в делах, заботах,
Я не мешаю и упорно жду:
Когда к «хозяйке» спать придёт охота,
Я тихо дом в порядок привожу...

* * *

Вчера за окошком прошёл снегопад,
Летели снежинки, спеша, невпопад,
Толкая друг дружку, врываясь в дома,
Безмолвно кричали, что это — зима!
Подхвачены ветром, кружились толпой,
Как в зеркале, в окнах любясь собой,
То вальсом, то полькой, летели с небес,
Осыпав салютом и город, и лес...

* * *

На ромашке я гадала
На Ванюшку и Илью,
Я тогда ещё не знала,
Что другого полюблю.
Илья очень симпатичный,
У него есть самокат,
А у Вани плеер личный,
Поделиться будет рад.
Я задумалась немножко:
Кто же мне сегодня мил?
Только вдруг пришёл Серёжка
И цветочек подарил...

* * *

Мне купили паровоз, новенький, блестящий.
Он пытит, бежит вперёд, словно настоящий,
Рельсы длинные под ним, чёрные, резные,
А ещё вагоны вслед — яркие, цветные...

* * *

Мы с Сашкой поймали жука,
Хотим его приручить,
Он, правда, глупый пока,
Не хочет кличку учить.
Мы кормим его травой,
Он в банке живёт на окошке,
Он маленький, добрый такой
И очень нравится кошке...

* * *

У моей сестрёнки длинные косички.
Бантики в горошек у моей сестрички,
Эти щёчки с носиком любят всё с пелёнок,
Говорят родители: «Золотой ребёнок!»
Всё, что хочет «ласточка», покупают сразу,
Куклол ей привозят, видно, по заказу.
Все её балуют, любят, обнимают...
Ах, как я ревную, лишь игрушки знают...

* * *

Стою, смотрю на тапочки
И глаз не поднимаю,
От мамочки и папочки
В который раз «страдаю».
Всегда вдвоём отчитывать
Родители стараются,
По одному воспитывать
У них не получается?
Ну да, разбила вазочку,
Я и не отпираюсь,
Ну да, сломала розочку,
Но я же честно каюсь.
Простите меня, бедную,
Я шкодница с пелёнок,
Любите меня, вредную,
Ведь я ещё ребёнок.

Поэзия народов кириллической азбуки. Из века в век. Татарская поэзия. Москва-Казань, 2010. — 702 с.

«Известен такой исторический факт, — пишет в предисловии «Алфавит — это судьба народов» автор проекта С. Гловюк, — когда всемирно известный английский драматург Бернард Шоу, понимая несовершенство английской версии латинского алфавита, объявил конкурс на его усовершенствование... получил тысячи писем с предложениями и ничего не смог сделать!.. Интересен и тот факт, что была создана именно кириллица, а не были использованы к тому времени давно существующий греческий алфавит, или та же латиница. Почему? Загадка!

Вместе со славянскими племенами на территории Евразии веками сосуществуют ещё две суперэтнические системы: тюркская и угро-финская. Это алтайцы, башкиры, казахи, татары, якуты, марийцы и многие другие. Эти древние народы имели свои языки и культуры, а немногое, как и славяне, те или иные варианты письменности. Но именно с приобщением их к кириллице и созданием на её основе письменности литературы на языках этих народов вышли на качественно новый виток развития».

Так родилась идея: в рамках издания «Из века в век» создать новую серию — «Поэзия народов кириллической азбуки».

В 2006 году вышел первый том — «Поэзия ханты-манси и ненцев», в 2008 — «Башкирская поэзия», в 2009 — «Якутская поэзия», в 2010 — «Татарская поэзия». Это солидное издание, содержание которого составили стихотворения на татарском и русском языках более чем ста татарских поэтов двух последних веков. Здесь наряду с именами Г. Тукая, Г. Камала, Дәрдемэнды, М. Гафури, Ш. Бабича, Х. Такташа, сказавшими ранее своё слово в мировой культуре, вы прочтёте стихи поэтов советского периода и уже идущих вслед за ними представителей нового поколения.

Богатый фольклор татарского народа веками питает его поэзию, побуждая и помогая творцам отразить в стихотворных строках состояние души человека, боль времени, его драматизм. Поэтому в России и за её пределами хорошо известны имена М. Джалиля, С. Хакима, Р. Валеева, Х. Туфана, З. Нури, Г. Рахима, А. Халима, Р. Файзуллина, Р. Миннулина, Р. Хариса, Ф. Тархановой и многих других татарских поэтов, чьи проникновенные строфы, конечно же, стали украшением столь представительного издания. И творческий процесс в республике продолжается. Согласно замеченному великим Тукаем: «У поэта бывают и горе, и грусть, / Он — как море, а море не знает покоя».

Связующая нить. Авторский коллектив. Брянск, 2009. — 158 с.

Обращение на титульном листе гласит: «Дорогой читатель! Книга «Связующая нить» рассказывает о лауреатах Всероссийской Тютчевской премии «Русский путь». Авторский коллектив поставил целью подать материал так, чтобы на Брянщине и за её пределами знали тех, кто своим творчеством и всей жизнью служил и служит Отечеству, русской культуре и по достоинству отмечен премией нашего земляка». Их 33. Поистине это — созвездие лучших представителей нашей литературы и общественной мысли.

Первым в этой плеяде заслуженно названо имя В. В. Кожина, филолога, публициста, историка и мыслителя. Он написал более 30 книг по теории литературы, поэзии, истории России, в том числе новейшей. Также множество

статей для периодической печати по проблемам государственного строительства, экономики, национальной и международной политики, литературы. Последние годы жизни Вадим Валерианович посвятил историческим исследованиям, развенчиванию псевдоисторических мифов о прошлом России. Книги Кожина давно стали настольными для миллионов читателей, на его идеях выросло два поколения русской национально мыслящей интеллигенции.

Среди лауреатов тютчевской премии читатель встретит и другие известные имена. С. Ю. Куняев — поэт, прозаик, публицист, редактор литературного журнала «Наш современник». «... Мы стараемся, чтобы острота событий сегодняшнего дня не затмила прошлое, не уведила от честных прогнозов на будущее. Наши позиции неизменны: любовь и боль России — кредо журнала», — говорит он. Читающему поколению не надо представлять писателя Петра Проскурина, известного далеко за пределами страны. Его романы «Горькие травы», «Имя твоё», трилогия «Судьба» и более поздние — «Число зверя», «Седьмая стража» и другие всегда были востребованы читателем. По ним созданы фильмы, они переведены на языки многих народов мира.

У доктора филологических наук профессора Г. В. Чагина увлечение творчеством Тютчева началось около 40 лет назад с романа «Я встретил Вас...». С тех пор написано множество книг, благодаря которым имя учёного-тютчевоведа стало широко известно не только у нас, но и за рубежом. Столь же логично вписалось в ряд лауреатов имя скульптора А. И. Кобилицы, автора прекрасного памятника Ф. И. Тютчеву в его музее-усадьбе в Овстуге. Алексей Кобилицин также создал и подарил музею галерею скульптурных портретов близких Тютчеву людей.

Как известно, значительную часть жизни Ф. И. Тютчев прожил за рубежом, из них 20 лет в Мюнхене, будучи атташе российской миссии. Здесь родились три его дочери. Этот период жизни Фёдора Ивановича изучал и описывал в своих книгах А. Э. Полонский, кибернетик, кандидат наук. Его труды высоко оценены культурной общественностью страны. Среди лауреатов также учитель-поэт В. Д. Гамолин, который создал первые экспозиции, проводил первые экскурсии в музее, был инициатором восстановления усадьбы и проведения народных праздников поэзии: поэты Н. Е. Палькин, Н. Н. Зиновьев, Е. А. Исаев, В. А. Костров и другие; писатель, публицист, политик, истинный патриот России Э. Ф. Володин; литературовед, ректор Литературного института, профессор Б. Н. Тарасов; кандидат сельскохозяйственных наук, бывший председатель местного колхоза, заместитель губернатора, наконец, уполномоченный по правам человека Брянской области Б. М. Копырнов. Как и в случае с В. Д. Галоминим, трудно перечислить всё, что сделал Б. М. Копырнов для возрождения родового гнезда Тютчевых. Как здесь говорят, он был неутверждённым прорабом на стройках усадьбы поэта много лет.

К сожалению, обо всех лауреатах Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь» и обо всём, что есть в этой замечательной, красивой книге, не расскажешь. А хотелось бы, ведь тираж её всего 250 экземпляров. Это дорогой раритетный подарок. Как девиз, как главная мысль книги звучат открывающие её слова Ф. И. Тютчева: «Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим».

Литературный Брянск. № 1(7), 2009. Альманах Брянской областной писательской организации. Брянск, 2009 — 216 с.

На обложке — Николай Рыленков, известный советский поэт, автор многочисленных стихотворных и прозаических книг, 100-летие со дня рождения которого отмечалось в минувшем году, а уж здесь — в его родном краю — особенно широко, тепло и сердечно. Огорчительно, что нынешние школьники не знают поэта, но люди старшего поколения восхищаются его светлой лирикой, полной любви к жизни, женщине, миру. «Разве ты не чувствуешь, что дымом/ Я пропах у роковой черты?! Что с

таким суровым, нелюдимым/ Будешь делать, ласковая ты?/ Но опять мне в грохоте и вое,/ Голос твой звучит как наяву:/ «Ты такой мне стал дороже вдвое,/ Я тебя такого и зову». Это о войне. Вслед за подборкой стихов Н. Рыленкова, открывающей сборник, читатель может познакомиться с творчеством современных поэтов — их здесь десятки имён.

А вот то, что встречается гораздо реже — драматургический жанр. Пьеса «Музыка» Ларисы Семенищенковой, кроме того что читается с неослабным вниманием, поднимает важнейшую сегодня проблему нравственности: идти ли к славе «по головам» — снова и снова талант и мерзость скрещивают шпаги. На реальных событиях основан рассказ Сергея Непши «В осаде», повествующий о страшном событии в районном городке, где криминальным группировкам удалось, используя праздничный день, настроить толпу против милиции и устроить настоящее побоище. Хотя и отодвинулись от нас, но свежи ещё в памяти годы конца минувшего века с уродливым разгулом бандитизма.

«Литературному Брянску», судя по «Слову к читателю», живётся нелегко: в ряду проблем, как и везде, финансовая поддержка журнала, публикующего наиболее талантливые произведения земляков. И нам, «аргамаковцам», это так понятно.

Под часами. Литературно-художественный альманах № 9. Кн. 1. — 255 с. Кн. 2. — 189 с. Смоленск, 2010.

Для культурной общественности Смоленского края нынешний 2010-й год знаменателен юбилейными датами двух прославленных поэтов. Это 100-летие со дня рождения А. Т. Твардовского и 110-летие со дня рождения М. В. Исаковского. Первая книга журнала открывается материалами из семейного архива Твардовских. Здесь неопубликованные стихи, письма, набросок к автобиографическому роману. Значительную часть объёма первой книги журнала занимает разговор о современной поэзии. Так откликнулся журнал на юбилейную дату второго знаменитого земляка М. В. Исаковского, который в 1968 году выступил со статьёй «Доколе?.. (о стихах и талантах)». Она вызвала много разноречивых откликов в то время, остаётся актуальной и сегодня. Альманах «Под часами» предложил литераторам продолжить начатый Михаилом Васильевичем разговор — уже о проблемах современной поэзии. Были мнения, мол, дискуссия не состоялась, да и вообще не нужна. И всё же, думается, журнал сделал верный ход. Во-первых, литературный процесс беспокоит многих. Во-вторых, как литературному журналу отметить знаменательную дату — дежурной статьёй? Уж лучше дискуссия. На страницах альманаха высказались поэты, критики, публицисты, и редколлегия приглашает читателей принять участие в продолжении дискуссии.

Вторая книга номера — это художественное чтение. Здесь много хороших рассказов как своих авторов, так и гостей из Москвы, Нижнего Новгорода. Есть пьеса про сумасшедший дом, сказка для детей. Рубрика «Культура, история» рассказывает об истории Свято-Троицкого Болдина монастыря, о молодёжном театре «Диалог». Здесь же исторический экскурс в 19 век — как жили, хозяйствовались, развлекались смоляне дворянского сословия.

Голоса Сибири. Литературный альманах. Выпуск 9-й. Кемерово, 2009. — 767 с.

С первых страниц альманах сообщает читателю о Межрегиональной культурно-просветительской акции «Диалог культур и литератур», в рамках которой прошли Пленум сибирских региональных отделений Союза российских писателей, встречи с общественностью, «круглый стол», презентации — с участием первого секретаря Союза Светланы Василенко и сопредседателя Михаила Кураева. Одним из организаторов акции стала редколлегия Всероссийского журнала для семейного чтения «День и ночь», редактор которого Марина Саввиных ответила на вопросы кемеровских писателей. Их здесь поддерживает губернатор Тулеев, а вот «Ди-

Новцам» приходится порой держаться на энтузиазме. Наша страна перестала быть самой читающей, и удивительно, что в этих условиях наблюдается рост числа пишущих людей. Но, может быть, именно поэтому кто-то из них обратится и к чтению, надеется М. Саввиных. Она подчеркнула, что содержание и смысл современного искусства видит именно в диалоге культур. «Диалогический журнал (а это для нас принципиально!) «День и ночь» создаёт пространство, в котором возникает целостная симфония голосов, подчеркнута разных. Мне кажется, это наша главная отличительная черта, привлекающая как авторов, так и читателей».

Далее на сотнях страниц альманах предлагает самое разнообразное чтение...

Вертикаль. XXI век. Литературно-художественный журнал. Выпуск 31. Нижний Новгород, 2010. — 224 с.

Наша рубрика снова откликается на — теперь уже 31-й выпуск «Вертикали». Журнал продолжает избранный путь — патристическую линию и православную. Открывают номер материалы к 100-летию Героя Социалистического труда, лауреата Государственной премии СССР В. А. Мюри-сеппа. Имя талантливого технолога и организатора отечественного самолётостроения вписано в историю. Эстонец по национальности, сибиряк по месту рождения, инженер по призванию в своих воспоминаниях рассказывает, как оперативно перестраивались горьковские авиастроители на нужды войны, и уже к концу 1942 года эскадрильи первоклассных истребителей (Ла-5) воевали на Сталинградском фронте, обеспечив полное превосходство нашей авиации в воздухе. А в воздушном параде над Красной площадью 7 ноября 1946 года участвовали уже первые реактивные истребители Ла-150. Тему народного подвига в Великой Отечественной войне продолжает «Слово редактора» В. Сдобнякова — «Нашей великой Победе — 65 лет», значения которой, как и советского периода нашей истории, недопонимают многие молодые люди — жертвы нынешней пропаганды, с горечью констатирует автор.

Беседы о русской истории (продолжение) «Державные строители России» ведёт в журнале Анатолий Парпара, поэт, публицист, профессор Московского университета культуры и искусства. О неистовом защитнике старой веры, подвижнике протопопе Аввакуме рассказывает Е. Галкин. Половина жизни Аввакума прошла на нижегородской земле, здесь начинался его духовный и творческий подвиг. Аввакум написал более 80 сочинений, главное из них — «Житие», пролежав под спудом 200 лет, восхитило потом читающую Россию... А ещё читателя порадуют в журнале повесть С. Щербакова «Солнцеликие одувачники», таитянские заметки В. Полеванова, алтайские этюды В. Сдобнякова, стихи, рассказы.

«Солёная подкова». Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. Выпуск седьмой. Москва, 2010. — 424 с.

Любопытное название, не правда ли? Оказывается, по имени лечебно-го грязевого озера на Кубани, откуда родом автор — критик, писатель, публицист. В ряду написанных им книг «Где спит казачья слава», «В поисках города Тмутаракани». Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», этнографические труды о кубанских песнях, пословицах, словарь кубанского диалекта и другие. В предисловии к данному сборнику говорится, что это новый тип литературного издания, призванный способствовать «возвращению в нашу жизнь духовных, литературных, человеческих понятий и представлений».

Содержание журнала вполне соответствует его концепции. И чтение вы найдёте здесь самое разнообразное. Горькие размышления о состоянии русской литературы сегодня. Собственный взгляд на поэму Пушкина «Медный всадник». В ней, сообщает П. Ткаченко, «затронуты такие стороны нашего народного и государственного бытия, которые всё ещё сохраняются. Кроме того, А. С. Пушкиным дано такое их понимание, которое в последующие времена оказывалось, скажем так, не вполне удобным». В рубрике «Современные мысли» вы прочтёте критическую статью «У церковной ограды» о внешнем и внутреннем смыслах создания, архитектуры, облика храма Святой Живоначальной Троицы в московском Борисове. Кстати, ранее эта статья не в полном объёме была опубликована в «Аргамак» (№ 2, 2010).

А знаете ли вы, что такое Мыланка? Один из святочных обрядов на Кубани, о которых рассказывает «Солёная подкова». Разумеется, есть в ней и рассказы, и стихи.

Пётр Ткаченко. Когда же произойдет смена вех?.. (новая смена вех). Москва, 2009. — 144 с.

В минувшем году литературная общественность отметила 100-летие сборника статей о русской интеллигенции «Вехи», от которого и по сей день — круги по воде. Такова его значимость. Авторы — а их семь — философы и общественные деятели попытались осмыслить революцию 1905—1907 г.г. и пришли к выводу, что закопёрщицей в этом стала та часть русской интеллигенции, в сознании которой утвердились идеи радикализма, революции, классовой борьбы, атеизма. Авторы сборника подвергли эти идеи резкой критике как разрушительные. Авторам досталось тогда немало негативной критики, а волна желаемых преобразований накрыла Россию, и в итоге — революция 1917 года.

В прошлом году «Литературная газета» печатала отклики на знаковый сборник, авторы которых рассматривали его концепцию с точки зрения нынешней истории. Об этом и книга Петра Ткаченко. Он не только солидарен с авторами «Вех», но подчёркивает, насколько актуален их труд сегодня. После катаклизмов начала минувшего века Россия поднялась, вновь обрела государственность (теперь уже при социалистическом строе) и... опять наступила на те же грабли: либеральная интеллигенция снова ввергла её в революцию, теперь уже «демократическую». Снова имеем разрушение культуры, экономики, нравственности, обнищание народа.

П. Ткаченко исследует лозунги и истинные мотивы организаторов переворотов, роль народа в них, значение философской мысли. Его аргументы убедительны, они обращены ко многим историческим личностям, поэтому статья читается с неослабным интересом. Как и следующие за ней — о трагедии и грехе русской философии, о тайне смерти Александра Блока, об эмигрантах, писателях-либералах и патриотах. П. Ткаченко имеет чётко очерченную позицию, с которой можно соглашаться или не соглашаться, но бесспорно главное: его книги заставляют думать.

Мусагит Хабибуллин. Божий дар. Исторический роман. Казань, 2007. — 335 с.

XIII век... Процветающая Волжская Булгария. Купцы, послы, путешественники, попав в столицу государства город Великий Булгар, любуются его архитектурой — красивыми мечетями, библиотеками, медресе, караван-сараями, банями, домами горожан. Глава страны Ильгам-хан всеми силами старается поддерживать мирные отношения с соседями — южными кипчаками, западными русскими, восточными монголами. К сожалению, мир неустойчив. Когда умирал Чингисхан, он собрал своих наследников и завещал им расширить империю до Адриатического моря. Чтобы все эти земли, сказал он, стали пастбищами для наших коней.

И вот теперь внук Чингисхана Бату-хан решил осуществить замысел деда. О подготовке к походу знает правитель Булгарии Ильгам-хан, знает от своих верных людей, работающих в ставке Бату-хана, и он понимает, что смертельная угроза нависла над его народом. Булгарские воины не раз отражали нападения монголов. Отобьёмся и теперь, думает правитель...

Но отбиться не удалось — слишком неравны были силы. Пала Булгария, пали русские княжества, пал Киев... В этой схватке погибает Ильгам-хан, его сподвижники и воины. Погибает и знаменитый, любимый народом поэт Кул Гали — имам Великого Булгара. Ярко и увлекательно описаны в романе жизненные пути его героев. Поучителен философский смысл романа: живущий праведно радуется жизни, безнравственный завоеватель неудовлетворён ею, и ожидают его печальные одинокие дни.

И всё же такое окончание романа не внушает пессимизма. Это одна страница истории, народ перевернёт её, и следующая будет иной. Принцип жить награбленным превращает его носителя в ленивого и беспомощного. А истинная «сила народа заключается в упорном труде и вере».

Диана Кан. Обречённые на славу. Стихи. Самара, 2009. — 240 ст.

В первом номере альманаха за 2010 год мы знакомили читателей с творчеством талантливой поэтессы, чьё имя известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Её называют ведущей российской поэтессой, а данная книга — седьмая по счёту в её литературном багаже. В предисловии к сборнику В. Лютый пишет: «Жизнелюбие — едва ли не уникальное свойство в современной литературе — есть примечательнейшая духовная черта поэзии Дианы Кан. Это движение сердца, ума охватывает в её стихах видимый земной мир и человеческое прошлое, оно устремлено в завтрашний день, вернее, к той черте, что отделяет сегодняшнюю непроглядную ночь от наступающего рассвета». О главном в творчестве Д. Кан лучше не скажешь. Читая современных поэтов, порой спрашиваешь себя: о чём это? Здесь иное: стиль — лаконичен, язык — народен, смысл — прозрачен. Можно бы привести в пример строчки, но возникает опасность процитировать всю книжку. Поскольку, без сомнения, её поймут и воспримут все, кто любит поэзию. Словом — читать, читать Диану Кан! Если, конечно, повезёт найти в библиотеках, толстых журналах, у ценителей. Тираж книги 350 экземпляров. А надо бы в тысячах, как печатали выдающихся поэтов в минувшем веке. Но время другое, мы об этом уже писали. А сама поэтесса говорит о нём: «Вот так и живём с ощущением утраты/ огромной страны, превращённой в туман.../ Мы не диссиденты и не демократы./ Мы дети рабочих и внуки крестьян».

Евгений Семичев. Аргуван. Стихи. Самара, 2008. — 236 с.

С творчеством известного русского поэта Евгения Семичева наши читатели познакомились во втором номере «Аргмака» за 2010 год. Данный сборник, восьмой по счёту, включает в себя несколько разделов. Половину его занимают переводы с аварского, тувинского и мордовского языков. Может быть, каждое стихотворение на родном языке звучит и ярче, и значимее, но из-под пера Е. Семичева вышла классическая поэзия, а значит, для всех — с ароматом собственного мироощущения того или иного народа.

Открывается же сборник поэмой «Аргуван», давшей книге имя. Так называют на Востоке дерево с багряными цветами, символизирующими любовь. «С детских лет неокрепший мой разум/ Будоражил персидский восток,/ Где в цветущей долине Ширази/ Бьёт поэзии чистый исток». Поэта завораживает и манит изысканная поэзия Востока, но изменчивое время вносит коррективы. Родина стала другой

страной, а «Разве Родину бросишь в беде?». Словом, «Разметалось кромешное эхо./ А Шираз ослепительный мой/ Не дождался меня, сам приехал/ И на рынке торгует хурмой».

О чём бы не писал Семичев, он остаётся правдивым и органичным, без красотостей и громких слов. Душа его героя — кошка-блудница, натаскавшая стихов, как котят. «И с меня Всевышний спросит,/ Чья безгрешная рука/ В них, сердечных, камень бросит/ Иль нальёт им молока». Конечно же, конечно! — наливаем молока.

Светлана Попова. Нота СИ. Стихи. Казань, 2010. — 304 с.

Автор — учитель русского языка и литературы с 40-летним стажем. Несколько лет назад вышла её первая книжка «Ода детству», посвящённая коллегам. В ней были стихи и конспекты уроков литературы. Например, по сказке Экзюпери «Маленький принц», тема — «Зорко одно лишь сердце...». Думается, так можно озаглавить не только урок, но и поэтическое творчество С. Поповой. Новый сборник неспроста называется «Нота СИ». Нота Си — самая высокая на нотном стане. Обнажённой душой прикасается автор к миру и — обманывается, мучится, любит, ждёт, верит... «Всё чаще я вижу во сне/ Родную деревню и старый колодец,/ В какой это было стране?». И обратиться тут можно к одному-единственному человеку: «О мама, не дай мне пропасть,/ Студёной воды принеси, хоть однажды/ Напиться, наплакаться всласть...» По нынешним временам книга не мала по объёму, в ней несколько разделов, из каждого можно процитировать многое.

Александр Бочкарёв. Душа моя. Стихотворения. Казань, 2010. — 102 с.

Это шестой поэтический сборник сельского учителя. На всю жизнь он остался верным своей малой родине, своему делу. «Алеют окна в деревенской школе/ Румянцем догорающего дня.../ Удерживает, словно на приколе,/ Деревня тёплой памятью меня». Здесь он размышляет о прожитом, о смысле жизни, о единении человека и природы, и сам настолько органично вписался в этот мир, что «Ходил босой по Млечному пути,/ Пока другие люди просто спали». И теперь «Когда летит упавшая звезда,/ Душою замирая на минуту,/ Одно и то же думаю всегда:/ Пройтись по небу довелось кому-то».

В лирике А. Бочкарёва привлекает его оглядка на предков. Сам-то он силён этой связью, но обеспокоен тем, как поселить великую память в души внуков. «У этой вот иконы самой,/ Её лампадного огня/ Молилась бабушка за маму,/ А после мама за меня./ И по душевному веленью/ Молюсь за то, чтоб эта связь/ Родных по крови поколений/ И после нас не прервалась».

Владимир Макаренков. Ворота во мгле. Смоленск, 2009. — 120 с.

В. В. Макаренков — поэт, публицист, автор пяти стихотворных сборников, председатель Смоленского отделения Союза российских писателей. Новая книга состоит из двух частей — «Вселенский излом» и «Ворота во мгле». Здесь немало трагических строк — скорбит душа, понёсшая утрату. «Я на кисть намотал с неба пойманный луч/ И хлыстом ощущаю ладони». Здесь немало философских размышлений о бренности жизни, о несовпадении ощущений лирического героя с окружением. «Как мир глубок для радостей моих!/ ... Как мелок мир для горестей моих!». Вот он, вселенский излом. В статье об этой книге О. Григорьева — автор стихотворных, очерковых, детских книг пишет: «Ощущение «Вселенского излома» родилось в авторе, конечно, не только из-за личной трагедии. «Эпохой разложения и вражды» называет он наше время. Космический излом, в который попала не только страна, но и вся земля, виден пока не всем, но поэтическое зрение автора рисует картины грядущего Апокалипсиса. Но при прочтении всей книги остаётся впечатление чего-то светлого и чистого. Наверное, оттого,

что остаётся надежда и вера... Поэт по-прежнему видит красоту мира, по-прежнему восхищается каждым созданием Божиим... Но ворота всё-таки есть. И поэт уже видит дорогу к ним». Вот почему название второй главы стало названием книги.

Валентина Зикеева. Старый двор. Стихи. Казань, 2010. — 70 с.

Автор — казанская учительница, обладатель Гран-при Международного конкурса русскоязычной поэзии в Израиле. Этот сборник — её третья книжка. Это светлая лирика с тонким чувством природы, неожиданными образами, с обращением к детству, напитавшему поэтессу этим чутьём, обращением к дорогим людям. И хоть в старом дворе «чужие лица смотрят из окна», всё равно — «Туда! Туда хочу опять,/ Где память светлая осталась,/ Чтоб ненадолго, пусть на малость,/ Но откатилось время вспять...» Полны искренности и тепла строки, обращённые к Вилю Мустафину, замечательному человеку, поэту и Учителю, которого помнит и чтит культурная общественность нашего края: «Усади меня в светлой кухне,/ Угости ароматным чаем./ Видишь: в окнах уже набухли/ Почки клёнов, весну встречая». Есть посвящения Ахматовой, Цветаевой, Мандельштаму, Тушновой. Есть триолеты — французское восьмистишие с двумя рифмами, есть переводы с татарского и французского. Словом, под изумительно красивой обложкой маленькой книжечки любитель поэзии непременно найдёт что-то интересное для себя.

Наталья Первова

Наши авторы

стр. 35 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время – председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного альманаха «Аргатак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор девяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве.

Живёт в Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» (г. Санкт-Петербург).

стр. 156 АХУНОВА Наиля Гарифзяновна – поэт, сценарист, драматург. Родилась в Альметьевске. Живёт в Казани. Лауреат премии имени М. Горького (2008), член Союза писателей РТ. Закончила Казанский институт культуры (1986). Работала художником, библиотекарем, журналистом. Руководитель литературного объединения «Белая ворона» Казанского медуниверситета. Автор девяти книг, составитель и редактор десяти альманахов поэзии ЛИТО КГМУ. Стихи, сказки, публицистика и переводы с татарского языка Наили Ахуновой публиковались в местных и московских изданиях, а также в Интернете. Заслуженный работник культуры РТ.

стр. 31 ГОФМАН Владимир Николаевич родился в г. Горьком Горьковской (ныне Нижегородской области). Закончил авиатехникум, истфилфак университета им. Лобачевского и Московскую Духовную семинарию.

С 1984 по 1996 год жил в Набережных Челнах, работал редактором газет «Камские зори», «Вести КамАЗа», «Дюжина», «Отчий край», активно посещал занятия литобъединения «Орфей». В Набережных Челнах в его биографии произошёл важный этап – журналист решил стать священнослужителем, к чему стремился едва ли не с самого детства.

Ныне отец Владимир – священник Нижегородской епархии Русской Православной Церкви, соведущий еженедельной телепередачи «Свете Тихий» (канал «Культура»). Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы, а также трех пьес для детей (две – в соавторстве). Лауреат премии им. Бориса Корнилова (поэзия, 1983), Эдуарда Касимова (публицистика, 1990), Нижнего Новгорода (проза, 2003).

стр. 224 ГРИШАНОВА Татьяна Владимировна (Татьяна Майская) родилась в 1978 году в городе Набережные Челны.

В 1999 году закончила Торгово-технологический колледж по специальности «Менеджер общественного питания» (красный диплом), в настоящее время продолжает образование в институте управления.

С ноября 2008 года работает в ООО «ТД Челны-хлеб», на данный момент занимает должность руководителя отдела по работе с персоналом. Воспитывает дочь Ксению.

стр. 219 ДОРОЖКИН Николай Яковлевич родился в городе Моршанске Кемеровской области в 1935 году. Окончил физико-технический факультет Томского Государственного университета. Работает в Центральном НИИ машиностроения (г. Королёв). Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, действительный член Российской академии космонавтики. Автор книг стихов, прозы, публицистики. Стихи Н. Я. Дорожкина публиковались в журналах «Юность», «Техника-молодёжи», в газетах «Московский литератор» и «День литературы», научно-популярные статьи выходили в «Независимой газете», в журналах «Терра инкогнита», «Знак вопроса», «Чудеса и приключения», «Наука и религия» и других. Член Союза писателей России.

стр. 154 ЖУРАВЛЁВА Ольга Владиславовна родилась 11 июля 1960 года в городе Кирове. Её поэтический талант был замечен и раскрыт отцом Владиславом Николаевичем. Он отнёс первые стихи пятнадцатилетней дочери в заводскую газету «Голос рабочего», где они были опубликованы. Ольга – член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников, лауреат литературных премий, а также член Союза журналистов России. Она работала в областных газетах, на телевидении и радио. Радиопрограммы Ольги Журавлёвой награждены дипломами международных и всероссийских фестивалей. Её журналистский труд также отмечен грамотой Союза Женщин России. Имя Ольги Журавлёвой занесено в книгу «Женщины – лидеры вятского края», она участница проекта «Женщины Вятки – краса и гордость России».

стр. 214 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны

с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 155 ИНЮТИН Евгений Анатольевич пишет стихи более 20 лет. Автор четырёх поэтических сборников. Печатается в альманахе «Литературный Кисловодск», участвует в работе литературного объединения «Форум», которым руководит член Союза российских писателей Станислав Подольский.

стр. 98 КЕРДАН Александр Борисович родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооружённых Силах. Полковник запаса. Доктор культуры. Автор 35 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге и на Урале. Лауреат литературных премий, среди которых международные: «Честь и Отечество», «Золотое перо», всероссийские: «Традиция», имени А. Грина, имени П. Бажова, имени генералиссимуса А. Суворова и др. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

стр. 152 КУДРЯВЦЕВ Николай Георгиевич родился в 1956 году в селе Покровское Елабужского района. Трудовую биографию начал в Нижнекамске в 1975 году в качестве художника-оформителя. Служил в Советской Армии на Дальнем Востоке.

В Набережных Челнах живёт с 1983 года. Является членом творческой изостудии «Мета-3», активно участвовал в деятельности городского литературного объединения «Орфей».

В 1996 году в московском издательстве «РИФ-РОЙ» издана книга стихов «Душа и плоть», проиллюстрированная автором. Стихи, проза и публицистика Н. Г. Кудрявцева печатались в газетах и журналах. Автор двух персональных выставок живописи.

стр. 146 МАЛОВ Иван Петрович родился в 1956 году в селе Кинделя Ташлинского района Оренбургской области. Служил в армии.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Стихи публиковались в «Комсомольской правде», «Литературной газете», альманахах «Истоки», «Поэзия», «Башня», «Чаша круговая», журналах «Урал», «Уральский следопыт», сборниках «Шёл отец...», «Ты, солнце святое, гори!», школьной хрестоматии по краеведению, других центральных и региональных изданиях.

Автор восьми поэтических книг.

Член Союза российских писателей.

Живёт в Оренбурге.

стр. 44 МАТВЕИЧЕВ Александр Васильевич родился в 1933 году в Татарстане, в деревне Букени Мамадышского района. Окончил Казанское суворовское (1944—1951) и пехотное училища (1951—1953). Лейтенантом командовал пулемётным и стрелковым взводами в Китае и в Прибалтике. После демобилизации из армии в декабре 1955 года учился в Казанском авиаци-

онном институте, где получил диплом инженера-электромеханика. В студенческие годы регулярно посещал и представлял на обсуждение свои рассказы в литературном объединении при Доме-музее М. Горького в Казани.

Пройдя все ступени инженерных должностей, карьеру завершил главным инженером крупного научно-производственного объединения и директором предприятия. Депутат райсовета трёх созывов. В 70-х годах XX века более двух лет проектировал электроснабжение и автоматизацию цехов никелевого комбината на Кубе; этот период жизни стал основой крупного романа «El Infierno Rojo – Красный Ад».

С 1993 года работал журналистом в редакциях газет, переводчиком с английского и испанского языков, помощником депутата Госдумы, а затем – Законодательного собрания Красноярского края. В девяностых годах избирался сопредседателем и председателем демократических общественных организаций Красноярского края и Сибири.

В настоящее время является президентом Английского клуба при Красноярской научной библиотеке и Почетным председателем «Кадетского собрания Красноярья».

Стихи, повести, рассказы Александра Матвеевича постоянно публикуются в журналах, альманахах, антологиях. Автор более десяти книг. Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

стр. 182 МАЛЫШЕВ Сергей Владимирович (1950 — 2007) родился в Казани, окончил мехмат Казанского государственного университета. Член Союза писателей Республики Татарстан, автор нескольких книг стихотворений и множества переводов татарской поэзии на русский язык. Лауреат литературной премии имени Г.Р. Державина, заслуженный работник культуры Республики Татарстан.

стр. 64 МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич, поэт, прозаик, переводчик, родился в г. Касимове в 1941 году. В 1961 году окончил Касимовский индустриальный техникум, позже – Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии. С 1981 года, работал редактором в Лениздате. Г. Морозов – автор более десяти поэтических сборников, вышедших в издательствах «Художественная литература», «Советский писатель», «Современник», «Детская литература», «Лениздат». Своеобразие художественного языка Г. Морозова состоит в использовании народной фольклорной интонации и классического русского стиха.

Живет в городе Касимове Рязанской обл.

стр. 12 ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась 23 августа 1958 г. в городе Куйбышеве Татарской АССР (ныне г. Булгар). С двух лет по настоящее время проживает в Елабуге.

Окончила физико-математический факультет Елабужского пединститута, отделение журналистики Казанского госуниверситета. В журналистике с 1981 года. В настоящее время редактор отдела елабужской районной газеты «Новая Кама». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

стр. 226 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем – на литейном заводе редактор объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей. Член Союза российских писателей.

стр. 24 ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович – поэт, критик, прозаик, журналист, переводчик; член Международной Ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной Федерации журналистов; действительный член Петровской Академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России.

В настоящее время работает советником председателя Комитета по телекоммуникациям и СМИ города Москвы.

Родился 12 мая 1954 года в Донбассе, работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литфонда России. Окончил заочную Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор 16 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран.

Член редсоветов журналов «Всероссийский Собор» (С. — Пб), «Север» (Петрозаводск), «Донбасс» (Донецк), «Роман-журнал, XXI век» (Москва), «Десна» (Брянск), «Бийский Вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), «Сура» (Пенза), редколлегий альманаха «День Поэзии» и других изданий.

Участник выездного Пленума Союза писателей России в Чечне, Конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и нескольких Всемирных Русских Народных Соборов. Был руководителем ряда совещаний молодых писателей, творческих семинаров, литературных фестивалей и мастер-классов.

стр. 149 ПОПОВ Василий Николаевич – член Союза писателей России, родился в 1983 году в городе Ангарске Иркутской области. В настоящее время живёт в Москве. Автор двух поэтических сборников, вышедших в Москве. Стихи публиковались в «Литературной газете», «Литературной России», «Роман-журнале-21 век», журнале «Наш современник», журналах «Русское эхо» (Самара), «Траектория творчества» (Калуга), «Братина» (Москва), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Приокские зори» (Тула) и других изданиях России. Лауреат Всероссийской поэтической премии «Соколики русской земли».

стр. 105 ПОТАПОВ Владимир Владимирович родился в 1949 году в Хабаровском крае в семье военнослужащего. Окончил художественно-графический факультет Орловского пединститута в 1971 году.

Работал художником, начальником бюро эстетики, режиссёром документального кино на КамАЗе, старшим художественным редактором Упрполиграфиздата, преподавал в Брянском художественном училище, в детских школах искусств.

Автор поэтических книг: «Фрески», «Свирель», «Штрихи дождя», «Избранное», его стихи неоднократно публиковались в журналах «Новый мир», «Подъём», «Молодёжная эстрада», «Сельская молодёжь», «Наш современник», «Пересвет», «Десна», «Ока», «Южная звезда», «Российский колокол», «Север», в коллективных поэтических сборниках, выходивших в Казани, Москве, Туле, Брянске, Набережных Челнах.

Владимир Потапов — член Союза писателей и Союза художников России, лауреат премии им. А. К. Толстого «Серебряная лира». Живёт в Брянске.

стр. 148 СЕЙДАМЕТОВА Карина Константиновна – родилась в 1984 году, член Союза писателей России. Участник всероссийских семинаров-совещаний молодых писателей в г.Каменск-Уральский Свердловской области (2007г.) и г.Выкса Нижегородской области (2008г.). Автор поэтических книг «Лазурь» и «Позимник», изданных Самарским отделением Литературного Фонда России. Стихи публиковались в журналах «Сура» (Пенза), «Роман-журнал-21 век» (Москва), «Литературной газете». Студентка заочного отделения Московского Литературного института им.А.М.Горького. Живёт в Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 23 СКВОРЦОВ Константин Васильевич родился в 1939 году в Туле, в детские годы вместе с родителями переехал в Златоуст Челябинской области. Здесь окончил среднюю школу, а в Челябинске — институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Имеет патенты на изобретения.

Однако, в судьбе инженера произошёл резкий поворот к поэтическому творчеству. Первые сборники стихов К. Скворцова были изданы Южно-Уральским книжным издательством. Ныне он автор стихотворных пьес на исторические темы, книг лирических стихотворений, томов избранных произведений. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Лауреат многих литературных премий. Секретарь правления Союза писателей России. Имеет государственные награды.

стр. 72 ТИТОВ Арсен Борисович родился в 1948 году в Бирском районе Башкирии, окончил исторический факультет Уральского государственного университета, писать начал в 1982 году, автор 13 книг прозы, многих публикаций в России и за рубежом, лауреат трех Всероссийских и нескольких региональных премий, сопредседатель Союза российских писателей, живет в Екатеринбурге.

стр. 151 ТИМОХИНА Ольга Георгиевна – поэт и переводчик с русского, украинского, болгарского, немецкого, татарского и крымскотатарского языков. Переводчик стихов и поэм татарского поэта-фронтовика танкиста Салиха Шакировича Замалева на украинский «На священных землях» (2003, Симферополь) и на русский «Сквозь бури», (2005, Харьков). Автор 18 книг, большин-

ство из которых написаны для детей, лауреат премии Автономной Республики Крым. Родилась в 1945 году на Украине в Запорожской области, в селе Долиновка Верхнехортицкого района. Долгое время проживала в Крыму. С 2006 года живёт в Калуге.

стр. 159 ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился в 1950 году на Кубани, в станице Старонижестеблинской. Окончил Владикавказское высшее общевоинское командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках. Работал в журнале «Пограничник», в газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России.

Автор многих книг, в том числе «Где спит казачья слава», «Не для меня придёт весна...», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте» и других.

Составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», а также книг «Кубанские пословицы» и «Кубанские песни. С точки зрения поэтической». Живёт в Москве.

стр. 194 ТОПОРОВ Адриан Митрофанович (1891-1984 гг.) — просветитель, писатель, публицист, музыкант, языковед, библиограф и общественный деятель.

Культурно-просветительная работа А.Топорова началась еще до Октябрьской революции: сначала в Курской губернии, далее в Барнауле. На Алтае он стал одним из организаторов знаменитой коммуны «Майское утро», проводил уникальные читки художественной литературы. Со временем этот материал вошел в книгу А.Топорова «Крестьяне о писателях», сделавшую имя её автора известным не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Книга была высоко оценена М.Горьким, В.Вересаевым, А.Луначарским, Н.Рубакиным, В.Сухомлиным и др.

Адриан Митрофанович прошёл через лагеря и тюрьмы печально знаменитого ГУЛАГа, ссылку в Татарию и Казахстане. Дружил и переписывался с А.Твардовским, М.Исаковским, С.Залыгиным и другими писателями.

А.Топоров — автор книг «Я — учитель», «Однажды — и на всю жизнь», «Воспоминания», «Мозаика» и др. В конце своей жизни он также подготовил 900-страничную рукопись мемуаров «Я — из Стойла» — по названию села, в котором родился, и которая до сих пор не опубликована в её полном виде.

стр. 112 ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской

школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодежной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана. Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже.

Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С. Т. Аксакова и его сыновей: И. С. Аксакова и К. С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии.

Возглавляет Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда, музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С. Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов.

В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы — русские? Всего мира Надежду и Утешение». С 2009 г. — почётный гражданин г. Уфы.

стр. 209 ШАВАЛИЕВА Саня Абдрахмановна родилась 11 октября 1964 года в городе Губахе Пермской области. После окончания средней школы в 1982 году переехала в Набережные Челны. Работала на заводе двигателей. После окончания Ижевского политехнического института с 1990 года работала инженером-технологом в Технологическом Центре КамАЗа.

Сотрудничала с редакциями газет «Светлый путь», «Камские зори», «Вечерние Челны», «Челны ЛТД», «Шахи Чаллы» и журналом «Аргамак» г. Набережные Челны: сказки, рассказы, игры. В детской газете «Серебряный колокольчик» (издание на татарском и русском языках) имела постоянную рубрику: «Сказки на каждый день».

В 1998 году выпустила книгу «Сказки маленького дракончика» (на татарском языке). В 1999 году — книгу «Три букета сказок» (на русском языке).

11 октября 2000 года принята в Союз писателей России. В 2010 году успешно закончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (г. Москва).

стр. 158 ШАХРАЙ (Яшкина) Ольга родилась в Челябинске, откуда в 17 лет с друзьями уехала на строительство КамАЗа. Осознанно стихи стала писать в подростковом возрасте.

Печататься начала с 15 лет в городских газетах и журналах. Позже появились публикации в журнале «Огонёк», в коллективных сборниках челябинских авторов. В 1977 году переехала в город Старый Оскол Белгородской области, где прочно связала свою жизнь с журналистикой.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ОБ «АРГАМАКЕ» И НЕ ТОЛЬКО.....3

СОБЫТИЕ МИНУВШЕГО ГОДА

ЧЕРЕЗ ЛЕТЕЙСКИ ВОДЫ.....12

АКСАКОВСКАЯ ОСЕНЬ.....18

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

В НАДЕЖДИНЕ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА.....23

ДЫХАНИЕ ВОСТОКА

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ ПРОРОКА МАГОМЕТА24

О ГЛАВНОМ

ВЛАДИМИР ГОФМАН

ВЕЧНАЯ СКАЗКА31

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ДУША ОТКЛИКНУЛАСЬ ДУШЕ35

РУССКАЯ ПРОЗА

АЛЕКСАНДР МАТВЕИЧЕВ

ВОДА ИЗ БОЛЬШОГО КЛЮЧА44

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

КОГДА ЗА ОКНАМИ СВЕТАЕТ.....64

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

АРСЕН ТИТОВ

ТОВАРИЩ ЧЕ И БОЖЕНЬКА.....72

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

УМЕНЬЕ ПАУЗУ ДЕРЖАТЬ98

ВЛАДИМИР ПОТАПОВ

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ.....105

ОЧЕРК

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ.....112

ГОЛОСА РАССТОЯНИЙ

ИВАН МАЛОВ г. Оренбург146

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА г. Новокуйбышевск Самарской области.....148

ВАСИЛИЙ ПОПОВ г. Москва.....149

ОЛЬГА ТИМОХИНА г. Калуга	151
НИКОЛАЙ КУДРЯВЦЕВ г. Набережные Челны	152
ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА г. Киров	154
ЕВГЕНИЙ ИНЮТИН г. Кисловодск	155
НАИЛЯ АХУНОВА г. Казань	156
ОЛЬГА ШАХРАЙ г. Старый Оскол	158
СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ	
ПЁТР ТКАЧЕНКО	
ПОСЛЕ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА.....	159
ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ	
СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ	
ЖИТЬ — ИНТЕРЕСНО.....	182
ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА	
НА ДНЕ ТИШИНЫ.....	191
АРХИВНАЯ ПОЛКА	
ИЗ ПОЧТЫ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	192
АДРИАН ТОПОРОВ	
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ	194
ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»	
АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ	
ПУТЬ К ДОБРУ	209
САНИЯ ШАВАЛИЕВА	
МАГАЗИН ИГРУШЕК. СЕРЕНАДА НА СТРУНАХ ДОЖДЯ. САНИЯНЫ — САНИЯДЫ.....	210
НЕФОРМАТ	
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ	
ЛОВУШКА НА ЧЕЛОВЕКА.....	214
НИКОЛАЙ ДОРОЖКИН	
РУССКИЙ, СЛАВЯНСКИЙ, КОСМИЧЕСКИЙ.....	219
МАМА, ПОЧИТАЙ!	
ТАТЬЯНА МАЙСКАЯ	
ЗОЛОТОЙ РЕБЁНОК	224
ИЗДАНО В РОССИИ	226
НАШИ АВТОРЫ	234
ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: V МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ	
XX МЕЖДУНАРОДНЫЙ АКСАКОВСКИЙ ПРАЗДНИК	
ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ВЛАДИМИРА ПОТАПОВА	
ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: «ЗИМНЯЯ ЯБЛОНЯ». ХУДОЖНИК В. ПОТАПОВ	

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**, тел. **(8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19**.

Представительство в Москве: **8-965-359-84-54**

Литературно-художественное издание

Аргамак. Татарстан

Подписано в печать 20.01.2011 г.

Формат 70х100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 2000 экз. Заказ Р37

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

春風輕暖日初長
燕子剪輕盈

丁巳年春月
畫於...

